2Б 62
30 Белор.
П52
Полоцко-
Витебск.
старина
1912

ПОЛОЦКО-ВИТЕБСКАЯ СТАРИНА.

ИЗДАНІЕ ВИТЕБСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССІИ.

ВЫП. II.

ВИТЕБСКЪ.
1912
Типо-Лит. Насл. М. Б. Неймана.

DБ
30 Белорус.
П52

ПОЛОЦКО-ВИТЕБСКАЯ СТАРИНА.

ВЫП. II.

ИЗДАНІЕ ВИТЕБСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССІИ.

ВИТЕБСКЪ.
1912
Типо-Лит. Насл. М. Б. Неймана.

Дублет
Гос. Публ. Б-ка
Обмен

21 руб.

Печатается по постановленію Совѣта Витебской Ученой Архивной Комиссіи.

Предсѣдатель Комиссіи **Кл. Тихомировъ.**

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
496863

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Іезуиты въ восточной части Бѣлоруссіи съ 1579 по 1772 годъ. **И. Я. Митрошенка**. . . . . 1—120

Полоцкій князь Всеславъ и его время. **Д. С. Леонардова**. . . . . 121—216

Мѣстечко Бѣшенковичи (Витеб. губ.). **И. С. Рябинина**. . . . . 217—248

Матеріалы для исторіи Отечественной войны 1812 года, извлеченные изъ Витебскаго Губернскаго Архива (продолженіе). Сообщ. **М. А. Мельникова**. . . . . 249—298

Рисунки крѣпостей, построенныхъ по повелѣнію Царя Ивана Грознаго послѣ завоеванія Полоцка, въ 1563 году. Съ 6-ю рисунками. **А. П. Сапунова**. . . . . 299—313

Къ біографіи участника боевъ подъ Полоцкомъ, Клястицами и Чашниками, георгіевскаго кавалера, генералъ-маіора Дамитрія Львовича Игнатьева. **В. С. Арсеньева**. . . . . 315—320

Замѣтка объ участникѣ боевъ подъ Витебскомъ, командирѣ Л.-Гв. Коннаго полка генералъ-маіора М. А. Арсеньева (съ портретомъ). **В. С. Арсеньева**. . . . . 321—325

Привилегіи, данныя королями польскими г. Витебску. Сообщилъ **А. П. Сапуновъ**. . . . . 327—336

Памяти героевъ Отечественной войны, участниковъ сраженій подъ Витебскомъ. **Е. П. Николаева**. . . . . 337—349

Стран.

Чей прахъ покоится въ нишѣ Полоцкаго Софійскаго Собора?. (Съ портретомъ архіепископа Полоцкаго Флоріана Гребницкаго). **А. П. Сапунова**. . . . . 351—358

Торжественное открытіе и освященіе памятника героямъ Отечественной войны въ г. Витебскѣ 6 декабря 1912 года. **С. П. Сахарова**. 359—367

Іезуиты въ восточной части Бѣлоруссіи съ 1579-го по 1772-й годъ.

Введеніе.

Обыкновенно съ именемъ іезуитовъ соединяется представленіе о цѣлой корпораціи, сперва возникшей въ Римѣ, а потомъ разсѣявшейся по многимъ странамъ свѣта и имѣвшей главной цѣлію своей дѣятельности, какъ распространеніе католическаго просвѣщенія, такъ и пріобрѣтеніе новыхъ членовъ для латинской церкви. Отсюда уже ясно, что характеристическими признаками іезуитовъ являются, какъ ихъ педагогическая профессія, такъ и миссіонерская проповѣдь латинства въ тѣхъ, преимущественно, странахъ, гдѣ оно было или совсѣмъ не извѣстно, или не имѣло желательной для папистовъ силы и авторитета. Вмѣстѣ же съ этимъ, естественно, намѣчается и планъ работы для желающаго изобразить историческое пребываніе іезуитовъ въ той или иной мѣстности и въ ту или другую эпоху. Въ частности, исторически извѣстное существованіе іезуитовъ въ восточной части Бѣлоруссіи, естественно, предполагаетъ у изслѣдователя его установленіе и обрисовку, какъ опредѣленнаго момента появленія іезуитовъ въ этомъ краѣ, такъ и опредѣленіе начала и развитія школьной и миссіонерской дѣятельности со всѣми ихъ послѣдствіями здѣсь для латинства и латинской церкви. Детали, сопутствующія этому расчлененію вопроса объ іезуитахъ въ восточной части Бѣлоруссіи, могутъ быть представлены въ слѣдующемъ видѣ.

Первоначальное появленіе іезуитовъ въ Бѣлорусскомъ краѣ прежде всего должно остановить вниманіе изслѣдователя на вопросахъ ихъ внѣшняго благоустройства и прочности положенія, какѣ главнѣйшихъ условіяхъ возможности не только школьно-миссіонерской іезуитской работы, но и самаго ихъ существованія здѣсь. Этотъ вопросъ о матеріальной сторонѣ быта іезуитовъ въ восточной части Бѣлоруссіи при наличности благопріятныхъ данныхъ для своего разрѣшенія въ выгодномъ для іезуитовъ смыслѣ еще долженъ привести и къ мысли о степени подготовленности Бѣлорусской почвы для работы на ней пришельцевъ. Лучшимъ критеріемъ для выводовъ въ послѣднемъ случаѣ и должны послужить данныя, говорящія объ успѣхѣ или неудачѣ первыхъ шаговъ іезуитовъ на Бѣлорусской почвѣ. Степень приближенія и осуществленія іезуитами цѣлей своего существованія въ Бѣлоруссіи и должна показать какъ и почему были встрѣчены неожиданные гости Бѣлорусскимъ населеніемъ.

Просвѣтительная дѣятельность іезуитовъ, какъ лицъ стяжавшихъ общепризнаваемую популярность на педагогическомъ поприщѣ, предполагаетъ у изслѣдователя ея прежде всего опредѣленіе мѣста, времени и количества, созданныхъ іезуитами, центровъ знанія и воспитанія въ Бѣлорусскомъ краѣ. Необходимымъ коррективомъ къ этому обзору іезуитскихъ коллегій съ чисто внѣшней стороны должно послужить установленіе характера всей школьно-педагогической системы іезуитовъ здѣсь. Вопросъ о томъ, какія цѣли преслѣдовала іезуитская школа и какими средствами она ихъ достигала, естественно, долженъ стать существенною частію въ рѣчи о іезуитскомъ просвѣщеніи.

Наконецъ, рѣчь о миссіонерской дѣятельности іезуитовъ въ восточной части Бѣлоруссіи необходимо должна соединяться съ обрисовкою какъ условій и обстановки проповѣди латинства, такъ и самаго характера распространенія католическаго исповѣданія вѣры среди Бѣлорусскаго населенія. Общегосударственная жизнь съ опредѣленными санкціонированными государственною властію взглядами на религію и свободу совѣсти,—характеръ и развитіе мѣстной религіозной жизни предполагаютъ прежде всего оцѣнку ихъ значенія какъ

факторовъ положительнаго или отрицательнаго свойства въ дѣлѣ насажденія іезуитами католицизма въ Бѣлоруссіи. Основнымъ же звеномъ во всей цѣпи разсужденій о миссіонерскомъ подвигѣ іезуитовъ въ восточной части Бѣлоруссіи должно послужить точное опредѣленіе какъ тѣхъ пріемовъ и методовъ собственно іезуитскаго миссіонерскаго вліянія на Бѣлорусскія массы, такъ и тѣхъ послѣдствій для латинства здѣсь, которыя являлись въ конечномъ результатѣ.

И М.

Часть I.

Водвореніе Баторіемъ іезуитовъ въ Полоцкѣ.

Ко времени вступленія на польскій королевскій престолъ Семиградскаго воеводы Стефана Баторія іезуиты успѣли разсѣяться по многимъ городамъ и селамъ Польши и Литвы. Врашава, Вильно, Краковъ, Брунсбергъ—эти важнѣйшіе политическіе центры въ польско-литовскомъ королевствѣ—были въ то же время и значительнѣйшими средоточіями іезуитской дѣятельности. Пропаганда павшаго въ своемъ авторитетѣ католичества, борьба съ реформатскимъ движеніемъ, вообще вербовка новыхъ подданныхъ папскому престолу и возвращеніе отторгшихся совершались здѣсь іезуитами съ необычайною энергіей и воодушевленіемъ [1]). Высшіе и средніе разсадники духовнаго просвѣщенія были монополизированы іезуитскими профессами. Краковская академія—гордость польскаго народа и выразительница его національнаго самосознанія—принуждена была выдержать самую ожесточенную борьбу съ іезуитами за самое свое существованіе [2]). Сѣть низшихъ школъ, открытыхъ тѣми же іезуитами, покрывала также многочисленные пункты польско-литовской территоріи. Практиковавшіеся въ школахъ пріемы іезуитской педагогіи и широко разливавшіяся изъ костеловъ волны іезуитской проповѣди созидали могучее вліяніе іезуитовъ на умъ и сердце польскаго народа. Прежде индифферентныя къ латинству—теперь воспитанныя іезуитами, польскія народныя массы снова устремились къ католическимъ костеламъ. Колебавшіеся авторитеты папства и латинства, благодаря стараніямъ іезуи-

---

[1]) Кояловичъ. „Чтенія по истор. З. Р." стр. 191—192. Załęski „Iezuici w Polscie" т. 1 ч. 1 стр. 132—242.

[2]) Демьяновичъ „Іез. въ З. Р." стр. 26 „Іезуиты чаще всего занимали пустовавшія зданія училищъ, такъ называемыхъ колоній Краковской Академіи". Ср. Чистовичъ „Очеркъ"... ч. 1 стр. 99—102.

товъ, воскресли въ Польшѣ, окруженные ореоломъ прежняго величія [1]). Одновременно же съ этимъ слабѣй и рѣже становились ряды польскихъ кальвинистовъ [2]); тревожнѣй и стѣснительнѣе дѣлалось положеніе и православныхъ польскихъ подданныхъ. Знатнѣйшіе роды польской шляхты и магнатовъ, увлеченные „схизмой кальвинизма", усиліями іезуитскихъ миссіонеровъ были возвращены въ лоно католической церкви. Съ равнымъ напряженіемъ шла іезуитская работа и среди „схизматиковъ". Многіе изъ нихъ приняли подданство и вѣрность папскому престолу. Встревоженная этимъ православная іерархія вмѣстѣ со своею паствою въ польскомъ королевствѣ была вынуждена къ организаціи обществъ братчиковъ какъ для защиты родной вѣры, такъ и для самообороны въ обыденной жизни отъ іезуитскихъ хитростей и притѣсненій [3]).

Гордые своимъ успѣхомъ польско-литовскіе іезуиты не удовлетворяются, однако, достигнутыми результатами. Свѣтъ католической правды они стремятся разлить и за предѣлами польско-литовской территоріи. Дальновидный взоръ іезуитовъ прежде всего остановился на той богатой нивѣ для ихъ подвиговъ миссіонерскаго дѣланія, каковою представлялась сосѣдящая съ Литвою православная Бѣлоруссія. Къ тому же, и полная разруха латинской церкви по всей Бѣлоруссіи во второй половинѣ XVI вѣка [4]) помимо сожалѣнія и скорби, естественно, возбуждала въ іезуитахъ—носителяхъ латинской правды—и миссіонерское рвеніе. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что Виленскіе іезуиты въ 1573 г. впервые снарядили миссію въ Бѣлорусскій край [5]). Ареною миссіонерской дѣятельности былъ избранъ городъ Орша съ едва замѣтными слѣдами когда то существовавшаго здѣсь католицизма. Не болѣе сотни разсѣянныхъ и въ Оршѣ и по всему Оршанскому повѣту католиковъ, почти совсѣмъ не знавшихъ ни костела ни ксендза, не могли составить желательнаго контингента

---

[1]) Демьяновичъ „Іез. въ З. Р." стр. 28.

[2]) Кояловичъ „Чтенія"... стр. 192 ср. Чистовичъ „Очеркъ по исторіи"... ч. 1 стр. 91—92.

[3]) Кояловичъ „Чтенія"... стр. 196.

[4]) Rostowski говоритъ, что въ 1579 г. въ Полоцкѣ было не больше десятка католиковъ. „Lituanicarum S. J." стр. 87.

[5]) Załęski „Iezuici"... т. IV ч. 3 стр. 1056.

слушателей для іезуитскихъ катехизаторовъ. Неожиданные гости и самозванные учителя были встрѣчены православнымъ населеніемъ, въ лучшемъ случаѣ, съ затаеннымъ недовѣріемъ. Къ тому же, миссіонерствовавшимъ іезуитамъ приходилось проповѣдывать съ большою осторожностію. Власть Московскаго православнаго царя, на территоріи котораго дѣйствовали іезуиты, внушала имъ не мало опасеній. Всякое недовольство противъ іезуитскихъ миссіонеровъ со стороны православнаго духовенство могло свободно привести къ непріятнымъ для іезуитовъ дѣйствіямъ со стороны Московскаго правительства. Въ томъ же 1573 г. Виленскіе іезуиты возвратились обратно. Ихъ миссія, носившая случайный, временный характеръ, не могла дать, конечно, осязательныхъ результатовъ для развитія католицизма въ Бѣлоруссіи. Она явилась болѣе поучительной для самихъ миссіонеровъ.

Іезуитамъ стало ясно, что двери Бѣлоруссіи могутъ быть открыты для ихъ свободной дѣятельности въ ней лишь при существенно измѣнившихся условіяхъ. Они привыкли свободно дѣйствовать подъ покровомъ свѣтской власти. Въ Бѣлоруссіи же іезуиты не могли разсчитывать на благожелательное отношеніе къ себѣ и своему дѣлу со стороны иновѣрнаго Московскаго правительства. Послѣднее не только подъ вліяніемъ велѣній своей религіозной совѣсти, но и по государственнымъ расчетамъ не могло допустить свободнаго развитія католицизма въ исконно православномъ русскомъ краѣ. Естественно, что только переходъ Бѣлоруссіи изъ рукъ Московскаго царя подъ власть польскихъ королей могъ представить іезуитамъ желанную арену для ихъ ревностнаго служенія во благо католичества и славу папскаго престола. Польскіе іезуиты ясно сознавали всѣ выгоды для нихъ отъ такого оборота дѣла, а потому, какъ только открылась война Грознаго съ Баторіемъ изъ-за Бѣлоруссіи, они приняли въ ней живѣйшее участіе.

Стефанъ Баторій еще на конвокаціонномъ сеймѣ 1575 г. далъ торжественное обѣщаніе возстановить польское королевство въ его прежнихъ границахъ[1]). Такимъ образомъ, уже въ это время онъ окончательно предрѣшилъ вопросъ о войнѣ съ Грознымъ Москов-

[1]) Демьяновичъ. „Іез. въ З. Р.“ стр. 61.

скимъ царемъ изъ-за Бѣлоруссіи. Клятва Баторія, какъ нельзя больше, была въ соотвѣтствіи съ іезуитскими чаяніями проникнуть въ Бѣлорусскій край и прочно укрѣпиться въ немъ. Но поскольку для осуществленія іезуитскихъ чаяній была необходима не одна только побѣда Баторія надъ Грознымъ, но и личное благоволеніе къ нимъ вновь избраннаго короля, іезуиты, когда открылась война Поляковъ съ Русскими, своимъ личнымъ участіемъ въ ней стремятся привлечь къ себѣ королевскія симпатіи. Какъ только тронулись войска Баторія къ границѣ Бѣлоруссіи, іезуиты сразу же примкнули къ нимъ.[1]) Отправляя среди воиновъ капелланскія обязанности, они брали на себя еще и такой трудъ, который могъ быть по силамъ даже не всякому полководцу. Своими воодушевленными рѣчами, направлявшимися къ восхваленію польскаго королевства и превознесенію храбрости и самоотверженности польскаго народа, іезуиты возбуждали въ королевскомъ войскѣ чрезвычайную отвагу.[2]) Щедрою рукою раздавая райскіе вѣнцы (конечно на словахъ) всѣмъ павшимъ въ битвѣ съ русскими, іезуиты многихъ побуждали идти въ бой, не считаясь ни съ какими опасностями для жизни и совсѣмъ не дорожа послѣднею. Этотъ трудъ іезуитовъ среди королевскаго войска не ускользнулъ, конечно, отъ внимательнаго взора короля. Баторій, которому дороги были всякіе сотрудники въ военномъ дѣлѣ, не могъ не чувствовать признательности іезуитамъ. Естественно, что въ это же время для нихъ широко раскрылись и двери королевской палатки. Получивъ, так. обр., свободный доступъ къ королю, іезуиты своими обольстительными рѣчами и начинаютъ мало-помалу овладѣвать его сердцемъ. Почва для королевскаго довѣрія къ нимъ была подготовлена уже ихъ отмѣченною дѣятельностію. Понятно, что іезуитамъ теперь легче было добиваться королевской поддержки и имъ и всему ихъ дѣлу, на которое они тянулись въ Бѣлоруссію. Свои затаенныя думы они могли теперь свободно предлагать королю въ видѣ самыхъ широкихъ плановъ, не опасаясь быть ни непонятыми ни отторгнутыми. Искусно разыгрывая роль благожелателей польскаго народа и

---

[1]) Демьяновичъ упоминаетъ іезуита Латерну сопутствовавшаго Баторію. „Іез. въ З. Р.“ стр. 61.

[2]) Ibidem.

друзей короля, они не могли теперь смущать Баторія своими исключительными видами на Бѣлорусскій край и его православно-русское населеніе. Наоборотъ, широко развертывавшіеся планы миссіонерства,—какъ средства ассимиляціи новыхъ королевскихъ подданныхъ съ прежними, у мудраго политика Баторія могли пробудить только сочувствіе. Равнодушный католикъ—Баторій былъ чутокъ ко всему, что могло служить интересамъ его государства. Между тѣмъ, побѣдоносное шествіе Баторія по Бѣлоруссіи было остановлено у Полоцка. Крѣпость стѣнъ и мужество полочанъ требовали большихъ усилій съ его стороны, чтобы сломить эти твердыни. Начавшаяся осада Полоцка была неудачна для Баторія по своимъ первымъ результатамъ. Приступы Баторіева войска были удачно отбиты полочанами. Самому Баторію пришлось ютиться въ Спасскомъ православномъ монастырѣ неподалеку отъ Полоцка.[1]) Въ это тяжелое для короля время и развернулась іезуитская дѣятельность во всей своей силѣ. Почти непрекращавшаяся съ начала войны работа іезуитовъ средп королевскаго войска въ этомъ пунктѣ велась съ удвоенною энергіей. Удобный случай выслужиться предъ королемъ и пріобрѣсти его наибольшее расположеніе къ себѣ использывается іезуитами самымъ тщетельнымъ образомъ. Они произносятъ самыя пламенныя рѣчи среди войска, чтобы поднять его упавшій духъ. Кипѣла работа іезуитовъ и въ Спасской квартирѣ короля, почти ставшей уже и ихъ резиденціей. Баторій конечно, не мало смущался своими первыми неудачами подъ Полоцкомъ. Его напряженныя усилія взять городъ разбивались еще и дѣйствіями природы, какъ будто ополчившейся на защиту полочанъ.[2]) Долговременные и сильные дожди дѣлали всѣ усилія Баторія безуспѣшными. Іезуиты пользуются всѣми этими обстоятельствами въ своихъ цѣляхъ укрѣпиться въ Бѣлоруссіи и стараются придать имъ религіозную оцѣнку. Они совѣтуютъ Баторію обратиться къ небесной помощи. И сами они неустанно въ присутствіи короля молитвенно обращаютъ взоры къ небу съ мольбою о побѣдѣ надъ полочанами. Баторій—этотъ прежній индифферентъ въ дѣлѣ вѣры—теперь прислушался къ совѣтамъ іезуитовъ. Подъ вліяніемъ ихъ онъ не только

[1]) Rostowski „Lituanic... стр. 81. Załęski „Iezuici w Polscie“... т. 1 ч. 1. стр. 261.

[2]) Демьяновичъ. „Іез. въ З. Р.“ стр. 61.

положился въ извѣстной мѣрѣ на помощь неба, но и выразилъ свою надежду на послѣднюю въ исключительномъ обѣтѣ. Онъ торжественно клянется по взятіи Полоцка основать въ немъ іезуитскую коллегію.[1]) Сказать съ точностію, какія мысли и планы соединялись у Баторія съ основаніемъ коллегіи въ это время—нѣтъ возможности. Несомнѣнно только одно, что отмѣченный обѣтъ Баторія—это первый плодъ успѣховъ іезуитскаго вліянія. Недостатокъ источниковъ, которые могли бы пролить болѣе опредѣленный свѣтъ на отношенія Баторія къ іезуитамъ въ данное время оставляетъ неразрѣшимымъ и другой вопросъ, въ какой, именно, формѣ и съ какими цѣлями преподносилось іезуитами сознанію короля самое существованіе коллегіи. Въ обстоятельствахъ Спасскаго момента іезуитской дѣятельности съ несомнѣннымъ правомъ мы можемъ усматривать пока лишь фактъ полнаго и безраздѣльнаго вліянія іезуитовъ на Баторія.

29 августа 1579 года Баторіевы войска сломили мужество полочанъ. Исконно-русскій городъ съ православно-русскимъ населеніемъ сталъ добычею поляковъ. Сломились выработавшіеся устои гражданскаго общежитія полочанъ, та же разруха была подготовлена и православной Бѣлорусской церкви со всею ея паствою подъ властью польскихъ королей. По взятіи Полоцка Баторій, нимало не медля, рѣшается исполнить свой обѣтъ данный во время осады. Изъ лагеря онъ посылаетъ грамоту ректору Виленскаго іезуитскаго коллегіума Петру Скаргѣ. Въ сильно отдающихъ іезуитскимъ духомъ выраженіяхъ Баторій проситъ Скаргу прибыть въ Полоцкъ съ братіей для устройства здѣсь коллегіи и для занятія пожертвованнаго за одержанную побѣду [2]). Въ этой же грамотѣ къ Скаргѣ съ братіею, какъ бы утѣшая ихъ, Баторій говоритъ: «пусть они не завидуютъ тѣмъ изъ своихъ Лузитанскихъ и Испанскихъ собратій, которые пріобрѣтаютъ поклонниковъ Богу въ Азіи и Америкѣ! Они ближе, чѣмъ у индійцевъ и японцевъ, въ народѣ русскомъ, именно, у полочанъ найдутъ весьма невѣжественныхъ въ дѣлѣ вѣры» [3])! Однако, Скарга съ братіею замедлили со своимъ пріѣздомъ въ Полоцкъ.

---

[1]) Rostowski „Lituanic“... стр. 81. Załęski „Iezuici w Polscie“ т. 1. ч. 1. стр. 261.

[2]) Rostowski Lituanic. стр. 85.

[3]) Ibidem.

Вѣроятно ихъ удержало до поры до времени устройство дѣлъ Виленскаго іезуитства коллегіума. Допустить, что Скарга не раздѣлялъ видовъ остальной братіи на Бѣлорусскій край, нѣтъ никакой возможности. Его послѣдующая дѣятельность въ Полоцкѣ ясно говоритъ, какъ дорожилъ онъ этимъ новымъ пріобрѣтеніемъ іезуитовъ. Между тѣмъ, Баторій, не даждавшись іезуитовъ въ Полоцкѣ, самъ прибываетъ въ Вильно. Скарга и іезуитъ Францискъ Суннерій на этотъ разъ удостоились еще болѣе усиленныхъ приглашеній со стороны Баторія [1]). Помимо этого, уже теперь онъ обезпечиваетъ іезуитамъ спокойное и матеріально-обезпеченное пребываніе въ Полоцкѣ. Скаргѣ вручается грамота, по которой отправлявшимся въ Полоцкъ іезуитамъ предоставлялась одна изъ замковыхъ церквей. Въ этомъ же замкѣ іезуиты должны были получить и помѣщеніе для жилища [2]).

Теперь іезуитамъ не было причинъ медлить съ отправкою въ путь. Имъ очевидна была непреклонность королевской воли относительно водворенія ихъ въ Полоцкѣ. Щедрость, обнаруженная королемъ сейчасъ, и богатыя обѣщанія новыхъ благодѣяній въ будущемъ уничтожили у іезуитовъ всякія сомнѣнія насчетъ матеріальной обезпеченности. Іезуиты быстро снаряжаются въ путь и 10 іюня 1580 года прибываютъ въ Полоцкъ. Эта первая колонія ихъ въ Полоцкѣ состояло изъ трехъ лицъ: Петра Скарги, Станислава Ленчицкаго и Яна Аланда [3]). Первые шаги вновь прибывшихъ іезуитовъ были не совсѣмъ удачными. Представленіе ихъ полоцкому воеводѣ Николаю Монвиду Дорогостайскому сразу обнаружило, что ихъ встрѣчаютъ здѣсь совсѣмъ не такъ какъ слѣдовало бы ожидать послѣ столь усердныхъ приглашеній короля. Очевидно, вѣсть о водвореніи Баторіемъ іезуитовъ въ Полоцкѣ была встрѣчена полочанами, какъ православными такъ и кольвинистами съ замираніемъ сердца, но только не отъ радости, а отъ дурныхъ предчувствій. Прежде зарубежные отъ Польши полочане, вѣроятно, хоть по слухамъ успѣли познакомиться съ дѣлами польско-литовскихъ іезуитовъ. Это то знакомство и испугало полочанъ, когда прибыли непрошенные гости. Воевода

---

[1]) Załęski „Iezuici“ т. IV. ч. 1 стр. 183.

[2]) Ibidem. стр. 184.

[3]) „Materyały“... стр. 9.

Дорогостайскій при первой встрѣчѣ съ іезуитами произвелъ впечатлѣніе враждебно настроеннаго по отношенію къ нимъ человѣка. Онъ сразу далъ понять, что іезуиты не могутъ расчитывать на его поддержку въ чемъ бы то ни было [1]). Поступилъ онъ такъ не только потому, что былъ „ярымъ кальвинистомъ“, какъ представляетъ дѣло іезуитъ Ростовскій. Мнѣ кажется, что основная причина нерасположенности Дорогостайскаго къ іезуитамъ была совсѣмъ иная, чѣмъ фанатическая настроенность. Эта причина не скрывается вполнѣ и у Ростовскаго; она приводится только имъ въ несоотвѣтствующемъ дѣйствительности свѣтѣ—именно, какъ слѣдствіе фанатической злобы. Ростовскій приводитъ одну не мало-тревожившую воеводу мысль по прибытіи іезуитовъ въ Полоцкъ. «Чего ищутъ эти іезуиты въ Полоцкѣ? Чего хотятъ они въ Россіи послѣ Брунсбергскихъ, Виленскихъ и другихъ произведенныхъ ими безпорядковъ въ Литвѣ съ людьми исповѣдующими неримскіе догматы?» [2]) тревожно вопрошалъ Дорогостайскій. Эти вопросы не могутъ быть истолкованы какъ продукты ослѣпленной фанатизмомъ мысли. Въ нихъ ясное сознаніе историческаго прошлаго іезуитовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и истинная причина нелюбви Доргостайскаго къ іезуитамъ.

Иное отношеніе къ себѣ встрѣтили іезуиты со стороны коменданта Полоцкаго замка Франца Жука. Онъ безъ всякихъ колебаній взялъ іезуитовъ подъ свою охрану [3]). Ревностный католикъ не смущался подобно Дорогостойскому ни родомъ дѣятельности іезуитовъ, ни католическими религіозными вѣяніями, имѣющими окутать Бѣлорусскій край. Торжество родной вѣры, хотя бы и соединявшееся со многими насиліями надъ иновѣрцами, все же радовало его сердце. Отсюда, къ носителямъ латинской правды, іезуитамъ, онъ не могъ иначе отнестись какъ только съ полною готовностію придти на помощь. Кромѣ того, въ покровительствѣ іезуитамъ онъ могъ усматривать еще и выполненіе требованій своего служебнаго долга. Еще во время пребыванія въ Полоцкѣ Баторій сдалъ ему администрацію надъ церковными имуществами и изъ доходовъ ихъ поручилъ содержать

---

[1]) Rostowski „Lituanic“... стр. 85.

[2]) Ibidem. 86.

[3]) Ibidem. 85.

іезуитовъ [1]). Комендантъ Жукъ оказалъ самое трогательное вниманіе Петру Скаргѣ съ братіею. Въ своемъ собственномъ домѣ на верхнемъ замкѣ онъ отвелъ имъ помѣщеніе. Самый тщательный уходъ и вниманіе со стороны Ф. Жука были неразлучными спутниками іезуитскаго ежедневнаго времепрепровожденія [2]).

Хорошо устроившимся іезуитамъ въ домѣ коменданта легче было думать и дѣйствовать въ интересахъ будущаго. Съ этой временной квартиры они и начинаютъ всѣми мѣрами и силами стремиться къ осуществленію полученныхъ отъ короля привиллегій. Непріязненно настроеннаго по отношенію къ нимъ воеводу, Николая Дорогостайскаго, они стараются смирить декретами расположеннаго къ нимъ короля. Вождь вновь прибывшихъ іезуитовъ, Петръ Скарга, не теряя времени, предъявляетъ Дорогостайскому королевскія грамоты, въ которыхъ предписывалось, чтобы «онъ оказалъ гостямъ величайшее расположеніе, какого только они (іезуиты) заслуживаютъ, и передалъ бы имъ въ первое же время въ замкѣ русскій храмъ и домъ, какой они сами изберутъ [3]). На представленное требованіе Скарги Дорогостайскій отвѣчалъ категорическимъ отказомъ. Полоцкія церкви, говорилъ онъ, принадлежатъ владыкѣ, а не іезуитамъ. Королевскую волю онъ смѣло объявилъ необязательной для себя, потому что видитъ въ ней нарушеніе религіозной толеранціи, закрѣпленной конституціею сейма 1573 г. [4]). Послѣдующія домогательства Скарги у Дорогостайскаго также остаются безуспѣшными. Категорическій отказъ привести въ исполненіе волю Баторія относительно іезуитовъ въ Полоцкѣ былъ неизмѣннымъ отвѣтомъ со стороны Дорогостайскаго. Однако, теперь Скарга не особенно стѣсняется непріязненностію воеводы. Онъ рѣшается дѣйствовать лишь при поддержкѣ своего новаго союзника, коменданта Ф. Жука. Власть и силу послѣдняго Скарга и стремится использовать прежде всего въ цѣляхъ пріобрѣтенія пожертвованной іезуитамъ церкви въ Полоцкѣ.

Въ грамотѣ, данной іезуитамъ въ Вильнѣ, не было указанія на

---

[1]) Rostowski Lituanic. стр. 86.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

[4]) Załęski „Iezuici"... т. IV. ч. 1 стр. 188.

опредѣленную русскую церковь, имѣвшую стать іезуитской собственностію въ Полоцкѣ. Исполненіе королевскаго указа, очевидно, ставилось въ связь или со свободнымъ выборомъ самихъ іезуитовъ, или съ личнымъ усмотрѣніемъ Полоцкаго воеводы. Дорогостайскій, какъ мы уже видѣли, отказался отъ передачи іезуитамъ какой бы то ни было русской церкви. Вслѣдствіе этого, іезуиты сами себѣ избираютъ православный храмъ и стремятся овладѣть имъ при содѣйствіи Полоцкаго коменданта. Осматривая замокъ, Скарга замѣтилъ церковь, посвященную «по фотиніанскому обряду» святымъ апостоламъ Петру и Павлу. Возлѣ храма Скаргой были замѣчены и два домика, „жители которыхъ уже тогда, какъ бы убѣждаемые и какимъ то страхомъ поражаемые, быстро убѣгали въ другое мѣсто, какъ только приходили туда пріѣзжіе“ (іезуиты) [1]). Къ выясненію истинныхъ причинъ этого паническаго страха мѣстнаго полоцкаго населенія передъ іезуитами историкъ послѣднихъ Ростовскій, не даетъ какихъ либо положительныхъ данныхъ. Самъ онъ, видно, склоненъ въ указанномъ фактѣ бѣгства видѣть дѣйствіе руки благого промысла, устраивавшей судьбы полоцкихъ іезуитовъ. Однако, для насъ болѣе цѣнно указаніе того же историка, что дѣло не обходилось и безъ дѣятельности властныхъ рукъ полоцкаго коменданта Жука—исполнителя іезуитской воли. Этотъ послѣдній и помогъ іезуитамъ овладѣть русскимъ храмомъ св. апостоловъ Петра и Павла, несмотря на самые сильные протесты воеводы и полоцкаго православнаго духовенства. Тотъ же комендантъ отвелъ для помѣщенія іезуитамъ и, покинутыя настоящими владѣльцами, домики, несомнѣнно, не по доброй волѣ [2]). Такимъ образомъ, власть коменданта Ф. Жука привела іезуитовъ къ желанной цѣли. Какъ ни тяжело было православному епископу Ѳеофану Рпинскому и воеводѣ Дорогостайскому видѣть столь открытое попраніе гражданскихъ правъ полочанъ и соединявшееся съ нимъ полное пренебреженіе къ религіозной свободѣ фотиніанъ, все же страхъ предъ королемъ заставилъ ихъ молчать. Не привели ни къ чему и собранія православныхъ полочанъ подъ руководствомъ еп. Рпинскаго и Дорогостай-

---

[1]) Rostowski „Lituanic“... стр. 86.

[2]) Ibidem.

скаго, имѣвшія цѣлію выработку мѣръ противъ іезуитовъ [1]). На этихъ собраніяхъ всѣ они готовили гибель новымъ поселенцамъ, но ни на что не могли рѣшиться. Между тѣмъ, іезуиты энергично работали надъ приспособленіемъ вновь пріобрѣтеннаго русскаго храма къ латинскому богослуженію. Не мало помогла имъ въ этомъ дѣлѣ и супруга воеводы, происходившая изъ рода Войновъ. Тайная католичка и притомъ располагающая крупными матеріальными средствами, она покрывала всѣ расходы на вновь созидавшійся костелъ [2]). 21-го ноября 1580 г. іезуиты впервые открыли церковь, превращенную въ костелъ, и совершили въ немъ первую свою торжественную службу по латинскому обряду [3]). Подъ звуки оглашавшихъ городъ порицаній притѣснителямъ со стороны православнаго народа они пѣли торжественныя пѣснопѣнія въ честь своей побѣды надъ „схизматиками“.

Теперь можно было радоваться Полоцкимъ іезуитамъ и по другой причинѣ. Ожесточенные враги ихъ Николай Монвидъ Дорогостайскій и православный еп. Ѳеофанъ Рпинскій теперь почти совсѣмъ притихли. Сознаніе безплодности борьбы съ іезуитами, которые стояли подъ надежнымъ прикрытіемъ короля, очевидно, значительно поколебало увѣренность въ своихъ силахъ въ защитникахъ интересовъ православныхъ полочанъ. Дорогостайскій до неузнаваемости перемѣнилъ свою тактику по отношенію къ іезуитамъ. Скаргу съ его товарищами онъ начинаетъ запрашивать къ себѣ на вечера и обѣды; поздравляетъ іезуитовъ съ пріобрѣтеніемъ себѣ костела и мѣстожительства; посѣщаетъ іезуитскія богослуженія и катехизаціи [4]). Дѣйствовалъ такъ Дорогостайскій по страху ли предъ королемъ или подъ вліяніемъ своей жены Войнянки—сказать трудно. Болѣе вѣроятнымъ представляется первое предположеніе. Въ Полоцкъ въ это время прибылъ по назначенію отъ короля Литовскій проквесторъ Ѳеодоръ Скуминъ Тышкевичъ [5]). На него была возложена обязанность прослѣдить—въ какомъ мѣстѣ города іезуиты устраиваютъ жилище,

---

[1]) Załęski „Iezuici w Polscie“ т. IV, ч. 1 стр. 188.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem. стр. 189 ср. Rostowski „Lituanicar“... стр. 85.

[4]) Załęski „Iezuici w Polscie“ т. IV ч. I стр. 189.

[5]) Rostowski „Lituanicar“... стр. 86.

при чьей помощи дѣйствуютъ и нѣтъ ли препятствій ихъ начинаніямъ. Присутствіе Тышкевича тоже могло смущать не мало Дорогостайскаго. Одно несомнѣнно, что наружно измѣнившіяся отношенія Дорогостайскаго къ іезуитамъ не были слѣдствіемъ его личныхъ симпатій къ нимъ. Недовѣріе, протесты, пренебреженіе къ названнымъ полоцкимъ гостямъ въ скоромъ времени по прежнему составляютъ отличительную особенность его отношеній къ П. Скаргѣ и его товарищамъ.

П. Скарга, устроивъ іезуитское дѣло въ Полоцкѣ относительно костела и жилища, въ скоромъ времени возвратился въ Вильно. Свое пребываніе въ Полоцкѣ онъ не считалъ необходимымъ, быть можетъ, и вслѣдствіе наружно измѣнившихся отношеній Дорогостайскаго къ іезуитамъ. На самомъ же дѣлѣ отъѣздъ Скарги послужилъ какъ бы сигналомъ къ борьбѣ воеводы съ іезуитами. Оставшемуся начальникомъ полоцкихъ іезуитовъ вице-суперіору Николаю Сендковскому пришлось употребить много усилій, чтобы отстоять іезуитскія завоеванія въ Полоцкѣ[1]). Какъ трудно приходилось Сендковскому подъ натискомъ со стороны Дорогостайскаго можно судить по слѣдующему. Власть и сила іезуитскаго союзника, коменданта замка Фр. Жука, оказались недостаточными къ отвращенію притязаній Дорогостайскаго. Іезуиты сочли за лучшее обратиться къ непосредственной помощи короля. Съ каждымъ днемъ жалобы ихъ на притѣсненія и безпокойства воеводы становились все сильнѣе и сильнѣе. Вопли о помощи вырывались изъ устъ ихъ все чаще и чаще. Баторій не оставилъ, конечно, безъ защиты своихъ ставленниковъ въ Полоцкѣ. Въ помощь іезуитамъ 13 августа 1580 г. королемъ было прислано въ Полоцкъ двое дворянъ:---Неповскій и Протовскій. Имъ и поручена была защита взывавшихъ о помощи іезуитовъ[2]). 18-го же октября въ Полоцкъ прибылъ и самъ король, возвращавшійся въ Вильно изъ-подъ Великихъ Лукъ[3]). Онъ такъ ревностно занялся судьбою полоцкихъ іезуитовъ, что всѣмъ противникамъ послѣднихъ ничего не оставалось кромѣ тягостнаго молчанія. Коменданту замка Фр. Жуку Баторій далъ самый рѣшительный приказъ удовлетворять іезу-

---

[1]) Załęski „Iezuici w Polscie“ т. IV. ч. I. стр. 190.

[2]) Ibidem.

[3]) Rostowski „Lituanicar“... стр. 87.

итскія нужды изъ королевскихъ доходовъ. Въ это же время находившемуся въ Полоцкѣ Виленскому подскарбію Ѳеодору Тышкевичу было поручено произвести самую точную опись земельныхъ имѣній въ Полоцкѣ и его всеводствѣ, имѣющихъ стать полною собственностію короля завоевателя. Имѣнія эти еще раньше были предназначены Баторіемъ къ отдачѣ полоцкимъ іезуитамъ. Теперь же онъ хотѣлъ не просто обезпечить матеріально полоцкихъ іезуитовъ, но и обезпечить такъ, чтобы новымъ владѣльцамъ не пришлось терпѣть ущерба отъ чьихъ бы то ни было домогательствъ. Оказавъ еще одну услугу своимъ любимцамъ за счетъ фотиніанъ, Баторій и покинулъ Полоцкъ. Это былъ подарокъ для костела двухъ большихъ звоновъ, при помощи которыхъ прежде полочане били въ набатъ въ экстроординарныхъ случаяхъ[1]).

Съ окончаніемъ заботъ о пріобрѣтеніи костела и жилища іезуитамъ можно было уже думать и о школѣ. Исполненіе однихъ капланскихъ обязанностей не требовало отъ нихъ ни продолжительнаго времени, ни особенныхъ усилій. Въ Полоцкѣ было слишкомъ немного католиковъ. Мало ихъ было и въ воеводствѣ. Въ послѣднемъ по точному исчисленію Тышкевича насчитывалось не болѣе семи шляхетскихъ католическихъ домовъ[2]). Среди столь немногочисленной паствы не могло хватить работы и на одного каплана. Идти же въ православную среду іезуитамъ пока не было возможности. Православные полочане слишкомъ недовѣрчиво смотрѣли на іезуитовъ вообще, а потому тѣмъ болѣе не могли принять какого бы то ни было іезуита въ качествѣ учителя вѣры. Да и самимъ іезуитамъ пока было совсѣмъ не выгодно ни хвалить ни порицать православіе. Въ первомъ случаѣ они поставили бы себя въ явное противорѣчіе со всею намѣченною въ дальнѣйшемъ дѣятельностію. Во второмъ,—естественная осторожность удерживала іезуитовъ отъ порицаній вѣры тѣхъ, которые и теперь еще могли считаться хозяевами положенія. Іезуиты это ясно сознавали, а потому и не въ костелѣ они видѣли первое средство къ сближенію съ православными полочанами въ своихъ латинизаторскихъ цѣляхъ. На школу,—разсадникъ нейтральнаго знанія,

---

[1]) Załęski „Iezuici w Polscie“ т. IV. ч. 1. стр. 192.

[2]) Ibidem. стр. 193.

равно полезнаго и католику и православному,—іезуиты и направили свое вниманіе. Въ одномъ изъ пріобрѣтенныхъ въ замкѣ домиковъ ими была начата педагогическая дѣятельность при слѣдующихъ условіяхъ. Въ роли педагога пока выступилъ лишь одинъ изъ вновь прибывшихъ іезуитовъ—это Станиславъ Ленчицкій[1]). Этому престарѣлому іезуитскому педагогу съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности пришлось много поболѣть душой изъ-за скудости числа учениковъ. Усиленныя просьбы іезуитовъ къ католикамъ и православнымъ родителямъ отпустить своихъ дѣтей въ открывшуюся школу не имѣли успѣха. Общее недовѣріе къ іезуитамъ было перенесено полочанами и на ихъ школьную дѣятельность. Два-три ученика, посланныхъ къ іезуитамъ родителями-католиками, составляли на первыхъ порахъ весь контингентъ учащихся въ открытой школѣ[2]). Этотъ скорбный для іезуитотъ фактъ быть можетъ и пошатнулъ окончательно здоровье престарѣлаго педагога. 4 января 1581 года Станиславъ Ленчицкій умеръ[3]). Основанная имъ школа влачитъ свое жалкое существованіе и до преобразованія въ коллегіумъ и послѣ него почти вплоть до 1589—90 годовъ. 5—6 учениковъ были назначены въ іезуитское распоряженіе какъ же жестоко шутящею судьбою. Только послѣ временно смягчившейся вражды іезуитовъ съ Дорогостайскимъ и еп. Рпинскимъ, отдавшими въ іезуитскую науку, первый своего сына, а второй—племянника, начало замѣтно возрастать число іезуитскихъ учениковъ[4]). Такова была любознательность полочанъ къ іезуитской книжкѣ, таково было довѣріе къ непрошеннымъ учителямъ!.

Въ 1581 г. эта непріязненность полочанъ начинаетъ принимать еще болѣе внушительный размѣръ. Въ іезуитахъ теперь многіе полочане увидѣли виновниковъ своихъ матеріальныхъ бѣдъ, соединявшихся еще съ открытымъ попраніемъ деспотическою рукою короля правъ гражданскихъ. Въ то время, какъ Дорогостайскій тревожно вопрошалъ: «какимъ образомъ іезуиты вкрались въ сердце короля», по-

---

[1]) Rostowski „Lituanicar"... стр. 87.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

[4]) Załęski „Jezuici w Polscie"... т. IV ч. I стр. 193. ср. Сапуновъ „Кратк. замѣтка"... стр. 7.

лочане рѣшительно недоумѣвали предъ вопросомъ: «по какому праву ихъ частная собственность жертвуется тѣмъ же королемъ въ пользу іезуитовъ“[1]). Дѣло въ томъ, что еще въ Вильнѣ Баторій передалъ Скаргѣ грамоты, надѣлявшія іезуитовъ землями, которыя полочане не переставали считать своею частною собственностію и по взятіи Полоцка поляками. Между тѣмъ, составители описей имѣній, пожертвованныхъ Баторіемъ іезуитамъ, отторгали у полочанъ все новые и новые земельные участки. Дѣлавшіяся по этому поводу представленія полочанами и самимъ іезуитамъ и королевскимъ комиссарамъ во главѣ съ комендантомъ Фр. Жукомъ ни къ чему не приводили[2]). Какъ тѣ, такъ и другіе успѣшно прикрывались королевскими указами. Умывая руки въ своей непричастности и незаинтересованности во всемъ происходившемъ въ Полоцкѣ и его воеводствѣ, іезуиты подвигали полочанъ къ борьбѣ съ тѣмъ, кто могъ нанести имъ болѣе рѣшительный и сильный ударъ, чѣмъ они сами. Въ то же время у іезуитовъ могъ быть и совсѣмъ другой расчетъ. Они могли надѣяться, что врядъ ли найдется кто-либо такой, кто станетъ жаловаться королю на него же самого. Однако, дѣло и приняло, именно этотъ неожиданный оборотъ. Баторій, отправившись въ походъ на Псковъ 17 іюля 1581 года, прибылъ вмѣстѣ со Скаргою въ Полоцкъ[3]). Подъ вліяніемъ послѣдняго у Баторія въ это время созрѣлъ планъ новаго благодѣянія полоцкимъ іезуитамъ. Однако, не рѣшаясь привести его въ исполненіе, Баторій теперь же на мѣстѣ, хочетъ подготовить почву для безпрепятственнаго выполненія своихъ намѣреній. Онъ издаетъ указъ, чтобы всѣ владѣющіе церковными землями и имуществами сдѣлали объ этомъ заявленія. Кромѣ того, онъ даритъ іезуитамъ мѣстечко Экимань на островѣ и самый островъ подъ постройку коллегіума. Коменданту Жуку приказываетъ дать обширное помѣщеніе для іезуитовъ въ верхнемъ замкѣ. Т. о , новыя матеріальныя утраты предстояли полочанамъ въ пользу тѣхъ же іезуитовъ. Но не упали въ это время духомъ полоцкіе обитатели. Пользуясь пріѣздомъ короля, они рѣшаются отстоять свои интересы предъ его лицомъ.

---

[1]) Rostowski „Lituanicar“... стр. 88.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

Собравшаяся многочисленная толпа полочанъ смѣло двинулась къ королевскому лагерю, находившему неподалеку отъ Полоцка[1]). Уже эта грозная манифестація заставила призадуматься Баторія надъ своими дѣйствіями по отношенію къ іезуитамъ. Какъ бы въ искупленіе вины своей неосмотрительной щедрости къ іезуитамъ король заявляетъ полочанамъ, что «всякій, кто имѣетъ тяжебное дѣло по отношенію къ землямъ, пожертвованнымъ коллегіи, пусть заявитъ въ судъ; и для каждаго, по приговору суда, будетъ возвращено то, что онъ докажетъ законнымъ порядкомъ, какъ свое»[2]). Такимъ образомъ, у полочанъ сохранялась надежда хоть послѣ долгихъ передрязгъ оттягать у іезуитовъ свою собственность. Но иной исходъ получило дѣло объ имуществахъ и земляхъ, принадлежавшихъ полоцкимъ православнымъ церквамъ и монастырямъ. Указъ Баторія, данный во время этого же его пребыванія въ Полоцкѣ о точномъ исчисленіи монастырскихъ и церковныхъ земель, и о заявленіи о нихъ со стороны частыхъ лицъ былъ вѣрно истолкованъ полочанами. Намѣреніе Баторія обогатить іезуитовъ за счетъ полоцкихъ церквей не только не осталось тайною, но и вызвало цѣлую бурю раздраженія у полочанъ. Стоя теперь предъ королемъ, они открыто заявляютъ, что, отдавая церковное имущество іезуитамъ, Баторій «поступаетъ недостойно и беззаконно, попираетъ отечественные законы, уничтожаетъ святость завѣщаній (tabularum), которыми предки хотѣли свое имущество обезпечить за потомками, уничтожаетъ свободу и непоколебимость религіозныхъ убѣжденій (immunitates religionum»[3]). Защитники интересовъ родной церкви, очевидно, ясно сознавали, сколь тяжелое испытаніе для нея готовитъ Баторій. Рѣзкость же выраженныхъ королю упрековъ, вѣроятно, была слѣдствіемъ твердаго намѣренія отклонить направленный Баторіемъ ударъ. Однако, непреклоненъ былъ и король въ своихъ желаніяхъ. Іезуитское вліяніе и совѣты глубоко запали въ его душу. Аргументами іезуитской же логики онъ пытается смирить и своихъ противниковъ. «Возбужденныхъ онъ увѣщеваетъ посмотрѣть на дѣло, удаливъ тьму, какою ихъ окутываетъ зависть. Тогда

---

[1]) Ibidem. стр. 94.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem

станетъ ясно, говоритъ Баторій, что въ его планѣ отдачи іезуитамъ нѣтъ ничего ни справедливаго, ни нехорошаго. Несомнѣнно, что если бы монастырями, церквами и зданіями владѣли люди греческаго обряда, состоящіе подъ начальствомъ непонимающихъ дѣла или сочувственно относящихся, то все же право подаванія (jus patronatus) принадлежащихъ польскимъ королямъ. Кромѣ того, все, что они теперь другъ предъ другомъ присваиваютъ себѣ, возвращено королемъ, его планами и оружіемъ. Вѣдь, какой забавникъ изъ насъ сталъ бы искать своего въ теченіе тѣхъ 17 лѣтъ, когда Полоцкъ былъ во власти Москвитянъ»?[1]). «Пусть удалятся завистники», крикнулъ Баторій и этимъ окончательно разбилъ надежду полочанъ отстоять благополучіе и независимость своихъ церквей. Взрывъ естественной реакціи противъ обидчиковъ іезуитовъ потухъ. Полочане съ грустными лицами и опасеніяии новыхъ бѣдствій для церкви отъ короля и іезуитовъ разбрелись по домамъ.

Баторій не замедлилъ привести въ исполненіе свое обѣщаніе относительно отдачи іезуитамъ имуществъ Полоцкихъ церквей. Къ удовольствію и радости іезуитовъ онъ простеръ свою щедрость до того, что грамотою отъ 20 января 1582 г. онъ отдалъ имъ не только имущества полоцкихъ церквей, но и самыя церкви[2]). На долю всѣхъ православныхъ полочанъ оставлялась одна только владычняя церковь, храмъ св. Софіи. Горсти же іезуитовъ съ небольшою кучкою католиковъ должны были перейти въ безраздѣльную собственность почти 13 православныхъ храмовъ[3]). Но не будемъ пока останавливаться на этомъ богатѣйшемъ іезуитскомъ пріобрѣтеніи. Грамота Баторія, носящая названіе „Diploma fundationis Collegii Polocensis Societatis Jesu“, на основаніи ко-

[1]) Rostowski „Lituanicar“... стр. 87:

[2]) Сапуновъ „Вит. Стар. т. V.№ 49 стр. 69 Diploma fundationis Coll. Poloc. S. I.

[3]) Собственностію іезуитовъ стали слѣдующія православныя церкви и монастыри: женскій игуменскій мон. Св. Спаса надъ рѣкою Полотою; монастырь Св. Іоанна Предтечи на островѣ рѣки Двины; монастырь Св. Михаила; Городецкій монастырь Св. Петра въ полоцкомъ замкѣ; мон. Воскресенія Христова въ замкѣ, назыв. мошонецкимъ; церковь Очищенія иначе назыв. Срѣтенскою; церк. Св. Николая въ замкѣ; церк. Св. Николая на Полупятъ, мон. Свв. Косьмы и Даміана; церк. Св. Димитрія въ замкѣ, церк. Вознесенія Господня въ городѣ; церк. Благовѣщенія въ городѣ; церк. Св. Николая на Лучнѣ; церк. Пятницкая въ городѣ же. См. Сапуновъ. „Вит. Стар.“ т. V. ч. I. стр. 73.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
496863

торой должна была совершиться передача іезуитамъ всѣхъ православныхъ церквей съ ихъ владѣніями, возбуждаетъ не мало вопросовъ принципіальной важности. Къ нимъ и постараемся поближе подойти, чтобы пролить хоть слабый свѣтъ какъ на тѣ причины, которыя вызывали у Баторія извѣстную намъ дѣятельность, такъ и на тѣ цѣли и задачи, къ которымъ она направлялась.

Почти на первыхъ же строкахъ упомянутой жалованной грамоты мы встрѣчаемся со слѣдующимъ откровеннымъ заявленіемъ Баторія. «Главною заботою», говоритъ онъ „короля-католика было и будетъ распространеніе и насажденіе католическаго исповѣданія вѣры въ тѣхъ преимущественно странахъ, гдѣ извращено и подавлено оно насиліемъ схизмъ и ересей". „Мы думаемъ, что долгъ истиннаго государя не только пещись о правосудіи, мирѣ и тишинѣ подвластныхъ народовъ, но еще болѣе устроять ихъ вѣчное спасеніе, чтобы съ разсѣяніемъ мрака невѣжества, заблужденій и грубаго варварства, съ распространеніемъ же свѣта истиннаго богопознанія и богопочитанія и просвѣщенія умовъ, водворялся въ нихъ страхъ Божій, полагалось начало и приносились плоды мудрости, процвѣтало благочестіе христіанской жизни и чтобы всѣ они (подданные), будучи собраны не только въ одномъ государствѣ, но и въ одно стадо Христово и вѣчное царство Его обрѣли пажити жизни небесной[1])". Вотъ съ какими идеальными мечтами Баторій фундовалъ полоцкую іезуитскую коллегію. Миссія среди Бѣлоруссовъ—въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова—назначалась въ удѣлѣ послѣдней. По мановенію короля іезуиты должны были разлить свѣтъ правды католической по всѣмъ весямъ православной Бѣлоруссіи. Теперь не трудно понять, какой восторгъ и радость должны были пробудиться при этомъ королевскомъ зовѣ на миссію въ сердцахъ іезуитовъ, смотрящихъ на всѣхъ и вся сквозь призму папскаго католицизма, и какъ мрачны тѣ перспективы, которыя могли теперь открыться взорамъ православныхъ! Уже одно признаніе всѣхъ православныхъ еретиками и схизматиками не могло не произвести на полочанъ моральнаго давленія. Проведенныя до послѣднихъ выводовъ Баторіевы заявленія легко могли дать мѣсто къ безнаказанному существованію самымъ безотраднымъ фактамъ въ

[1]) Сапуновъ „Вит. Стар. т. V ч. I. стр. 70.

Бѣлорусской дѣйствительности. Прежде всего, учрежденіе коллегіи и миссіи, поставившихъ открытой цѣлью своего существованія искорененіе православія и насажденіе католицизма въ православно-русскихъ земляхъ, явно ставило въ трагически-фальшивое положеніе всѣхъ православныхъ бѣлоруссовъ. Они обрекались на агонію вѣчной борьбы за родную вѣру при неуничтоженной оффиціально свободѣ совѣсти. Далѣе, если самъ Баторій нашелъ возможнымъ при свободѣ совѣсти отнять у православныхъ полочанъ почти всѣ ихъ храмы, то почему же не могло происходить насильственнаго вовлеченія въ латинство, коль скоро въ цѣляхъ успѣха миссіи уничтожалась всякая грань между справедливостью и насиліемъ. Православнымъ не отъ кого было ждать помощи даже при самыхъ явныхъ притѣсненіяхъ со стороны миссіонеровъ. Въ существѣ дѣла развѣ не являлся первымъ и верховнымъ католическимъ миссіонеромъ въ Полоцкѣ самъ Баторій, а іезуиты лишь его подручной корпораціей. И если это такъ, то не естественно ли было думать православнымъ полочанамъ, что покровительствуемая королемъ опека надъ ихъ совѣстью можетъ приводить лишь къ самымъ безотраднымъ результатамъ. При такомъ ходѣ дѣла легко можно было ожидать, что всякое упорство іезуитскимъ миссіонерамъ, что всякій протестъ противъ миссіи могутъ быть сочтены за противленіе королевской власти, за оскорбленіе Величества. Это и естественно, потому что всякій упорствовавшій принятію латинства, несомнѣнно, являлся и противникомъ королевскихъ надеждъ и велѣній.

Помимо того, что миссіонерскія чаянія Баторія были прямымъ моральнымъ давленіемъ на совѣсть православныхъ, они соединялись еще и съ открытымъ попраніемъ правъ и преимуществъ православной церкви въ Бѣлоруссіи. Дѣло въ томъ, что Баторій не просто основывалъ въ Полоцкѣ іезуитскую коллегію, но и надѣлялъ ее еще имѣніями. Въ этомъ то послѣднемъ фактѣ ничѣмъ неумѣрявшаяся королевская щедрость по отношенію къ іезуитамъ и пренебрегла исконными правами православной церкви. «Послѣ того, какъ Всемогущій Богъ», говоритъ Баторій, „оружіемъ нашимъ и правою войною освободилъ и покорилъ подъ власть нашу всю Полоцкую землю. Мы имѣнія частныя возвратили частнымъ владѣльцамъ, общественныя

же (publica) и всѣ тѣ, которыя посвящены были Богу и наданы русскимъ церквамъ и монастырямъ—за изъятіемъ лишь владычныхъ, оставляемыхъ на прежнихъ основаніяхъ людямъ греческой вѣры,—передаемъ всецѣло римско-католической церкви и ея священникамъ и храмамъ и обращаемъ оныя на прославленіе истиннаго Бога“[1]). Въ оправданіе своего проступка Баторій смогъ прибѣгнуть лишь къ софистической ссылкѣ на право потроната (jus patronatus). „Если князьямъ и предшественникамъ нашимъ“, говоритъ Баторій, „угодно было присвоить оныя имѣнія той вѣрѣ, какую они сами исповѣдывали, то тѣмъ болѣе вправѣ мы имѣнія эти,—которыя возвращены при помощи Божіей нашимъ оружіемъ и трудами, въ отношеніи которыхъ право патроната и ктиторства принадлежитъ намъ—надать и употребить въ пользу святой римско-католической церкви, въ которой Божіею милостію мы рождены и воспитаны“[2]). Личное усмотрѣніе короля ломало и разрушало разъ навсегда выработавшіяся вѣками государственныя нормы,—регулировавшія и гарантировавшія диссидентамъ неприкосновенность и свободу не только вѣры, но и собственности въ польскомъ королевствѣ. Превратное пониманіе истинныхъ нуждъ и интересовъ православныхъ Бѣлоруссовъ разрѣшаются безпощадною экзекуціею надъ ихъ духовною и матеріальною культурами. Во имя мертвыхъ звуковъ „jus patronatus“, не имѣющихъ для себя въ пониманіи ихъ Баторія ровно никакой основы ни въ современной дѣйстительности, ни въ государственной практикѣ прошлаго, король рѣшается отнять у полоцкихъ церквей всѣ земельныя имѣнія, которыя были пожалованы въ ихъ пользу не столько со стороны Московскихъ государей, сколько частныхъ лицъ и даже польскихъ королей, предшественниковъ Баторія. Религіозные запросы, христіанскія потребности православныхъ полочанъ—все это уступаетъ мѣсто заботѣ короля надать коллегіумъ и обезпечить горсть полоцкихъ іезуитовъ. Пренебреженіе къ интересахъ первыхъ для блага вторыхъ доходитъ у Баторія до того, что въ фундушъ полоцкой іезуитской коллегіи онъ обращаетъ 13 православныхъ церквей и монастырей „на вѣчныя времена со всѣми принадлежащими имъ владѣніями на пра-

[1]) Сапуновъ „Вит. Стар.“ т. V. ч. I. стр. 69.

[2]) Ibidem. стр. 70.

вѣ безпрерывнаго и безповоротнаго пользованія, со всякою помѣщичьею властію“[1]). Вѣковыя привелегіи православныхъ Бѣлоруссовъ нарушены самымъ безцеремоннымъ образомъ. Еще въ 1547 г. предшественникъ Баторія Сигизмундъ Августъ въ своей грамотѣ, подтверждавшей «листы» королей Казимира, Александра и Сигизмунда I-го, опредѣленно гарантировалъ неприкосновенность всѣхъ православныхъ церквей въ Полоцкѣ со всѣми ихъ имѣніями. „Видя вѣрность полочанъ и предковъ ихъ къ намъ и къ предкамъ нашимъ подтверждаемъ имъ права вольныя, христіанскія, добрыя, справедливыя, симъ нашимъ привилеемъ на вѣчные часы даемъ. Въ церкви Божія и имѣнья церковныя намъ не вступатися въ домъ Божій Св. Софіи и въ домъ Божій Св. Спаса и въ иныя дѣла церковныя намъ не вступатися“[2]), такъ говорилъ Сигизмундъ Августъ. До отнятія Полоцка у Грознаго въ 1579 г. и самъ Баторій, повидимому, чуждъ былъ мысли утѣснять православныхъ полочанъ. Въ 1576 г. въ своей жалованной грамотѣ полоцкому владыкѣ Ѳеофану Рпинскому онъ, по примѣру своего предшественника, узаконялъ неприкосновенность полоцкихъ церквей и ихъ имѣній. „Также“, говоритъ Баторій, монастырей и церквей, имѣній, фольварковъ, селъ, людей и иншихъ всякихъ къ архіепископіи, владычеству Полоцкому и Витебскому зъ давнихъ часовъ належачихъ, во всихъ парафіяхъ на архіепископію Полоцк. и Витеб. и Мстислав. здавна прислухаючихъ маетъ (Ѳеофанъ) держати и уживати до живота своего во всемъ по тому, яко за предковъ нашихъ королей польскихъ и Вел. Кн. литовскихъ первшіе архіепископовъ владыки полоцкіе держали и уживали[3]).

Мы уже видѣли, что цѣлью фундаціи іезуитскаго коллегіума въ Полоцкѣ было возможно болѣе успѣшное окатоличеніе Бѣлорусскаго населенія. Свѣтъ и правда католическія должны были замѣнить собою невѣжество и мракъ, развивавшіеся здѣсь ересями и «схизмой». Тутъ опредѣленно, наизгнанку, высказался король—католикъ, полоненный іезуитами. Не нельзя упустить изъ виду также и того, что Баторій былъ не только католикомъ, но и властелиномъ.

---

[1]) Сапуновъ „Вит. Стар.“ т. V. ч. I. № 42.

[2]) Ibidem. № 35

[3]) Сапуновъ „Вит. Стар.“ т. V. ч. I. № 44.

Правда въ „Diploma fundationis Coll. Poloc.“ мы не можемъ съ точностію усмотрѣть политическихъ замысловъ и перспективъ Баторія относительно вновь пріобрѣтенной имъ Бѣлоруссіи. Однако, говорить объ отсутствіи связи между основаніемъ полоцкаго іезуитскаго коллегіума и королевскими политическими видами намъ не представляется возможнымъ. „Мы убѣждены, говоритъ Баторій, что святая римско-католическая вѣра и спасительное исповѣданіе ея служатъ опорою и сильнѣйшею защитою противъ всякихъ опасностей для всякаго государства“[1]). Дальновидный политикъ, Баторій, очевидно, чуждъ былъ излишней самонадѣянности. Основу своего могущества онъ полагалъ не только въ силѣ своего оружія, но и въ культурныхъ силахъ своего государства. Отсюда, вѣроятно, и проистекало въ немъ сознаніе, что взятіе Полоцка само по себѣ далеко не является надежною гарантіей господства Польши въ Бѣлоруссіи. Масса коренного бѣлорусскаго населенія и теперь уже подъ властью Польши не переставала тяготѣть къ единовѣрнымъ братьямъ изъ Руси Московской. Для полной ассимиляціи Бѣлоруссовъ съ польскимъ народомъ нужно было заставить забыть или по крайней мѣрѣ ослабить въ нихъ чувство православія и русской народности[2]). Достигнуть же этого можно было лишь культурною работою и постепеннымъ подчиненіемъ ихъ началамъ польской государственности. Это желаніе Баторія пріобщить Бѣлорускій народъ къ польско-католической культурѣ, очевидно, и вынудило іезуитскую рать на Бѣлорусскую территорію. Коль скоро имъ не отрицалось значеніе католичества, какъ могущественнаго средства для ассимиляціи народностей, то кому же какъ не іезуитамъ было ввѣрить это средство. Сдѣлать это было тѣмъ естественнѣе, что Баторій самъ неоднократно заявлялъ, что «іезуиты прославились воспитаніемъ юношества и наставленіемъ народа въ вѣрѣ и добрыхъ обычаяхъ не только въ Польшѣ, но и во всемъ мірѣ»[3]). Однако, усматривать въ водвореніи іезуитовъ въ Полоцкѣ однѣ лишь просвѣтительныя заботы Баторія въ Бѣлоруссіи безъ отношенія къ другимъ чисто политическимъ видамъ его—нѣтъ возможности еще и вотъ по-

---

[1]) Ibidem. стр. 71.

[2]) Сапуновъ „Кратк. зам.“... стр. 2 ср. Любовичъ „Къ истор. іезуит.“... стр. 14.

[3]) „Чт. въ Общ. любит. духовн. просвѣщ.“ 1877 г. т. I стр. 375 прим. I.

чему „Баторій любилъ іезуитовъ не за то лишь, что они распространяли латинство, но и за то, что они при помощи своихъ школъ вкореняли въ народѣ духъ порядка и подчиненія законамъ, приготовляли для будущаго времени поколѣніе менѣе бурное и своевольное“[1]). Эта черта Баторіевыхъ отношеній къ іезуитамъ была засвидѣтельствована и современникомъ его, іезуитомъ Поссевиномъ. Въ своей запискѣ 1581 г. онъ, между прочимъ, обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что «въ Руси ,Волыни, Литвѣ и Самогитіи, въ областяхъ присоединенныхъ къ Коронѣ Польской жители, хотя и состоятъ подданными католиковъ, упорно привязаны къ греческой схизмѣ. Вслѣдствіе схизмы они увлечены въ тяготѣніи къ Москвитянамъ; они публично молятся о дарованіи побѣдъ москвитянамъ надъ поляками. Отсюда, сенатъ и прежде всего король, который относится подозрительно къ ихъ вѣрѣ, желаютъ, чтобы они сдѣлались католиками»[2]). Возможный выводъ изъ этихъ словъ почти ясенъ. Цѣль Баторія окатоличить православныхъ Бѣлоруссовъ была въ то же время и слѣдствіемъ тяготѣнія ихъ къ единовѣрной Руси Московской. Политическіе виды Баторія въ водвореніи іезуитовъ въ Полоцкѣ играли такую же роль, какъ и просвѣтительно миссіонерскія задачи, единодушно оттѣняемыя польскими историками. Какого рода и какихъ объемовъ должны были развернуть іезуиты въ Полоцкой землѣ мы можемъ судить по даннымъ той же жалованной грамоты Баторія 1582 г. Имѣнія, коими надѣлялись полоцкіе іезуиты, по большей части были запущены и въ отношеніи своей доходности заставляли желать много лучшаго. На всѣхъ пріобрѣтенныхъ іезуитами угодіяхъ лежалъ тяжелый отпечатокъ военнаго времени,—печать разоренія[3]). Но вся печальная наличность положенія имѣла и обратную, утѣшительную для іезуитовъ сторону. Ничто не мѣшало имъ привести въ порядокъ вновь пріобрѣтенное имущество, поднять производительность земли и чрезъ это обезпечить себѣ вполнѣ приличное существованіе. Понимали это іезуиты, потому что, идя въ Полоцкъ, охотно покидали свою благоустроенную резиденцію въ Вильнѣ; не ускользнуло это и отъ взора

---

[1]) Lucaszewicz. „Dzieje.„ w Litwie“ т. I. стр. 44.

[2]) „Supplementa ad hictor. Russ. monumenta“ № 11 стр. 28.

[3]) Rostowski „Lituanic“... стр. 87.

проницательнаго Баторія. „Мы думаемъ, говоритъ онъ, что имѣнія эти, будучи со временемъ приведены въ надлежащій порядокъ, станутъ приносить такой доходъ, что независимо отъ расходовъ на содержаніе самой іезуитской коллегіи, достаточныхъ для пропитанія свыше 50 монашествующихъ, могутъ образоваться изъ онаго извѣстные остатки, то желательно, чтобы о. о. іезуиты и ихъ настоятели изъ таковыхъ остатковъ отъ содержанія коллегіи учреждали и воздвигали, во славу Божію, конвикты, семинаріи для юношества, или же богоугодныя заведенія для бѣдныхъ по мѣрѣ возможности и по своему усмотрѣнію, но только съ соизволенія и разрѣшенія нашего и преемниковъ нашихъ“[1]). Т. о., обильное пожертвованіе со стороны Баторія іезуитамъ было сдѣлано исключительно въ предположеніи съ ихъ стороны соотвѣтствующей по силѣ энергіи дѣятельности. Щедро облагодѣтельствованные королемъ миссіонеры должны были поставить на высшую ступень развитія какъ просвѣтительно-миссіонерскую, такъ и благотворительную. Ad majorém Dei gloriam и для вящшеи силы государства іезуиты должны были использовать всѣ свои и духовныя дарованія и матеріальныя средства. И, миссію, и школу, и благотворительность они обязывались направить возможно рѣшительнѣе къ общежеланной цѣли—окатоличенію, а вмѣстѣ съ нимъ и полонизаціи православныхъ Бѣлоруссовъ.

Предположенное Баторіемъ надѣленіе полоцкихъ іезуитовъ имѣніями православныхъ церквей съ 20 января 1582 года стало уже вполнѣ осуществившимся фактомъ. Всѣ случившіяся на этомъ пути препятствія были сломаны Баторіемъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Подканцлеръ Литовскій Евстафій Воловичъ и воевода полоцкій Н. Дорогостайскій, стоявшіе во главѣ оппозиціи королевскимъ распоряженіямъ объ отдачѣ іезуитамъ фотиніанскихъ церквей и монастырей съ ихъ имуществами, были насильно вынуждены санкціонировать своею властію то, противъ чего протестовали. Послѣ долгихъ и упорныхъ отказовъ Евстафій Воловичъ приложилъ государственную печать къ королевской грамотѣ. Категорическое требованіе этого со стороны Баторія, положившаго руку на ефесъ меча и заявившаго, „вотъ у насъ печать подъ рукою, дабы исполнялось то, что

[1]) Сапуновъ „Вит. Стар.“ т. V. ч. 1. стр. 74.

мы повелѣваемъ," дало желанный результатъ[1]). Подъ вліяніемъ того же страха предъ Баторіемъ умолкъ и воевода полоцкій. Скрѣпленная печатями, жалованная грамота была вручена Петру Скаргѣ[2]). Комендантъ полоцкаго замка Фр. Жукъ получилъ строгій наказъ заботиться о передачѣ церквей, угодій и земель, пожалованныхъ коллегіи, ихъ настоящимъ владѣльцамъ—іезуитамъ. Ревностный католикъ, конечно, не замедлилъ приступить къ выполненію возложеннаго на него долга. Однако, единоличная власть и дѣятельность на этомъ поприщѣ Фр. Жука были недостаточны къ полному огражденію іезуитскихъ интересовъ. Многія изъ церковныхъ и монастырскихъ владѣній оказались теперь захваченными частными лицами. Далеко не всѣ также земельныя угодья, завѣщанныя Баторіемъ еще раньше въ пользу іезуитовъ, стали достояніемъ послѣднихъ. Къ тому же, возникавшіе споры частныхъ лицъ съ іезуитами изъ-за владѣній не всегда могли получить свое окончательное разрѣшеніе у Жука. Очевидно, нужна была болѣе сильная власть и лица съ болѣе широкою компетенціею чѣмъ у коменданта, чтобы окончательно покончить съ іезуитскимъ земельнымъ вопросомъ въ Полоцкѣ. Понимали это и сами іезуиты, а потому и обратились съ усиленными просьбами къ Баторію о скорѣйшемъ вводѣ во владѣніе. Положеніе номинальныхъ владѣльцевъ безъ фактическаго пользованія было ярко обрисовано королю. Баторій и на этотъ разъ не замедлилъ придти на помощь своимъ ставленикамъ. По его распоряженію въ 1583 г. прибыли въ Полоцкъ королевскіе комиссары—мстиславскій каштелянъ Станиславъ Наружевичъ и надворный подскарбій литовскій Ѳеодоръ Скуминъ Тышкевичъ[3]). Вмѣстѣ съ Фр. Жукомъ они, по порученію короля, должны были отграничить іезуитскія земли отъ сосѣдящихъ съ ними владѣній частныхъ лицъ. Какъ мы уже сказали, многія изъ монастырскихъ и церковныхъ земель были захвачены разными лицами. Быть можетъ это было результатомъ желанія насолить непрошеннымъ гостямъ, но вѣрнѣе предполагать, что это было сдѣлано съ расчетомъ на невѣдѣніе іезуитовъ относительно границъ своихъ владѣній. Однако, этотъ

[1]) Rostowski „Lituanicar"... стр. 87.

[2]) ibidem.

[3]) Rostowski „Lituanic"... стр. 105.

выпадъ полочанъ не имѣлъ успѣха. Прибывшіе комиссары освободили земли отъ неподлежащихъ владѣльцевъ и окончательно закрѣпили ихъ за іезуитскою коллегіею. Одновременно же съ этимъ іезуиты были объявлены владѣльцами обширныхъ плацовъ въ самомъ городѣ. Количество ихъ, точно установленное комиссарами, выражалось въ числѣ 322[1]). Уже и въ это время пріобрѣтенія іезуитовъ, соединявшіяся съ явнымъ матеріальнымъ ущербомъ для православной церкви, возбуждали неудовольствія полочанъ. Это возбужденіе коренного населенія было замѣчено и комиссарами, которые сочли за лучшее рекомендовать іезуитамъ отказаться отъ нѣкоторыхъ пожалованій Баторія. Отъ всѣхъ отмежеванныхъ плацовъ въ Полоцкѣ іезуитская коллегія для большаго спокойствія и отказалась въ пользу города. Но далеко не такъ уступчивы были о. о. іезуиты въ тѣхъ случаяхъ, когда заявленія ими своихъ владѣльческихъ правомочій могли встрѣтить оппозицію лишь отдѣльныхъ лицъ. Тогда всякія уступки и заигрыванія съ полочанами отлагались іезуитами въ сторону. Такъ, по смыслу грамоты 1582 года, отдававшей іезуитамъ полоцкія прав. церкви со всѣми ихъ имѣніями, три села Игуменово, Копоровичи и Мотырино, какъ принадлежавшія монастырямъ Воскресенскому и Спасскому, также должны были стать неотъемлемою собственностію полоцкихъ іезуитовъ. Находившіеся въ Полоцкѣ комиссары должны были отграничить и упомянутыя села отъ сосѣдящихъ съ ними владѣній. Однако, Дисненскій подстароста, панъ Островскій, «въ моцы и держаньи» коего были эти села, очевидно, не хотѣлъ ихъ уступить о. о. іезуитамъ. Быть можетъ, въ виду его протестовъ и комиссары не произвели обмежеваній, требовавшихся полоцкими іезуитами. Трудно предполагать, чтобы панъ Островскій былъ не знакомъ съ королевскою волею, столь опредѣленно выражавшеюся въ грамотѣ 1582 года. Причину невнимательности Дисненскаго подстаросты къ требованіямъ іезуитовъ съ большимъ правомъ можно видѣть въ его нерасположенности къ нимъ. Іезуиты и рѣшаются сломить упорство своего врага силою и авторитетомъ своего высокаго покровителя. Они жалуются самому Баторію, который и даетъ Островскому рѣшитель-

[1]) „Informacio fundationis“... § 6. Археограф. Сборн. докум. т. XIII стр. 38.

ный приказъ возвратить настоящимъ владѣльцамъ незаконно присвоенныя села: Игуменово, Копоровичи и Мотырино[1]).

Въ концѣ 1583 года королевскіе комиссары окончили свою работу по обмежеванію іезуитскихъ владѣній. Они составили еще и особое постановленіе относительно владѣній полоцкой коллегіи, которое и представили на усмотрѣніе Баторія. Король, вполнѣ раздѣляя сдѣланное комиссарами, особою привиллегію отъ 18 марта 1584 года утвердилъ всѣ комиссарскія работы, въ томъ числѣ и особое постановленіе представленное ими[2]). Новымъ владѣльцамъ въ Полоцкѣ и его воеводствѣ, т. о., было приготовлено вполнѣ обезпеченное существованіе. Іезуиты становились владѣльцами не только обширной площади земель, но и господами населявшихъ ихъ крестьянъ. 16 тысячъ православныхъ простолюдиновъ было поставлено въ крѣпостную зависимость отъ іезуитовъ, ничѣмъ не отличавшуюся отъ помѣщичьей[3]). Однако, на перечисленныхъ благодѣяніяхъ не суждено было прекратиться изліяніямъ королевской щедрости по отношенію къ іезуитамъ. Въ томъ же 1584 году обширныя владѣнія іезуитовъ были освобождены отъ всякихъ государственныхъ налоговъ. Разныя дани, прежде взимавшіяся въ королевскую казну съ церковныхъ людей, были уступлены Баторіемъ въ іезуитскую пользу[4]). Очевидно, вѣра Баторія въ іезуитскія силы и широта возложенныхъ на нихъ надеждъ относительно окатоличенія Бѣлоруссіи побуждали его не останавливаться ни предъ какими матеріальными тратами. На дѣлѣ же какъ видимъ, ложно намѣченный іезуитами путь ко благу королевства и внушенный ими Баторію, приводилъ пока лишь къ богатѣйшимъ завоеваніямъ іезуитской корпораціи въ Бѣлорусскомъ краѣ. Страдалъ матеріально православный Бѣлорусскій людъ, принижалась и унижалась въ своихъ вѣковѣчныхъ правахъ и привиллегіяхъ православная Бѣлорусская церковь, а король, какъ бы не замѣчая справедливыхъ воплей и жалобъ ихъ, ожидалъ, что по мановенію іезуитскихъ рукъ

---

1) Акты З. Р. т. III № 137 стр. 277. Сапуновъ, Вит. Стар. т. V. ч. I. стр. 80.

2) „Informacio“... § 7. Археогр. Сборн. докум... т. XIII стр. 38.

3) Rychcycki. „P. skarga i jedo wiek“ ч. I. стр. 339 приш. 325.

4) „Акты З. Р.“ т. III. № 143. стр. 284.

въ Бѣлоруссіи разовьется новая лучшая жизнь, и, попирая всякія начала справедливости, безъ конца благотворилъ іезуитамъ.

Разрѣшеніе Баторія полочанамъ отстаивать пожалованныя іезуитамъ земли и получать обратно „какъ свое“ при наличности вѣскихъ доказательствъ стало использываться ими въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Іезуитамъ слишкомъ часто приходилось фигурировать предъ лицомъ судей полоцкаго магистрата въ роли присвоителей чужой собственности. Помимо того, что всѣ эти выступленія іезуитовъ подрывали ихъ престижъ, іезуитамъ часто приходилось нести еще и матеріальный ущербъ. Находилось много лицъ, предъявлявшихъ вполнѣ достаточныя данныя на владѣніе тѣмъ или другимъ земельнымъ участкомъ, уже отмежеваннымъ въ іезуитскую пользу. Полоцкій же магистратъ удовлетворялъ всѣ законныя просьбы законныхъ владѣльцевъ. Теперь іезуитамъ стало ясно, что при такой постановкѣ дѣла имъ въ теченіе многихъ лѣтъ не избавиться отъ судебной волокиты. Вмѣстѣ же съ этимъ, имъ постоянно могли грозить все новыя и новыя урывки изъ пожалованныхъ Баторіемъ земель. Чтобы избѣжать и того и другого іезуиты и рѣшаются подвигнуть короля на мѣру, могущую разъ навсегда прикончить судебные процессы съ ними полочанъ. Они хотятъ теперь оградить вновь пріобрѣтенную собственность отъ чьихъ бы то ни было притязаній. Достигнуть этого имъ и удается въ 1585 году. По усиленнымъ просьбамъ іезуитовъ Баторій свою фундацію 1582 года полоцкой іезуитской коллегіи представляетъ на утвержденіе Вальнаго Варшавскаго сейма 1585 года[1]). Собравшіеся на этотъ сеймъ магнаты и шляхта, въ своемъ подавляющемъ большинствѣ, или вѣрные слуги короля или друзья польско-литовскихъ іезуитовъ не могли, конечно, посмотрѣть на всѣ іезуитскія завоеванія въ Полоцкой землѣ иначе, какъ на торжество католицизма и нераздѣльнаго съ нимъ полонизма въ Бѣлорусскомъ православномъ краѣ. Интересы и законныя права православныхъ полочанъ и полоцкихъ церквей были чужды фанатично настроеннымъ католикамъ. Явно же совершенныя Баторіемъ несправедливости и попранія религіозной и гражданской свободъ въ Полоцкой землѣ въ

[1]) „Informacio § 8“. Археогр. сбор. докум. т. XIII стр. 38.

глазахъ магнатовъ и шляхты, отуманенныхъ мечтами о славѣ родной вѣры и королевства, теряли всю свою неприглядность. Послѣ этого понятно, что Варшавскій сеймъ 1585 года безъ всякихъ колебаній выступилъ на тотъ же путь насилія и несправедливости, по которому давно уже шелъ глава королевства. Онъ утвердилъ въ окончательной и безапелляціонной формѣ фундацію 1582 года и всѣ соединенныя съ нею донаціи Баторія полоцкимъ іезуитамъ вплоть до 1585 года[1]). Теперь іезуитамъ не опасны были никакія претензіи православныхъ полочанъ. Полоцкій магистратъ былъ безсиленъ выносить постановленія, противныя рѣшенію вальнаго сейма. Какъ пріободрилъ іезуитовъ этотъ успѣхъ и какъ безбоязненно они стали теперь дышать и дѣйствовать въ Полоцкѣ, можно судить хотя бы по слѣдующему факту. Предоставленныя въ распоряженіе іезуитовъ по грамотѣ 1582 года, тринадцать православныхъ церквей и монастырей вплоть до 1585 года оставались достояніемъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ. Опасаясь возмущенія полочанъ, іезуиты не рѣшались сдѣлать заявленія о своихъ владѣльческихъ правахъ на королевское пожалованіе. Вѣроятно, по тѣмъ же причинамъ, не рѣшался сдѣлать ввода іезуитовъ во владѣніе отданными имъ Баторіемъ православными церквами и монастырями и полоцкій покровитель ихъ, комендантъ Жукъ. Т. о., грозный призракъ возмущенія полочанъ удерживалъ и іезуитовъ и коменданта отъ рѣшительнаго шага, направлявшагося къ поруганію и уничтоженію православія въ исконно православномъ краѣ. Сеймъ же 1585 года, оффиціально узаконившій господство латинства въ Бѣлоруссіи, сразу измѣнилъ временно удерживавшееся въ Полоцкѣ положеніе дѣлъ. По требованію іезуитовъ комендантъ Жукъ навсегда упразднилъ семь полоцкихъ православныхъ монастырей. Одновременно же съ этимъ были закрыты и восемь православныхъ церквей, поступившихъ окончательно въ собственность іезуитовъ[2]). Т. о., въ 1585 году открывалось явное гоненіе на православіе въ Бѣлорусскомъ краѣ; но объ этомъ у насъ будетъ рѣчь еще впереди. Теперь же исторія матеріальнаго обезпеченія полоцкихъ іезуитовъ требуетъ огласки еще одного

[1]) Ibidem.

[2]) Лиловъ „О зловредныхъ дѣйств. іезуит. въ З. Р." стр. 133.

факта изъ длиннаго ряда Баторіевыхъ пожалованій и привилле-гій имъ.

Раздробленность имѣній, пожертвованныхъ Баторіемъ, причиняла не мало хлопотъ іезуитамъ, какъ владѣльцамъ. Помимо того, что мелкіе обрывки земельныхъ участковъ нерѣдко за дальностію разстоянія отъ Полоцка эксплоатировать неподлежащими владѣльцами, они много теряли еще въ своей цѣнности, а потому и не приносили іезуитамъ возможной и желательной доходности. Къ тому же и создавшаяся для іезуитовъ необходимость усиливать количество охранителей и распорядителей земельными угодьями не могла не лечь на нихъ тяжелымъ бременемъ. Іезуитамъ приходилось значительно расширять штатъ прокураторовъ имѣній, пополнявшійся, обыкновенно, изъ среды своихъ собратій. А между тѣмъ, разобщеніе іезуитскихъ силъ, пока ограниченныхъ въ своемъ количествѣ, но весьма потребныхъ для работы въ Полоцкѣ, было совсѣмъ не въ ихъ интересахъ. Это и естественно. Коль скоро хозяйственныя работы отрывали многихъ іезуитовъ отъ всѣхъ другихъ дѣлъ—школьное и миссіонерское занятія ихъ въ Полоцкѣ могли идти съ гораздо меньшею энергіей и быстротою. Баторій не оставилъ безъ вниманія и этотъ дефектъ въ экономической сторонѣ быта полоцкихъ іезуитовъ. Особою привиллегіею отъ 24 февраля 1585 года онъ даетъ іезуитамъ право свободной продажи пожертвованныхъ имъ земель и покупки взамѣнъ ихъ новыхъ[1]). Какъ благодѣтельно было для полоцкой іезуитской коллегіи это постановленіе Баторія можно видѣть уже изъ вышесказаннаго; но для насъ важнѣе фактъ общности интересовъ короля и іезуитовъ въ Бѣлоруссіи, нашедшій для себя еще большее подтвержденіе въ указанномъ обстоятельствѣ. На приведенномъ разрѣшеніи Баторія іезуитамъ свободной продажи и покупки имѣній мы и заканчиваемъ исторію матеріальнаго обезпеченія полоцкой іезуитской коллегіи. Мы имѣли много случаевъ убѣждавшихъ въ безграничной щедрости короля къ іезуитамъ. Широта плановъ возложенныхъ Баторіемъ на полоцкій коллегіумъ была вполнѣ окуплена сдѣланными пожалованіями. Теперь же посмотримъ, какъ дѣятельно и равно ли самоотверженно готовились полоцкіе іезуиты къ осуществленію религіозно-по-

[1]) „Informacio § 9. Археогр. сборн." т. XIII. стр. 39.

литическихъ видовъ Баторія на вновь пріобрѣтенную Бѣлоруссію. Что предпринято было ими къ оборудованію того пресловутаго коллегіума, на алтарь котораго приносились столь обильныя жертвы? Какъ и чѣмъ охарактеризовались первые шаги іезуитской миссіонерской дѣятельности въ Полоцкѣ? Наконецъ, въ какой мѣрѣ іезуиты своею дѣятельностію могли убѣдить Баторія въ продуктивности его пожалованій и цѣлесообразности его намѣреній окатоличить и ополячить православную Бѣлоруссію при ихъ содѣйствіи.

Открытая въ 1580 году іезуитомъ Ленчинскимъ школа при вновь оборудованномъ костелѣ влачила то же жалкое существованіе и при его преемникахъ, какъ и при основателѣ. Скудость учениковъ перешла въ ея какъ бы хроническую болѣзнь. 1581 и 1582 годы проходятъ въ томъ же мучительно напряженномъ стремленіи расположить полочанъ къ іезуитской наукѣ, однако, и въ эти годы безлюдье въ іезуитской школѣ остается прежнее. Бѣлорусская почва оказалась совершенно неподготовленной для произрастанія на ней польско-іезуитскаго сѣмени. Уже эти первыя неудачи іезуитовъ-педагоговъ, казалось, должны бы были заставить призадуматься и ихъ самихъ и короля надъ осуществленіемъ своихъ плановъ относительно сооруженія зданій для коллегіума. Постройка обширныхъ помѣщеній для несуществующихъ учениковъ легко могла бы показаться всякому непроизводительною тратою и времени, и силъ, и средствъ. Однако, эти первыя неудачи іезуитскихъ педагоговъ не сломили ихъ энергіи. Не разубѣдили онѣ и Баторія въ іезуитской мощи и не ослабили надеждъ его на успѣхъ дальнѣйшей дѣятельности іезуитовъ. Какъ бы одушевляемый горячей вѣрой, что лучшія времена для іезуитской школы въ Полоцкѣ не за горами, Баторій напрягаетъ всѣ усилія къ скорѣйшему созданію помѣщеній необходимыхъ для коллегіума. Онъ самолично опредѣляетъ мѣсто для будущаго разсадника польско-латинскихъ идей. Выборъ Баторія палъ на площадь располагавшуюся между замкомъ и Двиною[1]). Однако, полоцкій сенатъ рѣшительно воспротивился сооруженію зданій на избранномъ Баторіемъ мѣстѣ. Онъ вполнѣ основательно указывалъ на тотъ фактъ, что зданія, которыя хотятъ имѣть пріѣзжіе іезуиты, будучи непосредственно за стѣной,

[1]) Rostowski „Lituanicarum."... p. I. стр. 94.

могутъ служить серьезнымъ препятствіемъ къ оборонѣ замка. Кромѣ того, осаждающіе городъ непріятели въ строеніяхъ коллегіума легко могли бы имѣть для себя готовое прикрытіе. Король уважилъ справедливое представленіе полочанъ. Для зданій коллегіума было избрано другое мѣсто, между замкомъ и Заполотьемъ, въ самомъ городѣ[1]). Королевскіе комиссары произвели отчужденіе собственности, платя за отнимавшіеся плацы и сносившіеся мѣщанскіе дома. Самое же производство построекъ было поручено коменданту Фр. Жуку[2]). Такимъ образомъ, перенесеніе центра іезуитской педагогической дѣятельности съ верхняго замка въ городъ было окончательно рѣшеннымъ фактомъ. Замѣчавшееся прежде неудобство посѣщенія учениками іезуитской школы въ замкѣ, въ виду дальности разстоянія, устранялось теперь само собою. Однако, легче было намѣтить планъ созданія коллегіума, чѣмъ произвести самую постройку зданій, необходимыхъ для послѣдняго. Работа по сооруженію коллегіума шла настолько медленно и малоуспѣшно, что лишь къ концу 1597 года достигла своего завершенія[3]). Іезуиты, занятые тогда почти исключительно матеріальной стороной своего существованія въ Полоцкѣ, очевидно, прилагали мало старанія къ скорѣйшему окончанію начатаго дѣла. Къ тому же и факты наличной дѣйствительности, вѣроятно, сильно умѣряли въ іезуитахъ торопливость, которой такъ подвергнутъ былъ король. Пустующія стѣны открытой школы въ замкѣ, вѣдь, ясно говорили что успѣхъ іезуитской педагогической дѣятельности зависитъ не столько отъ условій внѣшней обстановки, сколько отъ сочувствія къ ней полочанъ. Къ тому же, пустота обширныхъ помѣщеній коллегіума вслѣдствіе недостатка учениковъ могла бы только больше оттѣнять іезуитскій неуспѣхъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, вѣроятно, и произошло, что не новымъ, обширнымъ и хорошо обставленнымъ зданіямъ въ центральной части города пришлось впервые получить почетное наименованіе коллегіума, но той же бѣдной, захудалой школкѣ въ замкѣ. Дѣло въ томъ, что одно лишь королевское желаніе, хотя бы и выраженное въ грамотѣ, имѣть кол-

---

1) Rostowski „Lituanic. стр. 94. Załęski „Iezuici“... т. IV. ч. I. стр. 194.

2) Roctowski „Lituanic.“... стр. 94.

3) Litterae annuae 1597 г. стр. 172. Załęski „Iezuici.“ т. IV. ч. I. стр. 195.

легіумъ въ Полоцкѣ не рѣшало еще въ окончательной формѣ вопроса о бытіи его въ дѣйствительности. Изъ сферы чувства оно могло перейти въ фактъ реальной жизни лишь при наличности папскаго согласія. Но такъ какъ Баторій въ своемъ намѣреніи окатоличить Бѣлоруссію шелъ далеко впереди даже римскаго первосвященника, то Полоцкъ и оставался на самомъ дѣлѣ лишь іезуитскою резиденціею, не смотря на изданіе имъ въ 1582 году особой грамоты: Diploma fundationis Coll. Polocensis Soc. Jesu. Только въ 1585 году іезуитскій генералъ Аквавива, легатъ въ Польшѣ, съ папскаго согласія возвысилъ резиденцію іезуитовъ въ Полоцкѣ на степень коллегіи[1]). Съ этого времени, повидимому, и слѣдовало бы историку просвѣтительной дѣятельности іезуитовъ въ Полоцкѣ начинать свою работу. Прежде существовавшая іезуитская школа въ замкѣ, какъ неимѣвшая оффиціальнаго признанія въ достоинствѣ коллегіума, не имѣла, конечно, и характерныхъ признаковъ организаціи послѣдняго. Элементарная школа съ задачами элементарнаго обученія полоцкихъ обитателей, по самому роду своей дѣятельности, не оставила по себѣ хоть сколько-нибудь, замѣчательныхъ слѣдовъ своего существованія. Незначительность и незамѣтность ея вліянія на православныхъ полочанъ были ея всегдашнимъ удѣломъ. Другая, болѣе важная, начавшаяся почти одновременно, іезуитская миссіонерская дѣятельность—шла какъ бы особнякомъ отъ существовавшей школы. Теперь не было еще того безраздѣльнаго сліянія просвѣтительной дѣятельности іезуитовъ съ миссіонерскою, которое столь рѣзко обрисовалось во всемъ послѣдующемъ существованіи коллегіума. Среди четырехъ-пяти учениковъ, отъ рожденія католиковъ, іезуитамъ нечего было дѣлать, какъ миссіонерамъ. Нужно было искать другую почву и въ другомъ мѣстѣ для приложенія своихъ миссіонерскихъ силъ. Сфера обыкновенныхъ житейскихъ взаимоотношеній съ православными полочанами, конечно, больше выдвигала поводовъ къ миссіонерскимъ выступленіямъ іезуитовъ. Отсюда и неудивительно, что въ это именно время полоцкіе іезуиты только и старались использовать самые разнообразные факты обыденной жизни въ цѣляхъ сѣянія католическихъ идей.

Въ 1582 году папа Григорій XIII измѣнилъ существовавшій до

[1]) Rostowski „Lituanic."... стр. 133.

него юліанскій календарь[1]). Прибавивъ къ 1582 году еще десять дней, онъ приказалъ ввести въ употребленіе его новоправленный календарь во всѣхъ латинскихъ странахъ. Указъ Григорія XIII простирался, конечно, и на польское королевство, какъ имѣвшее вполнѣ латинскую религіозную окраску. Отсюда и естественно, что распоряженіе папы было принято къ свѣдѣнію и исполненію польскимъ королемъ Баторіемъ. Однако, Григоріанское лѣтосчисленіе, уже въ 1583 г. употреблявшееся почти во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ Польши и Литвы, не было еще достояніемъ и обыденной жизни всѣхъ польскихъ подданныхъ безъ различія ихъ религіозныхъ міровоззрѣній. Между тѣмъ, введеніе Григоріанскаго лѣтосчисленія въ практику и обыденной жизни польскихъ подданныхъ іезуиты учитывали, какъ одно изъ могущественнѣшихъ средствъ къ сближенію православныхъ польскихъ массъ съ латинствомъ. По этимъ побужденіямъ они и упросили короля Баторія издать указъ, въ которомъ призывались бы къ принятію новаго календаря всѣ его подданные. Папское новшество могло имѣть силу обязательнаго закона лишь для латинянъ по вѣроисповѣданію, какъ признававшихъ его главенство и начальство въ своей церкви. Послѣдователи же другихъ исповѣданій, не знающіе и не признающіе авторитета папы въ своей религіозной жизни, могли оставаться и при старомъ календарѣ. Но не такого рода постановка дѣла была желательна для іезуитовъ. Силу папскаго нововведенія они постарались попростереть и на диссидентовъ, и на православныхъ. Послѣдніе, однако, не рѣшались стать послушными рабами іезуитской тактики, искусно прикрывавшейся папской волею и королевскимъ указомъ. Оцѣнивая съ религіозной точки зрѣнія предъявлявшеся къ нимъ требованіе, они прежде всего усмотрѣли въ немъ порабощеніе своей религіозной совѣсти. Насильственное нарушеніе издавна установившагося порядка религіозныхъ празднованій имъ, естественно, казалось гоненіемъ со стороны латинянъ на всѣхъ ихъ иновѣрцевъ. Дать приличный отпоръ латинскимъ притязаніямъ помимо вопросовъ совѣсти и чести православныхъ побуждали еще и воззванія представителя Восточной церкви, Константинопольскаго патріарха Іереміи, обращавшіяся къ нимъ съ горячимъ зовомъ

[1]) Лиловъ „О зловр. дѣйств. іезуит.“... стр. 135.

постоять за вѣру и честь своей церкви[1]). Такъ обстояло дѣло въ самой Польшѣ. Понятно, что тотъ же духъ протеста противъ насильственно навязывавшагося новшества царилъ и въ Полоцкѣ. Полное пренебреженіе къ Григоріанскому лѣтосчисленію предносилось и здѣсь во всей силѣ взорамъ Полоцкихъ іезуитовъ. Намѣченное, т. о., средство къ сближенію православныхъ полочанъ съ латинствомъ теряло свою силу и значеніе. Однако, іезуитская энергія въ стремленіи къ намѣченной цѣли не была надломлена рѣшительнымъ упорствомъ православныхъ. Просьбы у короля настойчивыхъ мѣръ противъ ослушниковъ его воли, хотя и выраженной, повидимому, въ мягкой необязательной формѣ, раздаются изъ устъ іезуитовъ все сильнѣе и сильнѣе. Возможность тѣснить и гнать православныхъ полочанъ, искусно прикрываясь королевской волей, несомнѣнно развертывала предъ взорами полоцкихъ миссіонеровъ самыя богатыя перспективы. Прецеденты прошлаго, а еще больше факты недалекаго будущаго, къ которымъ мы уже почти приблизились, подтверждаютъ вѣрность этой мысли, какъ нельзя больше. Баторій, по обыкновенію, не остался безучастнымъ къ мольбамъ іезуитовъ. Слезы крокодила на глазахъ послѣднихъ были выслушаны королевской грамотою отъ 9-го января 1584 года. Въ этой грамотѣ, вотъ, какъ отвѣчалъ Баторій на просьбы своихъ любимцевъ и друзей: „такъ какъ я узналъ, что вопреки моимъ грамотамъ Русскіе не принимаютъ новаго календаря и нарушаютъ латинскія праздненства исполненіемъ обрядовъ по старому календарю, то предписываю: кто изъ православныхъ въ установленные по новому календарю праздничные дни будетъ заниматься работами или торговлею, того безъ всякаго разбора наказывать, какъ лишеніемъ сработанныхъ вещей, такъ и вырученныхъ за работу денегъ[2]). Іезуиты, конечно, только этого и ждали. Для нихъ теперь открылось обширнѣйшее поле дѣятельности въ роли исполнителей королевской воли. Сознавая за собою королевскую поддержку, они настойчиво домогаются принятія полочанами новаго лѣтосчисленія. Въ своемъ рвеніи о широтѣ и всеобъемлемости папскаго авторитета полоцкіе іезуиты ушли такъ далеко, что спокойное проведеніе въ жизнь Баторіева

[1]) Ibidem. ср. Актъ З. Р. т. Ш. № 138.

[2]) Лиловъ „О зловредн. дѣйст. іезуит. въ З. Р.“ стр. 134.

указа отъ 9 января 1584 года они сочли за излишнюю и даже вредную деликатность по отношенію къ православнымъ полочанамъ. Они сразу же обратились къ насмѣшкамъ, ругательствамъ, грабежу и насилію надъ ними. Іезуиты не хотѣли поступать такъ, „абы покой и згода межи разными въ вѣрѣ и набоженьствѣ захованъ былъ“[1]). Поэтому и естественно, что на всѣ іезуитскія притязанія былъ отвѣтомъ цѣлый взрывъ народнаго негодованія. Православные полочане не постѣснялись отвѣтить даже открытымъ бунтомъ противъ новыхъ угнетателей своей религіозной совѣсти. Они не могли помириться съ тѣмъ оскорбительнымъ для ихъ сознанія фактовъ, что стѣснителемъ ихъ религіозной свободы является слишкомъ незначительная единица въ сравненіи съ ихъ общей массою—это горсть іезуитовъ и нѣсколько десятковъ католиковъ и отщепенцевъ. Проистекавшее же отсюда сознаніе, что основной тонъ религіозной жизни въ Полоцкѣ долженъ дать не католицизмъ, а православіе, вѣроятно и побудило полочанъ помѣняться ролями съ іезуитами. Изъ угнетаемыхъ православные полочане быстро перешли на позицію своихъ противниковъ и предъявили требованіе какъ іезуитамъ, такъ и всѣмъ латинянамъ въ Полоцкѣ, принять и пользоваться старымъ календаремъ. Не соразмѣрившіе своихъ силъ съ могуществомъ противника, полоцкіе іезуиты едва не потерпѣли еще и утраты вновь пріобрѣтеннаго костела. Послѣдній подвергся жестокому нападенію со стороны православныхъ полочанъ, которое едва и не окончилось разгромомъ латинскаго святилища[2]).

Іезуитская ревность въ дѣлѣ введенія во всеобщее употребленіе новоисправленнаго календаря среди польскихъ подданныхъ причинила не мало хлопотъ и королю Баторію. Ему впервые пришлось перенести всю горечь слѣпого повиновенія іезуитамъ. Народныя волненія и бунтъ полочанъ не могли не принести безпокойства и огорченія тому, который такъ усиленно стремился, „абы згода и покой были“ между всѣми его подданными. Къ тому же, возбужденныя іезуитами волненія естественно должны были произвести въ душѣ Баторія и разочарованіе въ тѣхъ, которые казались ему до сихъ поръ поборниками общественнаго мира и законности. Стефанъ Баторій теперь

[1]) Акты З. Р. т. Ш. № 139.

[2]) Демьяновичъ „Іезуиты“... стр. 75.

счелъ за лучшее остановить своимъ указомъ неумѣренныхъ ревнителей латинства, чтобы положить конецъ возникшимъ безпорядкамъ. 21 января 1584 года своею грамотою онъ во всеуслышаніе объявляетъ, что „когда мы календарь новоправленный въ панствахъ нашихъ приняти казали, учинили то есмы зъ великихъ и важныхъ причинъ: въ чемъ не йдетъ намъ и тое, абыхмо обходовъ и всвятъ греческихъ, альбо якихъ иншихъ въ набоженьствѣ заказывати мѣли, о чемъ есмы и не мыслили, але учинили то есмы для порядку и справъ Рѣчи Посполитой. Про то вольно есть и маетъ быти каждому набоженьства вѣры своей уживати, свята святити и обходити“ [1]). Въ религіозной жизни своей „люди греческаго обряда до той поправы новаго календаря безъ произволенья старшаго патріарха своего кгвалтомъ примушаны быти не маютъ“ [2]), категорически заявилъ король.

Баторій, такимъ образомъ, съ корнемъ вырвалъ имъ самимъ же созданную причину общественныхъ неурядицъ и бунтовъ. Іезуитамъ прегражденъ былъ путь къ насильственному принужденію православныхъ принимать Григоріанское лѣтосчисленіе. Облегченно вздохнули теперь и полочане, окончательно освободившіеся отъ іезуитскихъ притязаній на стѣсненіе ихъ религіозныхъ правъ. Королевская воля—эта ширма,—за которой прежде успѣшно скрывались іезуиты,—теперь была на сторонѣ полочанъ. Успѣшно отстоявъ первенствующую роль православнаго исповѣданія вѣры въ Полоцкѣ, они какъ бы получили санкцію справедливости своихъ дѣйствій и отъ верховной польской власти. Понятно, что такой исходъ борьбы іезуитовъ съ полочанами не могъ удовлетворить полоцкихъ ставлениковъ Баторія. Помимо того, что въ данномъ случаѣ подрывался авторитетъ служителей латинства въ Полоцкѣ, іезуиты подвергались еще и принужденіямъ со стороны ободрившихся полочанъ удерживать въ своей религіозной практикѣ юліанское лѣтосчисленіе. Естественно было ожидать новыхъ жалобъ королю на полочанъ со стороны іезуитовъ. Поводомъ для нихъ и послужила отмѣченная уже нами попытка полочанъ разрушить іезуитскій костелъ. Въ своихъ жалобахъ Баторію полоцкіе іезуиты представили процессъ борьбы изъ-за календаря, какъ бунтъ пра-

[1]) Акты З. Р. т. Ш. № 139 стр. 280.

[2]) Ibidem.

вославныхъ противъ всего латинства. Не отстранялась въ данномъ случаѣ тенденція дать полоцкимъ волненіямъ окраску и политическаго свойства. Бунтъ полочанъ обрисовался въ жалобахъ іезуитовъ и какъ демонстрація противъ иновѣрной королевской власти. Баторій опять пришелъ на помощь іезуитамъ. Какъ ни тяжело ему было разочарованіе въ несбыточности надеждъ возложенныхъ на іезуитовъ—этихъ мнимыхъ охранителей порядка и законности,—онъ все же не могъ терпѣть стѣсненій представителямъ господствующаго исповѣданія въ королевствѣ, хотя бы это имѣло мѣсто и въ областяхъ съ преобладающимъ православнымъ населеніемъ. Въ Полоцкъ прибыла судная королевская комиссія, которая и постаралась расплатиться съ обвинявшимися чрезъ іезуитовъ лицами [1]). Въ скоромъ времени вышла и особая королевская грамота, запрещавшая подъ угрозой наказанія по Магдебургскому праву, препятствовать латинянамъ руководиться въ своей религіозной практикѣ Григоріанскимъ календаремъ.

Мирное теченіе іезуитской жизни въ Полоцкѣ, такимъ образомъ, силой королевской власти было снова возстановлено. Городскія, полоцкія власти строго слѣдили за точнымъ выполненіемъ Баторіева требованія, чтобы православные „во дни святые, которые костелъ Римскій съ учтивостію и набоженствомъ обходитъ и святитъ водлугъ новоправленнаго календаря, не важилися крамовъ отворяти и ремесла жадного не робили“ [2]). Однако, отъ этого ни мало не скрашивается полный неуспѣхъ первыхъ миссіонерскихъ шаговъ іезуитовъ въ Полоцкѣ. Къ тому же, медвѣжья услуга съ ихъ стороны по отношенію къ своему верховному благодѣтелю не мало поколебала увѣренность Баторія въ способностяхъ іезуитовъ къ мирной созидательной работѣ. Начавшееся охлажденіе Баторія къ полоцкимъ іезуитамъ [3]), вѣроятно, и имѣло свою ближайшую причину въ только что пожатыхъ королемъ плодахъ неумѣренной іезуитской ревности.

Внѣ той же связи съ коллегіумомъ стояло и другое наиболѣе замѣчательное изъ миссіонерскихъ выступленій іезуитовъ въ Полоцкѣ въ царствованіе Баторія. Въ 1584 году шляхта полоцкаго воеводства

---

[1]) Демьяновичъ „Іезуиты“... стр. 75,

[2]) Сапуновъ „Вит. Стар.“ т. V ч. 1 № 52 стр. 81.

[3]) Кояловичъ „Чтенія“... стр. 195.

съѣхалась на земскіе суды въ свой городъ [1]). Іезуиты и рѣшили использовать это многолюдное собраніе наиболѣе интеллигентной публики полоцкаго воеводства въ своихъ миссіонерскихъ цѣляхъ. Такъ какъ среди прибывшихъ было много аріанъ и кальвинистовъ, іезуиты намѣреваются устроить съ ними религіозный диспутъ. Между кальвинистами былъ и верховный представитель ихъ религіозной общины. Іезуиты пригласили его на диспутъ о Св. Причащеніи. Вызовъ, сдѣланный кальвинистамъ, былъ принятъ ими. Назначенъ былъ и день для диспута. Предстоящій словесный турниръ, конечно, сильно возбуждалъ среди полочанъ любопытство уже вслѣдствіе одной своей новизны. Отсюда не удивительно, что въ назначенное время для состязанія собралось много народа. Сверхъ ожиданія только отсутствовалъ наставникъ полоцкихъ кальвинистовъ. Вѣроятно, знакомство его съ пріемами іезуитской логики, а также, быть можетъ, и недостаточная освѣдомленность его самого въ основномъ вопросѣ диспута—удержали его отъ опаснаго состязанія съ іезуитами [2]). Однако, эта побѣда надъ кальвинистами, очевидно, мало удовлетворила іезуитовъ. Дѣло обошлось безъ публичнаго посрамленія и пораженія представителей кальвинизма, а между тѣмъ іезуиты только этого и добивались. Но, вотъ, къ величайшей радости іезуитовъ находившіеся въ Полоцкѣ аріане изъявили свою готовность словесно состязаться съ іезуитами по вопросамъ вѣры [3]). Глава аріанской партіи Симонъ Будный, дѣйствительно, и вступаетъ въ споръ съ іезуитами по вопросу о Божествѣ І. Христа. Іезуитскіе историки единодушно отмѣчаютъ успѣхъ своихъ собратій на этомъ диспутѣ. Аріане ушли побѣжденными, а іезуиты—побѣдителями [4]). Для насъ же болѣе важно отмѣтить тотъ фактъ, что съ настоящаго момента іезуитами былъ внесенъ большой разладъ между представителями различныхъ исповѣданій, доселѣ мирно уживавшимися въ Бѣлорусскомъ краѣ. Послѣдствія его оказались невыгодными прежде всего для самихъ же іезуитовъ, когда въ годъ кончины Баторія и диссиденты и православные настойчиво тре-

---

[1]) Załęski „Iezuici w Polscie“ т. IV ч. 1 стр. 196.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem.

бовали удаленія іезуитовъ изъ Бѣлоруссіи, какъ распространителей религіозной вражды и нетерпимости. Что дали для латинства отмѣченные диспуты съ иновѣрцами теперь же,—объ этомъ единодушно молчатъ іезуитскіе историки. У нихъ нѣтъ и намековъ на какія либо обращенія въ латинство—какъ слѣдствіе іезуитскихъ успѣховъ на диспутахъ. Другихъ, болѣе утѣшительныхъ плодовъ іезуитской дѣятельности въ Полоцкѣ Баторію не суждено было видѣть даже до послѣднихъ дней своихъ. Совращеніе въ латинство православныхъ полочанъ шло безуспѣшно. Полоцкій же бунтъ противъ іезуитовъ и посѣянная послѣдними религіозная вражда между мирно жившими прежде полочанами были только черными пятнами на радужномъ фонѣ Баторіевыхъ чаяній. Естественно, что въ концѣ концовъ Баторій сильно охладѣлъ къ своимъ прежнимъ полоцкимъ любимцамъ [1]). Прекратилась вмѣстѣ съ этимъ и безпримѣрная королевская щедрость по отношенію къ нимъ. 12 декабря 1586 г. Баторій умеръ, не видавъ и тѣни исполненія своихъ замысловъ относительно Бѣлоруссіи.

Наступившее въ 1587 году междуцарствіе въ Польшѣ сильно оживило надежды на лучшее будущее православныхъ полочанъ, а вмѣстѣ съ ними и всѣхъ диссидентовъ [2]). Блеснувшій лучъ надежды на возвращеніе отнятыхъ Баторіемъ въ пользу іезуитовъ различныхъ правъ и привиллегій сплотилъ все коренное населеніе полоцкой области для борьбы съ тѣми, которые, «вкравшись въ сердце короля», подвигнули его на цѣлый рядъ самыхъ беззаконнѣйшихъ дѣяній. Поруганіе правъ и свободы православной церкви въ Полоцкѣ признается возможнымъ смыть лишь полнымъ изгнаніемъ изъ Полоцкой области тѣхъ, по чьимъ происканъ это было сдѣлано. На сеймѣ 1587 года полоцкіе люди въ лицѣ своихъ лучшихъ и знатнѣйшихъ представителей требуютъ самымъ рѣшительнымъ образомъ выселенія изъ Полоцка непрошенныхъ гостей [3]). Не мало хлопотъ и безпокойства терпятъ іезуиты и въ самомъ Полоцкѣ. Раздраженные воинственнымъ выступленіемъ католицизма въ Бѣлоруссіи въ лицѣ іезуитовъ, мѣст-

---

[1]) Кояловичъ „Чтенія“... стр. 195.

[2]) Rostowski „Lituanic“... стр. 145. „Litterae ann.“—1558 г. стр. 107.

[3]) „Litterae annuae“ 1588 г. стр. 107.

ные обыватели всячески стремятся дать почувствовать іезуитамъ насколько они являются нежелательнымъ элементомъ въ совмѣстной жизни. Православные, кальвинисты, аріане, которымъ такъ рѣшительно была объявлена религіозная война со стороны іезуитовъ, пользуясь беззащитностью своихъ противниковъ, стремятся прежде всего довести ихъ до полнаго матеріальнаго обнищанія. Сдѣланныя Баторіемъ пожалованія іезуитамъ теперь отторгаются одно за другимъ ихъ прежними владѣльцами[1]). Не забываетъ горькихъ обидъ, нанесенныхъ іезуитами, и полоцкій воевода Николай Дорогостайскій. Онъ отнимаетъ у іезуитовъ лучшее изъ королевскихъ пожалованій имъ—мѣстечко Экимань[2]). Пытавшаяся кучка отщепенцевъ и католиковъ отстоять силою іезуитскія владѣльческія права принуждена была смириться подъ ударами плетей воеводскихъ слугъ. Сами же іезуиты не посмѣли не только явиться въ Экимань, но даже и упрекнуть Дорогостайскаго въ его дѣяніяхъ. Какъ бы зажатые въ тискахъ они отказались отъ всякой борьбы здѣсь, въ Полоцкѣ, съ неравнымъ по силѣ противникомъ. Центръ вниманія полоцкихъ іезуитовъ былъ перенесенъ въ Варшаву, гдѣ былъ выдвинутъ вопросъ о самомъ быть или не быть имъ въ Бѣлоруссіи, а не о какихъ-либо частныхъ вопросахъ ихъ матеріальнаго обезпеченія. Сеймъ 1587 года долженъ былъ явиться окончательнымъ вершителемъ судебъ іезуитовъ. Вотъ здѣсь—то и нужна была концентрація всѣхъ іезуитскихъ силъ, чтобы отстоять себѣ право на свободную дѣятельность во всѣхъ уже занятыхъ ими центрахъ. Покинувшіе почти до одного Полоцкъ, іезуиты теперь на сеймахъ конвокаціи и элекціи новаго короля напрягаютъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы удержать за собою Полоцкую резиденцію. Друзья іезуитовъ, польско-литовскіе магнаты, по ихъ просьбамъ формируются въ особую группу, имѣющую цѣлію отстоять іезуитскіе интересы. Да это и естественно. Польско-литовскіе іезуиты успѣли больше сдѣлать въ цѣляхъ огражденія собственныхъ интересовъ, чѣмъ ихъ Бѣлорусскіе сотоварищи. Послѣднимъ некогда было привлечь къ себѣ симпатіи хотя бы Полоцкой шляхты, а потому и не у представителей коренного Бѣлорусскаго населенія пришлось искать имъ на-

---

[1]) Załęski „Iezuici“ т. IV. ч. 1 стр. 195.

[2]) Ibidem.

дежной помощи. На сеймѣ 1587 года полоцкіе іезуиты, дѣйствительно, и оперлись на польско-литовскихъ магнатовъ, фанатичныхъ католиковъ, которые не понимали истинныхъ нуждъ и запросовъ Бѣлорусской жизни, которые своимъ численнымъ превосходствомъ и обезличили протесты полоцкой шляхты и ея категорическія требованія объ изгнаніи іезуитовъ изъ Полоцка[1]). Т. о., истинныя желанія православныхъ Бѣлоруссовъ остались не исполненными. Изгнанные полочанами іезуиты юридически по прежнему оставались хозяевами своихъ завоеваній въ Полоцкѣ, совершенныхъ при Баторіѣ. Однако, въ настоящій моментъ они не рискнули возвратиться въ Полоцкъ и заявить о своихъ владѣльческихъ правахъ на полоцкіе монастыри и церкви съ ихъ имѣніями, пріобрѣтенныя по фундаціи Баторія. Только съ прекращеніемъ бурныхъ треній политической жизни даннаго момента и окончаніемъ избранія преемника Баторія, іезуиты, не опасаясь никакихъ угрозъ со стороны полочанъ, ступили твердою ногою на полоцкую территорію[2]). Вновь избранный король Сигизмундъ III, воспитанникъ іезуита Варшевицкаго, былъ рабъ іезуитскаго вліянія въ полномъ смыслѣ этого слова. Іезуитамъ было нечего тревожиться за свою дальнѣйшую судьбу, когда вся сила королевской власти была въ ихъ рукахъ. Обезволенный и обезличенный іезуитами Сигизмундъ III, далъ мѣсто при своемъ дворѣ самой низкой интригѣ. Совѣтниками и даже судьями королевскихъ поступковъ стали іезуиты»[3]). Занимая при дворѣ должности секретарей, духовниковъ и проповѣдниковъ они окружили короля со всѣхъ сторонъ. «Вслѣдъ за іезуитами не замедлили дотащиться до престола и свѣтскіе друзья ихъ—ревностные латиняне. Эти послѣдніе занимаютъ теперь придворныя и государственныя должности, все болѣе и болѣе оттѣсняя иновѣрцевъ, все сильнѣе и настойчивѣе вращая іезуитскія колеса»[4]). Всѣ эти явленія жизни государственной не могли такъ или иначе отразиться и на дальнѣйшемъ ходѣ іезуитской дѣятельности въ Бѣлоруссіи. Поелику въ ихъ рукахъ была возможность пользо-

---

[1]) Łukaszewicz „Hystrya srkół... т. IV. стр. 1.

[2]) Litterae annuae 1588 г. стр. 107.

[3]) Кондратовичъ „Истор. польск. литерат. т. II. стр. 197.

[4]) Кояловичъ „Чтенія“... стр. 214.

ваться въ своихъ цѣляхъ не только общественными, сколько государственными вѣрами, іезуитское дѣло въ Полоцкѣ должно было идти гораздо успѣшнѣе. Поскольку іезуитамъ развязались руки въ дѣлѣ искорененія самобытныхъ особенностей, вообще, въ Западной Россіи, постольку и окатоличеніе и полонизація православныхъ Бѣлоруссовъ могли развиться съ гораздо большей скоростью. Это мы и замѣтимъ въ общемъ ходѣ культурно-просвѣтительной и миссіонерской дѣятельности іезуитовъ въ Бѣлоруссіи отъ времени Сигизмунда III вплоть до 1772 года.

И такъ, эпоха Баторія не отличалась хоть сколько-нибудь выдающимися успѣхами дѣятельности полоцкихъ іезуитовъ ни какъ миссіонеровъ, ни какъ педагоговъ—просвѣтителей. Іезуиты не встрѣтили живого отклика въ сердцахъ православныхъ полочанъ на свой призывъ къ латинству. Даже іезуитскіе историки молчатъ о какихъ бы то ни было обращеніяхъ въ латинство. Послѣднія были настолько единичными фактами, настолько не говорящими о какой-либо расположенности къ латинству полочанъ, что ихъ можно, лишь по недоразумѣнію, выдвигать въ качествѣ свидѣтелей успѣха іезуитской миссіи въ Бѣлоруссіи временъ Баторія. «Litterae annuae», этотъ скрупулезнѣйшій памятникъ іезуитскаго самопревозношенія, счелъ возможнымъ отмѣтить не болѣе 5—6 совращеній въ латинство, и при томъ совершенно не имѣющихъ для себя хоть какой либо почвы въ основахъ жизни коренного православнаго русскаго рарода. Первыми отщепенцами отъ православія въ Полоцкѣ и его воеводствѣ были обрусѣвшіе шляхтичи и шляхтянки[1]). Коренное же, православно-русское населеніе Полоцка единодушно отвѣчало іезуитскому зову въ подданство папѣ категорическимъ отказомъ и даже возмущеніями. Обольстительныя рѣчи были мало убѣдительны для тѣхъ, кто твердъ былъ въ вѣрѣ отцовъ. Практиковавшіяся же іезуитами въ другихъ мѣстахъ мѣры почти насильственнаго вовлеченія въ латинство были полною невозможностію теперь для Полоцка. Даже тѣ 16 тысячъ православныхъ крестьянъ, которые были отданы Баторіемъ въ помѣщичью соб-

[1]) Д. Толстой. „Римск. католиц.“ т. II. стр. 191. „Вскорѣ по прибытіи іезуитовъ знатнѣйшіе роды, отдѣлившіеся отъ Римск. церкви, снова присоединилися къ ней“.

ственность іезуитовъ были свободны отъ всякихъ посягательствъ на свою религіозную совѣсть со стороны своихъ господъ. Твердое и мужественное сопротивленіе православныхъ всякимъ выступленіямъ воинствующаго католицизма въ Полоцкѣ, очевидно, убѣждало, что не пришелъ еще часъ для открытой борьбы латинства съ православіемъ въ Бѣлорусскомъ краѣ. Этимъ, вѣроятно, и объясняется, что въ эпоху Баторія можно больше говорить о матеріальныхъ завоеваніяхъ іезуитовъ въ Полоцкѣ, чѣмъ объ успѣхахъ ихъ миссіонерской дѣятельности. Іезуитскіе учителя и миссіонеры въ Полоцкѣ, очевидно, предпочитали сначала обезпечить себѣ здѣсь теплое и сытое существованіе, а потомъ уже приняться за просвѣтительно-миссіонерскую работу. Что же касается скрытаго намѣренія Баторія пріобщить чрезъ іезуитовъ Бѣлорусскій народъ къ чисто польской государственной культурѣ, то и оно какъ бы уподобилось зерну, упавшему на каменистую почву. Начавшееся вдалбливаніе въ головы дѣтей полоцкихъ гражданъ латинскихъ азовъ и всей премудрости Альвара было не способно пробудить въ ученикахъ ни чувства любви къ Польшѣ, ни дать имъ знаніе, имѣющее практическую цѣну. Помимо того, что усвоенный іезуитами методъ преподаванія на латинскомъ языкѣ, требовалъ отъ учащихся значительной энергіи, что-бы достичь совершенства въ латыни, онъ отбивалъ у полочанъ и самое желаніе учиться на чуждомъ, непонятномъ имъ нарѣчіи. Правда, полоцкіе іезуиты въ цѣляхъ привлеченія къ себѣ возможно большаго количества учениковъ ввели въ своей школѣ обученіе и русскому языку. Однако, это было сдѣлано совсѣмъ не для того, чтобы надежнѣй и быстрѣе обезпечить успѣхъ просвѣтительнаго дѣла въ Бѣлоруссіи. Русскій языкъ въ іезуитской школѣ былъ лишь для того, чтобы «дѣти простодушныхъ русиновъ быстрѣе привыкали къ латинскимъ буквамъ и обрядамъ»[1]). Государственныя, культурныя цѣли Баторія были временно отодвинуты полоцкими іезуитами совершенно на задній планъ.

---

[1]) Litterae annuae. 1584 г. стр. 151 ср. Харламповичъ Зап.-Русск. школы... стр. 67.

Часть II.

Культурно-просвѣтительная и миссіонерская дѣятельность іезуитовъ въ восточной части Бѣлоруссіи отъ времени Сигизмунда III до 1772 года.

ГЛАВА 1-ая.

Бѣлорусскія іезуитскія школы, какъ центры просвѣщенія и пропаганды латинства.

Малочисленность учениковъ въ іезуитской замковой школѣ перешла какъ бы по наслѣдству, и въ полоцкій коллегіумъ. Однако, іезуитамъ очень скоро удалось побѣдить нерасположеніе полочанъ къ іезуитской наукѣ. Достигли они этого многообразными средствами. Прежде всего іезуитамъ много помогли сценическія представленія имѣвшія мѣсто въ ихъ коллегіумѣ. По сознанію ихъ самихъ, разыгранная трагикомедія «Athalia» прославила имя какъ самого коллегіума, такъ и его учениковъ [1]). Заподозрить вѣрность отмѣченнаго іезуитами факта нѣтъ возможности. Нарочито приданный ими религіозный, благочестивый видъ своей школѣ въ день представленія, несомнѣнно, оставлялъ глубокій слѣдъ въ душахъ посѣтителей. Религіозный же характеръ устраивавшихся представленій какъ нельзя больше соотвѣтствовалъ и требованіямъ времени. Созданныя іезуитами тревоги въ Бѣлоруссіи по разнымъ религіознымъ вопросамъ, побуждали мѣстное населеніе прислушиваться ко всему, что имѣло хоть сколько нибудь религіозную окраску. Далѣе, всѣ эти выряжен-

[1]) Litterae ann. 1592 г. стр. 264.

ные іезуитами, ученики въ святыхъ и ангеловъ не могли не пробудить чувствъ духовной радости и гордости у своихъ родителей. По отношенію къ послѣднимъ у неимѣющихъ связи съ коллегіей являлось чувство ревности, или, по крайней мѣрѣ, желаніе увидѣть и своихъ дѣтей участниками этихъ душеспасительныхъ и назидательныхъ по виду развлеченій. Правда, цѣль пріобщить своихъ дѣтей латинской вѣрѣ была чужда имъ, но зато предубѣжденіе противъ коллегіума уже исчезало въ ихъ душѣ. Они и отправляли своихъ дѣтей къ іезуитамъ, чтобы учиться знанію и добрымъ нравамъ.

Тѣ же іезуитскіе ученики выдвигались и въ другомъ средствѣ привлеченія православной молодежи къ іезуитской школѣ. Въ праздники латинскихъ святыхъ іезуиты устраивали торжественныя церемоніи изъ своихъ учениковъ. Переодѣванія послѣднихъ въ ангеловъ и святыхъ въ данномъ случаѣ играли такую же роль, какъ и въ сценическихъ представленіяхъ. «Послѣ этихъ церемоній шляхта, обыкновенно, цѣлыми десятками везла своихъ дѣтей въ іезуитскую школу» [1]). Наконецъ, не мало содѣйствовалъ возвышенію авторитета іезуитскаго коллегіума еще и слѣдующій, придуманный іезуитами пріемъ. Іезуиты сумѣли показать своихъ учениковъ не только образцами внѣшняго и внутренняго благоприличія, но и лицами, обладающими глубокимъ религіознымъ вѣдѣніемъ. Сдѣлать это іезуитамъ было тѣмъ легче, что окружающая ихъ православно-диссидентская среда не отличалась высокимъ уровнемъ образованности и даже религіозной начитанности. „Іезуиты, говоритъ Демьяновичъ, не давая ученику серьезныхъ ученыхъ познаній, подбирали все, что могли изъ Священнаго Писанія и отеческихъ твореній по поводу вопросовъ, о которыхъ тогда спорили, напримѣръ,—о главенствѣ папы, объ евхаристіи и проч. и заставляли выучивать подобранные тексты“ [2]). Понятно, что всѣ эти заученные іезуитскими учениками тексты не стояли внѣ связи съ особаго рода практическими цѣлями. Во всемъ этомъ вдалбливаніи длинныхъ тирадъ изъ писанія и отеческихъ твореній сказывалось желаніе имѣть свѣдущихъ диспутантовъ съ иновѣрцами. Для болѣе же удачнаго примѣненія заученныхъ текстовъ іезуиты

[1]) Демьяновичъ „Іезуиты“... стр. 98.

[2]) Ibidem. стр. 97.

пользовались домашними „примѣрными“ диспутами между учениками [1]). Такимъ образомъ, уже на школьной скамьѣ іезуитскіе ученики помимо знанія текстовъ, полезныхъ въ дѣлѣ защиты латинскаго вѣроученія, пріобрѣтали еще и навыкъ къ болѣе удачному практическому пользованію ими. Неудивительно, что іезуиты иногда въ роли диспутанта съ иновѣрцемъ выдвигали своего школьника. Все это возвышало авторитетъ іезуитской школы, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивало наплывъ въ нее желающихъ учиться. Такимъ образомъ, коль скоро мы имѣемъ предъ собою не пустующія помѣщенія іезуитскаго коллегіума въ Бѣлоруссіи, а разсадникъ просвѣщенія съ вполнѣ достаточнымъ количествомъ въ немъ учившихся, намъ естественно остановиться какъ на вопросахъ его внутренней организаціи, такъ и на самомъ ходѣ его культурно-просвѣтительной работы.

Существовавшій въ Полоцкѣ іезуитскій коллегіумъ по первоначальному своему устройству не представлялъ обычнаго типа іезуитскихъ учрежденій этого рода. Полоцкимъ іезуитамъ пришлось начинать свое просвѣтительное дѣло въ Бѣлоруссіи открытіемъ всего лишь двухъ классовъ: грамматики и humaniorum [2]). Причину этого явленія можно усматривать какъ въ отсутствіи достаточнаго контингента желающихъ учиться у іезуитовъ, такъ и временнымъ недостаткомъ опытныхъ педагоговъ среди послѣднихъ. Мы уже видѣли, что замковая школа полоцкихъ іезуитовъ держалась усиліями одного лишь Станислава Ленчицкаго. Тотъ же фактъ можно наблюдать и въ первые годы существованія коллегіума. Іезуитскій коллегіумъ держится только дѣятельностію двухъ magistrów, то-есть, педагоговъ. Этими піонерами іезуитскаго просвѣщенія въ Бѣлоруссіи были Jerzy Żaba и Mateusz Galwin [3]). Заступившій мѣсто ректора коллегіи въ 1585 году Станиславъ Влошекъ [4]), неоднократно смущавшійся недоброжелательнымъ отношеніемъ къ себѣ и своимъ собратіямъ со стороны полочанъ и въ особенности притѣсненіями воеводы Дорогостайскаго, очевидно, мало могъ заботиться о расширеніи рамокъ коллегіальной дѣятель-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Materyały... стр. 12. Załęski „Iezuici“ т. IV ч. 1 стр. 193.

[3]) Ibidem.

[4]) Rostowski „Lituanic.“... стр. 133.

ности. Вниманіе и энергія его въ большей своей части уходили на защиту и огражденіе іезуитскихъ матеріальныхъ интересовъ. Естественно, что все это съ ущербомъ отражалось на постановкѣ и расширеніи круга предметовъ преподаванія въ подвѣдомственномъ Влошку коллегіумѣ. Послѣ этого не удивительно, что только въ 1597 году въ Полоцкомъ коллегіумѣ былъ прибавленъ еще одинъ классъ риторики для новіецевъ [1]). Съ открытіемъ этого класса и закончились всѣ преобразованія и нововведенія во внутренней организаціи полоцкаго коллегіума въ XVI вѣкѣ. Отсутствіе сколько-нибудь опредѣленныхъ данныхъ, проливающихъ хоть слабый свѣтъ на состояніе полоцкихъ іезуитскихъ школъ въ XVI вѣкѣ не даетъ намъ ни малѣйшей возможности обрисовать ихъ ни со стороны внутренней организаціи ни въ отношеніи правилъ и пріемовъ развивавшейся въ нихъ педагогической дѣятельности.

Историческіе памятники существованія полоцкихъ іезуитовъ въ XVI вѣкѣ помимо своей немногочисленности не представляютъ хоть сколько-нибудь выдающихся фактовъ и вообще изъ исторіи судебъ полоцкаго коллегіума. Почти всѣ они единодушно отмѣчаютъ только смерть въ 1597 году яраго противника іезуитовъ Николая Дорогостайскаго и вступленіе въ его положеніе Андрея Сапѣги—какъ начало новой болѣе спокойной эры въ жизни полоцкихъ іезуитовъ. Іезуиты не стѣсняясь, заявляютъ, что вмѣстѣ съ Дорогостайскимъ рухнула послѣдняя преграда въ ихъ свободной дѣятельности въ Полоцкѣ [2]). Его намѣстникъ Андрей Сапѣга, ревностный католикъ по убѣжденіямъ, въ своихъ отношеніяхъ къ іезуитамъ могъ явиться только полною противоположностью Дорогостайскому. Доказательства благоволенія къ іезуитамъ были даны Сапѣгою въ самомъ непродолжительномъ времени. При самомъ своемъ вступленіи въ Полоцкъ Сапѣга попралъ одно изъ самыхъ исконныхъ преимуществъ чести православной полоцкой церкви. Въ Полоцкѣ существовалъ древній обычай, по которому вновь прибывающій въ городъ воевода долженъ былъ посѣтить владычнюю церковь, цѣловать здѣсь крестъ въ знакъ непорочности своего служенія и принять владычнее благословеніе на

---

[1]) Materyały стр. 12. „retorykę rozpoczęto dopiero od roku 1597“.

[2]) Rostowski „Lituanic.“... стр. 145.

послѣднее. Выходецъ изъ школы Гозія, Андрей Сапѣга, совершенно пренебрегъ исполненіемъ этихъ традицій [1]). Остановившись въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Полоцка, онъ вызываетъ къ себѣ ректора іезуитскаго коллегіума Станислава Влошка. У послѣдняго онъ спрашиваетъ, возможно ли ему, католику, приносить присягу въ православной церкви. Хитрый іезуитъ, конечно, сумѣлъ наклонить колебанія Сапѣги къ собственной выгодѣ. Онъ въ яркихъ краскахъ обрисовываетъ Сапѣгѣ невозможность выполненія традиціоннаго обряда. Послѣ этихъ увѣщаній Сапѣга, по прибытіи въ Полоцкъ, конечно, сразу же направляется въ іезуитскій костелъ. Здѣсь онъ слушаетъ мшу, здѣсь же и цѣлуетъ крестъ, поданный Влошкомъ. Ясно, что теперь іезуиты легче и свободнѣй могли развернуть свои силы въ Полоцкѣ. Большихъ преградъ на іезуитскомъ пути уже не существовало. Къ тому же іезуиты успѣли пріобрѣсти себѣ и другихъ покровителей, имѣвшихъ вліяніе и вѣсъ при королевскомъ дворѣ. Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, подканцлеръ Гавріилъ Война, литовскій инстигаторъ Михаилъ Каминскій и друг. теперь всегда готовы были поддержать полоцкихъ іезуитовъ [2]). Подъ покровительствомъ этихъ высокихъ друзей полоцкіе іезуиты, конечно, спокойно чувствовали себя и шире развивали свою дѣятельность. Успѣшнѣй въ то же время пошли іезуитскіе суды объ имѣніяхъ. Боясь опалы, многіе полоцкіе граждане даже отказывались отъ имѣній, лишь бы устранить совсѣмъ судебные процессы съ іезуитами [3]). Прибавимъ ко всему этому нѣсколько достигнутыхъ іезуитами обращеній въ латинство схизматиковъ и еретиковъ, и мы получимъ почти полный, подверждающійся документальными данными, обликъ историческаго существованія іезуитовъ и ихъ коллегіума въ Полоцкѣ въ концѣ XVI вѣкѣ. Дать болѣе детальное освѣщеніе іезуитской исторіи даннаго періода нѣтъ никакой возможности.

Почти въ столь же невыгодномъ положеніи оказывается изслѣдователь жизни и судебъ Полоцкаго іезуитскаго коллегіума и въ XVII вѣкѣ. Вотъ что говоритъ намъ самый послѣдній изслѣдователь

---

[1]) Ibidem. стр. 146. Materyały стр. 13.

[2]) Załęski „Iezuici“... т. IV стр. 197.

[3]) Ibidem.

судебъ полоцкаго іезуитскаго коллегіума относительно данной эпохи. „Очень мало мы имѣемъ свѣдѣній о школахъ полоцкихъ въ XVII вѣкѣ“ [1]). Въ началѣ XVII столѣтія въ Полоцкѣ свирѣпствовало моровое повѣтріе, которое опустошило (wyludniło) школы, и даже, можетъ быть, на нѣкоторое время послужило причиною ихъ закрытія. Вслѣдъ за этимъ частые пожары также вредили правильному ходу школьнаго преподаванія, хотя и не было недостатка въ опытныхъ и замѣчательныхъ учителяхъ. Знаменитый Sarbiewski преподавалъ здѣсь отъ 1618—1620 г.г. риторику, и въ другой разъ съ 1626 по 1627 годъ. Rostowski обозначаетъ въ Полоцкѣ смерть Станислава Кнапскаго и Николая Бенедикта въ 1626 году, znanych erudytów-professorów. Съ 1653 г. по 1667 годъ по случаю войны и временнаго занятія Москвитянами Полоцка, его школы и коллегіумъ не существовали. Николай Сласскій, ректоръ Полоцкій съ 1667 по 1671 годъ, засталъ здѣсь все въ руинахъ. Нужно было снова заняться постройками, отыскать прежнія имущества (uposażenie), чтобы вызвать къ жизни прежнія школы. Съ жаромъ и энергіей было приступлено къ работѣ, плоды которой и удалось скоро видѣть. Въ Полоцкѣ засіяли такія свѣтила іезуитскія, какъ—о. Казимиръ Коялович, извѣстный ораторъ и учитель краснорѣчія; о. Lauksmin ректоръ Полоцкій, извѣстный лингвистъ и поэтъ. О. Максимъ Войцеховскій, извѣстный преподаватель греки. Въ 1682 году коллегіумъ и школы въ Полоцкѣ сгорѣли до тла. Центръ іезуитской науки былъ перенесенъ въ Экимань. Въ слѣдующемъ же году Иванъ Садковскій, префектъ школы, привелъ библіотеку въ новый порядокъ [2]). Вотъ и все далъ намъ обозрѣватель исторіи полоцкаго коллегіума въ XVII вѣкѣ въ своей книгѣ: „Materyały do dziejów Akademii Połockiej. Организація внутренней жизни коллегіума въ XVII вѣкѣ остается покрытою мракомъ неизвѣстности. Краткій перечень только извѣстнѣйшихъ іезуитскихъ педагоговъ съ обозначеніемъ преподававшихся ими предметовъ, не даетъ ни малѣйшей возможности составить точное представленіе ни о количествѣ классовъ въ іезуитскомъ коллегіумѣ, ни о числѣ профессоровъ въ послѣднемъ, ни обо всей совокупности предметовъ іезуитскаго преподаванія. Помимо того,

[1]) Materyały... стр. 14.

[2]) Ibidem.

мы остаемся въ полномъ невѣдѣніи относительно и того объема, въ которомъ проходился учениками каждый предметъ въ іезуитскомъ коллегіумѣ. Замѣчанія автора книги «Materyały», что Кояловичъ былъ учителемъ краснорѣчія, слишкомъ недостаточны къ восполненію указанныхъ пробѣловъ. Столь же безразличны они и въ дѣлѣ уясненія пріемовъ іезуитской педагогики въ XVII вѣкѣ. У автора «Materyały» мы не находимъ ни малѣйшей обрисовки и дисциплинарнаго строя жизни іезуитскаго коллегіума въ XVII вѣкѣ. Взаимоотношенія учившей и учившейся корпораціи въ коллегіумѣ обойдены молчаніемъ. То же приходится сказать и относительно распорядка правомочій между администраціей коллегіума во главѣ съ ректоромъ и профессурой. Допустить, чтобы авторъ книги „Materyały“ сдѣлалъ столь важные пробѣлы лишь потому, что Полоцкій коллегіумъ ничѣмъ не выдѣлялся изъ ряда ему подобныхъ іезуитскихъ учрежденій, разсѣянныхъ во многихъ государствахъ, нѣтъ никакой возможности. Какъ бы ни были строго опредѣленными іезуитскія нормы относительно устройства коллегіумовъ, какъ бы ни казались рѣзко очерченными іезуитскія правила регулировавшія взаимоотношенія членовъ послѣднихъ, все же уклоненія отъ нихъ были вполнѣ возможны. Не было это, конечно, тайною и для составителя книги «Materyały». Вѣдь, уже одна практиковавшаяся іезуитами примѣняемость къ условіямъ и обстановкѣ дѣятельности лишала всѣ предписанія и нормы іезуитскаго ордена характера безусловной необходимости и принудительности. Существованіе же полоцкаго коллегіума почти въ теченіе двадцати послѣднихъ лѣтъ 16 вѣка лишь съ тремя классами могло бы явиться только самымъ рѣзкимъ диссонансомъ въ утвержденіяхъ единообразія типа іезуитскихъ коллегій. Очевидно, молчаніе автора «Materyałów» о внутренней организаціи полоцкаго іезуитскаго коллегіума имѣетъ для себя совершенно иную подкладку. Послѣдняя и можетъ, съ моей точки зрѣнія, быть сведена къ полному отсутствію опредѣленныхъ историческихъ данныхъ по изслѣдуемому вопросу. Авторъ книги «Materyały» оказывается не единственнымъ неудачникомъ въ изслѣдуемомъ вопросѣ. Съ точки зрѣнія обстоятельности и полноты обслѣдованія вопроса объ организаціи и распорядкѣ внутренней жизни полоцкаго коллегіума ни одинъ изъ трудовъ по исторіи западно-рус-

скихъ іезуитовъ не можетъ быть признанъ обстоятельнымъ. Заленскій, Демьяновичъ, Лукашевичъ, Харламповичъ, Морошкинъ, Любовичъ, Сапуновъ и друг. также не даютъ полной обрисовки внутренней жизни не одного только полоцкаго, но и всѣхъ Бѣлорусскихъ іезуитскихъ коллегій въ XVII и даже XVIII вѣкахъ. У всѣхъ ихъ можно наблюдать только восполненіе другъ друга отдѣльными чертами, совершенно малоцѣнными въ дѣлѣ уясненія организаціи внутренней жизни полоцкаго коллегіума. На основаніи получаемыхъ у упомянутыхъ авторовъ о полоцкомъ коллегіумѣ свѣдѣній, исторія его существованія въ XVII вѣкѣ можетъ быть представлена въ слѣдующемъ видѣ. Начавшее сглаживаться въ данную эпоху недовѣрчивое отношеніе полочанъ къ іезуитскому просвѣщенію содѣйствуетъ быстрому росту числа іезуитскихъ учениковъ. Педагогическая дѣятельность іезуитовъ вращается въ рамкахъ тѣхъ же предметовъ: грамматики, синтаксиса, поэзіи и риторики. Никто изъ упомянутыхъ историковъ не дѣлаетъ даже и намековъ на то, чтобы отмѣченный кругъ іезуитскихъ наукъ сталъ хоть немного шире. Увеличившееся матеріальное обезпеченіе іезуитовъ побуждаетъ ихъ къ устройству при коллегіумѣ двухъ конвиктовъ для дѣтей бѣдной и богатой шляхты и открытію бурсы музыкантовъ. Въ конвиктѣ для дѣтей богатой шляхты преподавались тѣ же науки, что въ свѣтскихъ польскихъ школахъ, какъ-то: чистописаніе, всеобщая и отечественная исторія, географія, астрономія, политика, поэзія, живопись, философія, архитектура, языки: французскій, латинскій, русскій, польскій и, наконецъ, музыка и правила вѣжливости [1]). Помимо этого при коллегіумѣ были открыты благотворительныя заведенія, какъ-то: богадѣльни для престарѣлыхъ бѣдняковъ простолюдиновъ и пріютъ для бѣдной шляхты. Вотъ и все, что можно почерпнуть у всѣхъ вышеприведенныхъ авторовъ, имѣющее хоть нѣкоторое отношеніе къ возбужденному нами вопросу. Получаемыя свѣдѣнія далеко не богаты ни своимъ разнообразіемъ, ни полнотою. Теперь естественно спросить, что же за причина столь равнодушнаго отношенія перечисленныхъ изслѣдователей исторіи западно-русскихъ іезуитовъ къ уясненію внутренней организаціи открытыхъ ими здѣсь коллегій? Чѣмъ объяснить молчаніе о

[1]) Морошкинъ „Іез. въ Россіи“... стр. 54—55 прим. 3.

предметахъ, программѣ, методахъ іезуитскаго преподаванія и, наконецъ, дисциплинарныхъ нормахъ, регулировавшихъ отношенія какъ между администраціей и преподавательскимъ персоналомъ, такъ и между тѣми и другими съ одной стороны, и іезуитскими учениками—съ другой. Отвѣтъ на эти вопросы можетъ быть только одинъ– это полное отсутствіе всякихъ свѣдѣній подъ руками по данному вопросу. Причиною же этого печальнаго факта являются прежде всего сами полоцкіе іезуиты. Они какъ бы предумышленно замалчиваютъ распорядки внутренней жизни своего коллегіума. О своей педагогической дѣятельности, именно какъ таковой, а не растворенной миссіонерскими задачами, они не обмолвливаются ни однимъ словомъ. Ихъ Litterae annuae по самому своему назначенію быть годичными отчетами дѣятельности коллегіумовъ, уже должны бы были представлять въ себѣ матеріалы уясняющіе во всей полнотѣ педагогическую дѣятельность іезуитовъ. На самомъ же дѣлѣ знакомство съ ними приводитъ къ совершенно обратнымъ выводамъ. Полоцкіе іезуиты говорятъ въ нихъ о чемъ угодно, только не о своей педагогіи. О коллегіумѣ, какъ разсадникѣ истиннаго просвѣщенія, у нихъ нѣтъ и рѣчи. Диспуты съ иновѣрцами, выдающіяся явленія гражданской и общественной жизни, какъ-то: смѣна королей, перемѣщенія сановниковъ, пожары, голодъ и эпидеміи, матеріальныя завоеванія, перемѣщенія ректоровъ, успѣхи миссіонерской дѣятельности среди схизматиковъ и еретиковъ—вотъ, что, собственно, наполняетъ всѣ отдѣлы «Kollegium Polocensis» въ «Litterae annuae». Не удивительно теперь, что и собственно іезуитскіе историки, располагавшіе даже римскими архивами, богатыми матеріаломъ по исторіи Бѣлорусскихъ іезуитовъ, напримѣръ Заленскій, и то ограничиваются изложеніемъ болѣе внѣшнихъ обнаруженій дѣятельности коллегіумовъ, чѣмъ распорядка ихъ внутренней организаціи. Правда, поступать такъ Заленскаго, быть можетъ, побуждаетъ то соображеніе, что вылетавшая за стѣну коллегіума дѣятельность іезуитовъ въ частности миссіонерская была особенно важной по своей продуктивности для латинской церкви, однако, упустить изъ виду тотъ фактъ, что водвореніе іезуитовъ въ Полоцкѣ сопрягалось съ цѣлями не только миссіонерскими, но и культурно-просвѣтительными, іезуитскому историку врядъ ли простительно.

Баянъ іезуитовъ, Заленскій, конечно, не преминулъ бы освѣтить понесенные іезуитами труды по просвѣщенію Бѣлоруссовъ и пріобщенію ихъ къ польской культурѣ, если бы имѣлъ къ тому достаточныя данныя. На ряду съ обозначеніемъ извѣстнѣйшихъ именъ среди полоцкихъ іезуитскихъ профессоровъ онъ, конечно, счелъ бы своимъ долгомъ очертить и общій кругъ іезуитскихъ наукъ въ XVIII вѣкѣ и методы ихъ преподаванія.

Авторъ книги «Materyały» не обнаруживаетъ попытокъ къ детальной обрисовкѣ внутренней жизни полоцкаго іезуитскаго коллегіума и въ XVIII вѣкѣ. Свой трудъ о Полоцкомъ іезуитскомъ коллегіумѣ въ XVIII вѣкѣ онъ ограничиваетъ указаніемъ лишь отдѣльныхъ, частныхъ фактовъ. „И съ XVIII вѣка немного можемъ привести мы сообщеній о школахъ іезуитовъ въ Полоцкѣ и особенно съ первой половины этого столѣтія. Извѣстная сѣверная война осталась въ памяти коллегіума. Хотя ученье, какъ кажется, не было прервано, однако, препятствій къ нему было достаточно... Древнѣйшіе списки въ этомъ вѣкѣ учителей полоцкихъ, которые мы имѣли подъ руками, идутъ съ 1745 года. Между учителями въ этомъ коллегіумѣ мы находимъ Войцеха Коциньскаго и Ивана Корсака, которые преподавали теологію; Стефана Вержбицкаго, профессора математики и этики. Какъ префекты школъ въ этихъ спискахъ указаны Александръ Бакановскій и Мацѣй Дембо; Игнатій Бродовскій преподавалъ реторику, о другихъ же учителяхъ не вспомянуто“. Въ 1751 году прибылъ въ Полоцкъ для преподаванія въ низшихъ школахъ извѣстный астрономъ и профессоръ Виленскій О. Мартинъ Почобутъ. Еще въ 1746 году слушалъ философію въ Полоцкѣ Іаковъ Накціановичъ, бывшій профессоръ Виленской Академіи“ [1]). Вотъ и всѣ свѣдѣнія о полоцкой іезуитской коллегіи въ XVIII вѣкѣ до 1772 года.

Въ числѣ предметовъ преподаванія въ ней мы впервые встрѣчаемся съ философіей, математикой и богословіемъ. Однако, какъ и когда были введены эти предметы преподаванія—относительно этихъ вопросовъ—мы все же остаемся въ полномъ невѣдѣніи. Неразгаданнымъ остается и вопросъ: былъ ли въ данную эпоху полоцкій коллегіумъ обычнымъ типомъ іезуитскихъ учрежденій этого рода. Количество

[1]) „Materyały“... стр. 15.

классовъ и вся совокупность предметовъ іезуитскаго преподаванія для насъ ниоткуда не видны, а разъ такъ, то и дѣлать какія-либо догадки на сей счетъ врядъ ли позволительно. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, извѣстно же, что еще въ XVI вѣкѣ былъ объявленъ существующимъ полоцкій коллегіумъ. Документальныя данныя говорили только о двухъ открытыхъ въ немъ классахъ: грамматики и реторики. Но никто, однако, не счелъ возможнымъ признать упоминаніе о грамматикѣ и реторикѣ за фактъ случайный и предполагать полную организацію полоцкаго коллегіума не только съ упомянутыми классами, но еще и философскими и богословскими. Вотъ по этимъ-то соображеніямъ, вѣроятно, и авторъ книги «Materyały» ограничился лишь замѣчаніемъ, что онъ имѣетъ «мало свѣдѣній о программѣ и системѣ обученія» въ полоцкомъ коллегіумѣ въ XVIII вѣкѣ до 1772 года[1]).

Полоцкій іезуитскій коллегіумъ не былъ единственнымъ учрежденіемъ этого рода въ восточно-Бѣлорусскомъ краѣ. Широко задуманные планы окатоличенія православныхъ Бѣлоруссовъ побуждали іезуитовъ созидать и другіе центры своей дѣятельности, не ограничиваясь однимъ лишь Полоцкомъ и его воеводствомъ. Сообразно требованіямъ времени и обстоятельствъ іезуиты упрочивались то въ одномъ, то въ другомъ Бѣлорусскомъ городѣ. Въ этихъ городахъ они и устраивали свои коллегіи. Въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ православная Бѣлоруссія, т. о., обогатилась еще слѣдующими разсадниками польско-іезуитскаго просвѣщенія—Оршанскимъ, Витебскимъ, Могилевскимъ и Динабургскимъ. Свѣдѣнія, сохранившіяся и въ историческихъ литературныхъ памятникахъ и въ историческихъ изслѣдованіяхъ о поименованныхъ іезуитскихъ коллегіяхъ, не отличаются также обиліемъ содержанія. Почти всѣ они не идутъ дальше указаній времени основанія той или другой коллегіи и ея фундатора. О культурно-просвѣтительномъ значеніи этихъ іезуитскихъ учрежденій и ихъ внутренней организаціи совсѣмъ нѣтъ ни малѣйшей рѣчи. Даже не всѣ изъ упомянутыхъ коллегій приводятся съ точнымъ обозначеніемъ даты времени ихъ основанія. Очевидно, скудность историческихъ свѣдѣній о школьной дѣятельности въ восточномъ Бѣлорус-

[1]) Ibidem.

скомъ краѣ—это хроническій недугъ для всѣхъ изслѣдователей въ данномъ направленіи.

Еще въ самомъ началѣ XVII вѣка полоцкіе іезуиты мало удовлетворяются однимъ лишь Полоцкомъ и его воеводствомъ. Желаніе расширить полоцкую территорію своей дѣятельности до размѣровъ всей восточной части Бѣлоруссіи побуждаетъ ихъ стремиться и въ другія мѣстности послѣдней. Такъ въ 1608 году они снаряжаютъ миссію въ гор. Оршу[1]). Первые шаги вновь прибывшихъ миссіонеровъ были направлены къ укрѣпленію въ вѣрѣ мѣстныхъ католиковъ. Между прочимъ, было замѣчено, что у послѣднихъ распространились книги «еретическаго содержанія». Іезуиты прежде всего, конечно, и постарались изъять эти книги изъ употребленія среди католиковъ. Помимо этого, было сдѣлано еще особое внушеніе, что книги иновѣрцевъ нельзя ни въ коемъ случаѣ держать sine censura[2]). Затѣмъ, іезуиты постарались дать почувствовать свое присутствіе и иновѣрцамъ. Они искусно вовлекаютъ въ пренія о Евхаристіи наставника мѣстной кальвинской общины. Преніе сопровождалось полнымъ успѣхомъ для іезуитовъ. По признаванію самихъ еретиковъ, говорятъ они, кальвинскій наставникъ былъ побѣжденъ. Были ли въ то время какіе-либо другіе болѣе осязательные плоды іезуитскихъ успѣховъ на диспутѣ объ этомъ не извѣстно. Іезуиты упорно молчатъ о какихъ бы то ни было обращеніяхъ въ латинство. Они отмѣчаютъ лишь смерть состязавшагося съ ними кальвиниста и стремятся убѣдить въ ней, какъ фактѣ грознаго гнѣва Божія за хулу на Евхаристію[3]). Что предпринято ими въ это же время по отношенію къ православнымъ, покрыто мракомъ неизвѣстности. Однако, съ несомнѣнностью можно сказать, что высокій авторитетъ и сила вѣры православной въ этомъ краѣ не ускользнули отъ вниманія іезуитовъ, какъ и печальное состояніе духовно порабощеннаго латинскаго населенія. Отсюда можно предположить, что уже въ это время у іезуитскихъ миссіонеровъ назрѣлъ вопросъ о созданіи коллегіума въ Оршѣ, какъ надежнаго оплота для борьбы съ укоренившимися здѣсь ересью и

---

[1]) Litterae annuae 1608 г. стр. 774.

[2]) Ibidem. стр. 776—777.

[3]) Ibidem. стр. 777.

схизмой. Думать и дѣйствовать въ этомъ направленіи іезуитскіе миссіонеры продолжали, конечно, и по возвращеніи въ Полоцкъ. Существенная задача ихъ пока состояла лишь въ томъ, какъ бы пріобрѣсти лицо, могущее дать полное матеріальное обезпеченіе предположенному коллегіуму. Іезуиты, вообще, не имѣли привычки устраиваться тамъ, гдѣ не было опредѣленнаго источника доходовъ, кѣмъ либо пожертвованнаго или завѣщаннаго. На помощь іезуитамъ по устройству коллегіума въ Оршѣ пришелъ Виленскій воевода Левъ Сапѣга. У мѣстныхъ кальвинистовъ онъ купилъ плацъ и убѣдилъ короля Сигизмунда III выстроить на немъ коллегіумъ и костелъ для іезуитовъ и дать имъ фундушъ[1]). По этому фундушу іезуиты получили имѣніе Фащовку, въ которомъ было болѣе 2000 крестьянъ. Еще болѣе былъ осыпанъ Оршанскій коллегіумъ королевскими щедростями въ 1611 году. Возвращавшійся въ это время изъ-подъ Смоленска въ Польшу Сигизмундъ III по пути остановился въ Оршѣ. Іезуиты заранѣе подготовили торжественную встрѣчу своему благодѣтелю. Въ своемъ костелѣ они отправили торжественное благодарственное молебствіе за побѣду и невредимость побѣдителя. По окончаніи молитвы король освѣдомился объ успѣхахъ католической религіи въ Оршѣ и положеніи іезуитовъ, и, получивъ пріятное извѣстіе о томъ, какъ плодотворенъ былъ ихъ трудъ не только въ городѣ, но и во всей окрестной провинціи,—обогатилъ костелъ дорогою утварью, а коллегіумъ новыми постройками[2]). Преемникъ Сигизмунда III Владиславъ IV былъ особенно расположенъ къ Оршанскимъ іезуитамъ. Ихъ коллегіумъ былъ любимымъ дѣтищемъ этого короля. По проискамъ іезуитовъ Владиславъ IV даже издаетъ указъ, въ силу котораго никому изъ фотиніанъ не дозволялось устраивать школы ни въ Оршѣ, ни въ ея окрестностяхъ [3]). Народное просвѣщеніе, такимъ образомъ, съ разрѣшенія верховной государственной власти было монополизировано іезуитскими профессами. Въ 1690 году король Янъ Собѣсскій свое благоволеніе къ іезуитамъ выражаетъ постройкою для нихъ новаго ка-

---

[1]) Łucaszewicz „Hystorya szkół“... т. IV стр. 123—124.

[2]) Ibidem. стр. 124. Rostowski „Lituanicar“. стр. 244.

[3]) Jaroszewicz „Obraz Litwy“ т. III. стр. 98. Rostowski „Lituanicar“. стр. 270.

меннаго коллегіума и такого же костела [1]). Въ томъ же 1690 году оршанскіе іезуиты добиваются признанія на сеймѣ всѣхъ пріобрѣтенныхъ ими фундацій и освобожденія отъ всякихъ военныхъ повинностей [2]). Дальше конца XVII вѣка не идутъ даже эти отрывочныя свѣдѣнія объ Оршанскомъ коллегіумѣ. У цитованныхъ мною авторовъ нѣтъ ни одного факта, нѣтъ ни одного эпизода, хотя бы случайнаго характера, который былъ бы взятъ изъ жизни Оршанскаго коллегіума въ XVIII столѣтіи. Эта же скудость свѣдѣній и даже въ большей степени сказывается въ вопросахъ объ Оршанскомъ коллегіумѣ, какъ просвѣтительно-педагогическомъ учрежденіи. Только изъ отдѣльныхъ, повидимому не имѣющихъ ровно никакого отношенія къ затронутому вопросу фактовъ, можно усмотрѣть, что въ Оршанскомъ коллегіумѣ были открыты три класса: грамматики, риторики и философіи [3]). О послѣднемъ, наприм., классѣ философіи въ Оршанскомъ коллегіумѣ мы узнаемъ только по слѣдующему факту. Казацкія волненія, начавшіяся въ юго-западномъ краѣ, нашли себѣ сочувствіе и въ православной Бѣлоруссіи. Польско-іезуитское засилье, развившееся здѣсь и соединявшееся нерѣдко съ униженіемъ русскаго національнаго самосознанія и поруганіемъ вѣры православной, было сочтено проснувшимися Бѣлоруссами за слѣдствіе всей іезуитской дѣятельности въ этомъ краѣ, отличавшейся крайней нетерпимостью къ иновѣрцамъ. Неудивительно, что взбунтовавшіеся Бѣлоруссы стремились разрушить прежде всего іезуитскіе центры. Не избѣгъ этой участи и Оршанскій коллегіумъ. Смущенные его обитатели вынуждены были спасаться бѣгствомъ. Мѣстомъ убѣжища былъ избранъ Полоцкъ. Вотъ только теперь мы и узнаемъ, что бѣжавшіе іезуиты вмѣстѣ съ собою перевели и свой философскій классъ въ Полоцкій коллегіумъ [4]), а отсюда, естественно, и заключить о существованіи его въ Оршанскомъ коллегіумѣ. Что представлялъ онъ собою, мы нигдѣ не находимъ отвѣта на этотъ вопросъ. Проходился ли въ Оршѣ полный кругъ фи-

---

[1]) Безъ-Корниловичъ. „Истор. свѣд. о примѣчат. мѣстахъ Бѣлорус." стр. 198 прим. 2.

[2]) Łucaszewicz „Hystorya szkół" т. IV. стр. 123.

[3]) Морошкинъ „Іез. въ Россіи". т. I. стр. 57. прим.

[4]) Załęski „Iezuici w Polscie" т. IV. ч. 1. стр. 203.

лософскихъ наукъ или изучались лишь отдѣльныя части философіи? Не были ли математика и древніе языки вводными предметами въ философскомъ классѣ Оршанскаго коллегіума по примѣру другихъ однородныхъ съ нимъ учрежденій? Сколько лѣтъ длился философскій курсъ? Всѣ эти вопросы, да и цѣлый рядъ другихъ возможныхъ, до сихъ поръ оставались и остаются безъ всякаго отвѣта. И опять виною служитъ то же отсутствіе всякихъ историческихъ свѣдѣній о педагогической постановскѣ дѣла въ Оршанскомъ коллегіумѣ. Это уже говоритъ и объ отсутствіи возможности опредѣлить значеніе его, какъ просвѣтительнаго центра. Какъ и какія свѣдѣнія сообщались іезуитами въ Оршѣ ученикамъ мы сказать не можемъ. Была ли у іезуитскихъ педагоговъ тенденція служенія польской государственной культурѣ или нѣтъ, и если да, то какъ и какими мѣрами она осуществлялась—намъ тоже не извѣстно.

Почти всѣ замѣчанія о двухъ вышеприведенныхъ іезуитскихъ коллегіяхъ, какъ разсадникахъ просвѣщенія и педагогическихъ центрахъ, въ равной мѣрѣ приложимы и къ другимъ учрежденіямъ этого рода въ Бѣлорусскомъ краѣ. Обозрѣвающему ихъ со стороны развивавшейся въ нихъ педагогической просвѣтительной дѣятельности пришлось бы или опять ссылаться на отсутствіе опредѣленныхъ свѣдѣній, или отдѣлываться одними лишь предположеніями, не имѣющими подъ собой никакой фактической почвы. Въ виду этихъ соображеній я предпочитаю ограничиться хотя краткимъ изложеніемъ исторіи возникновенія другихъ бѣлорусскихъ іезуитскихъ коллегій и указаніемъ хотя нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ исторіи ихъ существованія.

Витебскій іезуитскій коллегіумъ былъ основанъ въ 1640 г. Первымъ фундаторомъ его былъ Смоленскій воевода Александръ Корвинъ Гонсѣвскій [1]). Матеріальныя пожалованія въ пользу этого коллегіума были утверждены только въ 1690 году сеймовою конституціею [2]). Во время Московскихъ войнъ съ Польшею Витебскіе іезуиты, по примѣру своихъ полоцкихъ собратій, должны были спасаться бѣгствомъ. Только въ 1667 году они снова возвратились въ Витебскъ,

---

[1]) Rostowski Lituanicar. стр. 321. Łucaszewicz „Hystorya szkół“ т. IV стр. 186—187.

[2]) Ibidem.

теперь окончательно отторгнутый у Москвы Польшею. Всѣ ихъ пріобрѣтенія были въ руинахъ. Отъ коллегіума сохранились однѣ развалины. По оборудованію новыхъ зданій для коллегіума и костела іезуитамъ пришелъ на помощь Витебскій воевода Марціанъ Огинскій [1]). Въ Витебскомъ коллегіумѣ было три класса: грамматики, риторики и философіи. Въ царствованіе Августа III при Витебскомъ коллегіумѣ іезуитомъ Игнатіемъ Лускиною былъ открытъ конвиктъ для дѣтей шляхты. Начальникомъ этого конвикта былъ тотъ же Лускина, который къ тому же преподавалъ въ немъ математику [2]). Въ XVIII вѣкѣ съ 1714 года по 1813 годъ при Витебскомъ коллегіумѣ издавался особый журналъ іезуитскій, извѣстный подъ названіемъ «Fructus spirituales» [3]). Была при коллегіи и собственная типографія. Во все время существованія „Fructus spirituales“ оставался безмолвнымъ свидѣтелемъ просвѣтительной дѣятельности іезуитовъ въ Витебскѣ. О коллегіумѣ, какъ просвѣтительномъ учрежденіи, съ опредѣленной педагогической корпораціей, равно какъ и о пріемахъ и предметахъ іезуитскаго преподаванія онъ не обмовился ни однимъ словомъ. Да и самъ по себѣ этотъ іезуитскій журналъ во все время своего существованія не имѣлъ никакого общественнаго значенія. Посвященный исключительно почти вопросамъ іезуитской миссіи, онъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ только плодомъ собственнаго іезуитскаго самоуслажденія. Онъ не имѣлъ и тѣни подобія современныхъ намъ духовныхъ журналовъ. Недоступный по своему латинскому языку даже для высшихъ слоевъ Витебскаго населенія, онъ и не шелъ дальше іезуитскихъ рукъ. Въ шестидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія матеріальное положеніе Витебскаго коллегіума настолько ухудшилось, что уже готовъ былъ выступить вопросъ объ его дальнѣйшемъ быть или не быть. Дѣло въ томъ, что въ это время значительная доля фундушевыхъ имѣній перешла за границу (Россіи). Оставшіяся же за коллегіею имѣнія были слишкомъ недостаточны для обезпеченія коллегіальной корпораціи. Не легко, очевидно, было іезуитамъ разстаться съ насиженнымъ гнѣздомъ. Подъ ихъ вліяніемъ представители Ви-

---

[1]) Rostowski „Lituanicar“... стр. 322.

[2]) Łucaszewicz. „Hystorya szkół.“ т. IV. стр. 187.

[3]) „Истор. Юрид. Матер.“ XIX № 91. стр. 337.

тебскаго воеводства начали ходатайствовать предъ королевскою властью объ утвержденіи этой коллегіи при ея настоящихъ владѣніяхъ. Экстраординарный Варшавскій Сеймъ 1768 года не оставилъ безъ вниманія просьбы. Особою конституціею онъ утвердилъ коллегію со всѣми ея владѣніями въ Витебскомъ Воеводствѣ [1]).

Наиболѣе темнымъ является вопросъ о Могилевской іезуитской коллегіи. Лукашевичъ въ своей: «Hystorya skół w koronie i w Wielkiem księstwe Litewskiem» совершенно не упоминаетъ о ней. Онъ говоритъ лишь о существованіи іезуитской резиденціи въ гор. Могилевѣ. Только по уничтоженіи іезуитскаго ордена Могилевская резиденція, въ то время уже какъ коллегіумъ, принадлежала Бѣлорусской провинціи [2]). Когда и почему произошло это превращеніе Могилевской резиденціи въ коллегіумъ,—у Лукашевича не имѣется никакихъ свѣдѣній. Въ приложеніи къ Могилевскому коллегіуму вопросы о его классахъ, системѣ и предметахъ преподаванія остаются уже совершенно неразрѣшенными.

Въ нынѣшнихъ предѣлахъ Витебской губерніи помѣщался еще одинъ коллегіумъ іезуитовъ, именно въ Двинскѣ. Сами іезуиты считали этотъ коллегіумъ не Бѣлорусскимъ, а Инфлянтскимъ [3]). О времени основанія и внутренней организаціи его не знаетъ ничего даже іезуитскій историкъ Rostowski. „Мы оставили, говоритъ онъ, въ сторонѣ Динабургъ, древній городъ Ливоніи, и ничего не сказали о первой колоніи тамъ іезуитовъ. Безъ сомнѣнія въ Динабургѣ какое-нибудь жилище у нашихъ было уже тогда, когда провинціальный визитаторъ Помпилій Ламбертенгъ около 1630 г. поставилъ отца Петра Кулеша начальникомъ Динабургской резиденціи [4]). Въ 1631 году Динабургскимъ іезуитамъ была завѣщана смоленскимъ воеводою Гонсѣвскимъ деревня Авлія, а Динабургскимъ старостою Ляцкимъ подарено имѣніе Ужвалда [5]). Существовалъ ли въ это время іезуитскій коллегіумъ,—сказать невозможно. Только съ семидесятыхъ годовъ

---

[1]) Сапуновъ „Вит. Стар.“ т. I. № 106.

[2]) Łukaszewisz „Hystorya szkół“ т. IV. стр. 118.

[3]) Rostowski „Lituanicar.“ стр. 331. „Duneburgum, oppidum Liwoniae vetus“.

[4]) Ibidem.

[5]) Безъ-Корниловичъ „Истор. свѣд.“ стр. 57.

XVII столѣтія сохранились доказательства бытія Динабургскаго коллегіума. Сеймомъ Рѣчи Посполитой 1678 года были утверждены всѣ пожалованія въ его пользу. Свое существованіе Динабургскій коллегіумъ продолжалъ и въ XVIII вѣкѣ. На Варшавскомъ сеймѣ 1768 года были снова признаны законными всѣ фундуши на Динабургскій коллегіумъ [1]). По недостатку свѣдѣній вопросы о количествѣ классовъ, учениковъ, системѣ и методахъ преподаванія мы оставляемъ въ сторонѣ. Ясно, конечно, что не можетъ быть и рѣчи о культурно-просвѣтительномъ значеніи Динабургской коллегіи. Не зная чему и какъ учили въ ней іезуиты, мы не можемъ говорить насколько продуктивенъ былъ ихъ трудъ, И такъ, попытка уяснить значеніе бѣлорусскихъ іезуитскихъ коллегіумовъ, какъ культурно-просвѣтительныхъ центровъ въ отношеніи къ государственно-народнымъ интересамъ, терпитъ полную неудачу. Отсутствіе опредѣленныхъ историческихъ свѣдѣній изъ жизни и дѣятельности упомянутыхъ коллегій въ интересующемъ насъ направленіи служитъ основною причиною этой неудачи. Въ самомъ дѣлѣ, много ли можно сказать о культурно-просвѣтительной работѣ какого-либо учебнаго заведенія, когда намъ остается неизвѣстнымъ не только его внутренняя организація, число классовъ, система и предметы преподаванія, но даже и время возникновенія его самого. Правда, этотъ пробѣлъ въ исторіи дѣятельности западно-русскихъ іезуитовъ у нѣкоторыхъ изслѣдователей восполняется довольно оригинальнымъ образомъ. Картина просвѣтительной работы іезуитовъ у нихъ рисуется не на основаніи точныхъ фактовъ, почерпнутыхъ изъ характера и условій мѣстной Бѣлорусской дѣятельности іезуитовъ, а на почвѣ критическаго разсмотрѣнія предписаній и правилъ, заложенныхъ въ основу существованія какъ самого іезуитскаго ордена, такъ и всей его педагогической системы. Добытые такимъ путемъ результаты сводятся къ слѣдующимъ утвержденіямъ. Іезуитская школа въ Западно-Русскомъ краѣ, igitur, и въ Бѣлоруссіи имѣла характеръ полной ученой несостоятельности. Она не имѣла даже намѣренія расширить умственный горизонтъ учащихся. „Это видно, говоритъ Демьяновичъ, изъ общаго и главнаго правила ордена, которымъ предписывалось слѣдить не столько

[1]) Łucaszewicz „Hystorya szkół.“ t. IV. стр. 64—65.

за умственнымъ, сколько за религіозно-просвѣтительнымъ развитіемъ молодыхъ людей, поступавшихъ въ ихъ училища“ [1]). Неудивительно поэтому, что изъ іезуитской школы выходило много „большихъ говоруновъ“, но ни одного ученаго. Во все время существованія Бѣлорусскихъ коллегіумовъ изъ подъ пера іезуитскихъ ученыхъ не явилось ни одной самостоятельной даже богословской системы. «Іезуитскіе историки Ростовскій и Кояловичъ не отличаются и даже вовсе не имѣютъ ни историческаго безпристрастія, ни силъ критическаго ума [2]). Съ общепедагогической точки зрѣнія несостоятельность іезуитской школы выражалась въ томъ, что „она обращала болѣе вниманія на древнюю жизнь, чѣмъ на современную, занималась больше филологической стороной классическихъ твореній, чѣмъ идейной, развивала болѣе память и ложно направленное религіозное чувство, чѣмъ разсудокъ [3]). Далѣе, правилами ордена опредѣлялись и главные источники іезуитскаго образованія. „Нужно отдать честь, говоритъ Демьяновичъ, тому постоянству и той вѣрности, съ какими въ теченіе двухъ вѣковъ іезуиты держались узаконенныхъ руководствъ. Руководства же эти и учебники, какъ о нихъ отзываются безпристрастные польскіе историки и какъ можно видѣть по ихъ составу и времени распредѣленія занятій, замѣчательны тѣмъ, что доводили свѣжую молодую голову ученика до отупѣнія [4]). Прохожденіе труднѣйшей грамматики Альвара, заучиваніе на цамять образчиковъ римскаго краснорѣчія, ни къ чему ненужныхъ въ настоящей жизни, преобладающій интересъ къ филологической сторонѣ изучаемыхъ образцовъ, чѣмъ къ идейной—все это, конечно, не могло служить здоровой пищей для дѣтскаго ума. Ученикъ іезуитской школы получалъ не знаніе, полезное и необходимое на каждомъ жизненномъ шагу, а мертвыя слова и фразы, мало пригодныя даже для знакомства съ жизнью древнихъ. Неудивительно поэтому, что „по сознанію лучшихъ польскихъ писателей эпоха процвѣтанія іезуитскихъ школъ была эпохою упадка всякаго знанія, особенно въ Западной Россіи, гдѣ

---

[1]) Демьяновичъ. „Іез. въ З. Р.“ стр. 95.

[2]) Ibidem.

[3]) Харламповичъ „Прав. З.-Р. школы“ стр. 113.

[4]) Демьяновичъ „Іез. въ З. Р.“ стр. 96.

некому было соперничать съ іезуитами, гдѣ они были главными представителями знанія“ [1]). Научная несостоятельность іезуитской школы въ Бѣлоруссіи какъ бы дополнялась еще и другимъ существеннымъ недостаткомъ. „Классически формальнымъ направленіемъ іезуитской дидактики можно было не удовлетворяться, говоритъ Харламповичъ, въ Западной Россіи и съ точки зрѣнія мѣстныхъ требованій. Іезуитская школа служила не народу или государству, а римской церкви“ [2]). Образованіе, дававшееся іезуитами, не соотвѣтствовало ни народнымъ, ни государственнымъ нуждамъ. Іезуиты ничего не сдѣлали въ Бѣлоруссіи хотя бы для развитія народнаго языка коренного русскаго населенія. Ихъ попытка ввести въ своей школѣ обученіе дѣтей полочанъ русской грамотѣ не являлась самоцѣлью; она служила лишь средствомъ къ пропагандѣ латинства. Понятно, что такое обученіе русской грамотѣ не могло дать осязательныхъ результатовъ. Оно скорѣе съ каждымъ шагомъ впередъ со стороны латинства должно было идти въ обратномъ направленіи—не къ развитію, а уничтоженію. Далѣе, въ государственныхъ интересахъ іезуитамъ слѣдовало бы пріобщить Бѣлорусскій народъ къ польской рѣчи, чтобы уничтожить средостѣніе, полагавшееся различіемъ нарѣчія между польской и русской народностями. Развитіе польской культуры въ Бѣлоруссіи могло подвигаться впередъ только съ распространеніемъ польскаго языка среди Бѣлорусскаго населенія. Друзья латыни—Бѣлорусскіе іезуиты принесли ей въ жертву польскіе государственные интересы. Во всѣхъ открытыхъ въ Бѣлоруссіи коллегіумахъ іезуиты ввели преподаваніе на латинскомъ языкѣ. Мертвое нарѣчіе древнихъ римлянъ вытѣснило и замѣнило собою въ іезуитской школѣ живую польскую рѣчь. Языкъ польской литературы, государственнаго законодательства и администраціи былъ непонятенъ Бѣлоруссу. Іезуиты оставались равнодушными къ этимъ фактамъ. Латынь и латинство сковали іезуитскую мысль, не поднимавшуюся дальше интересовъ папской церкви.

Приведенныя нами сужденія о Бѣлорусской іезуитской школѣ, какъ культурно-просвѣтительномъ центрѣ, опираются, какъ мы ска-

[1]) Ibidem. стр. 93.

[2]) Харламповичъ „Прав. З.-Р. школы“ стр. 114.

зали, не на фактахъ сокрытой отъ насъ вѣками Бѣлорусской дѣйствительности, но являются логическими слѣдствіями основныхъ принциповъ іезуитской педагогіи. Т. о., противъ правильности сдѣланныхъ выводовъ еще вполнѣ возможны возраженія. Какъ бы ни казались правила іезуитскаго ордена запечатлѣнными характеромъ желѣзной необходимости для его членовъ, и какъ ни представлялись бы обязательными для іезуитскихъ педагоговъ выработанныя для нихъ орденомъ педагогическія нормы, однако же ими не устранялась окончательно возможность личной иниціативы. Единодушно же отмѣчаемая историками іезуитская примѣняемость къ требованіямъ и условіямъ обстановки своей дѣятельности служитъ лучшимъ доказательствомъ возможности личныхъ отпечатковъ на общемъ ходѣ іезуитской работы. Разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія выводы о культурно-просвѣтительной дѣятельности іезуитовъ не могутъ имѣть полной достовѣрности. Въ самомъ дѣлѣ, почему не допустить напримѣръ, что наряду съ увлеченіемъ филологической стороной проходившихся у іезуитовъ классическихъ твореній въ ущербъ идейной, были и обратныя явленія. По своему умственному складу вѣдь не всѣ же іезуитскіе педагоги были сшиты на одинъ покрой. Вслѣдъ за увлеченіемъ одного изъ нихъ филологіей, другой могъ добиваться отъ учениковъ знанія идейнаго содержанія изучавшихся твореній. Так. обр., недостатокъ фактической почвы у вышеприведенныхъ мнѣній объ іезуитской школѣ служитъ довольно значительнымъ ущербомъ въ ихъ убѣдительности. Тѣмъ не менѣе, неблагопріятные выводы для іезуитской школы не теряютъ окончательно своего значенія. Сохранившіеся до нашихъ дней, хотя и немногочисленные документы изъ исторіи іезуитскихъ школъ, обнаруживаютъ далеко не безразличные дефекты въ ея даже внутренней жизни. Распри и раздоры между учащими и администраціей коллегіумовъ съ одной стороны, не нормально деспотическія отношенія къ ученикамъ учителей и воспитателей съ другой—документально подтверждаются даже въ эпоху полнаго расцвѣта іезуитскихъ школъ въ Бѣлоруссіи. Въ XVIII вѣкѣ въ іезуитской школѣ, какъ будто совершенно испарилась доброта и мягкость отношеній начальниковъ и учителей къ своимъ питомцамъ. Въ обиходѣ школьной жизни рѣзко обнаруживается жестокость среди

тѣхъ, заботамъ и вниманію которыхъ поручались юныя души. Въ кругъ мѣръ воздѣйствія на учениковъ префекты и учителя вводятъ тѣлесныя наказанія. Послѣднія практикуются съ поразительнымъ безсердечіемъ. Бѣдные іезуитскіе питомцы нерѣдко за какую-нибудь провинность получали отъ о. о. іезуитовъ по нѣсколько сотъ ударовъ. Вѣсть о такихъ жестокостяхъ іезуитскихъ педагоговъ достигла даже до іезуитскаго генерала. Послѣдній такъ обезпокоился поведеніемъ своихъ подчиненныхъ, что даже опасался «какъ бы въ іезуитской школѣ не произошло смертоубійства» [1]). Не мало безпокоила іезуитскаго генерала преступная жестокость подчиненныхъ ему собратій еще и потому, что разливавшаяся вѣсть о ней грозила имени и чести всего ордена. Конечно, принимались въ расчетъ и вредныя послѣдствія для самой же іезуитской школы въ Бѣлоруссіи. Всѣ эти соображенія и побудили іезуитскихъ начальниковъ принять самыя рѣшительныя мѣры къ искорененію зла. Сознаніе того, какъ страдаетъ авторитетъ школы и репутація ордена отъ всѣхъ іезуитскихъ безобразій и жестокости и породило на свѣтъ Божій циркуляръ Виленскаго провинціала Александра Савицкаго, адресованный на имя ректора Витебской коллегіи. Понятно, въ немъ іезуиты самымъ рѣшительнымъ образомъ призывались къ добросердечію и благопристойности [2]). Неурядицы въ іезуитской школѣ XVIII вѣка происходили не только въ области отношеній учащихъ и начальствующихъ къ ученикамъ, но и въ сферѣ отношеній ректоровъ коллегій къ своимъ низшимъ соработникамъ на школьной нивѣ. Въ циркулярѣ Виленскаго іезуитскаго провинціала, писанномъ не позднѣе 1727 года во всѣ іезуитскіе коллегіи Бѣлоруссіи [3]), указываются новые признаки внутренней разрухи іезуитской школы. Между начальствующими и рядовымъ составомъ іезуитскихъ коллегій, говорится въ упомянутомъ циркулярѣ, установились ненормальныя отношенія. Консульторы іезуитскихъ коллегій нерѣдко пьютъ горькую чашу обиды и несправедливости со стороны ректоровъ послѣднихъ. Не рѣдкость и такіе

---

[1]) „Истор. Юрид. Матер.“ т. XVIII, № 143.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem. № 44.

случаи, что изъ-за личныхъ ссоръ съ ректоромъ коллегіи, его непосредственные подчиненные получаютъ скудное содержаніе. Бываютъ случаи, повѣдаетъ тотъ же документъ, и обратнаго характера. Нѣкоторые изъ ректоровъ очень уже щедры къ подчиненнымъ и поощряютъ пьянство. Благодаря послѣднему коллегіумъ естественно становится очагомъ разврата. Помимо всего этого отъ іезуитской нестяжательности не остается и помину. Получающіе теперь деньги отцы іезуиты не отдаютъ ихъ уже своему настоятелю для общаго употребленія. Напротивъ, обращая ихъ въ личную собственность, стремятся увеличить капиталъ путемъ ростовщичества [1]). Особенно преуспѣвали на этомъ пути ректора коллегій. Слѣды сильнаго и быстраго обогащенія у нихъ обнаруживаются съ особою рѣзкостью—въ обиліи экипажей, выѣздныхъ лошадей и количествѣ свиты. Подражаніе свѣтскимъ магнатамъ во внѣшней обстановкѣ среди ректоровъ коллегій было въ полномъ ходу. Не удивительно послѣ этого, что изъ подъ пера іезуитскаго провинціала исходили циркуляры съ приказаніями ректорамъ придавать монашескій видъ, соотвѣтственный обѣту нищеты» своимъ лошадямъ и экипажамъ, не брать слишкомъ большой свиты изъ коадъюторовъ и прозелитовъ [2]). Забвеніе іезуитами Бѣлорусскихъ коллегій своихъ обѣтовъ нищеты было столь распространеннымъ явленіемъ, что на него была вынуждена обратить вниманіе генеральная конгрегація. Въ XVIII вѣкѣ Бѣлорусскіе іезуиты были не только помѣщиками съ личной земельной собственностью и крестьянами, но и крупными капиталистами. Доходы изъ этихъ источниковъ іезуитами обращались въ частную собственность. Высшая іезуитская власть, конечно, не могла равнодушно относиться къ явному попранію основныхъ правилъ іезуитскаго ордена. Въ 1732 году литовскій іезуитскій провинціалъ и разсылаетъ во всѣ іезуитскія коллегіи особыя циркулярныя объявленія. Въ этихъ циркулярахъ ректора коллегій поставляются въ обязанность принять самыя рѣшительныя и строгія мѣры для борьбы съ роскошью и ростовщичествомъ ихъ личныхъ подчиненныхъ [3]). Всѣ эти факты мы привели лишь для того, чтобы пока-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem. № 47.

[3]) Ibidem. № 45.

зать, какъ часто и какъ далеко не на высотѣ своего призванія стояла педагогическая корпорація іезуитскихъ коллегій, а также и ихъ высшая администрація. Въ самомъ дѣлѣ, много ли можно было ожидать государственной или общественной пользы отъ іезуитскаго педагога ростовщика? Нисколько не лучше послѣдняго былъ и іезуитскій деспотъ—педагогъ. Утратившій въ себѣ чувства милости и человѣчности никогда не сможетъ укрѣпить въ своемъ питомцѣ этихъ качествъ, хотя бы онъ былъ и іезуитъ. Очевидно, культурно-просвѣтительное значеніе іезуитскихъ коллегій въ Бѣлорусскомъ краѣ подрывается еще довольно значительными дефектами въ ихъ внутренней организаціи. Отсюда и восхваленная іезуитскимъ историкомъ Заленскимъ сосредоточенная въ однихъ лишь іезуитскихъ рукахъ монополія просвѣщенія въ Бѣлоруссіи, можетъ быть разсматриваема какъ самая мрачная страница въ исторіи послѣдней. Насильно скованный Бѣлорусскій народъ, благодаря хитростямъ іезуитовъ, лишенъ былъ всякой возможности къ оборудованію самостоятельныхъ средствъ для развитія своихъ силъ, ума и духа. Отсюда не въ косности и темнотѣ его причина отсутствія православныхъ Бѣлорусскихъ школъ. Косность и темнота Бѣлоруссовъ—это слѣдствія однобокаго іезуитскаго просвѣщенія, искоса смотрящаго на всякую иновѣрную школу. Бѣлорусскій народъ не избѣгалъ просвѣщенія и знанія, но сознательно стремился къ нимъ. Онъ сознавалъ въ себѣ достаточно силъ и духовныхъ и матеріальныхъ для созданія желательныхъ разсадниковъ просвѣщенія и культуры, но если это не удавалось, то не по его винѣ Іезуиты, выпрашивающіе у королей грамоты, запрещающія русскимъ заводить собственныя школы и, такимъ образомъ, стоящіе съ не въ мѣру раскрытыми отъ страха глазами даже предъ возможностью самостоятельнаго развитія народныхъ силъ на основахъ православной вѣры и русской государственности—это враги всякой культуры и просвѣщенія. Кому не ясно, что поставленная Бѣлоруссамъ іезуитами диллема: „или идите въ наши школы или оставайтесь неучами“ по своей жестокости была равносильна требованію отказаться отъ сознанія собственнаго достоинства и личныхъ духовныхъ силъ и дарованій. Друзьямъ культуры и просвѣщенія чужды опасенія и страхъ предъ

размноженіемъ школъ хотя бы и среди иновѣрцевъ. Не таковы, очевидно, были Бѣлорусскіе іезуиты.

Іезуитскія школы въ Бѣлоруссіи по самой идеѣ своего возникновенія и существованія имѣли цѣлію: „направлять и образованіе и воспитаніе молодежи къ тому, чтобы сообщить ей истинное т. е. римско католическое понятіе о Богѣ и научить служить Ему по разуму латинской церкви [1]). Это религіозно-нравственное направленіе Бѣлорусскаго коллегіума не могло не выражать въ себѣ и отпечатковъ миссіонерскаго характера. Мы уже говорили, что католическое населеніе Бѣлоруссіи по своей немногочисленности не могло дать достаточнаго контингента учащихся для іезуитскихъ школъ въ этомъ краѣ. Естественно, что пустующія помѣщенія іезуитскихъ учрежденій должны были наполняться дѣтьми мѣстныхъ „схизматиковъ и еретиковъ". Но какъ и въ какомъ направленіи могло вестись религіозно-нравственное воспитаніе этой части посѣтителей іезуитской школы? Іезуиты призванные въ Бѣлоруссію «насадить здѣсь здоровое зерно католицизма», «научить правой вѣрѣ въ Бога т. е. латинству, уже этимъ самымъ побуждались къ искорененію мѣстныхъ «ереси и схизмы». Далѣе, вести религіозно-нравственное воспитаніе своихъ питомцевъ на основахъ православной вѣры они не могли еще въ силу своей религіозной нетерпимости. Естественно, что претвореніе юныхъ питомцевъ изъ схизматиковъ и еретиковъ въ латинянъ составляло самое подходящее занятіе для іезуитскихъ педагоговъ въ Бѣлоруссіи. Эта задача и выполнялась ими самымъ тщательнымъ образомъ. Весь распорядокъ повседневно-школьной жизни былъ приноровленъ не только къ религіозно-воспитательнымъ, но и миссіонерскимъ цѣлямъ. Іезуитскіе ученики должны были не только начинать и оканчивать каждый свой урокъ латинскою молитвою, но и бывать ежедневно у обѣдни, а въ воскресный день непремѣнно выслушать литургію, проповѣдь и вечерню [2]). Очень частыя іезуитскія церемоніи и торжества также не обходились безъ участія іезуитскихъ учениковъ. Практиковавшіяся въ коллегіяхъ сценическія представленія, отличавшіяся религіозно-нравственнымъ характеромъ, нерѣдко состояли

[1]) Харламповичъ „Прав. З.-Р. школы" стр. 102.

[2]) Ibidem. стр. 103.

изъ пьесъ, созданныхъ на библейскіе сюжеты. Въ Полоцкѣ, наприм., имѣла большой успѣхъ трагикомедія «Навуходоносоръ» [1]). Учреждавшіяся іезуитами братства изъ учениковъ и носившія названія Богородичныхъ имѣли также не малое вліяніе на религіозно-нравственное состояніе іезуитскихъ питомцевъ. Такое братство, какъ намъ извѣстно, было заведено при полоцкой коллегіи и, по сознанію самихъ іезуитовъ, его дѣятельность приносила не малый плодъ какъ среди его участниковъ, такъ и по своему вліянію на окружающихъ [2]). Но особенно рѣзко сказывалась эта сгустившаяся атмосфера безпримѣснаго латинства въ іезуитскомъ классѣ. Учебники и книги, выдававшіеся іезуитскимъ ученикамъ были писаны рьяными латинянами на латинскомъ языкѣ. Творенія іезуитовъ Суареца Канизія, Толедо были въ полномъ ходу среди учащейся молодежи. «Мало того, Аристотель, Альваръ и Аквинатъ преподавались такъ, что дружно доказывали несомнѣнность латинскихъ доктринъ и превосходство латинства предъ иновѣріемъ [3]). Іезуитскимъ питомцамъ изъ православной среды непрестанно внушалась мысль, что истинная вѣра только—латинство, что православіе и протестантизмъ—это гибель для души. Убѣдительность и вѣрность своихъ внушеній іезуиты какъ нельзя лучше доказывали публичными и домашними диспутами. Іезуитскій ученикъ всегда видѣлъ своего учителя въ роли побѣдителя во всякомъ спорѣ съ иновѣрцемъ по вопросамъ религіи. Онъ не въ силахъ былъ подняться до сознанія, что все могущество іезуита только въ его искусно-развитой діалектикѣ, но не правотѣ религіозныхъ убѣжденій, а потому хотя и глубоко несправедливо, но все же со спокойной совѣстью былъ вынужденъ преклоняться предъ своимъ учителемъ и его исповѣданіемъ. Домашніе диспуты практиковались іезуитами гораздо чаще, потому что устройство ихъ не встрѣчало особыхъ препятствій. Здѣсь не было нужды выискивать желающихъ состязаться съ іезуитами. Они сами подраздѣлялись на латинянъ и схизматиковъ и приступали къ пренію. Верхъ всегда, конечно, одерживали латиняне. Подобнаго рода домашніе диспуты устраивались іезуитами и

---

[1]) „Materyały"... стр. 13.

[2]) Litterae annuae. 1609 г. стр. 453.

[3]) Демьяновичъ „Іез. въ З. Р." стр. 99.

среди учениковъ, также раздѣлявшихся на иновѣрцевъ и латинянъ [1]). Результаты диспута и теперь оставались неизмѣнными. Всѣ отмѣченные мною факты, несомнѣнно, производили неотразимое впечатлѣніе на душу отданнаго во власть іезуитовъ православнаго ребенка. Видя постоянное попраніе родной вѣры, мальчикъ или юноша естественно могъ проникаться недовѣріемъ къ своему исповѣданію. Послѣднее было тѣмъ легче, чѣмъ искусснѣй и неуловимѣе были пріемы іезуитской діалектики. А какъ и къ кому могъ обратиться за совѣтомъ мучимый сомнѣніями ученикъ іезуитовъ изъ православныхъ, когда каждый шагъ его былъ точно выслѣженъ и предупрежденъ іезуитами. Вѣдь не тайна, что іезуиты такъ оберегали своихъ православныхъ воспитанниковъ отъ вліянія священниковъ, что дѣти православныхъ родителей нерѣдко помимо воли послѣднихъ принимали даже причащеніе изъ рукъ іезуитовъ [2]). Однако не одинъ лишь прегражденный іезуитами доступъ православныхъ учениковъ къ своему священнику былъ препятствіемъ къ раскрытію предъ нимъ сомнѣній наболѣвшей дѣтской души. Іезуиты постоянно дискредитировали не только православное вѣроученіе, но и православное духовенство. Авторитетъ послѣдняго сознательно систематически подрывался іезуитами на глазахъ всей іезуитской школы. Православный пастырь былъ предметомъ постояннаго ехидства со стороны іезуитовъ. Въ стѣнахъ коллегіума онъ не удостоивался иного наименованія какъ только „грубымъ и невѣжественнымъ попомъ [3]). Своимъ питомцамъ іезуиты постоянно твердили, что православный священникъ не только не знаетъ основныхъ догматовъ своей вѣры, но и не умѣетъ прилично исполнить самые простые религіозные обряды. Лучшіе представители православной церкви постоянно награждались со стороны іезуитовъ печатными и писанными пасквилями [4]). Удивительно ли теперь, что созданное іезуитами средостѣніе между ихъ православными учениками и православнымъ духовенствомъ, являлось какъ бы непроходимой бездной. У іезуитскихъ питомцевъ были искоренены

---

[1]) Ibidem. стр. стр. 97.

[2]) Litterae annuae. 1584 г. стр. 151.

[3]) Демьяновичъ. „Іез. въ З. Р." стр. 98.

[4]) Ibidem.

даже внутреннія побужденія къ тому, чтобы сблизиться, открыть мучительныя сомнѣнія души своему родному пастырю. Обезличенный и приниженный іезуитами православный священникъ могъ возбуждать у іезуитскаго воспитанника только въ лучшемъ случаѣ чувство сожалѣнія. Если же это было такъ, то кому же было стать надежною преградой въ порабощеніи іезуитскими педагогами душъ своихъ питомцевъ? Кому было возвысить голосъ противъ хищническихъ завоеваній латинствомъ еще не окрѣпшихъ въ вѣрѣ православныхъ дѣтскихъ душъ? Кому было остановить владычество іезуитовъ надъ дѣтьми въ совсѣмъ неразвитыми понятіями? Обезличенные православные пастыри были безсильны сдѣлать хоть что нибудь на этомъ поприщѣ, но, вотъ еще, вѣдь, за спиною православныхъ питомцевъ въ іезуитской школѣ могли стоять ихъ православные родители. Послѣдніе, вѣдь, не могли равнодушно отнестись къ совращеніямъ іезуитами своихъ иновѣрныхъ питомцевъ въ латинство. Измѣна родной вѣрѣ малолѣтними дѣтьми должна была не только жгучею болью отозваться въ сердцахъ родителей, но и подвигнуть ихъ на противодѣйствіе іезуитамъ. Силой своей родительской власти и вліянія они могли же вырывать своихъ дѣтей изъ латинскихъ объятій, распростертыхъ іезуитами. Но далеко не такова была дѣйствительность. Что теперь намъ кажется вполнѣ возможнымъ и практически осуществимымъ, тогда іезуитскими стараніями сдѣлано едва ли не утопіей. Пространственная разобщенность между іезуитскими учениками и ихъ родителями была благодарнѣйшей почвой для іезуитской миссіонерской дѣятельности въ школѣ. Родители отданныхъ въ іезуитскую науку дѣтей по большей части оставались въ невѣдѣніи, относительно систематическаго преднамѣреннаго претворенія іезуитами учащейся молодежи въ католиковъ. О послѣдствіяхъ іезуитскаго воспитанія они узнавали лишь тогда, когда ихъ дѣти открыто заявляли о своемъ исповѣданіи латинской вѣры. Всѣ эти заявленія іезуитскихъ питомцевъ, естественно, были полною неожиданностью для ихъ родителей. Удрученные измѣной родной вѣрѣ со стороны своихъ дѣтей они теперь только вспоминали о своемъ родительскомъ авторитетѣ и власти. Пользуясь ими, они увозили своихъ дѣтей изъ іезуитской школы. Мольбой, слезами и угрозами несчастные родители

увѣщевали своихъ дѣтей быть твердыми въ отеческой вѣрѣ. Однако не всегда эти примитивныя мѣры достигали желанной цѣли. Увезенные родителями домой іезуитскіе питомцы сплошь и рядомъ возвращаются въ коллегіумъ для принятія таинствъ [1]). Преграды, поставлявшіяся православными родителями, вызываютъ ихъ только на болѣе стойкое исповѣданіе принятыхъ отъ іезуитовъ латинскихъ догматовъ и вѣрованій. Да это и естественно. Родители увлеченныхъ въ латинство дѣтей были безсильны выступать съ той богословской обоснованностью своихъ религіозныхъ убѣжденій, которая всегда была достояніемъ іезуитовъ. Мольбы и угрозы, понятно, не были отвѣтомъ на религіозные запросы и сомнѣнія, порожденныя іезуитами у своихъ питомцевъ. Внутреннее убѣжденіе іезуитовъ въ непреложности католической правды, разумно и искусно подкрѣплявшееся различными ссылками на св. Писаніе и отеческія творенія, было болѣе правлекательно для учащейся молодежи, чѣмъ непосредственная вѣра ея отцовъ и матерей. Зарожденное іезуитами сомнѣніе въ спасительности для душъ православнаго исповѣданія требовало для своего искорененія тѣхъ-же средствъ, какими такъ искусно пользовались іезуиты въ своемъ превозношеніи латинства. Но что могло дать тогда православное Бѣлорусское общество? Лишенное почти въ теченіе двухъ вѣковъ, по милости іезуитовъ и вслѣдствіе уклоненія большей части своей іерархіи въ унію, всякаго религіознаго руководительства и въ храмѣ и въ школѣ, оно естественно жило младенческою вѣрою. Безсильно оно было отстоять правоту своихъ религіозныхъ вѣрованій, безсильно оно было и въ борьбѣ съ латинствомъ. Неудивительно, пожалуй, будетъ теперь, что многіе православные родители не только не успѣвали отстранить своихъ дѣтей отъ разставленныхъ іезуитами сѣтей латинства, но и сами вслѣдъ за отщепенцами дѣтьми отрекались отъ православной церкви. Поднимавшаяся, так. обр., волна латинства въ стѣнахъ коллегіума перебрасывалась нерѣдко и за его ограду и разливалась по всей шири Бѣлоруссіи. Почти двухстолѣтняя, quasi культурно-просвѣтительная работа Бѣлорусскаго іезуитскаго коллегіума, именно, и запечатлѣна на скрижаляхъ исторіи этими об-

---

[1]) Litterae annuae 1584 г. стр. 151.

ращеніями въ латинство то его питомцевъ въ отдѣльности, то вмѣстѣ со своими родителями. Іезуитскіе „Litterae annuae“ съ особою тщательностью отмѣчаютъ случаи пріобрѣтенія новыхъ подданныхъ папскому престолу. Отсюда можно заключить какія цѣли поставлялись іезуитскими педагогами подъ культурно-просвѣтительнымъ ярлыкомъ. Отсюда же опредѣляется значеніе и роль іезуитскаго коллегіума въ сильномъ натискѣ латинства на Бѣлорусское иновѣріе. Однако, сама по себѣ она далеко не представляла полнаго объема всѣхъ стараній и средствъ въ практическомъ осуществленіи іезуитскаго желанія окатоличить православно-Бѣлорусскій народъ. Какъ увидимъ ниже совсѣмъ не въ стѣнахъ іезуитскаго коллегіума и не среди его учениковъ развернулись во всей широтѣ іезуитскіе миссіонерскіе планы и дѣятельность. Вся православная Бѣлоруссія и весь православно-Бѣлорусскій народъ составляли настоящую аренду борьбы латинства съ иновѣріемъ.

ГЛАВА 2-ая.

Пропаганда Бѣлорусскими іезуитами латинства, совершавшаяся внѣ ограды іезуитскаго коллегіума.

Начавшаяся проповѣдь латинства среди ограниченнаго круга іезуитскихъ учениковъ и по своемъ выходѣ за ограду іезуитскаго коллегіума на первыхъ порахъ происходила почти въ столь же ограниченномъ кругѣ. Сознаніе невозможности быстраго и рѣшительнаго подчиненія православной Бѣлоруссіи въ религіозномъ отношеніи папскому престолу побуждаетъ іезуитовъ пользоваться пока, такъ сказать, пропедевтическими мѣрами. Вслѣдъ за учениками объектомъ особеннаго вниманія миссіонерствовавшихъ іезуитовъ начала служить Бѣлорусская шляхта. Къ ней направились всѣ взоры іезуитовъ; на ея совращеніе въ латинство начала тратиться вся іезуитская энергія. Пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ іезуиты неустанно посѣщаютъ шляхетскіе дома. Почти ни одно семейное торжество Бѣлорусскаго дворянства не обходится безъ участія въ немъ кого-либо изъ членовъ іезуитской корпораціи. Приличныя случаю и обстановкѣ рѣчи искусно переплетаются въ устахъ іезуита съ жаркими панегириками латинскому исповѣданію вѣры. Не проходили мимо шляхетскаго дома іезуиты и тогда, когда обитателей его постигало какое-либо бѣдствіе. Слово утѣшенія или добрый совѣтъ были всегда готовы у о. о. іезуитовъ. Болѣлъ ли кто-нибудь въ семьѣ шляхтича—іезуиты всегда являлись съ предложеніемъ своихъ молитвъ о выздоровленіи. У одра умирающаго они всею силою своего краснорѣчія доказывали необходимость выполненія послѣдняго христіанскаго долга на землѣ по латинскому обряду [1]). Частыя ссоры изъ-за разныхъ счетовъ между различными шляхетскими домами служили также удобными повода-

[1]) Litterae annuae 1602 г. стр. 748.

ми къ миссіонорскимъ выступленіямъ іезуитовъ. Обычно вступая въ роль примирителей враждующихъ, іезуиты не только дѣлали это съ цѣлью возвеличить силу своего нравственнаго авторитета, но и для того, чтобы лишній разъ подчеркнуть силу и величіе и латинской вѣры [1]). Самое примиреніе враждующихъ шляхтичей они истолковывали какъ результатъ всепокоряющей латинской правды. Желаніе прокрасться въ душу шляхтича соединялось и съ другими способами привлечь его симпатіи къ себѣ. Іезуиты умѣли отыскивать и другія обстоятельства, благодаря которымъ Бѣлорусскій шляхтичъ становился невольнымъ слушателемъ ихъ миссіонерской проповѣди. Публичные диспуты, заранѣе приноровленные къ съѣздамъ шляхты въ города, также играли не малую роль въ ряду іезуитскихъ мѣръ къ ея окатоличенію. Однако, особенно важную услугу въ дѣлѣ окатоличенія Бѣлорусскихъ дворянъ оказали іезуитамъ жены послѣднихъ. Женщины, какъ особенно впечатлительныя натуры, прислушивались всегда особенно внимательно къ іезуитской проповѣди. Неудивительно, пожалуй, будетъ, что совращенія въ латинство шляхетскихъ домовъ іезуиты начинали съ женскаго элемента ихъ обитателей. Сплошь и рядомъ въ то время, какъ шляхтичъ оставался совершенно равнодушнымъ ко всѣмъ іезуитскимъ разглагольствованіямъ о вѣрѣ, его жена уже давно была ревностной латинянкой [2]). По внушеніямъ іезуитовъ она въ латинской вѣрѣ вела воспитаніе своихъ дѣтей, въ этомъ же направленіи старалась дѣйствовать и на своего супруга. Если же этотъ послѣдній и оставался равнодушнымъ къ латинскимъ догматамъ и обрядамъ, то и въ такомъ случаѣ іезуитамъ не было причинъ особенно скорбѣть о кажущемся неуспѣхѣ миссіонерской дѣятельности. Открывавшаяся возможность видѣть ревностными латинянами вмѣсто одного упорнаго шляхтича всѣхъ его дѣтей вполнѣ удовлетворяла іезуитовъ въ ихъ желаніи окатоличить наиболѣе культурные слои Бѣлорусскаго населенія. Помимо того, вѣдь не все же Бѣлорусское дворянство было столь же независимо отъ своихъ женъ въ убѣжденіяхъ и дѣятельности, какъ воевода Дорогостайскій. Да-

[1]) Litterae annuae 1607 г. стр. 492. Разсказывается, какъ двѣ матроны помирились при содѣйствіи іезуитовъ.

[2]) Rostowski „Lituanicar."... стр. 87.

леко не всякій шляхтичъ могъ, по примѣру Дорогостайскаго, парализовать всякое дѣйствіе своей жены, могущее принести хоть незначительную пользу о. о. іезуитамъ [1]). Равнымъ образомъ не всегда оставались безуспѣшными попытки іезуитовъ совратить въ латинство шляхтича при содѣйствіи его жены уже явной или тайной латинянки. Сплошь и рядомъ, не замѣчавшіе за спинами своихъ женъ пріютившихся іезуитовъ, Бѣлорусскіе магнаты становились жертвами искусно разставленыхъ тенетъ латинства. Характеристическою особенностью всѣхъ отмѣченныхъ, практиковавшихся іезуитами способовъ совращенія въ латинство Бѣлорусской шляхты служитъ то обстоятельство, что ими еще не исключалась для шляхтича возможность критической переоцѣнки какъ собственныхъ религіозныхъ убѣжденій, такъ и проповѣдывавшагося іезуитами ученія. Голосъ совѣсти и разума не заглушался въ шляхтичѣ отмѣчаемыми пріемами іезуитской проповѣди. Происходившіе переходы въ латинство можно почитать лишь какъ слѣдствіе невозможности со стороны тогдашняго даже наиболѣе культурнаго населенія Бѣлоруссіи дать прочное обоснованіе своему религіозному міровоззрѣнію, безъ внутренняго подчиненія голосу іезуитской логики. Богословская эрудиція іезуитовъ брала верхъ надъ непосредственною вѣрою Бѣлорусской шляхты и подчиняла ее своему авторитету. Отсюда и быстро разливавшаяся волна латинства въ Бѣлорусскомъ дворянствѣ могла бы почитаться какъ слѣдствіе его внутренней мощи, а также и іезуитской богословской эрудиціи. Однако, сила и значеніе этого мнѣнія, проводимаго самими іезуитами и ихъ историками [2]), въ значительной мѣрѣ ослабляется другими обстоятельствами, игравшими, пожалуй, самую видную роль въ миссіонерскомъ походѣ іезуитовъ на Бѣлорусское дворянство. Обстоятельства эти стоятъ въ неразрывной связи съ общимъ ходомъ государственно-политической жизни въ Польшѣ, который нерѣдко направлялся въ ту или другую сторону по мановенію іезуитскихъ рукъ. Общественно-политическое могущество іезуитовъ и было ихъ основною причиною.

Занятые въ царствованіе Баторія своимъ матеріальнымъ положеніемъ Бѣлорусскіе іезуиты мало думали въ это время о миссіонер-

[1]) Załęski „Iezuici w Polscie“ т. IV ч. 1 стр. 195.

[2]) Rostowski, Załęski

скомъ служеніи. Блѣдная проповѣдь латинства по недостатку и слушателей, и проповѣдниковъ, и времени въ іезуитской школѣ—почти совсѣмъ была чужда Бѣлорусскому шляхетству. Къ тому же, и покровительство Баторія іезуитамъ совсѣмъ не доходило до границъ уступчивости іезуитскимъ притязаніямъ. Іезуиты того времени могли выступать въ Бѣлоруссіи съ проповѣдью латинства лишь какъ крупная религіозно-нравственная организація со всѣми характеризующими ее, какъ таковую, средствами. Государственно- политическое могущество было чуждо іезуитамъ того времени, а отсюда и пользованіе прерогативами этой власти въ миссіонерскихъ цѣляхъ совсѣмъ не практиковалось іезуитами [1]). Но иначе было при преемникѣ Баторія. Сигизмундъ III не былъ самостоятельнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ королемъ Польши. Во всю жизнь свою оставаясь послушнымъ орудіемъ въ рукахъ іезуитовъ, онъ и въ дѣлахъ государственнаго правленія не шелъ дальше іезуитской указки. Всѣ прерогативы своей власти онъ предоставилъ въ полную эксплоатацію іезуитамъ. Прежде всего, по настоянію ихъ Сигизмундъ III принялъ за основное правило возвышать въ своемъ государствѣ только католиковъ [2]). Сдѣлать это ему было тѣмъ легче, что главнѣйшій аттрибутъ королевской власти въ Польшѣ, именно, и заключался въ раздачѣ всякаго рода должностей и титуловъ [3]). Іезуиты, овладѣвшіе душой короля, конечно, и не преминули воспользоваться этой прерогативой королевской власти въ своихъ миссіонерскихъ цѣляхъ. Всякое восхожденіе и нисхожденіе по лѣстницѣ гражданской іерархіи они поставили въ полную зависимость отъ своего личнаго усмотрѣнія. Извѣстенъ фактъ, что староста Людвигъ Мортанскій добился Померельскаго воеводства только послѣ отдачи іезуитамъ собственнаго дома въ Торнѣ [4]). Такъ было въ центрѣ Польши. Не представляла въ этомъ отношеніи какого-либо исключенія и Бѣлорусская земля. Ея внутренняя жизнь регулировалась тѣми же замаскированными силами, что и въ остальныхъ

---

[1]) Неудачная попытка іезуитовъ воспользоваться Баторіевыми указами о принятіи его поданными новаго календ ря—это исключеніе, только подтверждающее настоящее положеніе. Ср. Ранке. „Рим. Папы"... т. II. стр. 152.

[2]) Л. Ранке. „Римскія папы въ послѣдн. четыре столѣтія. т. II. стр. 152.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem. стр. 153.

частяхъ королевства. Бѣлорусское шляхетство и дворянство оставались въ той же власти іезуитовъ, заправлявшихъ королемъ. Полученіе чиновъ и должностей и въ этой мѣстности обусловливалось іезуитскими симпатіями и антипатіями. Естественно, что лучшіе люди Бѣлорусской земли, лишенные возможности всякаго движенія впередъ по лѣстницѣ гражданской іерархіи только потому, что они не латиняне,— изъ-за личныхъ выгодъ начинали заигрывать и дружиться съ могущественными іезуитами. Эта дружба нерѣдко и разрѣшалась отступничествомъ Бѣлорусскаго дворянства отъ вѣры отцовъ и принятіемъ латинства. Матеріальные разсчеты подавляли голосъ совѣсти въ отсупникахъ, а іезуитамъ мало было дѣла до причинъ, по которымъ Бѣлорусское дворянство измѣняло своей прежней вѣрѣ. Т. о., сплошь и рядомъ не увѣщанія іезуитскихъ витій, не внутренняя мощь латинства влекли Бѣлорусскую шляхту въ лоно католической церкви, но боязнь утратить выгодное положеніе или желаніе подняться на высшія ступени гражданской іерархіи. Что это такъ, можно заключить уже хотя бы изъ того, что именно въ царствованіе Сигизмунда III были особенно часты случаи отпаденія Бѣлорусской шляхты отъ родной церкви. Rostowski прямо заявляетъ, что никогда такъ латинская церковь въ Бѣлоруссіи не возрастала въ количествѣ своихъ членовъ, какъ при Сигизмундѣ III [1]). Понятно, у Ростовскаго въ данномъ случаѣ имѣлись въ виду совращенія въ латинство вмѣстѣ съ шляхтою и. всѣхъ ея крѣпостныхъ крестьянъ, но объ этомъ будетъ рѣчь впереди Случаи совращенія въ латинство Бѣлорусскаго дворянства были такъ многочисленны и часты, что на нихъ вполнѣ можно останавливаться, не касаясь пока сопутствовавшихъ имъ обстоятельствъ. Обогащаемое матеріальными выгодами Бѣлорусское дворянство покидало не только православіе и протестанство, но даже и унію, въ равной мѣрѣ нетерпимую іезуитами наряду съ другими исповѣданіями. Случаи бѣгства изъ уніи и латинство знатнѣйшихъ шляхетскихъ родовъ настолько участились, что вызвали вполнѣ основательную тревогу у высшей уніатской іерархіи за самое существованіе уніи. Уніатскій митрополитъ Рутскій настойчиво домогался у папы запрещенія іезуитамъ со-

[1]) Rostowski „Lituanic."... стр. 146.

вращать въ латинство уніатовъ. Какъ на одинъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ этой просьбы указывалось между прочимъ на грозящую опасность полнаго обнищанія уніатской паствы. Папа Урбанъ VIII внялъ справедливой просьбѣ Рутскаго. Въ 1624 году онъ издалъ буллу и нѣсколько бреве, которыми строжайше воспрещалось іезуитамъ совращать въ латинство лицъ уніатскаго обряда [1]). Т. о., царствованіе Сигизмунда III является одно изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ успѣховъ іезуитской миссіи въ Бѣлоруссіи. Ея наиболѣе культурные слои населенія почти въ большей своей части превратились въ латинянъ. Забывъ завѣты родной вѣры и народности, они вступили въ ряды проводниковъ польско-іезуитскихъ интересовъ и культуры въ Бѣлорусскомъ краѣ. Процессъ претворенія въ латинянъ знатнѣйшихъ Бѣлорусскихъ родовъ получилъ почти окончательное свое завершеніе при Сигизмундѣ III. Позднѣйшія эпохи изъ исторіи Бѣлоруссіи выступаютъ предъ нами уже съ вполнѣ окатоличенной и численно-преобладающей шляхтой. Правда, совращенія іезуитами въ латинство Бѣлорусскихъ дворянъ имѣли мѣсто и при преемникахъ Сигизмунда III, но все это были единичные или случайные факты. Ни одно изъ послѣдующихъ царствованій по успѣхамъ іезуитской миссіи среди Бѣлорусскихъ магнатовъ не можетъ быть поставлено въ параллель съ эпохой Сигизмунда III. Происходило это по слѣдующимъ причинамъ. Нѣкоторые преемники Сигизмунда III лишали іезуитовъ возможности достигать миссіонерскихъ цѣлей государственными мѣрами [2]). Естественно что утрачивался теперь и интересъ матеріальной выгоды, нераздѣльно соединявшейся почти со всѣми переходами въ латинство. Далѣе, немногочисленные остатки православнаго и диссидентскаго Бѣлорусскаго дворянства естественно уже не представляли той широкой нивы для сѣятелей латинства, какое прежде былъ весь иновѣрный іезуитамъ контингентъ Бѣлорусскихъ знатнѣйшихъ людей. Число папскихъ слугъ изъ ихъ среды теперь могло возрастать только въ ограниченномъ объемѣ. Наконецъ, предубѣжденіе противъ латинства и проводниковъ его іезуитовъ почти никогда не исчезали въ

---

[1]) Демьяновичъ „Іез. въ З. Р.“... стр. 212,

[2]) Въ царствованіе, напр., Владислава IV іезуитамъ приходилось опираться болѣе на шляхту и магнатовъ, чѣмъ на короля. Ibidem. стр. 152.

православной Бѣлоруссіи. Сохранившіеся въ послѣдующія отъ Сигизмунда III царствованія, православные Бѣлорусскіе дворянскіе роды и являлись именно этими антагонистами по отношенію къ іезуитамъ. Но не одно недовѣріе къ іезуитамъ, какъ проповѣдникамъ латинства, стремящагося вытѣснить и замѣнить собою православіе, удерживало нѣкоторые шляхетскіе роды въ Бѣлоруссіи отъ дружбы съ іезуитами. Отсюда подчасъ и не одна приверженность къ отеческой вѣрѣ давала отпоръ слишкомъ широкимъ миссіонерскимъ притязаніямъ іезуитовъ какъ при Сигизмундѣ III, такъ и во все послѣдующее время. Матеріальныя завоеванія іезуитовъ въ Бѣлоруссіи породили слишкомъ много недоразумѣній и споровъ изъ за владѣній съ мѣстною шляхтою. Послѣдняя, воочію убѣждаясь въ явной несправедливости іезуитскихъ притязаній на чужую собственность съ одной стороны и полномъ безсиліи дать отпоръ этимъ притязаніямъ въ виду полнаго ограниченія своихъ гражданскихъ правъ съ другой,—настолько пылала ненавистью къ іезуитамъ, что о какой бы то ни было миссіонерской дѣятельности въ ея средѣ не могло быть и рѣчи. Возбужденная матеріальнымъ гнетомъ со стороны іезуитовъ, шляхта не только гнала отъ себя іезуитовъ какъ миссіонеровъ, но и постоянно мстила имъ какъ врагамъ своего благополучія. Двухсотлѣтняя исторія существованія іезуитовъ въ Бѣлоруссіи изобилуетъ достаточнымъ количествомъ фактовъ этого рода въ каждую отдѣльную эпоху. Какъ ни всемогущи были Бѣлорусскіе іезуиты при Сигизмундѣ III, какъ ни многочисленны были обращенія въ латинство въ это время Бѣлорусской шляхты, все же среди нея находились и такія лица, которыя не только не были послушными іезуитскому зову въ латинство, но и сознавали себя сильными дать отпоръ всякой іезуитской притязательности. Такъ, напримѣръ, попытка іезуитовъ въ 1620 году завладѣть 5 службами земли, принадлежавшими церкви Св. Георгія на Братошинѣ въ Полоцкомъ уѣздѣ, встрѣчаетъ рѣшительный протестъ со стороны мѣстныхъ владѣльцевъ Юрьевскихъ [1]). Судомъ и даже вооруженною силою они противятся іезуитамъ, желающимъ обогатиться за счетъ православной церкви. Немного позже почти столь же упорную борьбу съ

[1]) Истор. Юридич. Матер. т. XXII. № 100. стр. 298.

іезуитами ведутъ полоцкіе шляхты Война, Невербицкій, Рипинскій и друг.' Они самымъ рѣшительнымъ образомъ противятся іезуитской попыткѣ произвести эксплоатацію озеръ Улича и Поддубья [1]). Въ концѣ XVII вѣка мы встрѣчаемся даже съ попытками Бѣлорусской шляхты мщенія іезуитамъ путемъ разгрома ихъ имѣній. Такъ въ 1677 году Андрей Голимонтъ, товарищъ изъ панцырной рады полоцкаго воеводы Казимира Сапѣги, съ вооруженною силою нападаетъ на іезуитское имѣніе Косарево [2]). Голимонтъ не только разрушаетъ строенія, сжигаетъ посѣвы, но и беретъ еще чиншъ на довольно значительную сумму. Въ жалобѣ на Голимонта со стороны ректора полоцкой коллегіи не указываются опредѣленно мотивы, по которымъ совершено указанное нападеніе (czy z swego domysłu, czy tez z instynctu czyjego) [3]). Однако уже въ самомъ фактѣ нападенія и разграбленія іезуитской собственности мы уже въ правѣ усмотрѣть нерасположеніе и неуваженіе къ ея хозяевамъ. Въ XVIII вѣкѣ также нѣтъ недостатка въ примѣрахъ подобнаго рода. Все это говоритъ намъ, что іезуиты были безсильны съ корнемъ вырвать православное шляхетство въ Бѣлоруссіи путемъ его окатоличенія. Ни миссіонерское рвеніе іезуитовъ, ни матеріальный гнетъ, который они налагали на Бѣлорусскую шляхту, пользуясь вліяніемъ королей, не достигли въ полной мѣрѣ своихъ цѣлей. Среди Бѣлорусскаго дворянства сохранились лица, которыя не только мужественно отвергли насильно навязывавшееся имъ іезуитами латинство, но и находили въ себѣ достаточно силъ для отпора и всякимъ другимъ іезуитскимъ притязаніямъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ элементъ Бѣлорусской шляхты можетъ быть сравненъ съ обломками когда то обширнаго корабля, но теперь разбитаго іезуитской волной. Значительная доля Бѣлорусской шляхты перешла въ латинство и это обстоятельство такъ или иначе должно было отразиться какъ на общемъ складѣ и развитіи религіозной жизни въ Бѣлорусскомъ краѣ, такъ и на дальнѣйшемъ ходѣ здѣсь іезуитской миссіи.

Отторженіе отъ православія значительной части дворянскихъ родовъ не является концомъ іезуитскихъ миссіонерскихъ задачъ въ Бѣ-

---

[1]) Ibidem. № 94. стр. 271.

[2]) Ibidem. № 120. стр. 397.

[3]) Ист. Юрид. Мат. т. XXII. № 120. стр. 397.

лоруссіи. Оно было лишь началомъ въ осуществленіи болѣе широкой и вполнѣ систематизированной іезуитской цѣли. Превращая Бѣлорусскую шляхту въ латинянъ, іезуиты лишь подготовляли себѣ почву для выступленія на болѣе широкомъ поприщѣ, когда объектомъ ихъ миссіонерской дѣятельности должно было стать многомилліонное простонародье Бѣлоруссіи. И, дѣйствительно, въ царствованіе Сигизмунда III іезуиты имѣли уже много данныхъ въ пользу успѣха въ дѣлѣ окатоличенія Бѣрорусскихъ народныхъ массъ. Деспотизмъ свѣтскаго правительства, самоуправства шляхты теперь прежде всего могутъ учитываться, какъ факторы іезуитскихъ успѣховъ. Польское правительство уже въ чисто государственныхъ интересахъ, въ интересахъ наиболѣе тѣснаго сплоченія своихъ поданныхъ узами единства вѣры не могло не содѣйствовать миссіонерскимъ начинаніямъ іезуитовъ. Окатоличенная же шляхта съ принятіемъ латинства проникалась не только іезуитскимъ фанатизмомъ, но и отвращеніемъ къ русскому народу [1]). Интересы польскаго государства становились ближе ея сердцу, чѣмъ русскаго, а потому пополненіе рядовъ королевскихъ слугъ отщепенцами изъ русскихъ признавалось ею какъ самое отрадное явленіе. Іезуитская же миссія, какъ главная причина этого послѣдняго, вызывала въ окатоличенномъ дворянствѣ не только искреннее сочувствіе къ себѣ, но и активное участіе въ ней. Тамъ, гдѣ миссіонерскій подвигъ іезуитовъ не имѣлъ успѣха, деспотическая воля фанатичнаго магната насильно вербовала новыхъ слугъ папскому престолу. Возможно это было потому, что Бѣлорусскіе дворяне были властителями не только думъ и совѣсти народныхъ массъ, но и самой жизни [2]). Въ своимъ помѣстьяхъ они вполнѣ безнаказанно могли приписывать подвластныхъ крестьянъ къ латинскому костелу, выгонять православное духовенство и запирать церкви [3]). Понятно, что все это какъ нельзя больше было въ соотвѣтствіи съ миссіонерскою дѣятельностью іезуитовъ.

Не мало содѣйствовала успѣхамъ іезуитской дѣятельности въ Бѣлоруссіи печальная дѣйствительность изъ жизни православной

---

[1]) Демяновичъ „Іез. въ З. Р.“ стр. 138.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem. „Прав. церкви сдавались даже въ аренду евреямъ“.

Бѣлорусской церкви. Іерархическія лица въ послѣдней, въ особенности приходское духовенство, стояли далеко не на высотѣ своего призванія. Обездоленное матеріально духовенство естественно больше удѣляло вниманія заботамъ о своемъ пропитаніи, чѣмъ удовлетворенію запросамъ духа своихъ пасомыхъ. По винѣ православной іерархіи оставалось неудовлетвореннымъ одно изъ самыхъ сильныхъ народныхъ чувствъ—это любовь къ общественной молитвѣ и ея торжественности. Іезуиты не преминули воспользоваться этимъ фактомъ. Они приложили всѣ усилія къ тому, чтобы обставить свои богослуженія возможно большею торжественностью. На этомъ поприщѣ они такъ усердствуютъ, что различныя церемоніи и искусно оборудованныя процессіи въ католическіе праздники принимаютъ даже языческій характеръ. Но не въ этомъ дѣло. Цѣль, намѣченная іезуитами, достигалась вполнѣ. Простой народъ, лишенный отчетливаго представленія должнаго соотвѣтствія между возвышенной идеей и внѣшней формой ея воплощенія проявлялъ неподдѣльный интересъ къ латинскому богослуженію [1]). Заброшенныя своими настырями, овцы—сами шли къ своимъ обольстителямъ. Наконецъ, живое слово въ храмѣ, такъ любимое простымъ народомъ, въ то время было рѣдкимъ достояніемъ православной паствы [2]). Іезуиты съ жаромъ оттѣняютъ и этотъ недостатокъ въ православной церкви. Къ своимъ торжественнымъ богослуженіямъ они присоединили проповѣдь. Кромѣ того, не ограничиваясь проповѣдями въ костелахъ, они пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ обратиться къ народу съ живою рѣчью. Площади и храмы, рынки и дома неустанно посѣщаются іезуитскими проповѣдниками. Далѣе, высшіе Бѣлорусскіе православные іерархи сплошь и рядомъ обнаруживаютъ полную неустойчивость своихъ религіозныхъ убѣжденій. Вмѣсто открытой борьбы съ латинствомъ они вступаютъ въ дружественныя отношенія съ его представителями. Такое равнодушіе къ интересамъ родной вѣры, и даже, пожалуй, полное отсутствіе пониманія ея авторитета и задачъ можно наблюдать хотя бы у полоцкаго владыки Ѳеофана Рпинскаго. Іезуиты прямо заявляютъ, что доброту этого владыки они испытали на себѣ. Владыка

[1]) Rostowski „Lituanicar.“ стр. 146.

[2]) Демьяновичъ „Іезуиты въ З. Р.“ стр. 70—71.

Θеофанъ часто посѣщалъ богослуженія въ іезуитскомъ храмѣ. Правда, въ распорядкѣ религіозныхъ празднованій онъ слѣдовалъ указаніямъ стараго Юліанскаго календаря, однако, это нисколько ему не мѣшало и съ благоговѣніемъ слѣдовать за іезуитскою процессіей Христова Тѣла. Свои дружественныя отношенія къ іезуитамъ онъ неоднократно свидѣтельствовалъ и своими приходами въ коллегію съ различными привѣтствіями. Въ недоумѣнныхъ случаяхъ онъ не считалъ для себя унизительнымъ обращаться къ іезуитскимъ совѣтамъ [1]). Такое забвеніе даже у высшаго іерарха православной Бѣлорусской церкви собственнаго авторитета какъ въ дѣлѣ вѣры, такъ и въ фактахъ обыденной жизни, конечно, какъ нельзя больше, было выгодно іезуитамъ. Авторитетъ Бѣлорусскихъ іезуитовъ непомѣрно возвышался не только въ глазахъ имъ единовѣрной паствы, но также и среди утратившихъ сильныхъ руководителей православныхъ Бѣлоруссовъ. „Не знаю, говоритъ іезуитскій лѣтописецъ, не по его ли (Рпинскаго) примѣру нѣкоторые знатные полоцкіе граждане, оказываясь въ затруднительномъ положеніи, берутъ у насъ совѣты и врачевство“ [2]). Что же можно сказать объ авторитетѣ и твердости приходскихъ пастырей? Бѣлорусское духовенство, оторванное отъ источника православно-религіозной жизни, православной Московіи, по самому своему положенію какъ бы обрекалось на религіозно-нравственное отупѣніе. Отсутствіе богословскихъ школъ для подготовки духовенства рѣзко отражалось въ неучености и нравственномъ безволіи послѣдняго. Помимо этого, лица изъ православнаго Бѣлорусскаго духовенства, болѣе устойчивыя нравственно и съ неугасшими запросами тревожной мысли,—и тѣ нерѣдко становились жертвами латинской гидры. Не находя живой жизни и организаціи въ своей родной церкви, обезличенной и придавленной поляками, эти болѣе лучшіе предстоятели православныхъ приходовъ все же не хотѣли тянуться въ медленномъ умираніи для религіозной жизни, а потому и ударялись въ какую-либо крайность. Латинство подъ звуки іезуитскихъ торжественныхъ рѣчей и восхваленій дѣйствительно казалось имъ небесной религіей, полною живого духа. Вниманіе и интересъ къ ней усугублялись съ

[1]) Litterae ann. 1607 г. стр. 490.

[2]) Ibidem.

каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе. Не удивительно, что нѣкоторые изъ этихъ предстоятелей православной церкви, порабощенные духовно рьяными служителями папы, бросали какъ отжившій хламъ родную вѣру и шли въ латинство [1]). Происходило такъ не вслѣдствіе одной лишь нравственной распущенности въ средѣ православнаго духовенства. Прилѣплялись всей душой къ іезуитамъ и проповѣдывавшемуся ими латинству даже и такіе православные священники, которые по свидѣтельству самихъ іезуитовъ, сохраняли способность во всю свою жизнь творить плоды духовной жизни. Обращенія такихъ лицъ въ латинство они считаютъ особенными счастливыми плодами своей миссіонерской дѣятельности. Обратившіеся—это гордость іезуитовъ и послѣдніе считаютъ своимъ долгомъ хоть въ краткихъ чертахъ запечатлѣть для памяти потомковъ важность своихъ пріобрѣтеній. Пріобрѣтенія же такого рода были цѣнны какъ сами по себѣ, такъ еще болѣе по тѣмъ послѣдствіямъ, которыми они нерѣдко сопровождались. Прилѣпившіяся къ латинству лица изъ среды православнаго духовенства и притомъ по глубокому убѣжденію въ правотѣ своего дѣянія, а не по какимъ-либо мотивамъ случайнаго характера,— не оставляли, конечно, своими духовными попеченіями и свою прежнюю паству. Теперь, убѣжденные латиняне, они шире раздвигали рамки іезуитской миссіонерской проповѣди. Отрекшіеся родной вѣры и утратившіе чувство русскаго національнаго самосознанія, они на русскомъ же нарѣчіи среди прежнихъ пасомыхъ вербовали подданныхъ и римскому папѣ и польскому королю. Іезуиты, гордые сознаніемъ собственныхъ силъ и личнаго авторитета, конечно, замалчиваютъ дѣятельность этихъ отщепенцевъ. Однако, въ существованіи послѣдней мы можемъ убѣдиться слѣдующими, хотя бы апріорными, соображеніями. Чувство нескрываемой іезуитской радости по поводу совращенія въ латинство православныхъ пастырей такъ велико [2]), что оно иначе и не объяснимо безъ предположенія какихъ-либо важныхъ для іезуитовъ послѣдующихъ совращенію обстоятельствъ. Далѣе, если бы совращенія въ латинство православныхъ священниковъ не выдѣ-

---

[1]) Litterae annuae. 1609 г. стр. 454.

[2]) Litterae annuae 1612 г. стр. 431. Разсказывается объ одномъ священникѣ, сильно прилѣпившемся къ іезуитскому обществу.

лялись изъ ряда этихъ совращеній среди простого народа по своимъ послѣдствіямъ, то какой смыслъ и значеніе имѣли бы тогда іезуитскія попытки увѣковѣчить эти факты не просто занесеніемъ ихъ въ книги, но и особенною отмѣткою, что эти отщепенцы отличаются особенною привязанностью къ латинству какъ религіи спасительной и животворящей духъ [1]). Наконецъ, тамъ, гдѣ есть рѣзкая грань въ религіозныхъ убѣжденіяхъ человѣка между прошлымъ и настоящимъ, тамъ, гдѣ прошлое характеризуется, какъ заблужденіе, а настоящее какъ истинный свѣтъ, тамъ не можетъ быть равнодушнаго отношенія къ этимъ двумъ контрастамъ. Желаніе не только сохранить свѣтъ вновь пріобрѣтенной истины, но и разлить его возможно шире является обычнымъ спутникомъ дѣятельности лицъ, которымъ кажется, что внѣ этой истины всякое религіозное вѣрованіе лишь мракъ и заблужденіе. Къ кому же какъ не къ единовѣрнымъ прежде братьямъ и, именно, къ покинутымъ пасомымъ, было обратиться съ жаждой и надеждой озарить ихъ свѣтомъ новаго ученія? Что же касается отношенія самихъ іезуитовъ къ этимъ новымъ миссіонерамъ латинства изъ русскихъ, то оно могло быть, конечно, только самое благожелательное. Занятые мыслью какъ бы успѣшнѣе окатоличить Бѣлорусскій край, они были чужды какого-либо тщеславнаго соревнованія со своими новыми сподвижниками. Они могли когда нужно было приписать чужой успѣхъ себѣ, но не въ ихъ интересахъ было мелочными счетами изъ-за преимуществъ чести вредить начатому дѣлу. Въ ихъ интересахъ было усилить и развить возможно шире начатую миссіонерскую дѣятельность православными отщепенцами и, вотъ, почему. Побѣдить къ себѣ народное недовѣріе и какъ къ иновѣрцамъ, и какъ оффиціально покровительствуемымъ искоренителямъ православія, іезуитамъ стоило большихъ усилій. Такая расплывчатая трата энергіи между созданіемъ благопріятной почвы для миссіонерской дѣятельности и самою миссіей, конечно, съ ущербомъ отражалась на ходѣ послѣдней. Къ тому же, это обстоятельство, какъ требующее значительнаго времени, неблагопріятно отражалось и на быстротѣ миссіонерскаго дѣла. Кому же легче было вкрасться въ душу православнаго, какъ не отщепенцу, который связанъ былъ съ православно-

[1]) Ibidem.

русскимъ народомъ не только прежними узами единства вѣры и мысли, но и въ повседневныхъ сношеніяхъ обыденной жизни. Правда, отщепенецъ священникъ въ глазахъ его прежнихъ пасомыхъ былъ уже не тѣмъ лицомъ, къ которому они прежде относились съ полнымъ довѣріемъ. Но съ другой стороны, переходъ вождей православія въ латинство не могъ не пробудить въ православной Бѣлорусской паствѣ и другихъ мыслей и настроеній выгодныхъ для насадителей латинства. Если въ обыденной жизни мы наблюдаемъ случаи когда толпа прислушивается къ голосу отдѣльнаго лица, то тѣмъ болѣе часто можно наблюдать аналогичные факты въ жизни религіозной. Не имѣющій ни времени ни средствъ къ самостоятельному изслѣдованію различныхъ теченій религіозной мысли, простой народъ, естественно, идетъ по стопамъ своихъ руководителей священниковъ. Съ этой точки зрѣнія отступникъ отъ вѣры, священникъ, могъ не только возбуждать къ себѣ недовѣріе въ средѣ пасомыхъ, но и зарождать сомнѣніе въ правотѣ покинутыхъ имъ религіозныхъ вѣрованій. Послѣднее было тѣмъ естественнѣе, чѣмъ большимъ авторитетомъ пользовался отступникъ до своего окончательнаго отпаденія отъ союза съ православной церковью. Уже самый фактъ отмѣченнаго сомнѣнія открываетъ ему доступъ къ развитію всей прелести латинскихъ вѣрованій и догматовъ. Опытъ же предыдущей жизни и дѣятельности отщепенца, знакомаго со всѣми чертами психологіи и нравовъ поучавшихся, давалъ полную возможность сдѣлать свою проповѣдь латинства убѣдительной и неотразимой. Вмѣстѣ же съ этимъ, конечно, падало и недовѣріе православныхъ Бѣлоруссовъ ко всѣмъ учителямъ латинства. Вслѣдъ за отщепенцемъ на подготовленную имъ почву для латинства, вѣроятно, появлялись іезуиты и, какъ истые мастера своего дѣла,—окончательно подрывали авторитетъ и силу православія во благо и славу родного католичества.

Богатое матеріальное обезпеченіе полоцкихъ іезуитовъ давало значительный успѣхъ ихъ миссіонерской дѣятельности. Широко развивавшаяся въ дни общественныхъ несчастій (голодъ, пожары) іезуитская благотворительность, несомнѣнно, привлекала къ благотворителямъ народныя симпатіи. Щедрою рукою раздавая хлѣбъ изъ своихъ амбаровъ голоднымъ иновѣрнымъ Бѣлоруссамъ въ дни бѣдствій вслѣд

ствіе неурожаевъ, [1]) іезуиты этимъ самымъ уже сглаживали тотъ рѣзкій антагонизмъ между латинствомъ и православіемъ, который пока и могъ служить главнымъ тормазомъ въ латинской миссіи. Привыкшіе толпиться у вратъ коллегіума изъ-за матеріальныхъ нуждъ, Бѣлоруссы уже съ меньшимъ колебаніемъ могли идти сюда же слушать и латинскихъ проповѣдниковъ. Чуждые отчетливаго представленія догматическихъ разностей между православіемъ и католичествомъ, темные Бѣлоруссы, естественно, были склонны внѣшне-показанныя добрыя стороны іезуитскаго поведенія перенести и на исповѣдуемую іезуитами религію. Сдѣлать это было тѣмъ естественнѣе, что, вѣдь, ни одно іезуитское благодѣяніе не обходилось безъ бесѣдъ и наставленій въ превосходствѣ латинства надъ православіемъ, состоящаго хотя бы въ томъ, что латинскимъ пастырямъ близка къ сердцу не только духовная нищета изъ пасомыхъ, которыхъ они столь усердно питаютъ живымъ и спасительнымъ словомъ, но и нищета матеріальная. Вѣдь, не открыли же православные пастыри свои житницы для раздачи хлѣба голодающимъ. Іезуиты, конечно, обходили молчаніемъ тотъ фактъ, что они сами виновники матеріальныхъ бѣдъ Бѣлорусской православной церкви, что они сами стали матеріально обезпеченными лишь потому, что коварствомъ и насиліемъ заграбили чужое добро. Безучастное отношеніе православныхъ пастырей къ несчастіямъ своихъ пасомыхъ (разумѣю отсутствіе активной поддержки), конечно, не всѣми могло оцѣниваться съ должной точки зрѣнія. Не всѣ одинаково ясно могли представить себѣ причины замкнутости въ своихъ личныхъ интересахъ православныхъ пастырей и широко разливавшейся іезуитской благотворительности. Отсюда далеко не у всѣхъ было одинаково отношеніе къ іезуитскому превозношенію и ихъ насмѣшкамъ и порицаніямъ православному духовенству. Кто зналъ истинное положеніе іезуитовъ въ Полоцкѣ—собирателей плодовъ съ чужого посѣва—тотъ понималъ также и то, за чей счетъ благотворятъ іезуиты. Іезуитскія оправданія, что праведниковъ (то-есть ихъ іезуитовъ) Богъ благотворитъ и умножаетъ ихъ сокровища, грѣшныхъ же—то-есть, православныхъ приводитъ къ обнищанію [2]),

[1]) Litterae annuae 1602 г. стр. 748.

[2]) Litterae annuae. 1602 г. стр. 750.

не имѣли въ глазахъ ихъ никакой цѣны. Въ дѣлахъ насильнаго самообогащенія іезуитовъ трудно было усматривать перстъ Божій. Лица же оцѣнивавшія іезуитскую благотворительность какъ фактъ въ самомъ себѣ, по недомыслію или же по невѣдѣнію, конечно, не прочь были присоединиться къ іезуитскимъ надругательствамъ надъ смиренно молчавшими, запуганными православными священниками. Они то, конечно, и становились первыми жертвами раскинутыхъ іезуитами миссіонерскихъ сѣтей. Охлажденіе къ своимъ пастырямъ приводило ихъ къ равнодушію и пренебреженію къ родной вѣрѣ. Отсюда, конечно, и естествененъ переходъ въ религіозное руководство тѣхъ, которые умѣло пріобрѣли себѣ авторитетъ добрыми дѣлами (благотворительностью, хотя бы и за счетъ невинно обижаемыхъ).

Другой, наиболѣе распространенный видъ общественныхъ бѣдствій, посѣщавшихъ Бѣлорусскіе города—это были пожары. Борьба съ разбушевавшейся въ томъ или другомъ городѣ стихіей при отсутствіи почти всякихъ средствъ, представляла слишкомъ много трудностей. Неудивительно, что въ XVII и XVIII вѣкахъ пожарами истреблялись почти цѣлые города, или по крайней мѣрѣ ихъ значительныя части. Страхъ предъ разбушевавшимся моремъ огня, конечно, не рѣдко приводилъ жителей въ полное пренебреженіе или равнодушіе къ борьбѣ. Всякое же уцѣлѣвшее зданіе нерѣдко почиталось за безмолвнаго свидѣтеля небесной помощи. Съ этой именно стороны использывались іезуитами въ миссіонерскихъ цѣляхъ общественныя бѣды, проистекавшія вслѣдствіе пожаровъ. Исходя изъ того убѣжденія, что всякое бѣдствіе есть слѣдствіе грѣха и, именно, наказаніе за него, іезуиты выступали съ грознымъ призывомъ къ покаянію отъ лица Божія [1]). А такъ какъ съ ихъ точки зрѣнія православіе, какъ ересь и схизма была преступленіемъ въ очахъ Божіихъ, то они прежде всего и призывали православныхъ къ обращенію въ латинство. Всякій частный случай сохраненія латинскихъ строеній отъ пожара истолковывался іезуитами какъ знакъ особаго благоволенія Божія къ латинянамъ. Іезуитскіе «Litterae annuae» съ особеннымъ усердіемъ отмѣчаютъ тѣ случаи, когда зданія ихъ коллегіумовъ, а также ихъ костелы оставались цѣлыми въ то время, какъ пожары уничто-

[1]) Litterae annuae. 1602 г. стр. 749.

жали окружающія строенія. Въ тѣхъ же «Litterae annuae» при каждомъ упоминаніи о сохранившихся отъ пожаровъ іезуитскихъ зданіяхъ приводятся и мнѣнія о спасительности молитвъ латинянъ и гнѣвѣ Божіемъ на схизматиковъ. Съ полнымъ пренебреженіемъ къ православной вѣрѣ они свидѣтельствуютъ о тѣхъ случаяхъ, когда іезуиты, обнося городъ латинскими иконами, останавливали движеніе бушевавшаго моря огня. Здѣсь же въ параллель приводятся и случаи, говорящіе якобы о ничтожности молитвы православной. Іезуиты, а вмѣстѣ съ ними и ихъ присяжные историки разсказываютъ объ одномъ православномъ священникѣ, вознамѣрившемся, якобы по примѣру іезуитовъ, остановить движеніе пожара обнесеніемъ вокругъ нетронутыхъ строеній православныхъ иконъ. По іезуитскимъ свидѣтельствамъ, за свою попытку упомянутый священникъ якобы и поплатился тѣмъ, что умеръ подъ ударомъ бревна, оторвавшагося отъ сгоравшаго зданія [1]). Тенденція принизить православіе и его носителей уже такъ ясна, что нѣтъ надобности распространяться о цѣнности и значеніи приведеннаго іезуитскаго свидѣтельства. Для лицъ же не вдающихся въ изслѣдованіе сокровенныхъ дѣйствій промысла Божія, и помимо ссылокъ на послѣдній, можно уяснить и естественнымъ путемъ причину, по которой не разъ оставались невредимыми іезуитскія строенія во время даже самыхъ сильныхъ пожаровъ. Горячая и самая рѣшительная борьба съ приближавшимся пламенемъ могла вполнѣ оградить неприкосновенность іезуитскихъ коллегіума и костела. Іезуитамъ тѣмъ легче было сдѣлать это, что они всегда имѣли возможность не только выдвинуть значительныя силы изъ своего коллегіума для борьбы съ огнемъ, но и увеличить ихъ различными своими приверженцами. Во всякомъ случаѣ, іезуитамъ легче было отстаивать свои строенія, чѣмъ какимъ-либо отдѣльнымъ личностямъ изъ полоцкихъ обитателей. Впрочемъ, изслѣдовать іезуитскія средства самообороны во время пожаровъ нѣтъ особенной надобности. Мы отмѣчаемъ случаи пожаровъ лишь какъ то общественное бѣдствіе, которое служило поводомъ къ іезуитскимъ миссіонерскимъ выступленіямъ. Естественно, что при столь благопріятствующихъ условіяхъ и умѣломъ пользованіи ими со стороны миссіоне-

[1]) Litterae annuae. 1602 г. стр. 751.

ровъ, пропаганда католичества, разлилась самою широкою волной въ народныхъ массахъ Бѣлоруссіи.

Въ вопросѣ о практическомъ осуществленіи іезуитскихъ миссіонерскихъ видовъ въ Бѣлоруссіи и, именно, среди простонародья, мы не обладаемъ точными историческими свѣдѣніями. Съ вѣроятностью, можно сказать приблизительно слѣдующее. Окатоличеніе Бѣлорусскихъ народныхъ массъ началось съ подвластныхъ іезуитамъ крестьянъ. Глашатаи латинства обходили одну за другою подвластныя имъ деревни. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ деревень закладывались латинскія каплицы, въ другихъ же воздвигались элементарныя школы [1]). Воздвигнутые іезуитами каплицы служили цѣлямъ пріученія народа къ латинскому богослуженію, въ элементарныхъ же школахъ преподаваніе сводилось къ вдалбливанію въ дѣтскія головы основныхъ догматовъ римскаго исповѣданія. Число этихъ каплицъ и элементарныхъ школъ уже въ царствованіе Сигизмунда III достигало довольно значительной величины. Почти ни одна іезуитская деревня не осталась безъ каплицы, или безъ элементарной школы [2]). По мѣрѣ того, какъ увеличивалось число отщепенцевъ отъ православія, іезуиты устраивали изъ этихъ послѣднихъ латинскіе приходы. Въ цѣляхъ же наиболѣе систематическаго обслуживанія религіозныхъ нуждъ вновь пріобрѣтенныхъ латинянъ іезуиты на собственныя средства воздвигали костелы. При этихъ костелахъ постоянно имѣлись іезуитскій священникъ и миссіонеръ. Они и были исполнителями въ извѣстномъ раіонѣ іезуитскаго желанія какъ пріобрѣсти возможно большее количество подданныхъ папскому престолу, такъ и укрѣпить привязанность къ латинству среди лицъ, отпавшихъ отъ православнаго исповѣданія. Что же касается средствъ, какими пользовались іезуиты въ совращеніи въ латинство подвластныхъ имъ крестьянъ, то приходится замѣтить, что наряду со специфически миссіонерской проповѣдью играла не маловажную роль и ихъ помѣщичья власть. Безраздѣльное господство іезуитовъ надъ душой и тѣломъ крѣпостныхъ загоняло послѣднихъ въ латинскій костелъ даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ всѣ самыя краснорѣчивыя поповѣди. Деспотическое от-

[1]) Załęski „Iezuici w Polscie“ т. IV ч. 1 стр. 195.

[2]) Ibidem.

ношеніе рабовладѣльцевъ къ своимъ иновѣрнымъ слугамъ побуждало многихъ заискивать іезуитскую милость хотя бы и путемъ отступничества отъ прежнихъ вѣрованій. Тѣ же результаты для латинской миссіи въ Бѣлоруссіи получались и тогда, когда іезуиты предоставляли какія-либо льготы или матеріальныя выгоды своимъ подвластнымъ крѣпостнымъ. Обольщенные іезуитской щедростью и добротою крестьяне, быть можетъ, и сами не сознавали сколь дорогою цѣною они оплачивали іезуитскія благодѣянія, когда превращались въ католиковъ. Впрочемъ совершенно безправному и матеріально обездоленному Бѣлорусскому крестьянству ничего и не оставалось болѣе, кромѣ принятія латинства, чтобы хоть нѣсколько смягчить своихъ фанатичныхъ господъ [1]). Сопротивленія насильно навязывавшемуся латинству, нерѣдко принимавшія даже формы открытыхъ бунтовъ никогда не достигали цѣли. Іезуиты не только успѣвали смирить противниковъ, пользуясь услугами гражданской власти, но и находили возможнымъ претворять въ латинянъ, именно, этихъ же бунтовщиковъ. Происходило это, обыкновенно, слѣдующимъ образомъ. Крѣпостные крестьяне, какъ извѣстно были безраздѣльной собственностью своихъ господъ. Всякое возмущеніе съ ихъ стороны противъ послѣднихъ почиталось едва ли не государственнымъ преступленіемъ, и, какъ таковое, вызывало строгія кары на виновныхъ. Іезуиты обыкновенно обѣщали или смягчить наказаніе, или его полную отмѣну осужденнымъ, но только подъ условіемъ принятія латинства. Не удивительно, что многіе рѣшались предпочесть измѣну вѣрѣ, чѣмъ обречь себя на смерть, или вѣчное страданіе въ казематѣ [2]).

Изъ подвластныхъ іезуитамъ селъ и деревень ихъ миссіонеры перекочевывали во владѣнія окатоличенной шляхты. Крѣпостные крестьяне послѣднихъ, лишенные всякихъ человѣческихъ правъ, естественно уже лишены были самостоятельности и въ выборѣ исповѣданія. Вѣра ихъ господъ представлялась ихъ вниманію не подъ условіемъ свободнаго принятія или отверженія, но въ роли абсолютно обязательнаго принципа всей религіозно-нравственной жизни. Всякое же противодѣйствіе крѣпостного крестьянина, насильно навязывавше-

[1]) Демьяновичъ „Іез. въ З. Р." стр. 138.

[2]) Ibidem. стр. 200.

муся помѣщикомъ латинству, по тогдашнимъ временамъ было ничѣмъ инымъ, какъ нарушеніемъ прерогативъ господской власти. Отсюда, оно вызывало ту же строгость наказанія, какъ и всякое другое дѣяніе бунтовщическаго свойства [1]). Понятно, что при столь благопріятствовавшихъ условіяхъ іезуитской миссіи—іезуитамъ не было особенной нужды обращаться съ проповѣдью къ свободной крестьянской совѣсти. Могущество и власть фанатичнаго магната для крѣпостного были краснорѣчивѣй и доказательнѣй всякихъ іезуитскихъ разглагольствованій о превосходствѣ папскаго латинства надъ другими исповѣданіями. Отсюда, и дѣятельность іезуитскихъ миссіонеровъ среди помѣщичьихъ рабовъ едва ли не сразу начиналась съ отправленія богослуженія и выполненія религіозныхъ требъ по латинскому обряду. Пустующія въ имѣніяхъ католиковъ—магнатовъ православныя церкви, вслѣдствіе изгнанія православныхъ священниковъ [2]), съ прибытіемъ іезуитовъ наполняются насильно загнаннымъ народомъ и оглашаются возгласами іезуитскихъ молитвъ. Въ этихъ, въ вновь пріобрѣтенныхъ іезуитами храмахъ раздаются звуки наставленія въ латинствѣ; въ нихъ же совершаются крещеніе, исповѣдь и бракъ, а также и другія таинства по латинскому обряду. Оголенный отъ защиты свѣтскаго правительства, Бѣлорусскій народъ какъ бы и не обнаруживаетъ особеннаго недоумѣнія предъ всею наглостью и безстѣнчивостью притязаній латинства на его совѣсть и душу. Только сами іезуиты обнаруживаютъ лишь слабый признакъ смущенія предъ всею неприглядностью своей миссіонерской дѣятельности. Чтобы хоть нѣсколько сгладить насильственный характеръ роста католичества въ Бѣлоруссіи, они въ помѣщичьяхъ деревняхъ устраиваютъ тѣ же элементарныя школы, что и въ собственныхъ [3]). Тайная надежда видѣть хоть отдаленныя поколѣнія Бѣлорусскаго народа католиками по убѣжденію, и побуждаетъ іезуитовъ приниматься за устройство этихъ школъ, какъ средствъ воспитанія народныхъ массъ въ латинскомъ духѣ.

---

[1]) Ibidem. стр. 138.

[2]) Ibidem.

[3]) Załęski „Iezuici w Polscie“ т. IV. ч. 1. стр. 195.

Не осталась внѣ попытокъ іезуитовъ войти въ миссіонерское соприкосновеніе и остальная масса Бѣлорусскаго народа. Крѣпостные крестьяне православной шляхты, а также различныя лица, не зависѣвшихъ ни отъ шляхты, ни отъ іезуитовъ положеній,—вынуждены были точно также стать лицомъ къ лицу съ іезуитскими проповѣдниками латинства [1]). Одно простое желаніе пріобрѣсти возможно большее количество папскихъ подданныхъ въ Бѣлоруссіи—побуждало іезуитовъ входить въ миссіонерское общеніе со всѣми слоями Бѣлорусскаго населенія. Исключительность и независимость положенія указанныхъ частей Бѣлорусскаго народа ни отъ самихъ іезуитовъ, ни отъ ихъ могущественныхъ друзей налагало отпечатокъ только на самый ходъ миссіонерской дѣятельности. Элементъ насилія въ дѣлѣ окатоличенія въ данномъ случаѣ долженъ былъ въ значительной степени уступить передъ голосомъ свободной совѣсти и разумнымъ убѣжденіемъ. Отсюда, и проповѣдникамъ латинства приходилось пользоваться не столько мѣрами внѣшняго принужденія, сколько данными своей богословской эрудиціи, обогащавшими содержаніе миссіонерской проповѣди, и интеллектуальнымъ превосходствомъ надъ окружающей средой. Мы уже отмѣчали ширь и многообразіе точекъ соприкосновенія о. іезуитовъ съ мѣстнымъ населеніемъ. Такъ, въ дни общественныхъ бѣдствій, напримѣръ– пожаровъ и голода,—іезуиты развивали самую широкую благотворительную дѣятельность. Въ частыхъ спорахъ между еретиками и схизматиками они ухитрялись выступить въ роли миротворцевъ. При столкновеніи съ народною разнузданностью, они усиливали развитіе проповѣдничества и т. д. Теперь же мы замѣтимъ, что народныя суевѣрія особенно удачно использовались іезуитскими миссіонерами въ цѣляхъ поднятія народной вѣры во все чудесное и сверхъестественное,—подтверждающее какъ католическую правду, такъ и правоту ея проповѣдниковъ. Іезуиты успѣшно даютъ народной вѣрѣ въ сверхъестественное—объекты вѣры, то-есть, желательное для нихъ содержаніе. Такъ, пользуясь народнымъ суевѣріемъ, они сознательно и планомѣрно вселяютъ въ простой массѣ вѣру въ чудодѣйственную силу своихъ вновь канонизованныхъ святыхъ Франциска Ксаверія, Андрея Боболи

[1]) Litterae annuae 1609 г. стр. 453.

и друг. [1]). Іезуиты сплошь и рядомъ произносятъ заклинанія, дѣлаютъ кропленія водой, изгоняютъ демонскую силу изъ людей, скота, домовъ, сараевъ и гуменъ [2]). Нерѣдко увѣряютъ, что они воочію видятъ изгоняемыхъ духовъ. Во всѣхъ же этихъ случаяхъ они превозносятъ чудодѣйственную силу своихъ святыхъ, благоволившихъ якобы избрать ихъ орудіями своихъ чудотвореній. Витебскій іезуитскій журналъ „Fructus spirituales“ положительно испещренъ замѣчаніями о. о. іезуитовъ о чудотвореніяхъ черезъ нихъ католическихъ святыхъ [3]). Почти подъ каждымъ годомъ его хроники указывается какой-либо случай, когда проявилась чудодѣйственная сила правды католической и ея носителей. Отцы іезуиты то спасаютъ своими заклинаніями полутора-годоваго младенца отъ постоянной слезливости, то амулетами расторгаютъ преступную связь женщины съ діаволомъ, то водою Лойолы помогаютъ женщинѣ послѣ семи неудачныхъ родовъ, то избавляютъ отъ бѣсовскихъ навожденій и чародѣйствъ и т. д. [4]). Это внимательное отношеніе іезуитовъ къ народнымъ суевѣріямъ и умѣлая эксплоатація послѣднихъ въ своихъ миссіонерскихъ цѣляхъ помимо того, что говорятъ о далеко незаурядной приспособляемости іезуитовъ ко всякой обстановкѣ, по своимъ послѣдствіямъ могутъ быть сочтены еще и важнѣйшими факторами іезуитскихъ успѣховъ въ Бѣлоруссіи. Не замѣчавшій скрывавшагося подъ всѣми іезуитскими чудотвореніями простого шарлатанства темный людъ, дѣйствительно, покидалъ православіе или ереси и переходилъ въ латинство, какъ свидѣтельствующее якобы свое превосходство надъ другими исповѣданіями особенно разлитою чудотворною силою среди латинянъ. Впрочемъ, ни обиліе точекъ соприкосновенія съ простымъ народомъ, ни многообразіе миссіонерскихъ средствъ воздѣйствія на него не дѣлали особенно осязательнымъ успѣхъ латинства тамъ, гдѣ предоставлялся свободный выборъ между «схизмой» или ересью и католическимъ ученіемъ. Независящая ни матеріально, ни въ правовомъ отношеніи православно-Бѣлорусская среда отъ самихъ іезуитовъ и друзей ихъ, не смотря

---

[1]) „Истор. Юрид. Матер.“ т. XIX. № 91. стр. 337.

[2]) Ibidem. стр. 338.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem. стр. 339.

на всѣ ухищренія іезуитскихъ миссіонеровъ, выдѣляла изъ себя въ самомъ ограниченномъ количествѣ новыхъ членовъ для латинскаго костела [1]). О массовыхъ обращеніяхъ въ латинство по свободному соизволенію, а не насильственному, внѣшнему принужденію не можетъ быть и рѣчи.

При преемникахъ Сигизмунда III, Владиславѣ IV и его братѣ Янѣ Казимірѣ характеръ и условія іезуитской миссіи въ Бѣлоруссіи остаются тѣ же, что и прежде. Въ деревняхъ іезуитовъ и окатоличенной шляхты наряду съ миссіонерской проповѣдью дѣйствуетъ та же деспотическая воля хозяевъ, регулирующая по свсему произволу религіозную жизнь подданныхъ и насильственно загоняющая Бѣлорусскій бѣдный людъ въ латинскій костелъ Среди же подчиненныхъ православному дворянству крестьянъ идетъ та же полная, хотя подчасъ и искуссно прикрываемая игра на всѣхъ струнахъ бытовой и религіозно-общественной жизни, въ той или иной мѣрѣ способствовавшей успѣхамъ іезуитской миссіи. Что же касается отношеній іезуитовъ къ городскому населенію, то, пожалуй, не будетъ никакого преувеличенія, если мы скажемъ, что для него опасность быть окутаннымъ сѣтями латинства еще болѣе увеличилась. Іезуитское миссіонерское рвеніе не хотѣло знать никакихъ границъ въ выборѣ средствъ для большаго расцвѣта католичества въ Бѣлоруссіи. Даже разсадники духовнаго просвѣщенія они стремятся оградить отъ всякой конкурренціи на этомъ поприщѣ со стороны „схизматиковъ“ и еретиковъ. Такъ Оршанскій іезуитскій коллегіумъ добивается особой королевской привиллегіи, по которой дизунитамъ и диссидентамъ запрещалось имѣть свои школы не только въ Оршѣ, но даже вблизи отъ нея [2]). Тѣмъ не менѣе, и въ это время обездоленные схизматики все же не отказывались отъ попытки такъ или иначе проявить свое нерасположеніе къ насильничавшему католицизму въ Бѣлоруссіи. Извѣстно, что навязывавшіяся Бѣлорусскому народу латинскія изображенія святыхъ подвергались самому ожесточенному поруганію. Такъ, въ 1643 году ректоръ полоцкаго коллегіума Янъ Филипповскій

---

[1]) Litterae annuae. 1609 г. стр. 454.

[2]) Rostowski „Lituanic“... стр. 270. Iaroszewicz. „Obraz Litwy т. III. стр. 98.

приноситъ жалобу на всѣхъ полоцкихъ схизматиковъ, что «они образы Божіе святые лжать, деспектуютъ, деруть, топчуть, насмѣхаючи се онымъ светымъ образомъ; очи, носы вышарпывають и о Паннѣ Насвѣтшей блузнять» [1]). Между прочимъ, православными полочанами былъ сорванъ образъ Іосафата Кунцевича и втоптанъ въ грязь. „Все это они позволяли себѣ въ явное поношеніе угодниковъ Божіихъ и св. вѣры католической“ говоритъ въ своей жалобѣ на православныхъ полоцкій ляндвойтъ [2]). Впрочемъ, всѣ вспышки народнаго негодованія противъ латинства не ослабляютъ уже пріобрѣтенныхъ имъ правъ въ Бѣлорусскомъ краѣ. Іезуитское давленіе на религіозную народную совѣсть не только вербуетъ новыхъ членовъ для латинской церкви, но и отрѣзываетъ для обольщенныхъ всякую возможность отступленія отъ латинства въ сторону ереси или „схизмы“. Какъ василовали іезуиты религіозную совѣсть не только православныхъ, но и своихъ собратьевъ католиковъ, можно увидѣть изъ слѣдующаго факта. Въ 1645 году полоцкіе мѣщане—католики Пузекъ съ женою, Дышлевскій и другіе (вѣроятно отщепенцы), охладѣвъ къ латинству, перестали посѣщать католическое богослуженіе, прекратили хожденіе и на исповѣдь и причащеніе въ костелѣ. «Бывши католиками не вѣдать для чого отъ тое вѣры оторвавшы се они зосталы дизунитами [3]). Но не легокъ былъ для нихъ въ то время путь къ православной церкви. Ректоръ полоцкаго коллегіума Станиславъ Косицкій, узнавъ о неисполненіи указанными лицами латинскихъ обрядовъ и таинствъ, рѣшается воздѣйствовать на нихъ репрессивными мѣрами суда. Гражданская власть, стоявшая въ то время на стражѣ латинско-іезуитскихъ интересовъ въ Бѣлоруссіи, несомнѣнно, приняла рѣшительныя мѣры къ огражденію цѣлости насильно собраннаго іезуитскаго стада. Но пока не въ этомъ дѣло. Указанное отступничество отъ латинства полоцкихъ мѣщанъ важно для насъ какъ показатель того, что въ данную эпоху всѣ іезуитскія козни не сокрушили еще мощи православной вѣры и ея носителей въ Бѣлоруссіи. Православное об

---

[1]) Археогр. сборн. докум. относ. къ ист. С. З. Р. т. I. № 137.стр. 202.

[2]) Сапуновъ „Вит. Стар.“ т. V. № 109 стр. 202.

[3]) Арх. Сборн. Докум. относ. къ ист. С. З. Р. т. I. № 147. стр. 367.

щество того времени было не только стороной отдающей своихъ членовъ католичеству, но и пополняющей свои ряды на счетъ іезуитской паствы. Оно было стороной преслѣдуемой, невинно угнетаемой, но не павшей окончательно. Силу своего религіозно-нравственнаго авторитета оно могло бы развернуть съ немалымъ успѣхомъ для православія, если бы чья либо рука сорвала цѣпи религіознаго и политическаго рабства, систематически налагавшіяся іезуитами чрезъ польскихъ королей и даже городскихъ сановниковъ. Но далеко не въ пользу интересовъ православной Бѣлоруссіи слагались историческія условія ихъ религіозной жизни. Преемникъ Сигизмунда III,—Владиславъ IV не могъ остановить того порядка вещей, который былъ уже заведенъ іезуитами въ его государствѣ. Въ своей нелюбви къ іезуитамъ, онъ былъ одинокъ, а потому и безсиленъ [1]). Сенатъ и шляхта, привыкшіе видѣть въ іезуитахъ друзей польскаго дѣла, главныхъ своихъ помощниковъ въ окатоличеніи и ополяченіи западно-русскихъ областей, были прекрасною бронею для іезуитовъ. Т. о., если не по личнымъ побужденіямъ, то по стеченію внѣшнихъ обстоятельствъ, Владиславъ IV былъ долженъ выступать покровителемъ іезуитовъ [2]). Въ его царствованіе сеймовыми конституціями были подтверждены права всѣхъ Бѣлорусскихъ іезуитскихъ коллегій. Даже запрещеніе его предшественника имѣть православнымъ полочанамъ и витеблянамъ свои церкви оставалось во всей силѣ. Понятно, что о какихъ-либо невыгодныхъ для іезуитовъ измѣненіяхъ условій ихъ миссіонерской дѣятельности въ Бѣлоруссіи при Владиславѣ IV, не можетъ быть и рѣчи. Братъ и преемникъ его, іезуитскій лаикъ Янъ Казимірь, сразу же по вступленіи на престолъ гарантировалъ іезуитамъ неприкосновенность, благопріятствовавшихъ успѣхамъ ихъ миссіи, порядковъ временъ Сигизмунда III. Онъ торжественно принесъ присягу, что будетъ предоставлять должности и староства исключительно католикамъ [3]). Т. о., то, что при Сигизмундѣ III было лишь послѣдствіемъ іезуитскихъ скрытыхъ козней, теперь вводилось въ норму государ-

---

[1]) Демьяновичъ „Іез. въ З. Р. стр. 152.

[2]) Ibidem.

[3]) Антоновичъ „Монографіи“... стр. 272.

ственной жизни. Сохранялась одна изъ сильнѣйшихъ приманокъ къ латинству въ Бѣлоруссіи, сохранились и всѣ уже отмѣченныя условія миссіонерской дѣятельности въ этомъ краѣ.

Конецъ сороковыхъ годовъ и начало пятидесятыхъ XVII вѣка, замѣчательные сильно выраженнымъ протестомъ въ исторіи Юго-Западной Россіи противъ латино-польскаго господства въ ней, не были временемъ вполнѣ спокойнаго пребыванія іезуитовъ и въ Сѣверо-Западной Руси. Войны Хмѣльницкаго, веденныя имъ на Украйнѣ, нашли себѣ откликъ и въ Бѣлоруссіи, еще со временъ Баторія коснѣвшей подъ іезуитско-польскимъ гнетомъ. Сюда нерѣдко проникали воззванія Хмѣльницкаго, въ которыхъ прямо заявлялось, что всякое латинство можетъ быть терпимо въ Западной Россіи, но никакъ не іезуиты и ихъ школы [1]). Возбуждаемыя этими воззваніями массы Бѣлорусскихъ крестьянъ очень часто стали жестоко расплачиваться со своими обидчиками. Они жгли усадьбы пановъ и іезуитовъ, разграбляли имущество тѣхъ и другихъ, истребляли всѣхъ не православныхъ. Понятно, что всѣ эти возбужденія Бѣлорусскихъ крестьянъ помимо того, что соединялись со значительнымъ матеріальнымъ ущербомъ для іезуитовъ, служили еще не малымъ тормазомъ и для миссіонерской дѣятельности ихъ. Проповѣдникамъ латинства приходилось не только не искать встрѣчи и соприкосновенія съ простымъ народомъ, но и удаляться отъ него какъ можно дальше, чтобы избѣгнуть опасныхъ послѣдствій его гнѣва. Между тѣмъ, иное настроеніе пробуждалось въ православныхъ Бѣлорусскихъ массахъ. Блиставшій лучъ надежды религіозно-политической независимости отъ іезуитско-польскаго гнета, казался уже близкимъ и постояннымъ свѣточемъ въ религіозно-общественной жизни Бѣлоруссіи. Дѣло въ томъ, что для успокоенія грознаго возстанія въ ней поляки обѣщали по Зборовскому трактату 1648 года дать православнымъ многія и весьма важныя права: митрополиту предоставить мѣсто въ сенатѣ, города, гдѣ есть православныя школы, освободить отъ пребыванія въ нихъ іезуитовъ [2]). Къ тому же въ 1650 году польскій король Янъ Казиміръ

---

[1]) Демьяновичъ „Іез. въ З. Р." стр. 156.

[2]) Батюшковъ „Бѣлоруссія и Литва". стр. 248—249.

особою грамотою возвратилъ православнымъ Бѣлоруссамъ Витебское епископство [1]). Въ это же время, согласно извѣстнымъ статьямъ успокоенія греческой вѣры въ восточной Бѣлоруссіи, возвращены были православныя церкви, захваченныя въ прежнее время латинскими ксендзами и іезуитами. Такъ, въ Полоцкѣ снова возвращается прежнимъ владѣльцамъ, отданная въ 1582 году іезуитамъ, Христо-Рождественская церковь. Захваченныя въ 1641 году іезуитами въ Витебскѣ церкви—Благовѣщенская и Свято-Духовская также возвращаются православнымъ Витеблянамъ. То же было и съ Могилевскимъ Спасскимъ монастыремъ [2]). Однако, и это въ сущности незначительное торжество православія въ Бѣлоруссіи было непродолжительно. 20-го февраля 1652 года Янъ Казиміръ отнялъ у православныхъ все, что самъ давалъ за два года передъ этимъ [3]). Іезуиты не были удалены изъ Бѣлоруссіи и по прежнему оставались хозяевами положенія въ ней религіозныхъ дѣлъ. Неудачи Хмѣльницкаго въ борьбѣ съ поляками поколебали увѣренность въ собственныхъ силахъ и среди Бѣлоруссовъ. Они какъ бы притихли и смутились предъ сознаніемъ невозможности окончательнаго сверженія цѣпей религіозно-политическаго рабства. Однако, это было временное затишье предъ болѣе сильной грозой, надвигавшейся не съ юга, а со стороны восточной православной Московской Руси, разомъ измѣнившей ходъ общественно политической жизни въ Бѣлоруссіи, а также и положеніе въ ней іезуитскаго дѣла.

Въ началѣ 1654 года представители Украйны, во главѣ съ Хмѣльницкимъ, принесли присягу на вѣрность Московскому престолу. Не дремали въ это время и православные жители Бѣлоруссіи. Представители православной іерархіи въ этомъ краѣ также посылали свои горькія мольбы о помощи къ Московскому царю. Въ яркихъ краскахъ они обрисовывали свои тяжелыя страданія подъ властью польскихъ королей отъ іезуитскаго гнета. Власть Московскаго единовѣрнаго Царя, казалась, имъ единственно законнымъ и желательнымъ

---

[1]) Ibidem. стр. 250.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem. стр. 252.

регуляторомъ религіозно-общественной жизни въ Бѣлоруссіи [1]). Естественнымъ послѣдствіемъ возсоединенія Малоруссіи съ Россіей была война русскаго царя Алексѣя Михайловича съ поляками, не хотѣвшими поступиться своимъ господствомъ въ богатѣйшей юго-западной русской области. Въ 1654 году, въ числѣ многихъ городовъ въ Бѣлоруссіи, отнятыхъ у поляковъ Алексѣемъ Михайловичемъ, были также Полоцкъ, Витебскъ, Могилевъ и Орша [2]). Не посчастливилось тогда о. о. іезуитамъ, устроившимся въ этихъ городахъ подъ покровомъ польскихъ королей. Пришелъ конецъ не только миссіонерской дѣятельности здѣсь, но и самому пребыванію іезуитовъ въ указанныхъ центрахъ въ Бѣлоруссіи. Ни для кого не было тайною, кто истинные виновники религіозно-политическаго гнета въ ней. Съ ними прежде всего и началъ расправляться, почти сто лѣтъ терзавшійся, народъ. Іезуитамъ уже не на кого было опереться, чтобы справиться съ возмущеннымъ православно-Бѣлорусскимъ населеніемъ. Власть русскаго царя положила прочную грань, дальше которой уже не могла простираться рука польскихъ королей—защитниковъ іезуитовъ. Между тѣмъ, недовольство противъ нихъ возмущенныхъ Бѣлоруссовъ, успѣло принять самый грозный видъ. Іезуитамъ оставалось единственное средство спасенія—это бѣгство [3]). Нѣкоторые изъ нихъ пѣшкомъ достигли Вильны; пять же іезуитовъ, оставшіеся въ Полоцкомъ замкѣ, были забраны въ плѣнъ [4]). Зданія іезуитскихъ коллегіумовъ и ихъ костелы были разрушены, Много пострадали и созданные къ этому времени іезуитскими усиліями одиннадцать костеловъ и кляшторовъ въ предѣлахъ Витебской губерніи и двадцать пять въ Могилевской [5]). Имущество Бѣлорусскихъ іезуитовъ—было разграблено. Помѣстьями ихъ теперь завладѣли православные. Почти на шесть лѣтъ Бѣлорусскіе обитатели освободились отъ назойливыхъ и безпокойныхъ гостей іезуитовъ. Смолкъ миссіонерскій зовъ ихъ къ папскому престолу, прекратились и насильственные загоны Бѣлорусскаго

---

[1]) „Акты относ. къ истор Ю. и З. Рос.“ т. XIV. стр. 203.

[2]) Батюшковъ „Бѣлорус. и Литва стр. 254—256. Rostowski „Lituanicar.“ стр. 370“.

[3]) Rostowski „Lituanicar“... стр. 370.

[4]) Ibidem.

[5]) Кипріановичъ. „Очеркъ прав. катол. и уніи“. стр. 125.

народа въ латинскій костелъ. Только въ 1660 году, съ прекращеніемъ русской оккупаціи надъ Полоцкомъ, далась возможность іезуитамъ возвратиться въ него. Двое іезуитовъ, посланные въ это время въ Полоцкъ для собиранія свѣдѣній о положеніи дѣлъ, нашли тамъ только груды развалинъ [1]). Въ скоромъ времени присоединился и третій іезуитъ Петръ Лукашевичъ [2]). Суперіоромъ этой новой миссіонерской стоянки іезуитовъ въ Полоцкѣ былъ назначенъ Николай Сласскій. О миссіонерской дѣятельности въ это время въ Полоцкѣ и о совращеніяхъ ими въ латинство православныхъ полочанъ—говорить не приходится. Занятымъ тогда іезуитамъ постройкою коллегіума и костела, этихъ важнѣйшихъ средствъ латинизаціи Бѣлоруссовъ,—было не до проповѣди латинства. Къ тому же, не улегшаяся пока гроза съ востока---побуждала іезуитовъ быть очень осторожными въ своей дѣятельности. И дѣйствительно, въ 1663—64 г.г. снова разгорается война Россіи съ Польшей. Полоцкъ со своими обитателями—принимаетъ новые удары. Въ 1664 году въ него вторгаются отряды русскаго войска. Спасаются бѣгствомъ друзья поляковъ, не отстаютъ отъ нихъ и іезуиты. Однако, на этотъ разъ іезуиты бѣгутъ не въ Вильну, но предпочитаютъ скрываться въ лѣсахъ, неподалеку отъ города [3]). Близость польскаго войска, во главѣ съ королемъ, даетъ имъ бодрость и они даже въ это тревожное время пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ для пропаганды латинства. Русскіе плѣнные воины становятся объектами усиленнаго миссіонерскаго вниманія іезуитовъ. Но все же іезуитамъ такъ и не удалось въ это время возвратиться къ прежней спокойной и вполнѣ систематизированной латинизаціи Бѣлорусскихъ народныхъ массъ. Вторгавшіяся одно за другимъ въ полоцкую область русскія полчища не оставляли въ покоѣ ни іезуитовъ, ни поляковъ вплоть до 1667 года.

По Андрусовскому договору Россіи съ Польшей Восточная часть Бѣлоруссіи съ городами Витебскомъ, Полоцкомъ, Могилевомъ и Ор-

---

[1]) Rostowski „Lituanicar“... стр. 371.

[2]) Załęski „Iezuici“... т. IV ч. 1 стр. 204.

[3]) Ibidem. стр. 205.

шей снова отходитъ подъ власть польскихъ королей [1]). Съ этого времени начинается новая эра историческаго существованія іезуитовъ въ Бѣлоруссіи. Никогда еще не страдалъ такъ тяжело Бѣлорусскій народъ, какъ въ эпоху наступившую вслѣдъ за Андрусовскимъ миромъ. Никогда еще не развертывались такъ широко іезуитскія притязанія въ этомъ краѣ, какъ въ данное время. Съ возвращеніемъ іезуитовъ въ Бѣлоруссію, прежде всего возстаютъ изъ пепла и развалинъ зданія ихъ коллегій и костелы въ Полоцкѣ, Оршѣ и Витебскѣ [2]). Вслѣдъ за ними воскресаютъ и другіе безмолвные свидѣтели тяжелыхъ страданій Бѣлоруссовъ за родную вѣру—это каплицы и костелы въ деревняхъ и селахъ. Іезуитскіе миссіонеры снова принимаются за проповѣдь латинства и теперь уже они дѣйствуютъ не столько въ городахъ, сколько среди сельскихъ жителей—этого сильнѣйшаго оплота православной вѣры въ Бѣлоруссіи. Характеръ іезуитской миссіи, въ отношеніи средствъ и способовъ, использывавшихся проповѣдниками латинства, и теперь, какъ прежде, остается тотъ же самый. Наряду съ чисто миссіонерскимъ зовомъ къ латинству, предполагающимъ полную свободу призывавшихся, практикуются прежніе насильственные загоны Бѣлорусскаго народа въ латинскіе костелы. Насильственный характеръ распространенія латинства въ Бѣлоруссіи съ 1667 года по 1772 годъ выступаетъ еще съ большею рельефностью. Объясненіе этого факта можно видѣть какъ въ историческихъ условіяхъ іезуитской миссіи въ Бѣлоруссіи даннаго періода, такъ и въ рѣзко измѣнившемся положеніи самихъ миссіонеровъ не только со стороны матеріальной, но и въ отношеніи строгости ихъ религіозно-нравственной жизни.

Вступившіе вслѣдъ за Яномъ Казиміромъ на престолъ польскій въ 1668 и 1675 годахъ польскіе короли Михаилъ Вишневецкій и Янъ III Собѣсскій, согласно данной присягѣ, предоставляли должности и староства исключительно католикамъ [3]). Немногочисленная уже въ это время православная Бѣлорусская шляхта могла воспользоваться своими законными правами, соотвѣтствовавшими ея званію, только

---

[1]) Батюшковъ „Бѣлорус. и Литва“ стр. 262.

[2]) Załęski „Iezuici w Polskie“ т. IV ч. 1 стр. 206.

[3]) Антоновичъ „Монографіи“... стр. 272.

благодаря отступничеству отъ православной вѣры. Не малый ударъ былъ нанесенъ польскимъ правительствомъ и православной Бѣлорусской іерархіи. На сеймѣ 1676 года было выработано узаконеніе, по которому православнымъ всѣхъ сословій подъ угрозой смертной казни или конфискаціи имущества запрещалось выбывать за границу или прибывать оттуда [1]). Это порожденіе іезуитской злобы противъ православія появилось съ тою цѣлью, чтобы лишить православную церковь всякой поддержки извнѣ, чтобы заставить православныхъ священниковъ принимать рукоположеніе отъ уніатскихъ епископовъ, такъ какъ православныхъ въ Польшѣ уже не было. Этотъ законъ 1676 года былъ подтвержденъ еще и на сеймахъ 1678 и 1699 г.г. [2]). Новый король Польши—Августъ II въ 1696 году снова повторяетъ присягу своихъ предшественниковъ о непредоставленіи должностей и староствъ лицамъ не католической вѣры [3]). При этомъ королѣ сеймовымъ опредѣленіемъ 1699 года было объявлено, что мѣщане-уніаты являются исключительно способными лицами къ занятію магистратскихъ должностей, отъ которыхъ навсегда устранялись православные [4]). Эта сгущенная атмосфера польско-іезуитскаго гнета надъ православно-Бѣлорусскимъ народомъ нимало не разрѣжается и въ первые годы XVIII вѣка, именно, въ періодъ пребыванія русскаго Императора Петра I-го въ Полоцкѣ и другихъ Бѣлорусскихъ центрахъ. Невыносимыя страданія Бѣлорусскаго народа подъ гнетомъ польскихъ фанатиковъ остались какъ бы незамѣченными православнымъ русскимъ царемъ. Во время пребыванія его въ Полоцкѣ въ 1705 году іезуиты, эти главные виновники угнетенія православной Бѣлорусской церкви, успѣваютъ не только замаскировать всю неприглядность своихъ дѣйствій въ этомъ краѣ, но и привлечь къ себѣ его расположеніе. Въ день памяти Петра и Павла, 29 іюня, они приглашаютъ Петра I-го на обѣдъ, устроенный въ помѣщеніяхъ коллегіума [5]). Пользуясь удобнымъ случаемъ, іезуиты всѣми силами стре-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem. стр. 272—273.

[4]) Ibidem.

[5]) Załęski „Iezuici w Polscie“ т. IV ч. 1 стр. 209.

мятся обнаружить предъ русскимъ царемъ свою ученость и зарекомендовать себя поборниками просвѣщенія въ Бѣлорусскомъ краѣ. Ученые разговоры за обѣдомъ искусно переплетались рѣчами ректора и учениковъ въ честь своего высокаго гостя [1]). Іезуиты дѣйствительно успѣли произвести на Петра выгодное для себя впечатлѣніе. Петръ I хвалилъ іезуитовъ генералу Шереметьеву. Спустя же двѣнадцать дней, онъ присутствовалъ на мшѣ въ іезуитскомъ костелѣ и бывшемъ затѣмъ завтракѣ [2]). Понятно, что одно присутствіе Русскаго царя побуждало и іезуитовъ и поляковъ смягчить на это время свои грубыя отношенія къ православному народу. Естественно, что облегченнѣе вздохнулъ теперь и этотъ страдалецъ за родную вѣру. Однако, непродолжительны были эти дни свободы для православной Бѣлорусской церкви. На время пріостановившееся въ своей фанатичной дѣятельности польское правительство, съ удаленіемъ Петра I въ Россію, снова обрушивается и на православіе и на православныхъ въ Бѣлоруссіи. Польскій сеймъ 1712 года отказываетъ имъ во всякомъ покровительствѣ закона, когда выноситъ постановленіе, въ силу котораго канцлерамъ запрещалось прикладывать печать ко всякимъ актамъ, даже актамъ королевскаго помилованія, если только эти акты содержали хоть что-нибудь выгодное для лицъ не католическаго исповѣданія [3]). Въ 1717 году появляется на свѣтъ новое польско-іезуитское дѣтище, прямо таки чудовищное по гнусности своихъ цѣлей и отвратительности ведущихъ къ нимъ средствъ. Это проектъ объ уничтоженіи русской вѣры и народности [4]). Неудавшееся окатоличеніе Бѣлорусскаго православнаго населенія путемъ хитро сплетенныхъ комбинацій, теперь объявляется открытой цѣлью польскаго правительства и латинской іерархіи. Іезуитскому такту отводится главнѣйшая роль въ послѣдующей дѣятельности на указанномъ поприщѣ. Конференція 1732 года, устроенная въ періодъ междуцарствія, опредѣлила слѣдующія узаконенія: „церковь католическая не должна терпѣть рядомъ съ собою, никоимъ образомъ, другихъ

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem.

[3]) Антоновичъ „Монографіи“... стр. 272.

[4]) „Supplem. ad. Historic. Rus. monum.“ № 81.

вѣроисповѣданій; иновѣрцы, то-есть, православные и протестанты, лишаются права избранія въ депутаты на сеймы, въ трибуналы и въ спеціальныя комиссіи, составленныя по какимъ бы то ни было дѣламъ. Права ихъ сравниваются съ правами евреевъ. Духовные ихъ не должны явно по улицамъ ходить со св. дарами; крещеніе, бракъ, похороны—они имѣютъ право совершать не иначе, какъ съ разрѣшенія католическаго ксендза, за установленную послѣднимъ плату. Публичныя похороны воспрещаются иновѣрцамъ вовсе: они должны хоронить мертвыхъ ночью... каноническіе законы католиковъ должны быть обязательны и для иновѣрцевъ“ [1]). Протесты Россіи и другихъ державъ не облегчили участи послѣднихъ. На сеймѣ 1764 года было опредѣлено карать смертью тѣхъ, кто перейдетъ изъ католичества въ иновѣріе, дѣтей православныхъ священниковъ записывать въ крѣпостные, если они до 15-лѣтняго возраста не выберутъ себѣ опредѣленныхъ занятій [2]). Въ 1766 году на сеймѣ было внесено слѣдующее предложеніе краковскаго епископа Салтыка: объявлять врагомъ отечества всякаго, кто осмѣлится заикнуться на сеймахъ хоть однимъ словомъ въ пользу иновѣрцевъ. Предложеніе было принято и получило силу закона [3]). Въ 1768 году польское правительство сдѣлало вынужденную уступку въ пользу православія въ своемъ государствѣ [4]). Оно отмѣнило многія ограничительныя мѣры, угнетавшія православныхъ Бѣлоруссовъ. Однако, вынужденная сутпчивость поляковъ мало облегчила участь послѣднихъ. Только въ 1772 году православный Бѣлорусскій народъ окончательно освободился отъ страданій за родную вѣру подъ властью единовѣрной ему Русской Императрицы Екатерины II-ой.

Мѣстныя условія Бѣлорусской жизни даннаго періода съ неменьшей силой содѣйствовали успѣхамъ іезуитской миссіи здѣсь, чѣмъ и отмѣченныя выше общегосударственныя. Окатоличенная почти поголовно Бѣлорусская шляхта вмѣстѣ съ принятіемъ латинства впитала въ себя и іезуитскій фанатизмъ. Отвращеніе и ненависть

---

[1]) Ibidem. Антоновичъ „Монографіи“... стр. 273.

[2]) Демьяновичъ „Іез. въ З. Р.“ стр. 223—224.

[3]) Антоновичъ „Монографіи“... стр. 273.

[4]) Ibidem. стр. 274.

ко всему православному и русскому естественно переносились у нея ближайшимъ образомъ на подвластный ей крѣпостной народъ, который въ большей своей части все же оставался и православнымъ по исповѣданію, и русскимъ по своимъ національнымъ симпатіямъ. Іезуитскіе миссіонеры, эти поборники католицизма и нераздѣльнаго съ нимъ полонизма въ Бѣлоруссіи, встрѣчались шляхтою въ своихъ имѣніяхъ не только съ величайшимъ радушіемъ, но и полною готовностью на всякое содѣйствіе миссіонерскимъ успѣхамъ. Неограниченная власть тогдашняго помѣщика надъ простымъ народомъ отдавалась іезуитамъ въ ихъ полное распоряженіе. Такого рода взаимоотношенія между шляхтой и іезуитами не только дали своимъ результатомъ публичное выраженіе: „полнаго презрѣнія къ иноземнымъ культамъ“ [1]), какъ это было, напримѣръ, на сеймѣ 1733 года, но и удержали во всей силѣ насильственный характеръ распространенія латинства въ Бѣлоруссіи. Вмѣстѣ съ Бѣлорусской шляхтой не избѣгли іезуитскаго вліянія и даже полнаго подчиненія его руководству, представители мѣстной гражданской власти. Вліяніе іезуитовъ по временамъ такъ возрастало въ своей силѣ, что достигало даже полной узурпаціи прерогативъ власти тѣхъ, которые должны были всегда стоять на стражѣ мирнаго теченія мѣстной общественно-религіозной жизни. Такъ, извѣстно, что ректоръ полоцкой іезуитской коллегіи былъ и воеводой, и судьей, и каштеляномъ въ Полоцкѣ [2]). Всѣ мѣстные чиновники должны были являться къ нему съ визитами (во всѣ праздники); латинскія церемоніи они должны были окружать всевозможными знаками вниманія и уваженія. Конечно, далеко не каждому изъ ректоровъ іезуитскихъ коллегій въ Бѣлоруссіи удавалось достигнуть столь исключительнаго положенія. Далеко не всегда іезуиты по сьоему непосредственному усмотрѣнію вращали въ ту или другую сторону колесо общественно-религіозной жизни въ Бѣлоруссіи. Однако, косвенное вліяніе іезуитовъ въ этомъ дѣлѣ почти никогда не прекращалось. У іезуитовъ въ помѣщеніяхъ ихъ коллегій Бѣлорусская шляхта отправляла свои сеймики и судебныя засѣда-

---

[1]) „Вѣстн. З. Россіи“. 1863 г. т. I стр. 223.

[2]) Łucaszewicz „Dzieje Kosciołów... w Litwie“ т. I стр. 265.

нія [1]). Въ этихъ случаяхъ они доставляли шляхтѣ всевозможныя удобства—столъ, экипажи, музыку, вина и проч. Понятно, что іезуиты извлекали всю выгоду изъ такого положенія дѣлъ. Они непосредственно вмѣшивались въ рѣшеніе судебныхъ и государственныхъ дѣлъ и диктовали сеймикамъ то, что имъ хотѣлось. Подъ ихъ же руководствомъ давались инструкціи и посламъ на сеймы [2]). Наконецъ, іезуиты держали въ своихъ рукахъ Бѣлорусскую шляхту и представителей мѣстной власти и съ экономической стороны. Умножавшіеся съ каждымъ годомъ іезуитскіе капиталы путемъ торговли нерѣдко давались подъ проценты и шляхтѣ, и различнымъ городскимъ властямъ. „Въ Историко-Юрид. матеріалахъ“... мы находимъ цѣлую серію долговыхъ обязательствъ, выданныхъ іезуитамъ или шляхтою, или тѣми же городскими властями [3]). Порядки такого рода, вѣроятно, какъ нельзя больше были выгодны іезуитамъ. Погрязшія въ долгахъ городскія власти и шляхта не смѣли никогда стать на пути іезуитамъ или обезвредить и пресѣчь ихъ всякую дѣятельность на пользу латинства, хотя бы и соединявшуюся съ явными обидами и насиліемъ надъ лицами другихъ исповѣданій. Боязнь разоренія, очевидно, удаляла ихъ отъ всякаго противодѣйствія іезуитамъ даже настойчиво—необходимаго. Иначе мы никакъ не объяснимъ преступнаго равнодушія Бѣлорусской шляхты и мѣстной гражданской власти къ позорной дѣятельности іезуитовъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда польскіе короли считали необходимымъ положить ей конецъ [4]).

Всѣ отмѣченныя нами, благопріятствовавшія іезуитамъ и ихъ миссіонерской дѣятельности въ Бѣлоруссіи, условія общегосударственной и мѣстной жизни—использывались ими со всею, свойственною іезуитамъ ловкостью. Вмѣстѣ же съ этимъ съ каждымъ годомъ становились все внушительнѣе и плоды іезуитской миссіи въ Бѣлоруссіи. Параллельно съ возрастаніемъ числа новыхъ подданныхъ папскому престолу—увеличивалось съ поразительною быстротою и количество религіозныхъ центровъ въ Бѣлоруссіи, имѣвшихъ цѣлью

---

[1]) Демьяновичъ „Іез. въ З. Р.“... стр. 168,

[2]) Ibidem.

[3]) „Истор. Юрид. Матер.“ т. XX, № 16; т. XVIII, № 68; т. XVIII, № 114.

[4]) Сапуновъ „Вит. Стар.“ т. V. ч. I. № 131, стр. 246.

удовлетвореніе религіозныхъ нуждъ и запросовъ новыхъ латинянъ. Въ разсматриваемый періодъ миссіонерской дѣятельности іезуитовъ въ Бѣлоруссіи число іезуитскихъ костеловъ и кляшторовъ достигаетъ довольно солидной цифры—121. Изъ этого общаго количества—99 костеловъ и кляшторовъ приходится на долю Витебской губерніи и 22—Могилевской [1]). Количество новыхъ латинянъ въ Бѣлоруссіи, по отсутствію точныхъ данныхъ, не поддается строгому учету. Несомнѣнно только одно, что оно выражалось въ весьма и весьма солидной цифрѣ. Многочисленность іезуитскихъ костеловъ и кляшторовъ въ Бѣлоруссіи не было простымъ слѣдствіемъ іезуитской прихоти; она скорѣе вызывалась какъ условіями мѣстной жизни такъ и требованіями времени. Многочисленныя іезуитскія каплицы, устраивавшіяся почти въ каждой деревнѣ, вѣроятно, тоже не были лишь простыми свидѣтелями торжества латинства въ Бѣлоруссіи, только какъ господствующаго исповѣданія. Религіозные запросы и нужды поселянъ несомнѣнно имѣлись въ виду у іезуитовъ съ устройствомъ каждой каплицы. Однако, вся привлекательность успѣховъ іезуитской миссіи даннаго періода въ Бѣлоруссіи, сильно блѣднѣетъ предъ тою неприглядностію средствъ, какими пользовались іезуиты въ своемъ распространеніи католицизма. Несправедливыя и незаслуженныя страданія православныхъ Бѣлоруссовъ за родную вѣру отъ фанатиковъ-латинянъ такъ велики и ужасающи, что къ выясненію ихъ характера и можно приступать только по выясненіи обстановки и условій, благодаря которымъ можно согласиться на признаніе ихъ реальности.

Насилія надъ религіозной совѣстью крѣпостного народа и частныхъ лицъ со стороны іезуитскихъ миссіонеровъ были столь обычнымъ явленіемъ и столь не разнообразны ни по средствамъ, какими они пользовались, ни по тѣмъ результатамъ, которые ими достигались, что достаточно ограничиться указаніемъ на общепризнаваемые факты насильственныхъ загоновъ іезуитами и шляхтой своихъ иновѣрцевъ въ латинскій костелъ. Мы представимъ лишь болѣе выдающіеся случаи страданій православныхъ Бѣлоруссовъ подъ гнетомъ іезуитовъ. Какъ велики были эти страданія можно судить уже по тому, что даже

[1]) Батюшковъ „Бѣлор. и Литва“ стр. 268.

короли—католики считали нужнымъ иногда выступать на защиту православныхъ. Такъ, въ послѣдней четверти XVII вѣка, соединенныя усилія полоцкихъ іезуитовъ съ уніатами къ искорененію православія, очевидно, настолько повысились въ своей интенсивности, настолько приняли характеръ явной противозаконности, что побудили даже Яна III дать упоминальный листъ въ защиту православныхъ полочанъ[1]). Адресуясь къ уніатскому митропол. Кипріану Жоховскому и іезуитамъ полоцкой коллегіи, король даетъ имъ слѣдующія распоряженія. „Представлена намъ, говоритъ онъ, отъ имени всей монашествующей братіи монастыря чина Св. Василія Великаго, а также отъ братсва онаго и мѣщанскаго общества нашего города Полоцка жалоба на то, что вопреки вольностямъ, правамъ и свободамъ, какъ предшественниками нашими, такъ и нами самими населенію и духовенству Греческой неуніатской вѣры, пожалованнымъ и утвержденнымъ на тотъ конецъ, чтобы ни въ отправленіи богослуженія, ни въ особенномъ отправленіи всякихъ другихъ дѣлъ благочестія, ни въ открытомъ посѣщеніи больныхъ со Св. Дарами,—никто имъ не препятствовалъ; вѣрность ваша (іезуиты и уніаты), опираясь на какія - то привиллегіи, добытыя вслѣдствіе неправильнаго представленія дѣла, которыя мы и признаемъ недѣйствительными, какъ сами непосредственно, такъ и черезъ другихъ людей, угрожая насильно, неподлежаще, незаконно отнять вышеозначенный монастырь, причиняете вредъ монашествующимъ и мѣщанамъ и позволяете себѣ въ отношеніи къ нимъ всякое безправіе: преграждаете путь идущимъ со святыми дарами къ больнымъ, не допускаете сопровождать тѣла умершихъ къ погребенію и, насылая людей на монастырь, дѣлаете другимъ тяжкія угнетенія къ соблазну всего христіанскаго міра... Усматривая, что всѣ такія дѣйствія, насколько противны государственному закону, столько же подрываютъ всякую безопасность, мы король напоминаемъ вѣрности вашей, чтобы вы подобныхъ насилій, безправій и препятствій ни въ какихъ богослуженіяхъ и обрядахъ чинить имъ, просителямъ, не дерзали. Причемъ установляемъ штрафъ въ 10 т. копъ грошей Литовскихъ, которому вѣрность Ваша и будете подлежать всякій разъ за сопротивле-

[1]) Сапуновъ „Вит. Стар." т. V. ч. I. № 131. стр. 246.

ніе настоящему предварительному указу нашему» [1]). Такъ беззастѣнчивы были Бѣлорусскіе іезуиты въ своихъ отношеніяхъ къ православнымъ. Для послѣднихъ они дѣлали невозможнымъ удовлетвореніе даже самыхъ насущныхъ потребностей религіознаго духа. Если это было такъ въ концѣ XVII вѣка, когда польское правительство совсѣмъ почти не выступало на путь оффиціальнаго отрицанія правъ на религіозную свободу у православныхъ Бѣлоруссовъ, то что же могло произойти въ послѣдующее время, когда и короли и сеймы единодушно опредѣляли недопустимость существованія православія въ Бѣлоруссіи, какъ исповѣданія вѣры, наряду съ латинствомъ. Что могли теперь творить іезуиты въ Бѣлоруссіи, не умѣряемые никакою властію въ своемъ фанатическомъ озлобленіи противъ иновѣрія вообще и православія въ особенности. XVIII вѣкъ въ религіозной жизни Бѣлоруссіи, дѣйствительно, особенно богатъ фактами насилія іезуитовъ надъ православной совѣстью. Правительственное запрещеніе православнымъ открыто совершать свои богослуженія и требы, нашло въ іезуитахъ самыхъ жаркихъ поборниковъ своего практическаго осуществленія. Іезуиты и ихъ ученики сплошь и рядомъ нападаютъ на православныхъ священниковъ, отправлявшихся для требоисправленія [2]). Православные монастыри и церкви часто подвергаются разгромамъ безъ всякаго внѣшняго повода и наружнаго оказательства православія. Около 1722 года іезуитскіе воспитанники въ Оршѣ съ оружіемъ въ рукахъ напали на православный Кутеинскій женскій монастырь и подожгли его съ цѣлью похитить чудотворную икону Божіей Матери [3]). Отъ насилій іезуитовъ не оставалась неприкосновенною даже личность православнаго Могилевскаго епископа. Въ 1726 году Могилевскій плебанъ посадилъ въ костельную тюрьму православнаго священника. Избіеніе епископскихъ слугъ было у него обычнымъ занятіемъ. Въ своемъ озлобленіи противъ «схизматиковъ» онъ дошелъ даже до того, что ночью напалъ на епископскій дворъ, намѣреваясь убить самого епископа [4]). Могилевскій Преосвященный Сильвестръ

[1]) Ibidem.

[2]) Чистовичъ „Очеркъ исторіи З.-Р. церкви". т. II. стр. 150.

[3]) Батюшковъ „Бѣлорус. и Литва"... стр. 280.

[4]) Ibidem. стр. 281.

опасался даже послать кого-либо съ жалобою на сеймъ, такъ какъ плебанъ Волчекъ, вмѣстѣ съ іезуитомъ Гинтофтомъ, угрожали убить того, кто будетъ посланъ [1]). Въ это же время могилевскими іезуитами было возбуждено ходатайство предъ гетманомъ Литовскимъ Сапѣгою о передачѣ имъ каѳедральной Могилевской Спасской церкви. Упраздненіе православной могилевской каѳедры они мотивировали своимъ настойчивымъ желаніемъ учредить латинство [2]). Правда, іезуитамъ не удалось достигнуть своей цѣли, но зато они успѣли причинить не мало безпокойства и хлопотъ тѣмъ же Могилевскимъ епископамъ. Такъ, напримѣръ, въ 1761 году могилевскій плебанъ Зеновичъ, собравъ значительное количество іезуитскихъ учениковъ и вооруживъ ихъ ружьями, произвелъ разбойническое нападеніе на домъ еп. Георгія Конисскаго и православную семинарію. Преосвященный Георгій избѣжалъ смерти, постигшей многихъ изъ его подчиненныхъ, только благодаря тому, что успѣлъ скрыться въ подвалѣ своего дома [3]). Если такъ жестоко и вполнѣ безнаказанно расправлялись іезуиты со своими иновѣрцами не только жившими въ городахъ, но и рѣзко выдѣлявшимися по своему общественному положенію, то легко себѣ представить, сколько страданій могъ вынести беззащитный священникъ бѣднаго сельскаго прихода. Безцеремонные набѣги на сельскую церковь были совсѣмъ не исключительнымъ явленіемъ. Помимо того, что они почти всегда оканчивались превращеніемъ православной церкви въ латинскій костелъ, косвеннымъ образомъ они служили еще и средствомъ къ пополненію латинскихъ рядовъ въ Бѣлоруссіи на счетъ православной паствы. Дѣло въ томъ, что всѣ защитники своей святыни обычно привлекались іезуитами въ судъ, который угрожалъ имъ или смертной казнью, или заставлялъ переходить въ латинство [4]). Многіе, конечно, изъ осужденныхъ по естественному отвращенію и страху передъ смертью предпочитали ей измѣну православію. Подобныя проявленія іезуитской ненависти и гнета надъ православными, проходятъ красной нитью чрезъ весь періодъ обозрѣвае-

---

[1]) Ibidem. стр. 281—282.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem. стр. 286.

мой нами миссіонерской дѣятельности. Только съ прекращеніемъ благопріятствовавшей іезуитамъ обстановки и условій государственной жизни въ 1772 году, прекратились какъ систематическая травля іезуитами „схизматиковъ“, такъ и насильственное восполненіе рядовъ своихъ единовѣрцевъ за счетъ послѣднихъ.

Въ заключеніи къ своему обзору іезуитской миссіонерской дѣятельности въ восточной части Бѣлоруссіи до 1772 года—я позволю себѣ остановиться на обликѣ религіозно-нравственной жизни самихъ глашатаевъ латинства. Сдѣлать это считаю необходимымъ потому, что выясненіе характера іезуитской миссіи изъ однихъ лишь чисто внѣшнихъ условій и причинъ значительно бы теряло въ своей полнотѣ и обстоятельности, безъ уясненія соотношенія между фактами миссіонерской практики и внутренней психики самихъ миссіонеровъ. Малочисленность историческихъ данныхъ, могущихъ имѣть отношеніе къ затронутому мною вопросу, не даетъ мнѣ возможности представить въ формѣ историческаго очерка ходъ и развитіе внутренней жизни Бѣлорусскихъ іезуитовъ въ соотвѣтствіи съ ихъ миссіонерскими работами во все время пребыванія ихъ въ Бѣлорусскомъ краѣ. Однако, и имѣющіяся подъ руками отрывочныя свѣдѣнія говорятъ далеко не въ пользу іезуитовъ. При этомъ, особенно характернымъ является тотъ фактъ, что всѣ дефекты и дезорганизація во внутренней жизни іезуитовъ хронологически совпадаетъ именно съ эпохой ихъ самаго безраздѣльнаго господства въ Бѣлоруссіи и самаго ожесточеннаго гоненія на православіе и православныхъ. Я разумѣю конецъ XVII и почти три четверти XVIII столѣтія. Весь этотъ промежутомъ времени по документальнымъ даннымъ характеризуется полнымъ упадкомъ строгости жизни и дисциплины какъ въ коллегіяхъ, такъ и среди всей вообще іезуитской корпораціи. Послушаніе старшимъ, какъ основной законъ іезуитскаго ордена, теперь стало орудіемъ звѣрскаго деспотизма [1]). Ректора коллегій гнетутъ своихъ подчиненныхъ и всѣ они вмѣстѣ безъ состраданія и жалости расплачиваются со своими, чѣмъ-либо провинившимися питомцами. Іезуитскіе генералы увѣщаніемъ и угрозами призываютъ іезуитскую братію къ братолюбію и мягкости отношеній къ своимъ подчиненнымъ. Цѣлый

[1]) Истор. Юрид. Матер. т. XVIII. № 44.

рядъ циркулярныхъ предписаній въ этомъ родѣ мы находимъ въ „Историко-Юридическихъ Матеріалахъ“. Не на высокой ступени нравственнаго авторитета и строгости дисциплины стояли и іезуитскіе монастыри XVIII вѣка. Слухи о дефектахъ въ монашеской жизни іезуитовъ, очевидно, достигали и до іезуитскихъ генераловъ ордена. Послѣдніе нерѣдко напоминали братіи іезуитскихъ монастырей о забвеніи ею обѣтовъ и предписаній Лойолы и проистекающихъ отсюда нравственныхъ проступкахъ. Въ данную эпоху іезуиты не только не отличаются высокою религіозною настроенностью, но и оставляютъ безъ вниманія и аттрибуты своего внѣшняго показного благочестія. Смиренный видъ іезуискаго монаха, разсчитанныя на торжественность и благочестіе тѣлодвиженія, прежде бывшія повсюдными у іезуитовъ даже въ обыденной жизни, теперь оставляются іезуитами безъ вниманія даже во время священнодѣйствія [1]). Къ этому же времени усиливается и бѣгство членовъ изъ іезуитскаго ордена. Гнетъ старшей братіи надъ младшей становится настолько нестерпимымъ, что многіе рѣшаются даже оставить орденъ [2]). Іезуитскіе провинціалы вынуждаются вступать въ рѣшительную борьбу съ этой ненормальностью. Такъ, Литовскій провинціалъ Владиславъ Деукша даетъ категорическое предписаніе читать въ іезуитскихъ трапезныхъ посланіе іезуита Бохена о причинахъ оставленій многими іезуитскаго ордена [3]). Вмѣстѣ же съ этимъ онъ приказываетъ клеймить позорнымъ именемъ отступниковъ даже тѣхъ изъ оставлявшихъ орденъ, которые все же оставались въ духовномъ званіи [4]). Злоупотребленіе спиртными напитками и драки іезуитскихъ монаховъ, также не ускользнули отъ вниманія Деукши. Опасеніе отстранить отъ монастыря его благотворителей выставляется Деукшею какъ основной мотивъ къ прекращенію пьянства и дракъ среди монастырской братіи. Обѣтъ безбрачія также не находилъ строгихъ исполнителей среди іезуитскихъ монаховъ. Особенно выдѣляющимися въ этомъ отношеніи были прокураторы іезуитскихъ имѣній [5]). Удаленные отъ взоровъ своего начальства и обезо-

[1]) „Истор. Юрид. Матер. т. XVIII. № 46.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem.

[5]) Ibidem.

пашенные тою же дальностью разстоянія отъ доносовъ и наушничества со стороны своихъ собратій, они не имѣли, очевидно, внѣшнихъ побудительныхъ причинъ къ сохраненію чистоты безбрачія. По этимъ то причинамъ настоятелямъ монастырей іезуитскіе провинціалы давали предписанія строго наблюдать за жизнью прокураторовъ. Извѣстный Деукша въ своемъ циркулярѣ выставляетъ категорическое требованіе объ удаленіи всѣхъ женщинъ изъ помѣщеній послѣднихъ [1]). Въ 1742 году въ особомъ циркулярѣ другой провинціалъ Садовскій Іос. для искорененія нравственнаго упадка прокураторовъ имѣній рекомендовалъ возможно чаще вызывать ихъ въ монастырь для возгрѣванія въ нихъ привязанности къ монашеской жизни [2]). Наконецъ, забвеніе іезуитами своихъ обѣтовъ нищеты было столь распространеннымъ явленіемъ, что на него вынуждена была обратить свое вниманіе даже генеральная конгрегація. Іезуиты были не только помѣщиками съ личной земельной собственностью и крестьянами, но и крупными капиталистами. Однако, доходы, получавшіеся со всѣхъ этихъ источниковъ, обращались не въ общеіезуитскую кассу, не на орденскія цѣли, а на удовлетвореніе запросовъ и потребностей отдѣльныхъ лицъ и становились, такимъ образомъ, частною собственностью. Такая постановка дѣла, нимало не вредя благосостоянію отдѣльныхъ членовъ, отзывалась значительнымъ матеріальнымъ ущербомъ для ордена. Іезуитскій орденъ, сильный своею внутреннею соорганизованностью, подвергался естественной опасности разслабленія, вслѣдствіе усилившагося стремленія къ личной выгодѣ и расчету со стороны отдѣльныхъ его членовъ [3]).

Вся эта необузданная жизнь Бѣлорусскихъ іезуитовъ несомнѣнно отпечатлѣлась и на всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ. И прежде всего ея отпечатки можно было видѣть на общемъ ходѣ миссіонерской работы іезуитовъ. Крестьяне подвластные іезуитамъ, были всѣ окатоличены. Тяжело страдалъ и шляхтичъ какими-либо судьбами, оставшійся православнымъ. Эту связь между нравственной разнузданностью іезуитовъ и ходомъ ихъ миссіонерской дѣятельности—засвидѣльствовали

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem. № 51.

[3]) Ibidem. № 46.

и іезуитскіе провинціалы. Литовскій провинціалъ Іос. Садовскій въ особомъ циркулярѣ данномъ на имя всѣхъ Бѣлорусскихъ іезуитскихъ коллегій, вслѣдъ за увѣщаніемъ іезуитовъ къ строгости и чистотѣ нравственаой жизни призываетъ ихъ и къ прекращенію жестокихъ, неумѣстныхъ и оскорбительныхъ выходокъ противъ православныхъ [1]). Такимъ образомъ, если сами іезуитскіе начальники усматривали не малый корень зла въ нравственной разнузданности Бѣлорусскихъ іезуитовъ, если эта послѣдняя почиталась ими даже какъ причина ненормальныхъ насильственно-принудительныхъ отношеній миссіонеровъ къ наставлявшимся въ латинской правдѣ, то, конечно, отрицать насильственный характеръ іезуитской миссіи въ Бѣлоруссіи можно, только отрѣшившись всякой объективности и правды.

[1]) Ibidem. № 51.

Источники и пособія.

„Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи собранные и изданные археографическою комиссіею. т. I—V. СПБ. 1848 г.“.

„Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи собранные и изданные археографическою комиссіею. 1882 г.“.

„Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси, издаваемый при Виленскомъ учебномъ округѣ. т. XIII. Вильно. 1902 г.“.

„Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи С.-З. Руси. т. I—II. Вильно. 1867 г.“.

„Supplementum ad historica Russiae monumenta ex archivis ac bibliothecis extraneis deprompta et a collegio Archeographico edita. Petropoli. 1848 г.“.

„Annuae litterae societatis jesu. Roma. Florencia“. Просмотрѣны книги, имѣющіяся въ СПБ. Публичной Библіотекѣ за время съ 1584 г. по 1614 г.

„S. Rostowski. Lituanicarum societatis jesu historiarum. Libri decem“. (Изъ библ. СПБ. Дух. Академіи).

„А. Сапуновъ. Витебская Старина. т. I—V. Витебскъ. 1883—1888“.

„Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Могилевской и Витебской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ и изданные подъ редакціей Сазонова и др. т. I—XXXII. Витебскъ“.

„Materyały do dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych. zebrał I. G. Kraków. 1905“.

„А. Демьяновичъ. Іезуиты въ Западной Россіи въ 1569—1772 г.г.“ СПБ. 1872 г.

„Любовичъ. Къ исторіи іезуитовъ въ польско-литовскихъ земляхъ въ XVI в.“ Варшава. 1883 г.

„S. Załęski. Iezuici w Polskie“. Lwów. 1909 г. т. I—IV.

„М. Морошкинъ. Іезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II-ой и до нашего времени. т. I—II. СПБ. 1867 г.“.

„J. Łukaszewicz. Historya szkół w Koronie w Welkiem Księstwie Litewskiem od najdawniejszych czasów aż do roku 1794. т. I—V. Poznań. 1881 г.“.

„J. Łukaszewicz. Dzieje Kościołów wyznania Helweckiego w Litwie. Poznań. 1842 г.“.

„Jaroszewicz. „Obraz Litwy“. т. I—III. Wilno. 1844 г.“.

„К. Харламповичъ. Западно-Русскія православныя школы конца XVI и начала XVII вѣка и отношеніе ихъ къ инославнымъ“. Казань. 1898 г.

„Д. Толстой. Римскій католицизмъ въ Россіи. СПБ. 1876 г.“.

„В. Антоновичъ. Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. т. I. Кіевъ. 1885“.

„М. Безъ-Корниловичъ. Историческія свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи“. СПБ. 1855.

„А. Лиловъ. О зловредныхъ дѣйствіяхъ іезуитовъ въ Россіи“. Кіевъ. 1856 г.

„Л. Ранке. Римскіе папы въ послѣдніе четыре столѣтія. т. II. 1874 г.“.

„И. Чистовичъ. Очеркъ исторіи Западно-Русской церкви. ч. I—II. СПБ. 1882 г.“.

„А. Сапуновъ. Замѣтка о коллегіи и Академіи іезуитовъ въ Полоцкѣ“. Витебскъ. 1890.

„Rychcycki. Piotr Skarga i jego wiek“. Kraków. 1850 г.

„П. Батюшковъ. Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы Сѣверо-Западнаго края“. СПБ. 1890.

„Г. Кипріановичъ. Историческій очеркъ православія, католичества и уніи въ Бѣлоруссіи и Литвѣ съ древнѣйшаго и до настоящаго времени“. Вильно. 1895.

„Л. Кондратовичъ. Исторія польской литературы отъ начала ея и до настоящаго времени“. перев. Кузьминскаго. т. I—II. 1898 г.

„Вѣстникъ Зап. Россіи“ 1863 г. кн. II. т. I.

Ив. Митрошенко.

Полоцкій князь Всеславъ и его время.

Главнѣйшія опечатки.

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	НАДО ЧИТАТЬ.
7	2 св.	іезуитства	іезуитскаго
—	5 сн.	кольвинистами	кальвинистами
17	14 св.	опасеніяии	опасеніями
—	4 сн.	Полупятъ	Полупятѣ
18	11 сн.	удѣлѣ	удѣлъ
20	6 св.	проступка	поступка
—	7 св.	потроната	патроната
—	4 сн.	интересахъ	интересамъ
30	6 св.	эксплоатировать	эксплоатировались
79	10 св.	отсупникахъ	отступникахъ
80	7 св.	одно	одною
—	1 сн.	исчезали	исчезало
94	16 св.	въ вновь	вновь

вые забрезжила заря русской государственности, когда на берегахъ Западной Двины произошла закладка первыхъ камней русской культуры, когда эта культура стала отливаться въ форму опредѣленнаго политическаго цѣлаго. А это началось давно: болѣе восьмисотъ лѣтъ тому назадъ... Въ то далекое время сердцемъ Сѣверо-Западнаго края былъ старый сосѣдъ Витебска—маститый Полоцкъ, государственная власть крѣпко держалась въ желѣзныхъ рукахъ могучаго полоцкаго

---

[1]) См. элегію „Теонъ и Эсхинъ“ В. А. Жуковскаго. Сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Изданіе Х. П. А. Ефремова. С.-Петербургъ, 1901, стр. 128.

„М. Морошкинъ. Іезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II-ой и до нашего времени. т. I—II. СПБ. 1867 г.“.

„J. Łukaszewicz. Historya szkół w Koronie w Welkiem Księstwie Litewskiem od najdawniejszych czasów aż do roku 1794. т. I—V. Poznań. 1881 г.“.

„J. Łukaszewicz. Dzieje Kósciołów wyznania Helweckiego w Litwie. Poznań. 1842 г.“.

[illegible] Litwy“. т. I—III. Wilno. 1844 г.“.

[illegible] православныя школы конца XVI [illegible] 1898 [illegible]

ной [illegible]

нѣ [illegible]

Кіе [illegible]

18 [illegible]

С [illegible]

лоцкѣ [illegible]

„Rychcycki. Piotr Skarga i jego [illegible]

„П. Батюшковъ. Бѣлоруссія и Литва. Историческія [illegible] веро-Западнаго края“. СПБ. 1890.

„Г. Кипріановичъ. Историческій очеркъ православія, католичества и уніи въ Бѣлоруссіи и Литвѣ съ древнѣйшаго и до настоящаго времени“. Вильно. 1895.

„Л. Кондратовичъ. Исторія польской литературы отъ начала ея и до настоящаго времени“. перев. Кузьминскаго. т. I—II. 1898 г.

„Вѣстникъ Зап. Россіи“ 1863 г. кн. II. т. I.

Ив. Митрошенко.

Полоцкій князь Всеславъ и его время.

„Внуци Всеславли! уже понизите стягы своя, воньзите свои мечи вережени; уже бо выскочисте изъ дѣдьней славы". Слово о полку Игоревѣ.

Всѣмъ обитателямъ прекраснаго бѣлорусскаго края естественно любить родную старину свою и ею интересоваться. «Для сердца прошедшее вѣчно»,—сказалъ поэтъ-идеалистъ [1]). Именно такими—несокрушимо-вѣчными должны быть преданья старины глубокой, старины Полоцкой для памяти всѣхъ бѣлоруссовъ, въ жилахъ которыхъ еще течетъ старо-славянская кровь кривичей. Для прагматическаго же и объективнаго взора исторической науки прошлое важно потому, что только въ лучахъ его правильно можно понять и надлежащимъ образомъ для себя освѣтить задачи настоящаго историческаго момента. Тѣмъ болѣе важно бросить хотя нѣкоторый лучъ свѣта на ту отдаленную эпоху въ исторіи бѣлорусскаго края, когда надъ нимъ впервые забрезжила заря русской государственности, когда на берегахъ Западной Двины произошла закладка первыхъ камней русской культуры, когда эта культура стала отливаться въ форму опредѣленнаго политическаго цѣлаго. А это началось давно: болѣе восьмисотъ лѣтъ тому назадъ... Въ то далекое время сердцемъ Сѣверо-Западнаго края былъ старый сосѣдъ Витебска—маститый Полоцкъ, государственная власть крѣпко держалась въ желѣзныхъ рукахъ могучаго полоцкаго

---

[1]) См. элегію „Теонъ и Эсхинъ" В. А. Жуковскаго. Сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Изданіе Х. П. А. Ефремова. С.-Петербургъ, 1901, стр. 128.

богатыря, а имя полочанъ, «грозныхъ полочанъ», какъ выражается авторъ Слова о полку Игоревѣ [1]), со славою разносилось эхомъ народной молвы многоводному бассейну великой западно-русской рѣки...

Историческая библіографія знаетъ немало крупныхъ изслѣдователей, занимавшихся изученіемъ прошлыхъ и настоящихъ судебъ бѣлорусскаго племени. Среди нихъ заслуженной извѣстностью пользуются блестящія имена покойныхъ профессоровъ: Петербургскаго—М. О. Кояловича, Московскаго—И. Д. Бѣляева, кіевскихъ—еще здравствующихъ—М. Довнара-Запольскаго и В. Е. Данилевича, варшавскаго—Е. Ѳ. Карскаго, глубокихъ знатоковъ бѣлорусскихъ древностей—А. П. Сапунова, А. М. Сементовскаго и др. Однако, существованіе столькихъ авторитетовъ не даетъ еще права утверждать, что всѣ вопросы касательно княжьяго періода исторіи древняго Полоцка разрѣшены безповоротно и окончательно. Нѣтъ! тамъ еще есть много неяснаго, неопредѣленнаго, загадочнаго, гипотетическаго... Это покажется совершенно естественнымъ, если вспомнить, съ одной стороны, о томъ обособленномъ, почти исключительномъ положеніи, которое занимала полоцкая земля въ средѣ другихъ земель удѣльной, или областной Руси, съ другой—если принять во вниманіе самый характеръ извѣстій объ этой землѣ лѣтописныхъ первоисточниковъ.

Полоцкая земля X—XI в.в. была для приднѣпровской Руси далекой окраиной, вдвинутой желѣзной цѣпью историческихъ условій въ сосѣдство съ литовскими и чудскими племенами. Уже въ самой легендарно-поэтической дымкѣ, которою подернута древнѣйшая исторія этой земли, отображается отчужденность южно-русскаго приднѣпровскаго населенія отъ полочанъ, забравшихся въ глухую даль между дремучихъ лѣсовъ и топкихъ болотъ Сѣверо-Западнаго края. Этотъ фактъ обособленности земли кривичей отъ остальной Руси отмѣчается всѣми авторитетными историками. «Кривичи—говоритъ Н. И. Костомаровъ,—были разъединены отъ Южной Руси и жили отдѣльнымъ міромъ» [2]). Послѣдствіемъ такой разъединенности явилось вы-

---

[1]) Слово о полку Игоревѣ. Фототипическое воспроизведеніе 1-го изданія 1800 года. СПБ. Изд. А. С. Суворина, 1904, стр. 33.

[2]) Н. Костомаровъ. Историческія монографіи и изслѣдованія. Томъ I. СПБ. 1872; стр. 12.

дѣленіе князей полоцкихъ изъ общей семьи потомства Владимира Святого. «Раньше всѣхъ изгоевъ,—пишетъ проф. Ключевскій,—въ положеніи выдѣленныхъ князей очутились не по преждевременному сиротству, а въ силу особенныхъ обстоятельствъ князья полоцкіе, потомки старшаго сына Владимира отъ Рогнѣды» [1]). Проф. Багалѣй представляетъ выдѣленіе полоцкихъ князей-изгоевъ и обособленіе полоцкаго княжества, какъ одно цѣлостное явленіе. «Полоцкое княжество заняло часть территоріи кривичей. Обособленіе полоцкаго княжества началось очень рано—еще при Владимирѣ Святомъ, взявшемъ себѣ въ жены дочь полоцкаго князя Рогволода и предоставившаго полоцкій столъ сыну отъ Рогнѣды Изяславу» [2]). Полоцкая область, по выраженію проф. А. Трачевскаго, была „отрѣзаннымъ ломтемъ въ русской исторіи удѣльнаго времени, подобно области Галицкой“ [3]). Вотъ именно эта „отрѣзанность“, эта отъединенность Полоцка отъ общерусскаго корня и были причинами того, что исторія княжьяго періода полоцкой земли представлена въ лѣтописныхъ сводахъ только въ формѣ краткихъ фрагментарныхъ извѣстій, которыя мало связаны не только съ лѣтописными сказаніями о прочихъ удѣльныхъ княжествахъ, но часто даже между собою, такъ что эти извѣстія постоянно нуждаются въ такихъ или иныхъ комментаріяхъ, чтобы быть прилаженными и прагматически-соединенными другъ съ другомъ.

Съ утратою собственно полоцкихъ мѣстно-колоритныхъ лѣтописей, если таковыя, дѣйствительно, существовали, русская историческая наука лишилась могучаго рычага для правильнаго пониманія, для объективнаго освѣщенія той важной культурно-политической эволюціи, которая совершалась въ X—XII вѣкахъ среди кривичей по бассейну Западной Двины. А эволюція эта была весьма характерна: въ то время, какъ новгородскіе кривичи на берегахъ Волхова стремятся выработать у себя политическую форму демократическаго республиканизма, полоцкіе кривичи на берегахъ Западной Двины, въ ли-

---

[1]) В. Ключевскій. Курсъ русской исторіи, часть I-я. Изд. 2-е, 1906 г., Москва; стр. 222.

[2]) Русская исторія. Курсъ проф. Д. И. Багалѣя. 1909. Харьковъ; стр. 173.

[3]) А. Трачевскій. Русская исторія. Часть I-я. СПБ. 1895; стр. 70—71.

цѣ своихъ свободолюбивыхъ князей, пытаются совершенно оторваться отъ общенароднаго тѣла, сконцентрироваться въ независимое кривицкое княжество, образовать самостоятельное западно-русское государство, чѣмъ и объясняется ожесточенная борьба Кіева съ Полоцкомъ, закончившаяся небывало-трагическимъ эпилогомъ ссылки полоцкихъ князей въ Царьградъ.

Отсутствіе мѣстныхъ лѣтописныхъ извѣстій о полоцкихъ событіяхъ есть тѣмъ болѣе грустное явленіе, что составители кіевскихъ и другихъ лѣтописныхъ сводовъ, откуда и почерпаются свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ, не могли относиться къ Полоцку съ достаточнымъ безпристрастіемъ. Напротивъ, въ Кіевѣ имя Полоцка въ старое время, повидимому, произносилось съ оттѣнкомъ глубокаго предубѣжденія, враждебнымъ тономъ суевѣрнаго предразсудка... Документомъ, подтверждающимъ это является любопытная легенда „о предивномъ чюдѣ у Полотьску“, по выраженію Ипатской лѣтописи [1]) или, по болѣе конкретному описанію лѣтописи Тверской [2]), объ устрашеніяхъ и мечтахъ бѣсовскихъ въ Полотску при князѣ Всеславѣ“. Легенда въ наивно-дѣтскомъ стилѣ разсказываетъ о злостныхъ продѣлкахъ бѣсовъ надъ полочанами во время свирѣпствовавшей въ полоцкой области какой-то, очевидно, повальной эпидеміи. Въ 1092 году [3]) въ Полоцкѣ стало неблагополучно. Ночью по городскимъ улицамъ послышались какъ бы «стенаніе» людское, топотъ и «ристаніе» конскіе: это рыскала по городу бѣсовская сила. Хотя никто изъ полочанъ собственными очами не видѣлъ, что именно происходило, но всякій, кто по любопытству выходилъ изъ своей хоромины или просто только пріотворялъ окно, вскорѣ же умиралъ, невидимо уязвленный раною отъ бѣсовъ. Когда же полочане перестали выходить ночью изъ своихъ хороминъ, «дѣйство бѣсовское» стало совершаться среди бѣла дня. Среди стона, клича, топота и ристанья бѣсовской нечисти, уязвлялись и умирали

---

[1]) Лѣтопись по Ипатскому списку. Изд. Археографической Комиссіи. СПБ. 1871 г.; стр. 150.

[2]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. XV. СПБ. 1863 г.; стр. 181.

[3]) Въ Супральской лѣтописи, вопреки прочимъ спискамъ, указанъ ошибочно 1087 годъ. См. Супральск. лѣтопись. Москва. 1836 г. Изд. князя М. А. Оболенскаго; стр. 15.

полоцкіе люди. Какъ будто цѣлое воинство бѣсовъ скакало по землѣ на коняхъ своихъ, невидимое для глазъ людскихъ, оставляя послѣ себя только «топотины», или слѣды конскихъ копытъ. Тогда то стали говорить въ народѣ: «яко навье бьють полочаны!» [1]). Гдѣ именно нужно искать первоисточникъ для этой типичной и красочной средневѣковой легенды: самъ ли лѣтописецъ слышалъ заключительныя слова ея непосредственно отъ тѣхъ, кто разсказывалъ о дивныхъ полоцкихъ видѣніяхъ, или же они достигли до его слуха изъ вторыхъ устъ, вопросъ этотъ историческая наука, въ лицѣ, напр., Бе-

---

[1]) При изложеніи легенды соединены варіанты лѣтописей Лаврентьевской (см. Лѣтопись по Лаврентьевскому списку; изд. Археографической Коммиссіи, С.-Петербургъ; 1872 г.; стр. 207—208), Густинской (Полное собраніе русскихъ лѣтописей: т. II, стр. 278). Тверской (то же изданіе; т. XV, стр. 181) и Софійскаго Временника; (изд. II, Строева; Москва, 1820 г., часть I-я, стр. 175). Смыслъ народной поговорки: „навье бьють полочаны"—не ясенъ и споренъ. Обыкновенно сказанье комментируется въ смыслѣ видѣній мертвецовъ (навь = мертвецъ; лат. funus, трупъ; греч.—necros; чеш. nav = гробъ; готск. = naus, мертвый и пр.). Такъ, К. Бестужевъ-Рюминъ замѣчаетъ: „О Полоцкѣ ходили странные слухи: по городу ѣздили мертвецы" и т. д. (См. его Русскую исторію. СПБ. 1872; стр. 180). А. М. Сементовскій также разумѣетъ подъ словомъ „навье"—„мертвецовъ, вышедшихъ изъ гробовъ" (см. Памятную книжку Витебской губерніи, 1878 г., Витебскъ, стр. 23, примѣч., статья „Полотскъ"). Спорнымъ здѣсь можетъ быть не значеніе слова „навье", а вопросъ о такомъ или иномъ чтеніи лѣтописнаго текста. Археографическая Коммиссія заимствовала слово „навье" изъ списка лѣтописи, принадлежащаго князю Янушу Радзивиллу. Но въ Радзивилловскомъ спискѣ поговорка изложена иначе, чѣмъ какъ она редактирована Коммиссіей, а именно: „тѣмъ и человѣци глаголаху, яко навье есть полочаны" (ср. И. И. Срезневскаго. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ, т. II, СПБ., 1902, стр. 268). Въ такой редакціи, конечно, поговорка представляла бы совершенно естественное заключеніе сказанья о моровой язвѣ въ Полоцкѣ. Между тѣмъ въ подлинномъ текстѣ Лаврентіевскаго списка (графа Мусина-Пушкина) стоитъ варіантъ: „наявѣ"; въ спискѣ Московской Духовной Академіи читаемъ: „навы" (см. Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. СПБ. 1872, стр. 208). Даже въ изданіи Ипатскаго лѣтописнаго списка указанъ Археографической Коммиссіей варіантъ: „наяве" (см. Лѣтопись по Ипатскому списку, 1871, СПБ. стр. 150). Въ виду этого, если сохранить чтеніе: „бьють полочаны", избранное Археографической Коммиссіей, то можно отдавать предпочтеніе варіанту: „наявѣ—наяве" = наяву, потому что этотъ варіантъ болѣе согласуется съ содержаніемъ легенды объ умерщвленіи бѣсами полочанъ среди бѣла дня.

стужева Рюмина [1]), считаетъ открытымъ. Но уже одинъ фактъ широкаго распространенія такой легенды, которая сдѣлалась даже сюжетомъ народнаго острословія и записана со многими иногда довольно колоритными варіантами въ большомъ числѣ лѣтописныхъ сводовъ, служитъ краснорѣчивымъ показателемъ, какъ относилась остальная Русь къ далекой полоцкой окраинѣ. Подобно тому, какъ земля литовская долгое время почиталась очагомъ всевозможныхъ чудесъ и чародѣяній, такъ страна полоцкихъ кривичей въ XI—XII вѣкахъ слыла за область волхованій и загадочныхъ явленій, считалась какимъ то гнѣздомъ бѣсовской нечисти, зачарованнымъ уголкомъ, надъ которыми какъ будто тяготѣетъ проклятіе со всѣми его послѣдствіями: язвою, моровымъ повѣтріемъ и пр. Насколько былъ причастенъ къ образованію подобной недоброй молвы о Полоцкѣ книжный міръ стольнаго Кіева, а также въ какой мѣрѣ на нее оказала вліяніе односторонняя симпатія кіевскихъ лѣтописцевъ къ полянамъ и къ централистическимъ стремленіямъ Кіева, съ которыми именно въ XI—XII вѣкахъ вступили въ грозный поединокъ полоцкіе кривичи, какъ еще ранѣе древляне—при князѣ Игорѣ и Ольгѣ, сказать, конечно, трудно.

Несмотря на вышеупомянутую фрагментарность извѣстій лѣтописи о старомъ Полоцкѣ, одна могучая личность изъ семьи князей полоцкихъ оставила по себѣ весьма яркій и рѣзкій отпечатокъ на тускломъ фонѣ удѣльно-вѣчевой исторіи. И было время, когда имя этой замѣчательной личности разносилось мощными волнами молвы народной по всѣмъ самымъ отдаленнымъ угламъ великой земли русской, когда это имя было одинаково славнымъ и грознымъ во всѣхъ слояхъ современнаго русскаго общества, начиная съ его вершинъ, въ лицѣ представителей многочисленной княжьей семьи Рюриковичей, и кончая глубокими низами народа, въ видѣ мятежныхъ толпъ свободолюбиваго вѣча на кіевскомъ торгѣ, или же темными массами инородческаго населенія, въ родѣ финскаго племени—води. Это имя было именемъ полоцкаго князя Всеслава.

---

[1]) Бестужевъ-Рюминъ. О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV-го вѣка. С.-Петербургъ 1868, стр. 41.

Лѣтопись набрасываетъ на лицо этого князя какъ бы трагическую тѣнь черной знаменитости, представляя его титаномъ зла, рожденнымъ отъ волхованія и немилостивымъ на пролитіе крови человѣческой [1]). Наоборотъ, Слово о полку Игоревѣ создаетъ Всеславу свѣтлый ореолъ отважнаго военачальника, хорошаго правителя, правосуднаго судьи и народнаго героя [2]). Фантастика же простыхъ людей и поэтика народныхъ пѣвцовъ выработали изъ историческаго Всеслава типъ сказочно-вѣщаго оборотня, который днемъ людей судитъ и рядитъ князьямъ города, а ночью рыскаетъ волкомъ [3]). Какъ метеоръ, пронесся полоцкій князь по необозримому горизонту общерусской исторіи: только «стружіемъ», древкомъ копья своего дотронулся онъ до золотого стола кіевскаго [4]), просидѣвъ на столѣ этомъ не болѣе семи мѣсяцевъ. Зато въ исторіи полоцкаго княжества это былъ не метеоръ, мгновенно прорѣзывающій мглу ночную и также быстро исчезающій изъ глазъ въ безконечныхъ міровыхъ пространствахъ, а величавая звѣзда яркаго, красиваго и продолжительнаго сіянія. Въ самомъ дѣлѣ: хронологическія даты посаженія Всеслава Брячиславовича на полоцкій столъ и его смерти съ совершенною опредѣленностью, даже почти съ математическою точностью обозначены въ лѣтописныхъ первоисточникахъ. „Лѣта 6552 (1044), говоритъ Ипатская лѣтопись, умре Брячьславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимирь, отець Всеславль, и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его“ [5]). О смерти Всеслава въ Лаврентіевской лѣтописи сказано: «Въ лѣто 6609 (1101) преставися Всеславъ, Полоцкий князь, мѣсяца априля въ 14 день, въ 9 часъ дне, въ среду» [6]). Знаменитый чародѣй прокняжилъ въ Полоцкѣ цѣлыхъ 57 лѣтъ! Цифра-необычная даже для богатой великими

---

[1]) Лѣт. Лавр., стр. 151, Ипат. 109, Твер. 149—150, Густ. стр. 268, Лѣтопись по Воскресенск. списку—Полное собраніе русскихъ лѣтописей т. VII, С.-Петербургъ, 1856 г., стр. 332, Софійск, I въ т. V, С.-Петербургъ, 1851, стр. 138, Никон. лѣт. по изданію Импер. Академіи Наукъ. Часть I-я, С.-Петерб. 1767 г., стр. 138—139 и др.

[2]) См. Слово по изданію А. С. Суворина, стр. 35—36.

[3]) Тамъ же, стр. 36.

[4]) Тамъ же, стр. 35.

[5]) Ипат. стр. 109.

[6]) Лаврент. стр. 264—265.

людьми всемірной исторіи! Слѣдовательно, время правленія Всеслава Брячиславича представляло какъ бы эпоху въ исторіи Полоцка, и именно въ могучихъ тайникахъ его высокоодаренной души сокрытъ тотъ идейный смыслъ, который имѣлъ сравнительно непродолжительный періодъ существованія независимаго полоцкаго княжества.

Личность полоцкаго чародѣя—любопытна также и въ другомъ отношеніи: подобно многимъ изъ великихъ людей, князь этотъ оставилъ по себѣ двойственный свѣтъ, двоякое впечатлѣніе. Былъ князь Всеславъ, какъ личность реальнаго факта и точной исторіи, и былъ Вселавъ, какъ герой поэтической сказки и народной фантастики. Лѣтопись рисуетъ намъ человѣка, рождающагося съ темною помощью злой силы отъ волхованія. Но та же лѣтопись знаетъ и другого человѣка, который, будучи заключенъ въ мрачный кіевскій порубъ—молится въ день праздника Воздвиженія Животворящему Кресту Господню: «О Крестъ честный! такъ какъ я въ тебя вѣровалъ, избавь меня отъ рва сего!» [1]). Былъ князь немилостивый на кровопролитіе, засѣявшій кровавые берега Немиги костьми русскихъ сыновъ [2]). Но былъ и другой князь, котораго къ подобнымъ кровопролитіямъ вынуждала печальная необходимость оборонять своихъ подданныхъ отъ жестокаго разгрома со стороны свирѣпыхъ ратей южно-русскихъ князей. Изъ нихъ трое Ярославичей, безпощадно избивая мужчинъ, брали «на щитъ» женщинъ и дѣтей, а Владимиръ Мономахъ даже приводилъ противъ Полоцка варварскія орды дикихъ половцевъ и не давалъ пощады „чи челядину, ни скотинѣ“ [3]). Лѣтописцамъ Великаго Новгорода извѣстенъ полоцкій князь, который „расшибалъ славу Ярослава“ и грабилъ новгородскую Софію, забирая въ полонъ священную церковную утварь, снимая даже паникадила и колокола [4])... Менѣе извѣстенъ—другой полоцкій князь: онъ былъ наибо-

---

[1]) Лаврент. 168.

[2]) См. Слово о полку Игоревѣ—стр. 36.

[3]) Про разореніе подвластнаго Всеславу Минска Владимиръ Мономахъ выражается въ своемъ поученіи, „изъѣхахомъ городъ и не оставихомъ у него ни челядина ни скотины“, см. Лаврент., 239.

[4]) Новгород. 1-я лѣтопись. Полное собр. русск. лѣт. т. III, СПБ. 1841 г.; стр. 2.

лѣе вѣроятнымъ строителемъ полоцкой Софіи» о семи верхахъ», того храма, въ который князь, конечно, жертвовалъ захваченныя драгоцѣнности и на колокольняхъ котораго, можетъ быть, звонили ему заутреню рано тѣ же самые новгородскіе колокола... Стремительные и смѣлые набѣги производилъ грозный Всеславъ на Новгородъ, Псковъ и Смоленскъ съ ихъ областями. Но лѣтописи ни одного звука не говорятъ намъ о скрытыхъ мотивахъ, которыми вызывались эти набѣги. Между тѣмъ, стремясь къ территоріальному расширенію своего княжества со стороны сѣвера и юга, полоцкій князь сознательно или безсознательно мобилизировалъ на далекой окраинѣ всѣ наличныя русскія силы, противъ которыхъ уже повели энергичный натискъ съ запада хищные отряды литовскихъ конниковъ. Слѣдовательно, Всеславъ могъ ставить для себя въ Полоцкѣ такія же самыя задачи, какъ впослѣдствіи Александръ Невскій—въ Новгородѣ или князь Довмонтъ—во Псковѣ.

Изъ предыдущаго выясняется настоятельная необходимость въ такомъ или иномъ разрѣшеніи той любопытной въ русской исторіи загадки, которую представляютъ гигантская фигура и кипучая дѣятельность князя Всеслава.

I.

„Сего Всеслава мати роди отъ волхованія“ Густин. лѣтопись.

Въ качествѣ точки отправленія для характеристики полоцкаго князя, возьмемъ отзывъ о немъ лѣтописныхъ первоисточниковъ, помѣченный 1044 годомъ, „Въ лѣто 6552, читаемъ въ Лаврентіевской лѣтописи, умре Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимерь, отець Всеславль, и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его, его же роди мати отъ въхованья, матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: „се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего“, еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ; сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье“ [1]). Таковъ, такъ сказать, политическій паспортъ, выданный лѣтописцемъ Всеславу Бря-

[1]) Лаврент. стр. 151.

числавичу въ знаменательный для него годъ посаженія его на полоцкій столъ, въ важный моментъ выступленія на сцену исторіи. Академикъ А. А. Шахматовъ предполагаетъ, что отзывъ о Всеславѣ попалъ въ кіевскіе лѣтописные своды изъ болѣе древняго протографа, за который онъ принимаетъ новгородскій сводъ XI вѣка (1050—1079) [1]. Но, конечно, этимъ предположеніемъ не исключается и то, что особо благодатную почву для своего распространенія подобная характеристика могла пріобрѣсти именно въ Кіевѣ, подъ эгиду котораго не хотѣлъ склонить свою гордую голову могучій полоцкій князь.

Такъ или иначе, но приведенная цитата изъ Лаврентіевской лѣтописи относится, несомнѣнно, къ числу загадочныхъ страницъ лѣтописнаго первотекста. Повидимому, въ данномъ случаѣ имѣлъ мѣсто довольно пестрый конгломератъ изъ разнородныхъ элементовъ. Съ одной стороны, здѣсь слышатся отголоски новгородской сказки о чародѣѣ Волхѣ и старинной былины о богатырѣ Волхѣ Всеславичѣ, съ другой—сказочно-былинная фантастика искусно здѣсь переплетена съ осязательною реальностью простодушной легенды о загадочномъ уродствѣ князя отъ самаго рожденія и о носимомъ имъ чародѣйскомъ талисманѣ. И въ такую-то рамку, причудливо раскрашенную поэтикой и суевѣрьемъ молвы народной, вставлено заключительное сужденіе о нравственномъ обликѣ князя, какъ человѣка жестокосердаго и немилостиваго на кровопролитіе.

Обратимся прежде всего къ фрагменту о волшебномъ рожденіи полоцкаго князя. Варіантъ Густинской лѣтописи передаетъ этотъ фрагментъ въ такой формѣ: «сего Всеслава мати роди отъ волхованія» [2]. Ничего, конечно, нѣтъ легче, какъ пройти мимо подобнаго лѣтописнаго сказанья, ограничившись поверхностнымъ замѣчаніемъ о немъ, какъ обыкновенномъ продуктѣ суевѣрія и темноты народной. Гораздо важнѣе исторически выяснить самый генезисъ подобнаго народнаго повѣрья, указать ту среду, въ которой оно могло возникнуть, атмосферу, которая его питала, и, наконецъ, причину, вслѣдствіе которой оно нашло примѣненіе именно въ отношеніи къ данной, а

---

[1]) А. А. Шахматовъ. Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. С.-Петербургъ. 1908 г., стр. 625 и др.

[2]) Густин. 248.

не къ какой-либо другой исторической личности. Если же разсмотрѣть сказанье о рожденіи Всеслава Брячиславича именно въ такомъ болѣе широкомъ полѣ зрѣнія, то обнаружится, что оно носитъ на себѣ всѣ характерные признаки одного изъ любопытнѣйшихъ пережитковъ общеевропейскаго и въ частности русскаго средневѣковья, являясь въ то же время звучнымъ отголоскомъ уже на чисто русской почвѣ древнѣйшихъ вѣрованій арійскихъ народовъ.

Повѣрье въ возможность сношеній демоновъ съ женщинами, зачатія отъ змѣевъ и драконовъ, рожденія дѣтей отъ чародѣянія было весьма распространено въ средніе вѣка по всему европейскому континенту. Оно встрѣчается одинаково какъ на востокѣ — у грековъ и русскихъ славянъ, такъ и на западѣ—у германцевъ и романцевъ.

Византійскій писатель Михаилъ Пселлъ оставилъ послѣ себя даже цѣлое сочиненіе «Объ энергіи демоновъ», въ которомъ онъ выдѣляетъ въ особую группу—демоновъ любострастія, возбуждающихъ въ людяхъ похотливыя желанія. Въ апокрифическомъ сочиненіи «Дѣянія апостола Ѳомы» разсказывается объ одной женщинѣ, къ которой привязался демонъ, посѣщавшій ее по ночамъ. Любопытное сказанье о рожденіи византійскаго императора Юстиніана Великаго помѣщено въ сочиненіи „Анекдоты“ греческаго историка Прокопія. Мать признавалась, что Юстиніанъ не былъ сыномъ ея мужа или вообще какого-либо другого человѣка. Предъ зачатіемъ ее посѣщалъ демонъ, котораго сама она не видѣла, но присутствіе котораго ощущала, и этотъ демонъ сходился съ ней, какъ мужъ съ женой, исчезая предъ разсвѣтомъ, какъ сонъ [1]).

Въ средніе вѣка городомъ Падуей въ сѣверной Италіи управлялъ жестокосердый Альберикъ, и падуанцы почитали его за сына земной матери и демона. Но наиболѣе распространены были по средневѣковой Европѣ сказанія о Робертѣ Дьяволѣ, которыя въ многочисленныхъ редакціяхъ и варіантахъ встрѣчаются въ эпосѣ французовъ, норманновъ и германцевъ. Когда родители Роберта были въ горѣ и отчаяніи отъ своего бездѣтства, то графиня Матильда рѣшила обратиться

---

[1]) Подобныя сказанія собраны въ изслѣдованіи Курганова: „Отношенія между церковною и гражданскою властью въ Византійской Имперіи; стр. 347 и слѣд.

за помощью къ духу тьмы, который, возбудивъ страсть въ мужѣ, содѣйствовалъ рожденію будущаго демоническаго героя, еще въ самомъ дѣтствѣ своими злыми капризами обнаружившаго дурныя наклонности. Извѣстно также, что поэма «Демонъ», съ ея замѣчательно художественными типами: божественно-чистой Тамарой и печальнымъ образомъ «духа изгнанья», создана М. Юр. Лермонтовымъ именно подъ вліяніемъ старинной средневѣковой легенды.

Въ русскомъ эпосѣ какъ устно-народномъ, такъ и письменно-литературномъ вышеупомянутое повѣрье было весьма распространеннымъ сюжетомъ. Такъ, въ одной авантюрной сказкѣ древняго происхожденія говорится, какъ Змѣй Горыничъ, ударяясь о сыру землю и превращаясь въ красавца, прилетаетъ къ сестрѣ Ивана-царевича и заставляетъ царевну полюбить себя [1]). Въ былинѣ о Добрынѣ Никитичѣ тотъ же Змѣй Горынычъ представляется милымъ другомъ кіевской чародѣйки Марины Игнатьевны [2]). Весьма характерны жанровыя сцены въ былинѣ объ Алешѣ Поповичѣ, въ которыхъ обрисованы близкія отношенія супруги князя Владимира—княгини Апраксѣевны къ молодому Тугарину Змѣевичу [3]). Отъ чародѣянія рожденъ былъ и новгородскій богатырь Василій Буслаевичъ, почему это милое чадо матерой вдовы Амелѳы Тимофеевны и отличалось жестокимъ, буйнымъ нравомъ. Уже гораздо позднѣе—въ XVI в. подобнаго рода сказочно-былинные мотивы нашли для себя отзвукъ въ муромской повѣсти-легендѣ о князѣ Петрѣ и Февроніи, гдѣ разсказывается о змѣѣ-прельстителѣ, прилетавшемъ къ муромской княгинѣ и потомъ погибшемъ «отъ Петрова плеча, отъ Агрикова меча». Любопытно также сообщеніе князя Курбскаго о томъ, какъ бездѣтный московскій князь Василій Ивановичъ посылалъ на далекій сѣверъ «даже до Карелы» къ чаровникамъ, „да помогутъ ему ко плодотворенію“ [4]).

---

[1]) См. сказку „Звѣриное молоко“ въ Истор. Хрестоматіи по исторіи русской словесности В. В. Сиповскаго; т. I; вып. I; изд. 5; С.-Петербургъ; 1911 г.; стр. 162—163.

[2]) Кирша Даниловъ. Древнія россійскія стихотворенія. Изд. А. С. Суворина, стр. 54—59.

[3]) Тамъ же Былина XIX; стр. 150, 151, 155.

[4]) Сказанія князя Андрея Курбскаго. 3-е изданіе Устрялова; 1868, стр. 4—5, 88—89.

Зародившись въ поэтическомъ туманѣ сѣдой старины, среди сумрачной фантастики средневѣковыхъ суевѣрій, сказанье о рожденіи Всеслава Брячиславича имѣетъ для себя и болѣе глубокіе корни. Рожденіе людей отъ волхованія и вообще сверхъ-естественное ихъ происхожденіе были обыкновенными, такъ сказать, бродячими сюжетами древнихъ вѣрованій у арійскихъ народовъ. На даровитыхъ организаторовъ своей гражданской и военной жизни арійцы смотрѣли вообще какъ на особыя свыше одаренныя существа, какъ на великихъ героевъ и могучихъ полубоговъ, получившихъ не простое общечеловѣческое, а необыкновенное, сверхъ-естественное происхожденіе. Кажется, нѣтъ нужды для иллюстраціи этого дѣлать далекіе экскурсы по безбрежному морю обще-арійскаго эпоса: достаточно отобрать только нѣсколько характерныхъ примѣровъ. Въ самомъ началѣ исторіи Греціи, на зарѣ младенчествующаго эллинизма, въ свѣтлыхъ лучахъ красиваго ореола стоитъ мощная фигура творца дорійской матеріальной культуры—Геракла. Это былъ сынъ Зевса и Алкмены. Въ концѣ той же исторіи появляется такой же типичный гигантъ: геніальный распространитель универсальнаго эллинизма, легендарный богатырь Искандеръ, историческій царь Македоніи Александръ. По народнымъ сагамъ Александръ былъ сыномъ роковой красавицы македонской царицы Олимпіады и египетскаго царя и волхва Нектанава, извѣстнаго своими чарованіями. Въ многочисленныхъ редакціяхъ тѣхъ странствующихъ сказаній, которыя назывались въ средніе вѣка „Александріями“ и были весьма распространены на востокѣ и западѣ Европы, передается, что египетскій чаровникъ прилеталъ къ царицѣ въ зміевидномъ образѣ бога Аммона. Вообще, арійское повѣрье въ сверхъ-естественное происхожденіе героическихъ лицъ отъ волхованія часто принимало форму баснословныхъ сказаній о рожденіи ихъ именно отъ зміевъ, почитавшихся воплощеніями необычайной мудрости и демонической хитрости. Н. Ив. Костомаровъ, въ качествѣ типичнаго признака такихъ повѣрій, указываетъ, кромѣ того, понятіе о рожденіи полубоговъ отъ матерей земныхъ и отцовъ происхожденія нечеловѣческаго [1]). Не трудно представить,

---

[1]) Сѣверно-русскія народоправства. С.-Петербургъ. 1868, стр. 8, прим. 1-е.

при какихъ условіяхъ средневѣковое и общеарійское повѣрье могло синтезироваться съ героическою личностью полоцкаго князя. Человѣкъ, удивившій народныя массы своего времени львиною отвагою, желѣзнымъ характеромъ, неистощимою энергіей и рѣшительною быстротою наносимыхъ ударовъ; князь, умѣвшій съ необычайной удачливостью вырываться изъ самыхъ тяжелыхъ тисковъ почти безнадежныхъ положеній, не могъ, по народной сагѣ, произойти обыкновеннымъ образомъ. Нѣтъ: онъ долженъ былъ родиться «отъ волхованія!

При выясненіи причинъ, по которымъ личность Всеслава Брячиславича осталась въ памяти общенародной съ типичнымъ ореоломъ чародѣйнаго рожденія, необходимо также поднять завѣсу надъ еще болѣе любопытнымъ уголкомъ въ психологіи собственно кривицкой поэтики. Въ доисторическую эпоху, когда еще не произошло раздробленія кривичей на сѣверныхъ и южныхъ, на новгородскихъ и полоцко-смоленскихъ, устно-поэтическое творчество этого племени, конечно, текло по одному общему руслу. Но, по мѣрѣ обособленія другъ отъ друга отдѣльныхъ вѣтвей племени, выраженіе поэтическаго инстинкта ихъ въ сказкахъ и былинахъ стало разнообразиться. Однако, прежняя общность поэтическихъ традицій, мотивовъ, сюжетовъ, даже мѣстнаго колорита въ творчествѣ исчезнуть не могла. Это и выразилось въ любопытномъ процессѣ такъ называемой «историзаціи сказочно-былинныхъ сюжетовъ», результатомъ котораго было созданіе изъ историческаго Всеслава легендарнаго оборотня и чародѣя. Мы хотимъ этимъ сказать, что на конкретное лицо полоцкаго князя кривицкая творческая мысль набросила поэтическій нарядъ былиннаго богатыря Волха Всеславьевича, а этотъ послѣдній въ свою очередь облеченъ былъ ею въ фантастическую одежду чародѣя Волха, героя сказочнаго эпоса.

Новгородская сказка о Волхѣ-чародѣѣ извѣстна была исторической наукѣ собственно давно. Содержаніе этой сказки передаетъ въ своей книгѣ уже историкъ екатерининскаго вѣка князь М. Щербатовъ. Онъ даже пытался объяснить ее въ томъ смыслѣ, будто бы чародѣй Волхъ былъ просто разбойникомъ на рѣкѣ Волховѣ и, такъ какъ имѣлъ на своемъ суднѣ изображеніе змія, то народъ впослѣд-

ствіи и сталъ баснословить о собственномъ его оборотничествѣ [1]). Но первымъ изъ русскихъ ученыхъ, кто собственно указалъ въ этой новгородской сказкѣ прототипъ для былины о Волхѣ Всеславьевичѣ, или Вольгѣ Святославьевичѣ, былъ академикъ Ѳ. Ив. Буслаевъ, который нашелъ эту сказку среди рукописей Московской Синодальной библіотеки, къ сожалѣнію, уже въ позднѣйшей редакціи книжника XVII вѣка [2]). Вотъ въ краткихъ чертахъ—сюжетъ новгородской сказки, сыгравшей столь важную роль въ созданіи лѣтописныхъ и пѣсенныхъ преданій о полоцкомъ волшебникѣ и чародѣѣ.

У легендарнаго Словена—отъ него и прозвались славяне—былъ сынъ Волхъ, отъ котораго получила свое имя рѣка Волховъ, прежде называвшаяся «Мутною». Это былъ бѣсоугодный чародѣй, лютъ въ людяхъ, бѣсовскими ухищреніями претворявшійся въ различные образы и въ лютаго звѣря—крокодила. И залегъ этотъ окаянный чародѣй на великой славянской рѣкѣ водный путь для всѣхъ, которые не поклонялись ему, пожирая однихъ и потопляя другихъ. Ради мечтаній ночныхъ и собранія бѣсовскаго, въ нѣкоемъ мѣстѣ на берегу Волхова, называемомъ „Перыня“, гдѣ и кумиръ Перуна стоялъ, поставилъ окаянный чародѣй городокъ малый. Невѣжественный народъ, объявивъ Волха богомъ, сталъ называть его Громомъ, или Перуномъ, и баснословить, говоря: „въ боги сѣлъ“. Такъ царствовалъ Волхъ на великомъ пути «отъ варягъ въ греки». Но царству его наступилъ конецъ. Когда бѣсы прогнѣвались на Волха, онъ былъ удавленъ. Бѣсовскими мечтаніями тѣло чародѣя отнесено было вверхъ по рѣкѣ той и извержено на берегъ противъ волховскаго городка Перыня. Съ плачемъ многимъ и тризною великою погребли невѣжды тѣло Волха, насыпавъ надъ могилою его, по обычаю язычниковъ, высокій курганъ. Но чрезъ три дня послѣ того тризнища «прослезилась» земля: пожрала тѣло крокодилово, и просыпылась подъ нимъ могила

---

[1]) Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ. Т. I. С.-Петербургъ. Изд. Императорской Академіи Наукъ. Кн. II, гл. I, стр. 267, 1771 г.

[2]) Историч. очерки русск. народн. словесн. и искусства СПБ., 1861 г.. т. II стр. 8.

на самое дно адское. Разсказываютъ, что и донынѣ стоитъ та яма незаполненной [1]).

При сопоставленіи этой красочной сказки съ пѣснью богатырской близкое внутреннее соотношеніе между обоими выведенными въ нихъ типами становится яснымъ. Сказочный Волхъ принимаетъ образъ лютаго звѣря—крокодила. Но этотъ „крокодилъ“, несомнѣнно, былъ позднѣйшей замѣной со стороны редактора-книжника водяного змѣя, который, согласно другой былинѣ, въ лицѣ змѣя Тугарина, залегаетъ рѣку Оку. Слѣдовательно, новгородскій Волхъ былъ «змѣевичемъ». Волхъ Всеславьевичъ—также сынъ лютаго змѣя и молодой княжны Марѳы Всеславьевны. Характерно, что варіантъ объ этомъ происхожденіи изложенъ въ той былинѣ, въ которой богатырь названъ именно Волхомъ, а не Вольгою [2]). Сказочный чародѣй, владѣя всѣми тайнами бѣсовскихъ ухищреній, „творитъ мечтанія“. Богатырь Волхъ уже съ самаго дѣтства обнаруживаетъ такую же змѣиную мудрость:

„А и будетъ Волхъ семи годовъ,
Отдавала его матушка грамотѣ учиться,
А грамота Волху въ наукъ пошла,—
Посадила его ужъ перомъ писать,
Письмо ему въ наукъ пошло„ и т. д.

Въ зрѣломъ же возрастѣ Волхъ „догадливъ былъ“: съ необыкновенной хитростью изобрѣтаетъ онъ выходы тамъ, гдѣ молодцы его только кручинятся, да печалятся [3]). Бѣсоугодный чародѣй, кромѣ того,—оборотень: бѣсовскими ухищреніями онъ претворяется въ разные образы. Также и былина приписываетъ своему герою необычайное искусство превращеній, производя его даже изъ особой науки и детально обозначая тѣ образы, на которые глухо намекаетъ сказочная фабула:

«А и будетъ Волхъ десяти годовъ,
Въ та поры поучился Волхъ ко премудростямъ:

---

[1]) Ѳ. Ив. Буслаевъ излагалъ эту сказку по рукописи Синодальной Библіотеки „Цвѣтникъ“, 1665, № 908, листы 19—21.

[2]) Кирша Даниловъ: былина VI, стр. 38.

[3]) Кирша Даниловъ, стр. 39—43.

А и первой мудрости учился
Обертываться яснымъ соколомъ;
Ко другой-то мудрости учился онъ Волхъ
Обертываться сѣрымъ волкомъ;
Ко третьей-то мудрости учился Волхъ
Обертываться гнѣдымъ туромъ—золотые рога» [1]).

Сказочный Волхъ былъ лютъ въ отношеніи къ людямъ: однихъ пожиралъ, другихъ потоплялъ. Но и Волхъ Всеславьевичъ—далекъ отъ идеализма Ильи Муромца: жестокая природа лютаго змѣя отзывается на сынѣ въ кровавыхъ его поступкахъ. Царя индѣйскаго Салтыка Волхъ «расшибаетъ въ крохи, ударивъ о кирпищатый полъ», а дружинѣ своей приказываетъ „ходить по царству Индѣйскому, рубить стараго и малаго“ [2]).

Здѣсь не мѣшаетъ вспомнить, что въ одномъ варіантѣ, который былъ записанъ Рыбниковымъ, Вольга называется по отчеству Буслаевичемъ, причемъ такое опредѣленіе проходитъ чрезъ всю былину [3]). Это доказываетъ, что народная поэтика почитала буйныя свойства жестокаго нрава одинаково присущими обоимъ богатырямъ.

Въ свою очередь, по закону „историзаціи типовъ“, богатырскія свойства Волха Всеславьевича перевоплощены были творческой фантазіей народа въ героическую фигуру выдающагося изъ кривскихъ князей—князя Всеслава Брячиславича. Всѣ скептическіе голоса противъ реальности подобной психологіи въ народномъ творчествѣ, даже столь осторожные, какъ—Всеволода Миллера, для котораго предполагаемое соотношеніе между личностью былиннаго Вольги и Всеславомъ Полоцкимъ представляется „неубѣдительнымъ“ [4]), рано или поздно смолкнутъ при болѣе глубокомъ изученіи даннаго процесса. Уже самое сочетаніе имени «Волха» съ отчествомъ: „Всеславьевичъ“ убѣдительно говоритъ въ пользу преемственности всѣхъ трехъ типовъ. Если имя «Волха» филологически связано съ литературной

---

[1]) Кирша Даниловъ, стр. 39—40.

[2]) Тамъ же: 43.

[3]) См. пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ, 1861 г., часть I, былина № 5.

[4]) См. Очерки русской народной словесности. Былины. Москва; 1897 г.; стр. 167.

формой прозвища новгородскаго волхва, то отчество: „Всеславьевичъ“, хотя является позднѣйшей наддачей, ставитъ кривицкаго богатыря въ несомнѣнную связь съ кривицкимъ княземъ. Скажутъ, что былинный богатырь носитъ еще наименованіе «Вольги Святославьевича». Но этимъ только осязательно обнаруживается, что творческій процессъ народной поэтики сразу протекалъ по двумъ русламъ. Въ то время какъ на сѣверо-западѣ фантастика кривичей работала въ направленіи князя Всеслава Брячиславича, на юго-западѣ творческая сила полянъ, сѣверянъ и др. избрала объектомъ поэтической историзаціи князя Олега, безразлично былъ ли это Олегъ кіевскій (вѣщій), Олегъ древлянскій или Олегъ черниговскій. Въ первомъ случаѣ путемъ позднѣйшей надлачи отчества былинный князь-дружинникъ превращается въ Волха Всеславьевича, во второмъ—въ Вольгу Святославьевича. Впрочемъ, этимъ не исключалась возможность и третьяго случая, а именно: сліянія обоихъ теченій въ одно. Отголоскомъ этого было смѣшанное наименованіе богатыря въ извѣстной былинѣ объ Ильѣ-Муромцѣ и каликахъ перехожихъ: «Вольгою Сеславичемъ».

Самая географическая область сложенія и распространенія старинокъ о Волхѣ Всеславьевичѣ подтверждаетъ вышеописанный процессъ въ творческой работѣ кривичей. Исторія литературы знаетъ только двѣ былины о Волхѣ, и обѣ онѣ числятся въ инвентарѣ былинъ, записанныхъ въ палестинѣ русскаго былевого эпоса—въ Олонецкой губерніи. Малоцѣнный сравнительно варіантъ найденъ еще въ глухихъ углахъ Западной Сибири. Въ наукѣ признано доказаннымъ, что былинный инвентарь олонецкихъ сказителей есть прямой потомокъ былевого репертуара новгородскихъ и вообще западныхъ кривичей и именно съ запада онъ текъ на востокъ и сѣверо-востокъ, въ связи съ волнами колонизаціи и культуры Новгорода Великаго. Всѣ особенности экономическаго быта, культуры, почвы, географической номенклатуры, топографіи и проч., начертанныя въ былинѣ о Вольгѣ Святославьевичѣ и Микулѣ Селяниновичѣ, подтверждаютъ до очевидности, что Волхъ былъ богатыремъ именно новгородско-кривицкаго цикла. Безъ сомнѣнія, по этой причинѣ въ передачѣ позднѣйшихъ сказителей образъ Волха Всеславьевича сталъ незамѣтно сли-

ваться съ представителемъ буйной новгородской вольницы—Василіемъ Буслаевымъ. Естественно, что творческая фантазія полоцкихъ и новгородскихъ кривичей охотно воспользовалась типично и ярко размалеванной основой былинъ о родномъ богатырѣ, чтобы по ней, какъ по канвѣ, выткать причудливые узоры для героическаго ореола князя полоцкаго. Съ этой точки зрѣнія оказывается весьма характерной научная проницательность академика А. А. Шахматова: онъ указываетъ для лѣтописной сказки о рожденіи князя Полоцкаго отъ волхованія первоисточникъ именно въ сѣверо-западныхъ новгородскихъ сводахъ.

Внутреннее родство двухъ типовъ: сказочно-пѣсеннаго и легендарно-историческаго станетъ еще болѣе конкретнымъ, при детальномъ сопоставленіи чертъ Всеслава Брячиславича, какъ онъ обрисованъ въ лѣтописной сказкѣ и въ припѣвкѣ вѣщаго Баяна, съ чертами Волха Всеславьевича—по двумъ сохранившимся о немъ былинамъ. Лѣтопись говоритъ: «сего Всеслава мати роди отъ волхованія». Этотъ сухой и лаконическій фрагментъ сочными красками былины, записанной въ сборникѣ Кирши Данилова, размалеванъ въ слѣдующую жанровую картину:

«По саду, саду зеленому, ходила, гуляла
Молода княжна Марѳа Всеславьевна,
Она къ камени скочила на лютого на змѣя—
Обвивается лютой змѣй около чебота зеленъ-сафьянъ
Около чулочика шелкова, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну.
А въ та поры княгиня поносъ понесла,
А поносъ понесла и дитя родила» [1]).

Какъ существо сверхъестественное, по самому своему рожденію, какъ сынъ змѣя-оборотня, богатырь Волхъ Всеславьевичъ обладаетъ вѣщей натурой. Отсюда становится понятнымъ, почему въ напутственной своей рѣчи Ильѣ Муромцу калики перехожіе отмѣчаютъ въ Волхѣ именно „хитрость-мудрость“:

«Не ходи на Вольгу Сеславьевича:
Онъ не силою возьметъ,
Такъ хитростью-мудростью» [2]).

---

[1]) Кирша Даниловъ: былина VI, стр. 38.

[2]) Историч. Хрестоматія В. В. Сиповскаго, стр. 45.

Въ припѣвкѣ вѣщаго Баяна, записанной въ Словѣ о полку Игоревѣ, полоцкій чародѣй также названъ „хитрымъ, гораздымъ и человѣкомъ вѣщей души“ [1]).

Какъ извѣстно, оборотничество было наслѣдственной чертой Волха, и былинная фантастика, поэтому, справедливо представляетъ это оборотничество, какъ внутреннюю потребность, какъ органическій позывъ богатыря съ самаго дѣтства его:

„Сталъ Вольга растѣть-матерѣть,
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глубокіихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ оболока
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ“ [2]).

Прирожденный талантъ оборотня, дѣйствительно, развернулся во всю богатырскую свою ширь: не только самъ Волхъ обертывается во всевозможныхъ животныхъ, начиная съ гнѣдого тура и кончая горностаемъ, но и всю дружину свою хоробрую превращаетъ въ мурашиковъ [3]). На князя Всеслава Брячиславича народная фантастика также смотритъ, какъ на оборотня-волкулака. Въ мирное время «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше». Въ военное же время Всеславъ „скочи лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда“, „скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ“ и пр. [4]).

Полоцкій чародѣй отличается стремительною быстротою своихъ пространственныхъ передвиженій. «Изъ Кыева дорискаше до куръ Тьмутороканя; великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше». Въ такомъ же родѣ описанъ его набѣгъ на Новгородъ: «обѣсися синѣ мьглѣ, утръ же воззни стрикусы, оттвори врата Новуграду», т. е. въ предразсвѣтной мглѣ не видно было Всеслава, а съ наступленіемъ утра онъ уже взялъ Новгородъ [5]). Столь же быстръ—богатырскій скокъ у Волха Всеславьевича.

---

[1]) Слово о полку Игоревѣ, стр. 36—37.

[2]) Историч. Хрестоматія В. И. Сиповскаго, стр. 42.

[3]) Кирша Даниловъ: былина VI, стр. 43.

[4]) Слово..., стр. 36—35.

[5]) Слово..., стр. 36—35.

«Побѣжалъ Волхъ къ царству Индѣйскому,
Онъ первый скокъ за цѣлу версту скочилъ,
А другой скокъ не могли найти» [1]).

Черты вѣдовства и чародѣйства проявляются у Всеслава сверхъестественнымъ слышаніемъ звуковъ на далекихъ разстояніяхъ. «Тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша» [2]). Волхъ Всеславьевичъ также одаренъ подобною сказочною способностью: яснымъ соколомъ мчится онъ къ царству Индѣйскому, садится на косящатомъ окошкѣ палатъ бѣлокаменныхъ и слышитъ таинственный разговоръ царя Салтыка съ царицей Азвяковной [3]).

По лѣтописной сказкѣ, князь Всеславъ «немилостивъ былъ на кровьпролитье» [4]). А въ Волхѣ лютость была какъ бы наслѣдственной чертой, отчего и получались отъ него столь жестокія приказанія:

„Гой еси вы, дружина хоробрая,
Ходите по царству Индѣйскому,
Рубите стараго, малаго,
Не оставьте въ царствѣ на сѣмена“ [5])...

Приведенныя нами сопоставленія, конечно, не могутъ быть объяснены простыми случайностями. Какъ лѣтописцы великаго Новгорода и стольнаго Кіева черпали свои простодушныя преданья изъ глубокаго родника поэтическихъ легендъ и народныхъ сказокъ, такъ составитель Слова о полку Игоревѣ пользовался огромнымъ репертуаромъ старинныхъ пѣсенъ и былинъ. Научно-критическое изученіе состава русскихъ лѣтописей и ихъ текста въ достаточной степени показало вліяніе народно-творческой мысли на первоисточники русской исторіи. Составитель же „Слова“ совершенно опредѣленно въ началѣ своего произведенія указываетъ именно на былины, какъ на важнѣйшій и основной для себя матеріалъ. „Не лѣпо ли ны бяшеть, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстей о пълку Игоревѣ, Игоря

---

[1]) Кирша Даниловъ, былина VI, стр. 41.
[2]) Слово... стр. 36.
[3]) Кирша Даниловъ, стр. 42.
[4]) Лаврент. 151.
[5]) Кирша Даниловъ, стр. 43.

Святъславича? Начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времене, а не по замышленію Бояню.“ Предлагая героическую идеализацію мощнаго кривскаго князя, создавая ему сверхъ-естественный ореолъ сказочнаго чародѣя, составитель Слова, естественно, не могъ не воспользоваться звучными и красивыми мотивами современныхъ ему былинныхъ сказителей, странствующихъ пѣвцовъ и пѣснотворцевъ дружинныхъ...

Новѣйшіе историки кривицкаго и полоцкаго племенъ (М. Довнаръ-Запольскій и В. Е. Данилевичъ) не выяснили въ своихъ трудахъ, какъ образовалась лѣтописная сказка, какъ сложились пѣсенные мотивы о волшебномъ рожденіи и чародѣйномъ оборотничествѣ Всеслава Брячиславовича. Они сочли достаточнымъ ограничиться прагматическимъ соединеніемъ въ одну цѣлостную картину всѣхъ важнѣйшихъ лѣтописныхъ данныхъ о жизни и дѣятельности этой выдающейся личности. Историками русской и вообще славянской литературъ дѣлались намеки на близость внутренняго соотношенія между Всеславомъ--легенды и Волхомъ—былины. Но рѣшающаго значенія эти намеки имѣть не могли: будучи весьма кратки, они не были послѣдовательно развиты и обстоятельно обоснованы своими авторами. Послѣдніе разсматривали данный вопросъ подъ угломъ зрѣнія только эволюціи литературныхъ типовъ, но безъ должнаго освѣщенія его со стороны исторіи. Такъ въ курсѣ проф. Ив. Як. Порфирьева сдѣлана слѣдующая замѣтка: «Волшебный характеръ могъ перейти на Вольгу Святославича отъ другого извѣстнаго князя-оборотня Всеслава Полоцкаго. О Всеславѣ Полоцкомъ въ лѣтописи сказано, что его мать родила отъ волхованія, а въ Словѣ о полку Игоревѣ онъ изображается волшебникомъ-оборотнемъ, который днемъ людей судилъ, а въ полночь волкомъ рыскалъ. На это родство Вольги съ княземъ Всеславомъ можетъ указывать и то, что онъ въ нѣкоторыхъ былинахъ называется Волхомъ Всеславьевичемъ» [1]). Мысль профессора-словесника была бы, конечно, безспорной, если бы не грѣшила въ нѣкоторомъ родѣ историческимъ анахронизмомъ. Вѣдь болѣе древняя литературная традиція создаетъ, накладываетъ свою печать на болѣе позднюю. Стало быть, не конкретная фигура историческаго

[1]) Исторія русской словесности. Часть 1, Казань, 1891 г., стр. 61.

князя, какъ лица болѣе поздняго, могла дать толчекъ къ созданію древняго оборотня-богатыря Волха Всеславьевича, а скорѣе наоборотъ.

Позднѣе касался того же вопроса проф. М. Халанскій въ извѣстной монографіи: «Южно-славянскія сказанія о кралевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса». По его словамъ, «сходство нѣкорыхъ образовъ былины о Волхѣ Всеславьевичѣ и исторіи древняго поэтическаго Всеслава даетъ основаніе видѣть въ былинѣ о Волхѣ или Вольгѣ отраженіе историческихъ воспоминаній изъ эпохи XI вѣка о князѣ Всеславѣ Брячиславичѣ» [1]). Но, соотвѣтственно чисто литературнымъ цѣлямъ своей книги, профессоръ не счелъ нужнымъ послѣдовательно развить свой тезисъ и соединить органической цѣпью былину съ лѣтописью и припѣвкой Слова о полку Игоревѣ.

Приподнимая таинственную завѣсу надъ волшебнымъ полнымъ героическаго обаянія лицомъ князя полоцкаго, можно составить себѣ приблизительно слѣдующую картину связаннаго съ этимъ лицомъ глубоко-творческаго процесса поэтической «историзаціи типовъ». Начало процесса упирается въ глухую даль миѳологическихъ переживаній кривицкаго племени, когда младенчествующая мысль этого племени еще окутана была густой тьмой языческихъ суевѣрій. Послѣдніе его отголоски еще громко звучали въ первой четверти истекшаго столѣтія среди русскаго простонародья, когда со стихійною силою борьбы за существованіе оно ополчилось на защиту своихъ очаговъ отъ грознаго нашествія Западной Европы. Но и понынѣ еще нельзя сказать съ увѣренностью, что когда-нибудь снова не раздадутся родныя для сердца народа былинныя мелодіи и не воскреснетъ предъ очарованными его очами дивный образъ кривицкаго чародѣя и оборотня, богатыря и князя.

Въ глухую пору доисторическаго періода среди темныхъ массъ кривицкаго славянства, которое волною своей колонизаціи залило сѣверо-западную русскую окраину, съ ея непролазными болотинами и борами дремучими, укоренился культъ бога-громовика Перуна. Ка-

---

[1]) Южно-славянскія сказанія о кралевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса. Варшава, 1893 г., стр. 55.

жется, богъ этотъ вовсе не былъ самостоятельнымъ продуктомъ религіозной фантастики кривичей, а скорѣе былъ произведенъ совмѣстнымъ творчествомъ, появился благодаря мирному сожительству въ Западномъ краѣ славянъ-колонистовъ съ литовцами. По крайней мѣрѣ, проф. М. К. Любавскій утверждаетъ: «Съ увѣренностью можно полагать, что литовцы въ древнѣйшія времена жили не только въ бассейнахъ Нѣмана и нижней Западной Двины, но и далѣе на востокъ, доходя до средней Оки» [1]). Уже простое созвучіе кривицаго Перуна и литовскаго Перкуна, помимо всякихъ курганныхъ раскопокъ, служитъ блестящимъ подтвержденіемъ предположенія профессора и вмѣстѣ съ тѣмъ конкретнымъ отголоскомъ той мирной культурной и въ частности религіозной ассимиляціи, которая незамѣтно, почти ускользая изъ поля зрѣнія исторіи, совершилась въ бассейнѣ Западной Двины между литовцами и кривичами. Повидимому, богъ-громовикъ, богъ тучъ и молніеносныхъ стрѣлъ, какъ Торъ—у германцевъ, былъ однимъ изъ главныхъ обитателей именно литовско-кривицкаго Олимпа. Онъ занялъ здѣсь прочное положеніе, благодаря суровой природѣ сѣверо-западнаго края, съ ея вѣчно сумрачнымъ небомъ, непрерывнымъ блужданіемъ тучъ по небу и обиліемъ атмосферическихъ остатковъ... Только уже въ историческую пору князья Олегъ, Игорь и далѣе, послѣ разгрома Полоцка, Владиміръ, не безъ вліянія своихъ сѣверныхъ дружинниковъ, дали этому богу сѣвернаго сумрака гостепріимный пріютъ на кіевскихъ холмахъ, подъ свѣтлой лазурью неба голубого, подъ ласковыми лучами южнаго солнышка... Распространенный въ странѣ волхованій культъ Перуна, конечно, могъ быть и былъ именно культомъ чародѣянія и колдовства во всѣхъ его видахъ. Косвеннымъ подтвержденіемъ этого служитъ уже существованіе въ Литвѣ прекрасно организованной таинственной касты жрецовъ, во главѣ съ загадочнымъ Криве. Огромное впечатлѣніе отъ волшебныхъ чародѣяній въ темныхъ массахъ новгородскихъ кривичей и даже въ высшихъ кругахъ полоцкаго общества, притомъ уже послѣ распространенія среди нихъ христіанства, удостовѣряется лѣтописными первоисточниками, «Бѣ волхвъ всталъ, читаемъ въ

[1]) Очеркъ исторіи литовско-руескаго государства до Люблинской уніи включительно. Москва; 1910 г.; стр. 5.

Лаврентіевской лѣтописи, при Глѣбѣ Новѣгородѣ, глаголеть бо людемъ, творяся акы богъ, многы прельсти, мало не всего града, глаголяшеть бо, яко провѣдевся и хуля вѣру хрестьянскую» [1]. О силѣ кудесничества въ Полоцкѣ краснорѣчиво говоритъ самый фактъ приглашенія волховъ для чародѣянія надъ новорожденнымъ Всеславомъ [2].

Сказка же о чародѣѣ Волхѣ заставляетъ догадываться, что гдѣ-то на берегу рѣки Волхова существовало особое городище, къ которому пріуроченъ былъ культъ Перуна и гдѣ построено было въ честь его особое капище. Когда же надъ сумрачнымъ сѣверомъ заблисталъ тихій свѣтъ вѣры греческой, волшебный мракъ кудесниковъ и вѣдуновъ, служившихъ Перуну, сталъ медленно расходиться. Но образъ самого бога-чародѣя съ которымъ уже успѣла сродниться младенчествующая душа кривицкаго племени, не могъ исчезнуть изъ его сознанія, не могъ потерять въ его глазахъ прежнихъ чертъ яркой красочности и прелести очарованія... Такимъ образомъ, религіозная фантастика замѣняется творческой поэтикой, языческій миѳъ превращается въ волшебную сказку, и низверженный Перунъ вновь созидаетъ для себя капище въ двоевѣрномъ воображеніи темнаго народа, принявъ образъ сказочнаго оборотня на великомъ водномъ пути по рѣкѣ Волхову... Отсюда становится совершенно яснымъ, что именно натуралистическое міропониманіе, культъ бога-громовика и языческая вѣра въ чародѣяніе создали ту атмосферу, въ которой расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ волшебная сказка о чародѣѣ Волхѣ. Какъ и другія произведенія устнонароднаго эпоса, эта сказка пріобрѣла для себя прочные корни въ глубокой языческой почвѣ, когда миѳическіе мотивы начали уже стушевываться и самый ихъ слѣдъ—затериваться. Новгородская сказка, стало быть, образовала въ дальнѣйшей эволюціи кривицкой эпики связующее звено между языческимъ миѳомъ и богатырскою пѣснью.

Съ того времени, какъ поэтическій инстинктъ славянина достаточно созрѣлъ, сказка-складка дѣлается эпической проекціей для

---

[1] Лаврент. 175—176.

[2] Тамъ же: 151.

пѣсни-были. Въ эту пору въ соціальной и политической жизни кривичей уже произошли большія перемѣны. Крѣпкіе устои старозавѣтнаго уклада: родовые союзы, имѣвшіе для себя прочныя опоры во власти старшинъ и общности имущества, были разъѣдены непрерывнымъ потокомъ кривицкой колонизаціи по лѣснымъ и болотистымъ пространствамъ Сѣв.-Западнаго края. Первобытная форма гражданственности, которая основывалась на кровномъ, этнографическомъ и племенномъ единствѣ кривичей уже оказалась пережиткомъ старины. Съ замѣной племенного родства новымъ—территоріально-географическимъ началомъ, ярко обозначилась новая политическая форма—городовая область. Могучимъ воздѣйствіемъ силы торгово-экономическихъ интересовъ великое племя кривицкое было разорвано на три части. Но та же самая сила совершала и обратный процессъ: она стянула, спаяла эти вѣтви вокругъ Новгорода, Полоцка и Смоленска, вокругъ трехъ главныхъ кривицкихъ городовъ, лежавшихъ по великому пути, и обозначила самые предѣлы ихъ городовыхъ областей. Послѣ того, какъ эти три города вобрали въ свои области окрестное и соплеменное имъ населеніе, послѣ того какъ изъ торговыхъ сосредоточій они превратились въ политическіе центры, получила начало среди кривичей вторичная форма ихъ политической жизни—варяжскія княжества. Означенный культурно-историческій процессъ въ жизни кривицкаго племени, съ одной стороны, повлекъ за собой накопленіе новыхъ сюжетовъ для народнаго творчества; съ другой—способствовалъ выработкѣ новаго жанра въ кривицкой эпикѣ, а именно: былины, которая теперь дѣлается звучнымъ поэтическимъ эхомъ для пережитыхъ эпохъ. Съ образованіемъ въ кривицкихъ городахъ военно-дружиннаго класса, который вступилъ въ союзъ съ торговымъ классомъ городского купечества, начало религіозное, чародѣйское уступило первенство началу государственному, свѣтскому. Вмѣсто кудесниковъ и вѣдуновъ руководящую роль въ жизни народной начинаютъ играть князья, мужи княжьи и гости богатые. Тогда дѣтскія формы волшебныхъ сказокъ, конечно, оказались слишкомъ бѣдными и тѣсными, чтобы въ достаточной мѣрѣ отображать крѣпнувшее въ кривицкомъ народѣ коллективное самосознаніе, и онъ—этотъ народъ—началъ облекать любимыхъ героевъ дивныхъ сказокъ своихъ въ кон-

кретно-яркія одежды былевого эпоса. Могучій богъ-громовикъ, превращенный сказочной эпикой въ таинственнаго чародѣя—это неопредѣленное существо, съ забытымъ божественнымъ значеніемъ,—подвергся дальнѣйшему «очеловѣченію» въ былевыхъ пѣсняхъ. Въ красивомъ нарядѣ былиннаго князя-богатыря Волха Всеславьевича, онъ сталъ растѣть-матерѣть, набирать дружинушку хоробрую, получать пожалованіе городами отъ родного дядюшки ласковаго Владимира стольно-кіевскаго и ѣздить по городамъ за получкою [1]).

Мы видимъ, какъ поэтическое творчество кривичей отъ бога-громовика, чрезъ посредство волха-оборотня, снисходило къ смертному человѣку, какъ надѣляло его знакомыми чертами чародѣйскаго обаянія. Но это не былъ простой человѣкъ, а князь-дружинникъ, представитель государственнаго начала и носитель высшей власти. Когда былина о богатырѣ Волхѣ, сдѣлавшись общекривицкимъ достояніемъ, поступила въ искусную переработку профессіональныхъ сказителей, открылось широкое поле для красивыхъ комбинацій ихъ коллективнаго творчества. Тѣ сказители, пѣтари и пѣвцы, которые обладали особою способностью въ поэтическихъ узорахъ яркой фантастики передать добрымъ людямъ на утѣшенье свой красивый сюжетъ, имѣли гораздо большій успѣхъ, чѣмъ тѣ, которые довольствовались сухимъ остовомъ былевого сказанья. Такимъ-то путемъ—путемъ нарощенія въ сословіи пѣвцовъ-сказителей—достраивались отдѣльныя части былиннаго зданія: при рожденіи Волха Всеславича стала дрожать мать—сыра земля, сотрясаться славное царство индѣйское, колебаться море синее; пеленать начали младенца-богатыря въ крѣпкія латы булатныя, на буйную его голову класть шлемъ золотой, тяжелую палицу свинцовую по правую руку его и т. п. [2]).

Къ исходу XI вѣка, когда вся кривицкая земля была еще полна животрепещущихъ воспоминаній о титанической схваткѣ сѣдого Полоцка со стольнымъ Кіевомъ, когда въ борьбѣ внуковъ Рогволода противъ внуковъ Ярослава чуткая совѣсть и поэтически настроенная

---

[1]) Былина о Вольгѣ Святославговичѣ: Историч. Хрестоматія В. В. Сиповскаго т. 1, вып. 1, 1911 г., ст. 42—43.

[2]) Кирша Даниловъ: Былина VI, стр. 38—39.

мысль народная видѣла какъ бы перстъ роковой Немезиды за жестокую обиду князя Владимира красавицѣ Рогнѣдѣ [1]), въ сокровищницѣ кривицкой эпики уже былъ изготовленъ драгоцѣнный матеріалъ для созданія волшебнаго апоѳеоза герою борьбы этой князю Всеславу. На красивомъ фонѣ будущаго портрета полоцкаго героя мощною кистью народнаго творчества уже были проведены рѣзкіе контуры князя-дружинника. Въ волшебномъ обликѣ Волха Всеславьевича былъ данъ и прообразъ князя Полоцкаго, какъ человѣка вѣщей души, властителя хитраго и гораздаго. Огромное полотно былинной картины—разгрома Вольгою царства Индѣйскаго пестрѣло богатыми красками для изображенія смѣлыхъ походовъ Всеслава противъ Новгорода и Пскова, для славленья отчаянныхъ схватокъ его съ Ярославичами. Совершенно естественно было также перевоплощеніе богатыря-оборотня въ князя-оборотня, чародѣя Волха Всеславьевича въ чародѣя Всеслава Брячиславича. Наконецъ, вѣжность колорита, яркость красокъ, изящество линій,—все это достаточно обезпечивалось вѣковою творческою опытностью профессіональныхъ пѣвцевъ—этихъ авторитетныхъ носителей эпической старины... Такимъ-то образомъ, стародавній типъ чародѣя, оборотня и князя, въ которомъ творческая кривицкая мысль воплотила свои древнія вѣрованія, любимыя свои преданья и глубокіе интересы, постепенно вступалъ въ третью стадію своего развитія, сокращаясь и сосредоточиваясь въ отдѣльной личности областного князя. Можно думать, что эпическія пѣсни, привязанныя къ личности Всеслава Брячиславича, принадлежали сначала только одному племени, одной землѣ Полоцкой. И долгое время хранились и перерабатывались эти пѣсни въ чудномъ горнилѣ мѣстныхъ сказителей, прежде чѣмъ сдѣлались общенароднымъ достояніемъ, прежде чѣмъ достигли вѣшаго пѣвца Баяна, у котораго струны «сами княземъ славу рокотаху».

---

[1]) Какъ извѣстно, лѣтопись заключаетъ поэтическое преданіе о взятіи Полоцка Владимиромъ и о нанесенной имъ Рогнѣдѣ-Гориславѣ жестокой обидѣ такими словами: „И оттолѣ мечь взимаютъ Роговоложи внуци противу Ярославлимъ внукомъ". Лаврент., стр. 285.

Такова была та удивительная лабораторія, въ которой поэтическая техника кривицкаго племени старательно заготовляла и искусно выдѣлывала необходимые кирпичи, чтобы потомъ соорудить изъ нихъ замѣчательный памятникъ эпической идеализаціи полоцкаго князя, той самой идеализаціи, отрывкомъ которой служитъ припѣвка Баяна въ Словѣ о полку Игоревѣ... Повидимому, подобная идеализація совершалась народомъ русскимъ также и въ другихъ мѣстахъ, напр., на Волыни надъ кн. Романомъ Мстиславичемъ († 1205). Это былъ также знаменитый князь, подъ булатный мечъ котораго склоняли свои головы литовцы, ятвяги и половцы. Отголосками эпическихъ пѣсенъ о князѣ Романѣ почитаются слова мѣстнаго лѣтописца: «Онъ бросался на враговъ, какъ левъ; пролеталъ по ихъ землѣ, какъ орелъ; былъ гнѣвенъ, какъ рысь; губителенъ, какъ крокодилъ; храбръ же, какъ туръ» и пр.

Минули столѣтія... Многострадальную Русь облегла съ запада туча черная. Вознесенный на высоту власти и славы пѣнящимся гребнемъ революціонной волны, военный геній великаго Наполеона увлекъ на востокъ побѣдоносные легіоны свои, чтобы продиктовать народу русскому свою волю, чтобы поработить его своей демонической гордынѣ. Въ открывшейся исполинской борьбѣ старый русскій великанъ сбросилъ съ трона дерзкаго корсиканца...

Изъ безчисленныхъ героевъ великой отечественной эпопеи народная фантастика особенно чутко отнеслась къ удалымъ подвигамъ храбраго казацкаго атамана графа М. Ив. Платова.

Красивыя, звучныя пѣсни послышались въ народѣ про атамана Платова и, превращенный пѣсенной эпикой въ могучаго богатыря земли святорусской, этотъ отважный атаманъ сдѣлался какъ бы посредствующимъ звеномъ въ золотой цѣпи былинъ, связывающихъ современную эпоху съ эпохой доисторической. Тогда-то въ художественную мастерскую народнаго творчества вновь возвратилась изъ своего далекаго сумрачнаго сѣвера таинственная тѣнь древняго кривицкаго чародѣя. Подобно Волху Всеславьевичу, переряженный казацкій атаманъ сталъ яснымъ соколомъ носиться по землѣ русской и громить со своею дружиною хороброю уже не индѣйское царство

славнаго царя Салтыка, а великую армію французскаго императора Наполеона...

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другого лѣтописнаго фрагмента: о загадочной язвѣ на головѣ князя Всеслава и о волшебныхъ чародѣяніяхъ кудесниковъ надъ нимъ послѣ рожденія. «Матери родивши его, говоритъ лѣтопись, бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: «се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего», еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ» [1]).

Если при разборѣ перваго лѣтописнаго отрывка изслѣдователю приходится вращаться въ мірѣ чудеснаго и легендарнаго, въ области мистической фантастики и поэтическихъ грезъ, то во второмъ отрывкѣ слышится такой же гулкій отголосокъ хотя и конкретно-осязательнаго, но все-таки крайне загадочнаго событія, происшедшаго въ Полоцкѣ, вѣроятно, въ первой четверти XI вѣка [2]). Въ первомъ случаѣ имѣетъ мѣсто любопытное явленіе пріуроченія однихъ и тѣхъ же типическихъ чертъ къ различнымъ лицамъ. Во второмъ—указана, такъ сказать, пластически-индивидуальная черта въ одномъ изъ этихъ лицъ. Конечно, подобная черта для характеристики Всеслава Брячиславича имѣетъ значеніе своеобразнаго внѣшняго аксессуара. Но изслѣдователь по достаточнымъ основаніямъ не можетъ пройти мимо нея безъ научнаго освѣщенія связанныхъ съ нею вопросовъ. Вѣдь извѣстіе о язвѣ на головѣ полоцкаго князя и о носимой имъ волшебной повязкѣ попало въ лѣтописные своды, конечно, изъ неисчерпаемаго источника тѣхъ многочисленныхъ слуховъ и преданій, которые стоустой народной молвой въ изобиліи разносились по широкому лицу земли русской. А если здѣсь, какъ и ранѣе, мы имѣемъ дѣло съ характернымъ пережиткомъ средневѣковаго русскаго общества, то, естественно, возникаетъ потребность выяснить причины, которыя такъ или иначе содѣйствовали возникновенію и распространяли подобный пережитокъ. Кромѣ того, касаясь вопроса о происхожденіи загадочной язвины на головѣ Всеслава, нѣкоторые историки пошли слишкомъ далеко, невольно налагая отпечатокъ уже на самую психику князя полоцкаго. Въ связи съ этимъ является также и не-

[1]) Лаврент. 151.

[2]) Годъ рожденія князя Всеслава не указанъ ни въ одной лѣтописи.

доумѣніе, можно ли ставить слова лѣтописца: «сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье», въ причинную связь съ предыдущимъ сообщеніемъ о княжьей язвѣ и чародѣйской повязкѣ.

Среди русскихъ историковъ и изслѣдователей довольно опредѣленно намѣтились три теченія въ объясненіи смысла лѣтописнаго подлинника. Одни усматриваютъ въ язвинѣ Всеслава органическій внутренній недугъ; другіе, напротивъ, относятъ ее къ разряду поверхностныхъ тѣлесныхъ отмѣтинъ; третьи же истолковываютъ слова лѣтописца, въ смыслѣ особыхъ свойствъ самого акта дѣторожденія у полоцкой княгини.

Родоначальникомъ перваго направленія былъ извѣстный петербургскій профессоръ М. О. Кояловичъ. Имъ впервые было высказано предположеніе, будто язва на головѣ Всеслава «была просто бѣлорусскимъ колтуномъ» [1]). Къ этой точкѣ зрѣнія примыкаетъ Як. Ив. Тарановскій въ своихъ соображеніяхъ о суффиксахъ въ западно-русскихъ фамиліяхъ и въ названіяхъ бѣлорусскихъ мѣстностей. Изъ того, что при леченіи колтуна прибѣгаютъ къ таинственнымъ заклинаніямъ, что одержимый колтуномъ кажется многимъ подверженнымъ чародѣйству, по мнѣнію автора изслѣдованія, дѣлается понятнымъ смѣшеніе самой болѣзни съ волшебствомъ и превращеніе слова «колтунъ» въ «колдунъ». «Подобный взглядъ подтверждается историческимъ примѣромъ: полоцкій князь Всеславъ, который имѣлъ загадочную язву на челѣ, вѣроятно—колтунъ, въ то же время, по понятіямъ современниковъ, считался волхвомъ» [2]). Съ этою болѣзнью, распространенною среди обездоленнаго населенія песковъ и болотъ Бѣлоруссіи, ставитъ въ связь язвину на головѣ Всеслава и популяризаторъ русской исторіи Н. М. Павловъ [3]).

Извѣстно, что колтунъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи и Малороссіи называется «ковтупомъ»—это особый видъ головной болѣзни. Принадлежа къ разряду экземъ, колтунъ разви-

---

[1]) Лекціи по исторіи Западной Россіи; М. 1864; стр. 75.

[2]) Соображенія о суффиксахъ, входящихъ въ составъ западно-русскихъ фамилій и названій селъ и деревень въ Бѣлоруссіи въ „Филологическихъ Запискахъ". Вып. II; 1892 г.; Воронежъ; стр. 2.

[3]) Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ; ч. I; стр. 88; Москва; 1896 г.

вается особенно у людей нечистоплотныхъ на почвѣ невропатической. Началомъ болѣзни считается сильная ломота костей, которая затѣмъ переходитъ въ болѣзненно-обильное выдѣленіе на больной головѣ сальныхъ железъ, вслѣдствіе чего волосы свиваются какъ бы въ безобразный войлокъ, слипаются въ клубень.

Въ пользу представителей гипотезы колтуна говоритъ, повидимому, названіе «гостець», употребляемое въ приложеніи къ этой болѣзни простонародьемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Западнаго края. «Гостець»—это имя злого духа, который поселяется въ несчастнаго, одержимаго колтуномъ, полѣшука, причемъ самая болѣзнь, въ случаѣ оскорбленія духа неумѣлымъ ея леченіемъ, превращается въ опасную и трудно излѣчимую. Распространеніе подобнаго суевѣрія вызвало даже въ XVIII вѣкѣ противъ себя особый указъ Св. Синода отъ 24 февраля 1722 года.

Въ отношеніи къ личности Всеслава Брячиславича гипотеза проф. Кояловича, однако, вызываетъ весьма серьезныя недоумѣнія какъ со стороны науки вообще, такъ въ частности историко-филологическаго свойства. Слова лѣтописи о рожденіи полоцкаго княжича, если ихъ принимать не за фантастическій домыслъ молвы народной, а за дѣйствительный отголосокъ точнаго факта, производятъ на читателя совершенно опредѣленное впечатлѣніе. Таинственная язва на головѣ новорожденнаго Всеслава, очевидно, столь рѣзко бросалась въ глаза, была настолько выпуклымъ физіологическимъ явленіемъ, что полоцкая княгиня этимъ сильно обезпокоилась и потому именно обратилась за помощью къ чародѣйской силѣ мѣстныхъ знахарей. Чтобы понять такую наивную рѣшимость княгини, кажется, достаточно хотя немного вдуматься въ психологію материнства, вообще—въ лирику материнской любви. Тогда совершенно излишнимъ окажется—предполагать вмѣстѣ съ профессоромъ И. Д. Бѣляевымъ, будто приглашеніе волхвовъ при рожденіи Всеслава указываетъ на то, что мать его была не русскаго, а литовскаго происхожденія [1]). Здѣсь, кромѣ

[1]) „Кто была мать Всеслава, говоритъ И. Д. Бѣляевъ, мы положительно не знаемъ, но едва-ли она не была литвинка, на что указываютъ приглашеніе волхвовъ при рожденіи Всеслава и совѣтъ ихъ матери навязать ему наузъ; между княгинями русскаго происхожденія не говорится въ лѣтописяхъ ни объ одной, которая бы приглашала волхвовъ при рожденіи дѣтей и по ихъ приказу навязывала бы новорожденному наузы". См. Очеркъ исторіи Сѣверо-Западнаго края Россіи; Вильна; 1867, стр. 20.

того, еще забываютъ про ту жалкую культурную атмосферу, среди которой жило полоцкое общество среднихъ вѣковъ—въ темную эпоху господства суевѣрій. Вѣдь въ то время вся медицина и терапія сводились къ таинственнымъ заговорамъ профессіональныхъ знахарей, къ магическимъ чародѣяніямъ кудесниковъ, къ своеобразнымъ талисманамъ колдуновъ... Во всякомъ случаѣ, принимая вмѣстѣ съ профессоромъ Кояловичемъ «язвено» новорожденнаго Всеслава за бѣлорусскій колтунъ, мы должны чрезъ это допустить возможность необычайнаго случая рожденія ребенка съ готовою, уже ярко выраженною формою болѣзни. Но такъ какъ до настоящаго времени врачебная наука не доказала возможности прирожденнаго, или же наслѣдственнаго колтуна, то и вся вышеизложенная гипотеза оказывается висящей въ воздухѣ...

Еще болѣе эта гипотеза возбуждаетъ недоумѣніе, если вспомнить тѣ страницы лекцій профессора, гдѣ онъ нарисовалъ предъ своими слушателями картину послѣдствій колтуна—этого страшнаго бича для населенія Сѣверо-Западнаго края. «Человѣкъ, подвергающійся колтуну, пишетъ Кояловичъ, чувствуетъ томленіе, ломоту, особенно страдаетъ головой. Это значитъ, колтунъ ищетъ себѣ выхода. Мало-по-малу волоса на головѣ слипаются, превращаются въ плотную массу, образуютъ родъ шапки, которая на многіе годы покрываетъ голову; страданія прекращаются. Но, сохрани Богъ, раздражить чѣмъ-либо эту массу на головѣ, особенно пахучими веществами. Тогда колтунъ искривитъ всего человѣка и замучитъ. Нужно дожидаться, пока онъ самъ мало-по малу станетъ отдѣляться, приподыматься на головѣ. Когда онъ держится уже на немногихъ волосахъ, то знахари берутся снимать его, и то часто приходится больному расплачиваться за это. Лучше, когда колтунъ самъ сойдетъ. Но и благополучно кончаясь, колтунъ оставляетъ чаще всего послѣ себя слѣды—изнуреніе организма, вялость» [1]).

При обоихъ предположенныхъ у профессора случаяхъ теченія колтуна исторія имѣла бы въ лицѣ Всеслава Брячиславича болѣзненный типъ апатичнаго человѣка, безвольнаго правителя и малодѣятель-

---

[1]) Лекціи по исторіи Западной Россіи. М. 1864, стр. 45—46.

наго князя. На полоцкомъ столѣ сидѣлъ бы не могучій чародѣй-великанъ, рыскавшій съ быстротою сѣраго волка по дремучимъ лѣсамъ и неизмѣримымъ степямъ русской земли; не безстрашный герой легендарныхъ боевъ на Немигѣ, Гзенѣ или подъ стѣнами Новгорода Великаго; не родоначальникъ семьи, въ которой насчитывается исторіей семь однихъ сыновей [1]). Нѣтъ: это былъ бы вялый недоростокъ, избывающій мірской суеты и докуки; заурядно-удѣльный князь—безъ честолюбивой жажды боевыхъ подвиговъ, безъ страстнаго исканія воинской славы: худосочный и болѣзненный семьянинъ—безъ потомства; мелкій властитель—въ тѣсныхъ границахъ Полоцкой земли, словомъ столь знакомый и такъ часто повторявшійся въ исторіи типъ блѣднолицаго слабняка и болѣзненнаго простачка, появленіе которыхъ обычно предшествовало угасанію старыхъ династій Меровинговъ, Каролинговъ, Рюриковичей и т. д. Дѣйствительный полоцкій князь таковымъ не былъ и быть не могъ. Сквозь пыль вѣковъ, покрывающую лѣтописныя хартіи, обрисовывается предъ нашими взорами мощновеличавая фигура Всеслава Брячиславича, съ широкимъ разметомъ богатырскаго духа, желѣзнымъ характеромъ и непреклонной волей, съ неутомимой энергіей, эпическимъ хладнокровіемъ и непоколебимой уравновѣшенностью. Одна мысль о соединеніи подобной буйной головы съ ужаснымъ клубнемъ, съ отвратительной шапкой колтуна вызываетъ естественную улыбку недоумѣнія...

Гипотеза колтуна не имѣетъ для себя твердой почвы также и въ текстѣ лѣтописныхъ первоисточниковъ. Извѣстіе лѣтописей о загадочной язвинѣ на головѣ полоцкаго князя имѣетъ въ лѣтописныхъ спискахъ нѣсколько разночтеній. Въ Лаврентіевскомъ спискѣ это извѣстіе читается такъ: «Матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ его» [2]). Почти таково же изложеніе и лѣтописи Густинской: «внегда бо родися, бысть язвено на главѣ его» [3]).

[1]) Н. М. Карамзинъ насчитываетъ въ семьѣ полоцкаго князя семь слѣдующихъ сыновей: Бориса, Ростислава, Давида, Глѣба, Романа, Рогволода и Георгія-Святослава (см. Исторію Государства Россійскаго. Изд. Эйнерлинга; СПБ., 1842, т. II, стр. 103, примѣч. 251) то же удостовѣряетъ и С. М. Соловьевъ (см. Исторію Россіи съ древн. временъ, т. II, стр. 68, изданіе 3; Москва; 1862).

[2]) Лаврент. стр. 151.

[3]) Густ. 268.

Въ лѣтописи Ипатской загадочная рана на головѣ князя-младенца названа язвой: «матери бо родивши ему, и бысть язва на главѣ его» [1]). Напротивъ въ Тверской лѣтописи употреблено слов «яма»: «матери бо родивши его, бѣ ему на главѣ яма» [2]). Вар ріантъ Никоновской лѣтописи, соединяя въ одно цѣлое два предыдущихъ чтенія, даетъ такую редакцію: «Матери бо, родивши его, бысть язвена яма на главѣ его» [3]). Первая Софійская лѣтопись говоритъ одновременно «о знамени язвеномъ и ямѣ» на головѣ Всеслава [4]). Тотъ же варіантъ повторенъ въ Софійскомъ Временникѣ [5]) и въ Воскресенской лѣтописи [6]). Любопытно по всей оригинальности—чтеніе разбираемаго нами фрагмента въ «Исторіи Россійской», составленной В. Н. Татищевымъ († 1750): „Когда Всеславъ родился, было яйно на главѣ его“ [7]). Изъ только что приведенныхъ шести варіантовъ сказанья о рожденіи Всеслава Брячиславича становится яснымъ, съ какимъ стараніемъ любознательные составители и переписчики сводовъ пытались проникнуть въ смыслъ лѣтописнаго выраженія и въ какомъ именно направленіи они надѣялись истолковать его. Изъ всѣхъ варіантовъ наиболѣе благопріятными гипотезѣ проф. Кояловича оказываются тѣ, которые предлагаютъ лѣтописи Лаврентіевская, Густинская и Ипатская. Необходимо, однако, вспомнить, что слова: «язва, язвина и язво» имѣетъ двоякое значеніе. Прежде всего они предполагаютъ гноистую рану, незаживающій нарывъ или вообще худосочное нагноеніе, происшедшіе безъ наружнаго насилія, при чемъ разумѣется болѣзненнотворное явленіе застарѣлаго, а не свѣжаго происхожденія [8]). Едва ли въ такомъ смыслѣ лѣтописецъ рѣшился бы назвать „язвою или язвеномъ“ рану на головѣ младенца, который только что явился на свѣтъ Божій. Но вышеуказанныя слова, кромѣ того, означаютъ

---

[1]) Ипат. 109.

[2]) Тверск. 149—150.

[3]) Никон. 138.

[4]) Софійск. I, см. Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. V, СПБ., 1851 г. стр. 138.

[5]) Софійск. Временн. Часть 1-ая; Москва, 1820 г.; изд. Павла Строева, стр. 155.

[6]) Воскрес. въ полн. собр. русскихъ лѣтоп. т. VII, СПБ., 1856 г., стр. 332.

[7]) См. его Исторію Россійскую; книга II-я; Москва, 1773 г.; стр. 109.

[8]) В. Даль. Толковый словарь живого великорусскаго языка; Часть IV; Москва; 1866 г., стр. 617.

еще впадину, выбоину, выщербину или трещину [1]). Въ такомъ случаѣ, въ качествѣ синонимовъ къ нимъ, могутъ быть употребляемы слова: „яма, язба“ и др. Варіанты лѣтописей: Тверской, Софійской, Никоновской, Воскресенской и др. склоняютъ къ мысли, что предпочтеніе должно быть отдано именно второму изъ двухъ способовъ пониманія словъ лѣтописи. Слѣдовательно, не болѣзненный наростъ, не колтунный клубень или гнойную шапку, а напротивъ---нѣкоторую природную ямину, уродливую впадину или же плохо заросшій рубецъ на головѣ лѣтописецъ, вѣроятно, могъ назвать „язвой или ямой“. Историкъ В. Н. Татищевъ, вмѣсто лѣтописнаго «язвено» ставитъ свое собственное чтеніе: „яйно“. А такъ какъ это слово обозначаетъ пленку, или сорочку, въ которой иногда родятся младенцы [2]), то вопросъ, очевидно переносится уже совершенно въ другую сферу, гдѣ, впрочемъ, гипотеза колтуна всего менѣе можетъ получить для себя подкрѣпленіе.

Когда, далѣе, пытаются воспользоваться лѣтописнымъ извѣстіемъ о таинственной язвѣ на головѣ полоцкаго князя въ видахъ лексическаго сближенія корней въ словахъ: «колдунъ и колтунъ», то этотъ примѣръ едва-ли удобенъ для данной цѣли. Вѣдь эпика и легенда Кривицкаго народа собственно усвояютъ Всеславу Брячиславичу характерныя черты «вѣщаго» человѣка, или «вѣщей» души [3]). Въ качествѣ же проявленій таковыхъ—онѣ указываютъ именно на вѣдовство и оборотничество, а отнюдь не на колдовство. Самое понятіе „вѣщей души“ гораздо шире по объему, глубже по содержанію, поэтичнѣе по стилю, знаменательнѣе и дороже для сердца народнаго, чѣмъ мрачный образъ колдуна или темный обликъ знахаря. Кромѣ того, кажется, гораздо естественнѣе сближать Всеслава легенды, какъ «человѣка хитраго и гораздаго» [4]), какъ оборотня-волкулака съ волховскимъ чародѣемъ новгородской сказки и съ богатыремъ—оборотнемъ Волхомъ Всеславьевичемъ, героемъ былевого эпоса, чѣмъ съ бродячимъ типомъ народнаго кудесника.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же: стр. 618.

[3]) Слово о полку, стр. 36.

[4]) Тамъ же: стр. 37.

Въ противоположность гипотезѣ проф. Кояловича, кіевскій проф. М. Довнаръ-Запольскій впервые высказалъ предположеніе, что „язвено“ на головѣ полоцкаго князя было только явленіемъ наружной, или поверхностной отмѣтиной. „Личность Всеслава—говоритъ М. Довнаръ-Запольскій,—произвела на народъ такое сильное впечатлѣніе, что сохранилось преданіе, будто онъ родился отъ волхованія и что вслѣдствіе этого у него на головѣ было родимое пятно, имѣвшее особенную волшебную силу. Волхвы велѣли ему носить на головѣ повязку, прикрывающую это пятно“ [1]). Какъ ни подкупаетъ своею видимою простотою и бытовымъ реализмомъ гипотеза кіевскаго профессора, всетаки, для нея еще менѣе, чѣмъ для гипотезы Кояловича, можно указать доказательствъ въ лѣтописныхъ подлинникахъ. Весьма страннымъ и малопонятнымъ кажется, почему лѣтописецъ назвалъ именно „язвой или ямой“ поверхностное физіологическое явленіе, простое родимое пятно! Трудно представить, чтобы понятія: безболѣзненное пятно и уродливая язва взаимно покрывали другъ друга въ представленіи лѣтописца. Ужели въ лексической сокровищницѣ русскаго языка лѣтописецъ не могъ подыскать болѣ подходящаго слова, чтобы обозначить имъ столь часто повторяющееся въ житейскомъ быту явленіе, какъ родимая отмѣтина на человѣческомъ тѣлѣ?! Въ пользу гипотезы проф. Довнаръ-Запольскаго, повидимому, могъ бы говорить варіантъ: «знамя язвено», который примѣняется къ Всеславу Брячиславичу въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, напр.: Софійской первой, Воскресенской и Софійскомъ Временникѣ. Но любопытно то, что тѣ же самыя лѣтописи одновременно называютъ княжескую рану также „ямой“. „Сего же мати роди отъ волхованія, сообщаетъ Софійскій Временникъ, матери бо родивши его, бѣ ему на главѣ знамя язвено, яма на главѣ его“ [2]).

Еще большее недоумѣніе возбуждаетъ мнѣніе профессора, будто именно самое родимое пятно на головѣ князя имѣло волшебную силу, почему волхвы велѣли ему носить на головѣ повязку, прикрывающую это пятно. Общеизвѣстно народное суевѣріе въ то, будто роди-

[1]) Очеркъ исторіи кривичской и дреговичской земель до конца XII столѣтія, Кіевъ, 1891, стр. 76.

[2]) Софійск. Времен. стр. 155.

мыя пятна на тѣлѣ суть благопріятные символы счастливой удачи и нерушимаго благополучія въ жизни. Но не легко доказать, что русское средневѣковье XI—XII вѣковъ придавало такимъ тѣлеснымъ знакамъ именно волшебное значеніе, почитая ихъ за талисманы, которые, по суевѣрному представленію народовъ Востока, могли обладателямъ ихъ сообщать особое сверхъ-естественное могущество. Можетъ возбуждать споръ и самое предположеніе профессора, что таинственная повязка имѣла своимъ назначеніемъ сохранять за родимымъ пятномъ самыя его волшебныя свойства.

Въ какомъ смыслѣ нужно понимать совѣтъ знахарей навязать на новорожденнаго Всеслава повязку, данный ими полоцкой княгинѣ, даетъ понять варіантъ Густинской лѣтописи. „Рекоша волсви матери его: сіе язвено навяжи на нь, да носить до живота своего, и во всемъ благополучливъ будеть“ [1]). Въ глазахъ знахарей, очевидно, не родимое пятно на головѣ, а именно самая повязка могла сыграть роль волшебнаго амулета для предохраненія своего носителя отъ неудачъ и несчастій въ жизненной борьбѣ. Темныя массы суевѣрнаго населенія какъ русскаго, такъ и инородческаго въ данномъ случаѣ всецѣло стояли на точкѣ зрѣнія полоцкаго знахарства и своею молвою распространили по русской землѣ вѣру въ чародѣйскую силу таинственной повязки, носимой популярнымъ княземъ.

Лишенная достаточнаго основанія въ подлинномъ текстѣ лѣтописей, гипотеза „родимаго пятна“ не находитъ для себя надлежащей опоры и въ исторической библіографіи. Изъ предшественниковъ кіевскаго профессора никто спеціально не касался вопроса о таинственной язвинѣ князя Всеслава. Но вскользь и мимоходомъ историками дѣлались попутныя замѣчанія, краткіе намеки по этому вопросу. Если профессоръ Кояловичъ говоритъ о волшебной силѣ именно самой язвы полоцкаго князя въ глазахъ суевѣрной толпы, то къ этому его побуждала очевидная необходимость логически обосновать гипотезу «колтуна». Однако, объектомъ народнаго повѣрья Кояловичъ называетъ не одну язву, какъ проф. Довнаръ-Запольскій, а вмѣстѣ съ тѣмъ самую повязку, которую носилъ Всеславъ по совѣту волх-

[1]) Густин. 268.

вовъ [1]). Большинство же историковъ, напротивъ, представляетъ лѣтописцевъ и народныя массы вѣрующими въ чародѣйскую силу только одной повязки. Такъ Н. М. Карамзинъ именно изъ суевѣрія лѣтописца объясняетъ происхожденіе, молвы, что жестокость князя Всеслава зависѣла отъ носимой княземъ волшебной повязки [2]). Въ такомъ же смыслѣ со всею рѣшительностью высказывается ветеранъ русской исторіи Д. И. Иловайскій. „У Всеслава, пишетъ онъ,—отъ природы была на головѣ какая-то язвина, вслѣдствіе чего онъ носилъ повязку, и суевѣрные люди приписывали этой повязкѣ особое волшебное значеніе“ [3]). Съ Иловайскимъ согласенъ и проф. А Трачевскій: „Народъ,—говоритъ онъ,—считалъ чародѣйскимъ талисманомъ даже повязку, которую Всеславъ носилъ на головѣ, вслѣдствіе какой-то язвины“ [4]). Еще ранѣе писали именно о волшебной силѣ повязки, а не язвины историки Н. Полевой [5]) и О. Турчиновичъ [6]). Слова послѣдняго буквально воспроизводитъ П. А. Дружиловскій [7]). Профессоръ И. Д. Бѣляевъ предполагаетъ, что волхвы посовѣтывали полоцкой княгинѣ навязать новорожденному Всеславу такъ-называемый „наузъ“ [8]). Очевидно, здѣсь разумѣется древне-языческій обрядъ, въ основаніи котораго лежало народное повѣрье въ волшебное значеніе узла. Извѣстно, что древній и въ частности средне-вѣковый человѣкъ смотрѣлъ на завязываніе «науза какъ на чародѣйскій актъ и соединялъ съ этимъ актомъ извѣстную мысль, такое

---

[1]) Лекціи по исторіи Западной Россіи; М. 1864 г.; стр. 75: „Всеслава почитали рожденнымъ отъ волхованія, имѣющимъ особенную волшебную силу въ язвѣ на челѣ и покрывавшей ее повязкѣ“.

[2]) Исторія государства россійск.; т. II; изд. 3; Смирдина; С.-петерб.; 1830 г.; стр. 82.

[3]) Исторія Россіи; часть 1-я; Кіевскій періодъ; М. 1876 г.; стр. 111.

[4]) Русская Исторія. Часть 1-я; изданіе 2-е; СПБ. 1895, стр. 47.

[5]) Исторія русскаго народа; томъ II; М. 1830; стр. 290.

[6]) Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ; изд. Исакова; СПБ. 1857 г.; кн. II; стр. 31.

[7]) Памятная книжка Витеб. губ. з а 1866 г.; см. статью Дружиловскаго: „Историческія судьбы Витебской губерніи до XIII вѣка“; стр. 17.

[8]) Очеркъ исторіи Сѣверо-Западнаго края Россіи; Вильна, 1867 г., стр. 20.

или иное пожеланіе, доброе или злое намѣреніе. Вѣра въ чародѣйскіе узлы, или наузы была свойственна весьма многимъ народамъ древняго и новаго времени. Она выражалась у нихъ въ своеобразныхъ обрядахъ и таинственныхъ заклинаніяхъ. Достаточное количество примѣровъ, въ подтвержденіе этого, можно отыскать на страницахъ всемірной исторіи и этнографіи, начиная съ памятниковъ халдейской магіи и кончая доселѣ живущими среди великорусскихъ и малорусскихъ крестьянъ повѣрьями и обычаями.

Съ точки зрѣнія проф. Бѣляева, волшебная сила чародѣяній полоцкихъ знахарей сосредоточивалась вовсе не на язвѣ или язвинѣ Всеслава, а именно на завязываніи науза, которое, конечно, сопровождалось необходимыми заклинаніями. За исключеніемъ проф. Бѣляева, другіе крупные историки, напр. С. М. Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ и др., обходятъ разбираемый нами вопросъ молчаніемъ. Предлагаемая библіографическая справка доказываетъ, что гипотеза «родимаго пятна» не только слаба съ точки зрѣнія филологической, но грѣшитъ, кромѣ того, еще и противъ традиціи исторической науки.

Третья фракція историковъ связываетъ «язвено» Всеслава Брячиславича съ характеромъ самаго акта дѣторожденія у полоцкой княгини. Во главѣ этой фракціи стоитъ извѣстный историкъ В. Н. Татищевъ. Лѣтописное сказанье о рожденіи Всеслава получаетъ въ его «Исторіи Россійской» слѣдующій любопытный перифразъ: «Когда Всеславъ родился, было яйно на главѣ его; волхвы же призванные сказали матери его, дабы оное яйно навязали ему на главѣ, и всегда бы носилъ его до живота своего, что онъ и носилъ до смерти на себѣ» [1]).

Появленіе въ міръ полоцкаго чародѣя, очевидно, принадлежало, по мысли В. Н. Татищева, къ категоріи такихъ рожденій, которыя въ медицинской наукѣ и въ житейскомъ быту извѣстны подъ именемъ рожденій «въ сорочкѣ». Сорочку эту, или яйно мѣстные волхвы и посовѣтовали полоцкой княгинѣ навязать новорожденному Всеславу для ношенія, въ качествѣ личнаго амулета.

---

[1]) Исторія Россійская, кн. II; М. 1773; стр. 109.

Гипотеза Татищева предполагаетъ такой сравнительно рѣдкій типъ дѣторожденія, когда ребенокъ не освобождается отъ оболочковаго пузыря съ околоплодной жидкостью, а появляется, окруженный ими. Такая сорочка, нерѣдко покрываетъ именно самую голову новорожденнаго; ее принято обыкновенно снимать, тщательно сохранять и затѣмъ надѣвать на шею ребенка или же зашивать, въ качествѣ амулета, въ болѣе ноское платье. Понятіе о счастливомъ значеніи дѣтской „сорочки“ обыкновенно расширяется въ томъ смыслѣ, что счастье пріобрѣтается всякимъ человѣкомъ, который вообще имѣетъ такую «сорочку», по самому ли рожденію въ ней или же послѣ пріобрѣтенія ея черезъ покупку. Подобное повѣрье принадлежитъ къ очень распространеннымъ переживаніямъ у многихъ народовъ древняго и новаго времени. Такъ въ старомъ Римѣ адвокаты пріобрѣтали дѣтскую „сорочку“, приписывая ей таинственную силу возбуждать даръ краснорѣчія и доставлять успѣхъ въ юридическихъ дѣлахъ. Такой взглядъ распространенъ былъ, да, кажется, еще доселѣ живетъ въ кругу адвокатовъ Даніи и Англіи. Въ южной Италіи вѣра въ счастье, приносимое дѣтской сорочкой, повела къ тому, что ее стали носить не только дѣти, но и взрослые члены семьи. Во Франціи подобное повѣрье также встрѣчается повсюду.

О томъ, насколько среди древнерусскаго общества было распространено повѣрье въ силу «яйна», свидѣтельствуетъ второй вопросъ XVI-ой главы опредѣленій Стоглаваго Собора (1551 г.). Здѣсь сообщается слѣдующее: «иная убо творится въ простой чади въ миру дѣти родятъ въ сорочкахъ, и тѣ сорочки приносятъ къ попамъ и велятъ ихъ класти на престолѣ до шести недѣль». Этотъ оригинальный чисто-русскій обычай вызвалъ противъ себя строгое опредѣленіе отцовъ церковнаго Собора, въ заключеніи котораго сказано: „аще ли которой попъ таковая дерзнетъ творити, и тому быти подъ запрещеніемъ священныхъ правилъ“ [1]). Впрочемъ, не только простонародье, но и высшіе классы русскаго общества крѣпко продолжали хранить вѣру въ дѣтскую „сорочку“, и она дожила до нашихъ дней. Въ

[1]) Стоглавъ. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПБ. 1863; гл. XVI; вопр. 2-й; стр. 128—129.

старо-дворянскихъ русскихъ фамиліяхъ половины прошлаго вѣка существовало даже обыкновеніе, при началѣ какого либо труднаго или отвѣтственнаго дѣла, брать дѣтскую сорочку у сосѣдей, если таковой не имѣлось въ собственной семьѣ. У германскихъ народовъ вѣра въ дѣтскую „сорочку“ облеклась въ красочную одежду миѳической легенды. По изложенію проф. А. А. Потебни [1]), германская миѳологія учила, что души дѣтей до рожденія ихъ пребываютъ въ таинственномъ надзвѣздномъ мірѣ, за облаками, въ царствѣ богини Гольды. Послѣ того, какъ бьетъ радостный часъ воплощенія въ человѣческомъ образѣ, душа дитяти сходитъ на землю въ сопровожденіи двухъ или трехъ душъ, въ качествѣ своихъ хранителей. Одни изъ подобныхъ существъ предшествуютъ душѣ, имѣющей воплотиться, друія—слѣдуютъ за нею; первыя—называются: фориніи; вторыя—фильгіи. Мѣстопребываніемъ духовъ-хранителей служитъ именно дѣтская сорочка. Вслѣдствіе этого, двевне-германскія женщины, изъ опасенія повредить сорочку и черезъ это лишить дитя высшаго покровительства, старались снимать ее съ большою предосторожностью и затѣмъ закапывали у порога, чрезъ который мать новорожденнаго должна была перешагнуть. Любопытно, что вѣра въ силу „сорочки“, какъ личнаго амулета или талисмана встрѣчается въ самыхъ различныхъ, весьма удаленныхъ другъ отъ друга и обособленныхъ уголкахъ земного шара. Такъ, въ Босніи и у сербовъ существуетъ обычай: если въ сорочкѣ рождается мальчикъ, дѣлать ему въ подмышкѣ надрѣзъ кожи и потомъ класть на это мѣсто „сорочку“ для срощенія. Послѣ этого такой ребенокъ не поддается колдовству, и пуля уже не беретъ его. Въ далекой Азіи—между дикарями острова Целебеса младенецъ, рожденный „въ сорочкѣ“, считается счастливымъ пріобрѣтеніемъ семьи, а самая сорочка—волшебнымъ амулетомъ среди смертной опасности кровавыхъ схватокъ.

Если посмотримъ на гипотезу „яйна“ чрезъ призму научныхъ данныхъ физіологіи, исторіи и этнографіи, то обнаружится, что она имѣетъ большую вѣроятность, въ сравненіи съ гипотезами колтуна и родимаго пятна.

---

[1]) См. Древности Московскаго археологическаго Общества за 1865 г.; Т. II., стр. 20.

Физіологія подтверждаетъ, что внутренняя пленочка, перепонка или пузырь, въ которыхъ иногда рождаются младенцы, по большей части бываютъ на ихъ головахъ. Это совершенно гармонируетъ съ единогласнымъ свидѣтельствомъ всѣхъ лѣтописныхъ варіантовъ, что знамя язвено, язвена яма или просто: язвено, язва, яма—были именно «на главѣ» Всеслава Брячиславича. Повѣрье въ то, что родившійся въ „сорочкѣ“ младенецъ—счастливецъ, что ему все въ жизни будетъ удаваться, что сорочку эту ему нужно носить на себѣ, конечно, было извѣстно въ Полоцкѣ не только въ XI столѣтіи, но и гораздо раньше.

Это повѣрье могло распространиться по землѣ кривичей не только съ юго-запада, что предполагается уже этнографіей боснійскихъ сербовъ—чрезъ посредство колонизаціи славянъ съ береговъ Дуная и предгорій Карпатъ по рѣкамъ—Днѣпру и Западной Двины, но и съ крайняго сѣверо-запада, изъ-за моря, вмѣстѣ съ воинственными дружинами пришельцевъ-варяговъ, которые, водворяясь по рѣчнымъ торговымъ артеріямъ древней Руси, поселялись среди кривичей и смѣшивались съ ними. Вѣрованіе въ дѣтскую „сорочку“, по сообщенію проф. А. А. Потебни, было особенно распространено въ миѳологіи именно у скандинавовъ. Извѣстно, что исландцы называли «фильгіей» даже самую дѣтскую «сорочку» и думали, что въ ней помѣщается часть души новорожденнаго дитяти. Совершенно естественно, что и общество, и волхвы въ Полоцкѣ прекрасно знали вышеуказанное повѣрье, потому что ихъ городъ, находившійся на торговомъ пути «изъ варягъ въ греки», поддерживалъ самыя оживленныя сношенія съ воинственными «племенами сѣвера». Объ этомъ сохранились многочисленныя воспоминанія въ поэтическихъ сагахъ далекой Исландіи.

Этнографическій характеръ повѣрья въ силу дѣтской «сорочки», какъ личнаго амулета или талисмана, точно также отобразился въ текстѣ лѣтописнаго подлинника. Заключеніе рѣчи волхвовъ по редакціи Густинской лѣтописи: «да носить до живота своего, и во всемъ благополучливъ будетъ» [1]), получаетъ надлежащій, конкретный смыслъ

[1]) Густин. стр. 268.

именно въ гипотезѣ „яйна“, предложенной В. Н. Татищевымъ. Очевидно, съ точки зрѣнія полоцкаго знахарства именно «ношеніе язвена до живота» могло служить для князя путеводной звѣздой въ жизни, могло создать ему счастливую удачу и свѣтлое благополучіе во всемъ.

Наиболѣе сильное для себя подтвержденіе гипотеза «яйна» получаетъ, однако, со стороны филологіи—въ лексическомъ значеніи слова: «язвено», или «язвьно». Характерно, что подавляющее число лѣтописныхъ варіантовъ, при передачѣ словъ полоцкихъ волхвовъ, говоритъ именно о «язвенѣ», а не о язвѣ или язвинѣ. Вопреки Н. М. Карамзину [1]), Д. И. Иловайскому [2]) и др. едва ли представляется справедливымъ замѣнять «язвено» лѣтописныхъ варіантовъ словомъ: «язвина», такъ какъ это послѣднее, несмотря на свою близость по корневому производству къ первому, имѣетъ иное значеніе. Церковнославянскія слова: «язвеное, язвено, язвьно, язьно или язно» имѣютъ соотвѣтствующія аналогіи въ арійскихъ языкахъ Западной Европы. Таковы—слова: греческаго языка—derma и desmos; латинскаго—corium и vinculum; нѣмецкаго—helm и haube; польскаго—czerek и др. Опираясь на текстѣ памятниковъ древнерусской письменности, напримѣръ Златоструя XII-го вѣка, и на изысканіяхъ θ. Ив. Буслаева, академикъ Ив. Ив. Срезневскій передаетъ слова: «язьно» и «язвьно» въ значеніи: „кожица, кожа, пленка“. Въ качествѣ примѣра употребленія этихъ словъ въ такомъ смыслѣ Срезневскій приводитъ именно лѣтописное сказанье о загадочномъ рожденіи въ Полоцкѣ князя Всеслава Брячиславича [3]). Сопоставленія древне-славянскихъ словъ и корней: «яза, язилиште, язильница, язъ» и пр. съ синонимическими корнями и словами языковъ Греціи и Рима еще ранѣе были сдѣланы въ словаряхъ извѣстныхъ ученыхъ: академика А. Х. Востокова [4]) и Ф. Ми-

---

[1]) Исторія государства россійскаго; т. II; изд. 3 — Смирдина. СПБ. 1830; стр. 82.

[2]) Исторія Россіи; ч. 1-я; Кіевскій періодъ; М. 1876; стр. 111.

[3]) Матеріалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Т. III; вып. 3; 1909; СПБ. стр. 1644 и 1650.

[4]) Словарь церковно-славянскаго языка; т. II; СПБ. 1861; стр. 292.

клопича [1]). Высокій авторитетъ столь крупныхъ именъ даетъ возможность безъ колебанія присоединиться къ пониманію слова «язвено» именно въ значеніи „пленки, оболочки, дѣтской сорочки“ и пр.

Еще болѣе яркіе признаки достовѣрности гипотезы «яйна» получаются, если взять во вниманіе особенности грамматическаго построенія рѣчи волхвовъ къ полоцкой княгинѣ. Наряду съ филологическимъ производствомъ слова: «язвено», этимологическія и синтаксическія особенности лѣтописнаго текста въ данномъ вопросѣ, по нашему мнѣнію, имѣютъ значеніе рѣшающее и окончательное. Въ высшей степени важно отмѣтить, что полоцкіе кудесники предлагаютъ матери Всеслава Брячиславича не повязку сдѣлать, не покрывало наложить на язву младенца, какъ можетъ показаться на первый взглядъ при поверхностномъ чтеніи лѣтописнаго текста. Нѣтъ: волхвы совѣтуютъ навязать именно самое «язвено», которое было на головѣ князя отъ рожденія («се, сіе, все язвено навяжи») и навязать не на голову новорожденнаго, а вообще на новорожденнаго, безъ указанія опредѣленнаго мѣста («навяжи нань»).

Стоитъ только сдѣлать перифразъ или комментарій словъ волхвовъ въ духѣ гипотезъ колтуна, родимаго пятна или науза, чтобы лѣтописный текстъ получилъ характеръ нѣкоторой логической несообразности. Какъ странно, въ самомъ дѣлѣ, звучала бы рѣчь волхвовъ, если бы, соотвѣтственно грамматическому построенію и буквальному смыслу, передать ее примѣрно такимъ образомъ: „всю эту язву или все это родимое пятно, княгиня, ты навяжи на сына своего, и пусть онъ, для своего благополучія во всемъ, носитъ ихъ на себѣ до смертнаго своего часа“!! Такое же недоумѣніе въ грамматическомъ отношеніи возбуждаетъ и гипотеза «науза». Варіанты Лаврентіевскаго и Густинскаго списковъ согласно называютъ «язвеномъ» какъ то, что было на головѣ Всеслава, такъ и то, что совѣтывали навязать на него волхвы. Но вѣдь чародѣйскій наузъ отнюдь нельзя отождествлять съ прирожденнымъ «язвеномъ».

---

[1]) Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum emendatum auctum. Edidit Fr. Miklosich. Vindobonae. 1862—1865; pag. 1144. 1145.

Напротивъ, гипотеза В. Н. Татищева свободна отъ подобныхъ несообразностей. Не нарушая естественной простоты рѣчи и не внося диссонанса въ логическую послѣдовательность лѣтописнаго текста, гипотеза «яйна» предлагаетъ болѣе вѣроятное объясненіе разбираемаго нами событія. Такъ какъ Всеславъ Брячиславичъ родился въ «сорочкѣ», то княгиня-мать, естественно, пожелала узнать отъ знахарей и чародѣевъ, что можетъ означать подобнаго рода явленіе и какъ ей поступить въ данномъ случаѣ. Объявивъ «яйно» благопріятнымъ предзнаменованіемъ для будущности новорожденнаго, волхвы успокоили материнское чувство, а вмѣстѣ съ тѣмъ дали княгинѣ и окружавшимъ ее женщинамъ совѣтъ поступить обычнымъ въ такихъ случаяхъ способомъ: навязать «сорочку» на младенца для ношенія въ теченіе всей жизни въ качествѣ ладонки или амулета.

Несмотря на свои внѣшнія и внутреннія, грамматическія и логическія преимущества, гипотеза «яйна», повидимому, еще не вполнѣ исчерпываетъ всего вопроса. Возникаетъ естественное недоумѣніе, какая же была надобность княгинѣ приглашать на особое совѣщаніе волхвовъ, если, благодаря постояннымъ торговымъ сношеніямъ Полоцка съ варягами и южно-русскими племенами, повѣрье въ сорочку и способъ ея употребленія были хорошо извѣстны полоцкому обществу XI вѣка и въ частности женщинамъ, занимавшимся въ городѣ повивальнымъ дѣломъ. Поэтому, необходимо предположить, что волхвы собирались на совѣщаніе не объ одномъ только «язвенѣ», а и касательно вообще физическаго состоянія новорожденнаго князя, такъ какъ роды, вѣроятно, не были безболѣзненны какъ для матери, такъ и для сына.

Такое предположеніе подтверждается двойственностью въ языкѣ лѣтописнаго повѣствованія о рожденіи Всеслава. Въ Ипатскомъ спискѣ, который многими историками признается вообще весьма исправнымъ и надежнымъ первоисточникомъ, сказанье о рожденіи полоцкаго чародѣя редактировано такъ: «Матери бо родивши ему, и бысть язва на главѣ его, рекоша же волсви матери его: се язвено на главѣ его навяжи на нь, да носить е до смертнаго дни на собѣ» [1]).

[1]) Ипатск. стр. 109.

Въ глаза рѣзко бросается именно эта двойственность лѣтописнаго словоизраженія: «язва и язвено». Характерно, что такая двойственность красною нитью проходитъ почти чрезъ всѣ лѣтописные варіанты. Первая Софійская и Воскресенская лѣтописи согласно говорятъ, что на головѣ Всеслава были въ одно и то же время «знамя язвено и яма». Между тѣмъ слова волхвовъ обѣ лѣтописи редактируютъ въ формѣ, сходной съ Ипатскимъ спискомъ, хотя и нѣсколько укороченной, а именно: «се язвено навяжи на нь» [1]). Лѣтопись Тверская въ первомъ случаѣ говоритъ о «ямѣ», а Никоновская—о «язвеной ямѣ». Во второмъ же случаѣ обѣ лѣтописи сходятся и говорятъ именно о «язвенѣ» [2]). Софійскій Временникъ загадочное явленіе на головѣ князя называетъ двойнымъ наименованіемъ: «знамя язвено и яма». Но для рѣчи волхвовъ въ немъ сохранено слово «язвено»; самая же рѣчь передана такъ: «все язвено навяжи нань, да носить е до живота своего Всеславъ на собѣ» [3]). Въ качествѣ характернаго можно указать также на седьмой по нашему счету варіантъ лѣтописи Переяславля Суздальскаго (XIII вѣка). Кратко упомянувъ о рожденіи Всеслава отъ волхованія, переяславльскій лѣтописецъ продолжаетъ свое повѣствованіе такъ: „яма на главѣ его, и рѣша матери волхвы: навяжи коросты язвы тоя на главу ему до живота“ [4]). Рѣчь волхвовъ здѣсь изложена своеобразно: на нее наложенъ колоритъ какой-то глубоватой пластичности. Но самая двойственность словоизраженія (язва и коросты язвы) сохранена и здѣсь въ полной мѣрѣ.

Исключеніемъ изъ представленной нами картины являются варіанты Лаврентіевскій [5]) и Густинскій [6]), въ которыхъ для обоихъ случаевъ предложено одно и то же чтеніе: „язвено“. Редакція рѣчи волхвовъ въ Густинской лѣтописи: «сіе язвено навяжи нань» по сво-

---

[1]) Софійск. 1; стр. 138; Воскр. стр. 332.

[2]) Тверск. стр. 150; Никон. стр. 138.

[3]) Софійск. Временн. стр. 155.

[4]) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, составленный въ началѣ XIII вѣка (между 1214—1219 г.г.), Изд. К. М. Оболенскаго; Москва, 1851 г.) стр. 44.

[5]) Лавр. стр. 151.

[6]) Густин. стр. 268.

ей опредѣленности напоминаетъ редакцію Софійскаго Временника: «все язвено навяжи нань».

Двойственность слововыраженія лѣтописныхъ сводовъ даетъ поводъ утверждать, что „язву“ или «яму» на головѣ Всеслава составители ихъ отличали отъ «язвена» или «знамени язвенаго», навязаннаго на князя по совѣту волхвовъ. Въ лѣтописной литературѣ въ этомъ отношеніи легко подмѣтить три редакціи. Однѣ изъ лѣтописей, какъ Лаврентіевская и Густинская, вспоминаютъ только о „язвенѣ“; другія, какъ Ипатская, Тверская и Переяславская, говорятъ о «язвѣ или ямѣ»; третьи же, какъ Никоновская, Софійская первая, Воскресенская, Софійскій Временникъ и др., даютъ синтезъ, вслѣдствіе чего и образовались двойные варіанты: „язвена яма“ или же вмѣстѣ: „знамя язвено и яма“. Повидимому, именно послѣдніе варіанты имѣютъ для себя корень въ древнѣйшемъ протографѣ Новгородскаго свода XI-го вѣка, существованіе котораго предположено изслѣдованіями академика А. А. Шахматова. Въ этихъ варіантахъ, поэтому, слышится болѣе или менѣе достовѣрный отзвукъ древнѣйшаго лѣтописнаго первотекста. Между тѣмъ, когда лѣтописи начинаютъ говорить о предметѣ, который по совѣту волхвовъ навязывался на Полоцкаго князя, то приведенные нами всѣ шесть варіантовъ, исключая седьмого—въ лѣтописи Переяславля Суздальскаго, единодушно упоминаютъ только о „язвенѣ“.

Въ пользу того, что на головѣ Всеслава Брячиславича, кромѣ пленки, или сорочки, въ которой родился онъ, могла быть вмѣстѣ съ тѣмъ и язва, въ видѣ гноящагося дефекта кожи или же оболочки, выпуклое свидѣтельство дается въ своеобразномъ варіантѣ Переяславской лѣтописи [1]). Главную же точку опоры для такого предположенія даетъ лексическое производство древнерусскаго слова: „язва“. Тѣ сопоставленія съ корнями старославянскаго языка, напримѣръ: «яза, язя» и др., которыя сдѣланы И. И. Срезневскимъ касательно даннаго слова, заставляютъ полагать, что въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто нѣкоторое болѣзнетворное физіологическое явленіе струпа, ве-

---

[1]) См. толкованіе словъ: „короста“ и „коростовина“ у В. Даля: Толковый словарь живого великороссійскаго языка. М. 1865; стр. 777.

реда, раны и т. п. [1]). Указанные въ словаряхъ Ф. Миклошича [2]) и А. Х. Востокова [3]) синонимы для слова «язва» съ греческаго и латинскаго языковъ подтверждаютъ такое именно предположеніе.

Въ виду этого, возможно догадываться, что на совѣтъ къ полоцкой княгинѣ призывались не просто люди—свѣдующіе, „вѣдуны“ въ вопросахъ языческаго культа изъ класса тѣхъ маговъ, которые съ самыхъ первобытныхъ временъ существовали у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Именно приглашеніе такихъ маговъ-вѣдуновъ обличало бы въ княгинѣ-христіанкѣ грубое ея двоевѣріе. Полоцкіе волхвы едва-ли были даже «кудесниками» въ строгомъ значеніи этого слова. Какъ извѣстно, послѣдніе въ глазахъ суевѣрной массы являлись окруженными ореоломъ сверхчеловѣческаго знанія касательно будущей судьбы людей, въ родѣ того поэтически легендарнаго волхва, который увидѣлъ роковой жребій скорой смерти на свѣтломъ челѣ вѣщаго Олега [4]). Полоцкіе знахари были, вѣроятно, волхвы-чародѣи: темный народъ, даже послѣ принятія вѣры Христовой, думалъ, что эти чародѣи лучше, чѣмъ кто-либо, знаютъ, какъ повліять на таинственныя силы природы и пріобрѣсти ихъ расположеніе, какъ доставить чрезъ это человѣку здоровье и обезпечить благополучіе будущей его жизни.

Что касается самаго характера язвы на головѣ полоцкаго князя, то трудно, конечно, рѣшить, была ли это язва идіопатическая, т.-е. мѣстная, первичная, происшедшая вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ родового процесса, или же симптоматическая, т.-е. общая, вторичная, вызванная заболѣваніемъ общаго свойства. Ходъ событія, характеръ сказанья и контекстъ лѣтописной рѣчи скорѣе предрасполагаютъ къ мысли, что эта прирожденная язва не была опасной, тяжелой, органической. Въ противномъ случаѣ волхвы не удовольствовались бы совѣтомъ объ одномъ только «язвенѣ», а пустили бы въ обращеніе потребные заговоры и таинственныя заклинанія.

---

[1]) Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Т. III, вып. 3, СПБ. 1909 стр. 1643, 1650, 1651.

[2]) Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum pag. 1144, 1145.

[3]) Словарь церковно-славянскаго языка. Т. II; 1861; стр. 292.

[4]) Лаврент. 37—38.

Въ связи съ вышеизложеннымъ взглядомъ на «язвено» Всеслава естественно спросить, насколько правильна точка зрѣнія историковъ, когда они рисуютъ предъ нами внѣшній обликъ полоцкаго князя—съ волшебною «повязкою на челѣ», съ чародѣйскимъ талисманомъ на головной язвинѣ??

Разсматривая подъ этимъ угломъ зрѣнія краткіе намеки и случайные отзывы, которые въ исторической наукѣ сдѣланы о Всеславѣ Брячиславичѣ, можно подраздѣлить ихъ на три категоріи. Одни со всею рѣшительностью заявляютъ о «повязкѣ на головѣ, или челѣ» князя; другіе ограничиваются повтореніемъ лѣтописнаго текста; третьи осторожно говорятъ о ношеніи княземъ повязки, безъ опредѣленнаго указанія на мѣстонахожденіе ея.

Характерно, что къ первой группѣ принадлежитъ В. Н. Татищевъ. «Волхвы, по его выраженію, совѣтывали княгинѣ навязать яйно Всеславу на главѣ» [1]) Въ такомъ же родѣ, ссылаясь на лѣтописное сказанье, пишетъ и Н. М. Карамзинъ: «Современный лѣтописецъ суевѣрно приписываетъ жестокость Всеслава какой-то волшебной повязкѣ, носимой симъ княземъ, для закрытія природной на головѣ язвины» [2]). Буквальное воспроизведеніе словъ Карамзина мы находимъ у Турчиновича [3]) и П. А. Дружиловскаго [4]). По представленію проф. М. О. Кояловича, «повязка покрывала язву на челѣ Всеслава» [5]). Проф. И. Д. Бѣляевъ посвятилъ данному вопросу слѣдующія строки: „волхвы сказали матери Всеслава, чтобы она повязала ему на головѣ какой-то наузъ, чтобы онъ носилъ его до смерти“ [6]). Болѣе рѣшительно говоритъ М. Погодинъ: „на головѣ у Всеслава оказалось язвено, и волхвы велѣли матери обвязать голову, а ему носить эту повязку до живота своего“ [7]). Какъ выше было показано, къ этому

---

[1]) Исторія Россійская; кн. II, М. 1773, стр. 109.

[2]) Исторія государства россійск., т. II, изд. Смирдина, СПБ. 1830, стр. 82.

[3]) Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ. Изд. Исакова, СПБ. 1857, стр. 31.

[4]) Памятн. книжка Витеб. губ. за 1866, стат. „Историческія судьбы Витебск. губ. до III в., стр. 17.

[5]) Лекціи по исторіи Западной Россіи, М. 1864, стр. 75.

[6]) Очеркъ исторіи сѣверо-западнаго края Россіи. Вильна, 1871, стр. 20.

[7]) Древняя русская исторія до монгольскаго ига. М. 1871, т. I, стр. 292.

взгляду примкнулъ и проф. М. Довнаръ-Запольскій: „волхвы, замѣчаетъ онъ, велѣли Всеславу носить на головѣ повязку, прикрывающую волшебное пятно“ [1]). Также и по мнѣнію проф. А. Трачевскаго: „Всеславъ носилъ на головѣ повязку, вслѣдствіе какой-то язвины“ [2]).

Въ противоположность предыдущей группѣ, историки второй категоріи или совершенно умалчиваютъ о волшебной повязкѣ Всеслава, или-только воспроизводятъ лѣтописный текстъ. Такъ князь М. Щербатовъ характеризуетъ на основаніи лѣтописи Всеслава Брячиславича, какъ человѣка жестокаго и кровожаднаго нрава, но не говоритъ ни слова о его таинственной повязкѣ [3]), Такое же явленіе наблюдается у Н. С. Арцыбашева [4]), С. М. Соловьева [5]) и др. В. С. Данилевичъ ограничивается изложеніемъ лѣтописнаго сказанья, безъ научно-критическаго его анализа [6]).

Третья фракція историковъ благоразумно воздерживается отъ указанія мѣстонахожденія носимой полоцкимъ княземъ повязки. Такъ, Н. Полевой по этому поводу пишетъ слѣдующее: „Говорили, что мать Всеслава, при самомъ рожденіи, надѣла на него какую-то волшебную повязку, которая способствовала ему быть жестокимъ и немилостивымъ на кровопролитіе“ [7]). Д. И. Иловайскій замѣчаетъ только, что „у Всеслава отъ природы была на головѣ какая-то язвина, вслѣдствіе чего онъ носилъ повязку“ [8]); но гдѣ именно находилась эта повязка, историкъ умалчиваетъ. Ту же осторожность проявляетъ и К. Бестужевъ—Рюминъ, у котораго находимъ по данному вопросу слѣдующее: «о Всеславѣ лѣтопись говоритъ, что онъ родился отъ волхованія, что у него было на головѣ язвено, почему онъ носилъ какую-то

---

[1]) Очеркъ исторіи кривичской и дреговичской земли до конца XVI в. Кіевъ 1891, стр. 76.

[2]) Русская исторія, часть 1-я, изд. 2-е, СПБ. 1895, стр. 47.

[3]) Исторія Россійская съ древнѣйшихъ временъ. СПБ. Изданіе Импер. Академіи наукъ, 1771, т. I, кн. 2, стр. 436.

[4]) Повѣствованіе о Россіи, Т. I, кн. 2, М. 1838, стр. 21—22.

[5]) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, изд. 3-е, М. 1862, Т. II, стр. 15.

[6]) Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ, 1896, стр. 62.

[7]) Исторія русскаго народа, Т. II, М. 1830, стр. 289—290.

[8]) Исторія Россіи. Часть первая. Кіевскій періодъ, М. 1876, стр. 111.

таинственную повязку и оттого былъ немилостивъ на кровопролитіе»[1]). Отзывъ Бестужева—Рюмина буквально повторяется у П. Н. Батюшкова [2]).

Филологическое изслѣдованіе рѣчи волхвовъ къ полоцкой княгинѣ о навязываніи «язвена», если вникнуть въ грамматическія особенности этой рѣчи, по нашему мнѣнію, должны положить конецъ вышеуказаннымъ колебаніямъ среди представителей исторической науки. Вѣдь изъ семи приведенныхъ нами лѣтописныхъ варіантовъ—пять наиболѣе древнихъ и авторитетныхъ редактируютъ рѣчь волхвовъ такъ: «се, сіе, все язвено навяжи на нь». Не можетъ быть сомнѣнія, что волхвы говорятъ именно о князѣ вообще, какъ какъ «на нь»—это форма винительнаго падежа, личнаго мѣстоименія, мужескаго рода. Въ противномъ случаѣ: если бы рѣчь шла о повязкѣ на головѣ князя, въ текстѣ стояла бы форма винительнаго падежа того же мѣстоименія, но въ женскомъ родѣ: «на ню» [3]).

Съ филологической точки зрѣнія, слѣдовательно, легендарное, представленіе о князѣ Всеславѣ Брячиславичѣ, будто онъ носилъ волшебную повязку на головѣ и въ подобномъ фантастическомъ нарядѣ появлялся предъ темными массами простонародья, среди гражданъ города Полоцка и передъ воинственными рядами храброй дружины своей, является по меньшей мѣрѣ малообоснованнымъ.

Въ пользу подобнаго представленія могъ бы, конечно, говорить варіантъ Переяславльскаго Лѣтописца, согласно которому волхвы совѣтуютъ полоцкой княгинѣ навязать „коросты“ язвы именно «на главу» сыну [4]). Но авторитетъ варіанта подрывается сравнительно

---

[1]) Русская исторія. Изд. Д. Е. Кожанчикова; СПБ.; 1872 г.; т. I; стр. 180.

[2]) Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. СПБ.; 1890; стр. 24.

[3]) Сравни, напр., лѣтописное выраженіе: „послаша по ню“ о сватовствѣ княгини Ольги древлянами за князя Мала (Лаврент. стр. 55) и выраженія о Ѳаворской горѣ: „ити на ню“, „лѣсти на ню“ въ „Хожденіи игумена Даніила въ Святую землю“ (Историч. Хрестоматія по исторіи русской словесности. В. В. Сиповскаго; т. I, вып. 2, изд. 5, СПБ. 1910, стр. 63) и пр.

[4]) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго. Изданіе К. М. Оболенскаго. Москва; 1851 г.; стр. 44.

позднимъ происхожденіемъ Переяславльской лѣтописи, относимой изслѣдователями только къ первой четверти XIII вѣка (между 1214—1219 г.г.). Съ другой стороны, слишкомъ яркая выпуклость описанія, рѣзкая опредѣленность тона, грубый реализмъ стиля въ рѣчи волхвовъ,—все это заставляетъ догадываться, что переписчикъ или же составитель свода вложили въ редакцію лѣтописнаго первотекста извѣстную долю собственной творческой фантазіи.

Распространенная въ исторической наукѣ легенда о чародѣйскомъ талисманѣ „на челѣ“ Всеслава Брячиславича, хотя ее принимаютъ столь авторитетные ученые, какъ Татищевъ, Карамзинъ, Кояловичъ, Бѣляевъ, Довнаръ-Запольскій и др., должна быть отброшена также и потому, что для ней нельзя найти оправданія и въ исторической этнографіи. Въ средніе вѣка и въ новое время какъ простолюдины, такъ и лица высшихъ классовъ обычно носили „яйно“ или заключеннымъ въ особый мѣшочекъ-ладонку на шеѣ, или же въ видѣ амулета, зашитаго въ болѣе ноское платье. Фантастическая же картина ношенія „яйна“ Всеславомъ Брячиславичемъ именно въ видѣ чародѣйской повязки на головѣ представляется наивной по своей необычайности и прямо-таки невѣроятной. Можно, поэтому, признать вполнѣ цѣлесообразнымъ то, съ какою осторожностью новѣйшіе историки говорятъ о разбираемомъ нами любопытномъ явленіи. Такъ кіевскій проф. М. Грушевскій по этому поводу выражается такъ: «волхвы посовѣтовали, чтобы Всеславъ носилъ язвено на себѣ», но ни слова не прибавляетъ болѣе съ цѣлію точно указать, гдѣ и какъ носился этотъ амулетъ [1]).

Перейдемъ теперь къ разбору третьяго лѣтописнаго фрагмента касательно полоцкаго князя-чародѣя.

Лаврентіевская лѣтопись излагаетъ этотъ фрагментъ въ такой формѣ: «сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье» [2]). Въ Густинской лѣтописи извѣстье передается въ формѣ прошедшаго времени: „сего ради немилостивъ бысть на кровопролитіе“ [3]). Въ такомъ

---

[1]) Кіевская Русь т. I. Извлечено изъ 2-го украинскаго изданія; 1911; СПБ.; стр. 405.

[2]) Лаврент. 151.

[3]) Густин. 268.

же родѣ излагаетъ этотъ фрагментъ и лѣтопись Никоновская: „сего ради и немилостивъ былъ на кровопролитіе» [1]).

Изъ общей массы лѣтописныхъ варіантовъ даннаго мѣста выдѣляются собственно только тѣ, которые содержатся въ Лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго и въ Исторіи Россійской В. Н. Татищева. Въ Переяславльской лѣтописи рѣчь волхвовъ къ полоцкой княгинѣ изложена въ такой формѣ: «Навяжи коросты язвы тоя на главу ему до его живота, да будетъ немилостивъ пролиати кровь“ [2]). Переяславльскій редакторъ вложилъ характеристику князя въ уста волхвовъ, почему эпическая форма разсказа получила у него драматическій отпечатокъ. В. Н. Татищевъ, не удовлетворяясь отрицательной формой смягченной характеристики Всеслава, которая принята почти во всѣхъ сводахъ, пожелалъ придать ей болѣе жесткій оттѣнокъ-въ смыслѣ положительнаго опредѣленія: „сего ради не милостивъ, но льстивъ на кровопролитіе былъ“ [3]).

Существуютъ, кромѣ того, такія лѣтописи, напр. лѣтопись по изданію Н. Львова, гдѣ изложеніе ограничивается одною легендою о рожденіи Всеслава Брячиславича отъ волхованія; все прочее, что сказано о „язвенѣ“, приглашеніи для совѣта волхвовъ и характерѣ князя, опускается [4]). Наконецъ, лѣтопись по Кенигсбергскому списку упоминаетъ подъ 1044 годомъ только о смерти князя Брячислава Изяславича и посаженіи на полоцкомъ столѣ его сына Всеслава [5]).

Буквальный смыслъ лѣтописной характеристики князя полоцкаго, конечно, можетъ быть опредѣленъ съ достаточною степенью точ-

---

[1]) Никон. стр. 139.

[2]) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго: стр. 44.

[3]) Исторія Россійская; кн. II; Москва; 1773; стр. 109.

[4]) Сказанье о Всеславѣ изложено въ лѣтописи Н. Львова такъ: „того же лѣта (6552. 1044) умре Брячиславъ Полоцкій и сѣдѣ по немъ сынъ его Всеславъ, его же роди мати отъ волхованія“. См. Лѣтописецъ русской отъ пришествія Рурика до кончины царя Іоанна Васильевича; часть 1-я; издалъ Н. Львовъ; СПБ. 1792; стр. 156.

[5]) „Въ то жъ лѣто (6552—1044) умре Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимира, и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его“. См. Лѣтопись Несторова съ продолжателями по Кенигсберскому списку, до 1206 года, часть 1-я, СПБ. Изданіе Импер. Академіи Наукъ, 1767 г.; стр. 107.

ности. Церковно-славянскій эпитетъ «немилостивый» въ современномъ русскомъ языкѣ имѣетъ соотвѣтствующій синонимъ: «немилосердный». Въ болѣе же рѣзкой формѣ тотъ же эпитетъ можно передать чрезъ положительные синонимы: «жестокій, безжалостный, безпощадный». Въ данномъ случаѣ, повидимому, историческая наука имѣетъ дѣло съ языкомъ сѣверо-западной Руси, потому что аналогичные примѣры употребленія такого рода словъ встрѣчаются именно въ лѣтописной литературѣ Новгорода Великаго и Пскова [1]).

Выраженіе на „кровьпролитье“ указываетъ на ту сферу, въ которой главнымъ образомъ по лѣтописному сказанью проявлялась жестокость полоцкаго князя. Очевидно, это были отважные подвиги Всеслава на бранномъ полѣ, кровавыя его схватки съ внѣшними врагами полоцкой земли, жестокія междоусобія съ Ярославичами, грозные набѣги на территоріи Новгорода, Пскова, Смоленска, Чернигова и пр. Лѣтопись, очевидно, предполагаетъ въ характерѣ полоцкаго князя недостатокъ или даже отсутствіе гуманныхъ началъ человѣколюбія, почему онъ легко относился къ пролитію крови своихъ и чужихъ воиновъ, а равно къ потерѣ жизни и имущества обитателями тѣхъ земель, по которымъ съ огнемъ и мечомъ проносились его воинственныя дружины.

Кажется, нѣтъ нужды много распространяться по вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ разбираемый нами третій фрагментъ важенъ для характеристики личности Всеслава Брячиславича именно со стороны нравственной ея сущности. Фрагментъ этотъ гораздо важнѣе двухъ первыхъ уже по одному объему опредѣляемаго имъ понятія. Въ то время, какъ первые два фрагмента говорятъ намъ только о начальныхъ моментахъ жизни полоцкаго чародѣя, третій—охватываетъ, такъ сказать, цѣлостную панораму его земного поприща, окрашивая ее притомъ рѣзкими тонами мрачнаго колорита. Первый фрагментъ—«о рожденіи отъ волхованія»—какъ бы отрывая историческую фигуру

---

[1]) Срав. цитаты у Ив. Ив. Срезневскаго: „Достахся немилостивымъ симъ рукамъ“—Псковск. первая лѣт. (6497 г.); „сей бѣ князь лютъ и немилостивъ и сребролюбивъ“—Новгород. первая лѣт. (6948). Матеріалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Т. II, СПБ. 1902 г., стр. 395—396.

полоцкаго князя отъ конкретно—земныхъ сферъ, увлекаетъ воображеніе изслѣдователей въ таинственную даль миѳическихъ переживаній въ красочный міръ поэтическихъ сказокъ и волшебныхъ грезъ младенца—народа. Напротивъ, второй фрагментъ о «язвенѣ на главѣ», возвращаетъ Всеслава—исторіи, органически-неразрывно связывая его съ земною реальностью и выпукло—пластически очерчивая самый физическій обликъ князя въ младенчествѣ. Третій же фрагментъ—«о немилостивости на кровопролитіе»—вводитъ насъ въ сокровенную сущность психики полоцкаго князя, вслѣдствіе чего для исторической науки ставится трудная проблема: опредѣлить, кѣмъ именно былъ могучій кривицкій князь, какъ историческій типъ, общественный дѣятель и какъ характеръ?

Для правильнаго опредѣленія свойствъ нравственной организаціи Всеслава Брячиславича необходимо принять во вниманіе, какое взаимоотношеніе устанавливается въ контекстѣ лѣтописной рѣчи, съ одной стороны, между характеромъ князя, съ другой—его рожденіемъ отъ волхованія и ношеніемъ язвена. Взаимоотношеніе это обозначено выраженіемъ: „сего ради“, гдѣ предлогъ, въ сочетаніи съ родительнымъ падежомъ, очевидно, имѣетъ цѣлью указать точку отправленія, изначальный поводъ или причинную связь между описываемыми явленіями [1]). Вопросъ о грамматическомъ построеніи рѣчи въ разбираемомъ нами лѣтописномъ сказаньи, однако, этимъ еще не разрѣшается въ окончательной формѣ. По крайней мѣрѣ, проф. Ждановъ выразилъ мнѣніе, будто въ запасѣ повѣрій о язвенѣ вовсе нельзя найти основаній для доказательства внутренней связи между двумя послѣдними фрагментами лѣтописной легенды о полоцкомъ чародѣѣ. «То обстоятельство, говоритъ профессоръ, что Всеславъ родился въ сорочкѣ, не объясняетъ его кровожадности. Замѣчаніе объ язвенѣ имѣетъ, очевидно, значеніе вводнаго предложенія; слова же: «сего ради немилостивъ есть на кровопролитіе» тутъ поставлены въ причинную связь съ первымъ предложеніемъ: «роди мати отъ

---

[1]) Срав. Ив. Ив. Срезневскаго: Матеріалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Т. III, вып. 1, СПБ. 1903, стр. 11.

волхованія» [1]). Однако сдѣланное проф. Ждановымъ обобщеніе касательно повѣрій въ силу дѣтской сорочки оказывается слишкомъ преждевременнымъ и скороспѣлымъ. Изъ краткаго предложеннаго нами выше историческаго очерка этихъ повѣрій видно, что у нѣкоторыхъ народовъ, напр. у боснійскихъ сербовъ, дикарей острова Целебеса и пр., существовала вѣра въ то, что дѣтская сорочка могла служить личнымъ амулетомъ для предохраненія своего владѣльца отъ угрозы смерти среди кровавыхъ сѣчъ. Если съ точки зрѣнія проф. Жданова „рожденіе отъ волхованія“ указывается въ лѣтописи въ качествѣ производящей первопричины для кровожадности князя Всеслава вообще, то ношеніе имъ «язвена» также могло быть для этого второпричиной. Обезпечивая Всеславу волшебную неуязвимость отъ желѣза и меча враговъ, предохраняя его отъ пораненія и смерти въ грозныхъ сшибкахъ съ непріятельскими войсками, ношеніе «язвена», естественно, могло побудить Всеслава къ львиной отвагѣ при встрѣчахъ съ вражьими силами, къ смѣлой предпріимчивости въ области завоеваній, къ непоколебимой рѣшимости на кровопролитныя схватки. Мнѣніе проф. Жданова, будто фрагментъ о „язвенѣ“ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ „немилостивости на кровопролитье“ Всеслава, не согласуется и съ комментаріями на данное мѣсто лѣтописи нѣкоторыхъ изъ русскихъ историковъ. Карамзинъ, Бестужевъ-Рюминъ, Бѣляевъ, Трачевскій, Грушевскій, при изложеніи лѣтописной характеристики, связываютъ жестокость Всеслава именно съ волшебной повязкой, съ чародѣйскимъ талисманомъ на его головѣ, съ таинственнымъ наузомъ или же вообще съ ношеніемъ имъ прирожденнаго «язвена». Намъ кажется, поэтому, что всѣ три вышеуказанные фрагмента объединены другъ съ другомъ общею идейною связью, что они должны быть разсматриваемы, какъ одно гармоническое цѣлое и, какъ таковые, являются отдаленнымъ эхомъ нѣкотораго поэтически-цѣльнаго преданья, которое было выработано народной громадой въ мощномъ горнилѣ ея поэтической фантастики. Вотъ почему большая часть лѣтописей или въ полномъ видѣ приводятъ

---

[1]) См. въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1893 г.; кн. XII; стр. 201; прим. 1-е.

сказанье о Всеславѣ Брячиславичѣ, какъ Лаврентіевская, Ипатская, Софійская первая, Воскресенская и др., или же совершенно опускаютъ его, какъ нѣкоторыя изъ лѣтописей Новгорода, Пскова, лѣтописи—Супральская, по Кенигсбергскому списку и др., составители которыхъ, видимо, не желали нарушать гармонической стройности и цѣлостности отдѣльныхъ частей сказанья путемъ обособленія ихъ другъ отъ друга.

Кромѣ особенностей грамматическаго построенія лѣтописнаго текста, для правильнаго освѣщенія нравственной структуры князя полоцкаго важно прослѣдить комментаріи на предложенную въ лѣтописяхъ его характеристику у русскихъ историковъ. Какъ второисточники, эти комментаріи имѣютъ самое ближайшее отношеніе къ сырымъ матеріаламъ древнихъ сводовъ.

Среди ученыхъ XVIII вѣка лѣтописный отзывъ о Всеславѣ былъ принятъ на вѣру безъ всякой критики, признавался вполнѣ соотвѣтствующимъ данной конкретно-исторической фигурѣ. Кромѣ В. Н. Татищева, назвавшаго Всеслава „льстивымъ на кровопролитіе“ [1]), князь М. Щербатовъ, не обинуясь, обозначаетъ его человѣкомъ, жаждущимъ крови людей. «Въ то время (1044 г.), пишетъ Щербатовъ, учинилась перемѣна въ правленіи Полоцка смертію Брячислава, сына Изяслава, внука Владимерова, послѣ котораго наслѣдовалъ его княжескому престолу сынъ его Всеславъ, человѣкъ весьма жестокихъ и кровожаждущихъ нравовъ» [2]).

Въ истекшемъ XIX вѣкѣ часть историковъ и изслѣдователей, приступая къ характеристикѣ Всеслава Брячиславича, стала излагать таковую съ осторожностью: не столько отъ себя лично, въ качествѣ объективно-научной, сколько отъ имени лѣтописца, какъ бы въ субъективной рамкѣ его личнаго сужденія. Начало такому направленію было положено Н. М. Карамзинымъ. „Лѣтопись, замѣчаетъ онъ, называетъ Всеслава злымъ и кровожаднымъ суевѣрно приписывая сію жестокость какой-то волшебной повязкѣ, носимой симъ княземъ

---

[1]) Исторія Россійская. Кн. II; Москва; 1773 г.; стр. 109.

[2]) Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ. Т. I; кн. II; гл. I; стр. 436; изд. Императорской Академіи Наукъ; СПБ. 1771 г.

для закрытія природной на головѣ язвины“ [1]) О. Турчиновичъ [2]) и Н. Л. Дружиловскій, [3]) какъ мы уже выше упомянули, съ рабскою точностью слѣдуютъ „отцу русской исторіи“. Н. С. Арцыбашевъ ограничивается простой цитаціей лѣтописныхъ фрагментовъ, въ связи съ характеристикой тѣхъ междукняжескихъ взаимоотношеній, среди которыхъ застала полоцкаго князя смерть [4]). К. Бестужевымъ-Рюминымъ предложенъ только слѣдующій перифразъ лѣтописнаго текста: „О Всеславѣ лѣтопись говоритъ, что онъ родился отъ волхованія, что у него было на головѣ язвено, почему онъ носилъ какую-то таинственную повязку и оттого немилостивъ былъ на кровопролитіе [5]). Этотъ же самый перифразъ потомъ былъ воспроизведенъ у П. Н. Батюшкова [6]). Къ разряду подобныхъ ученыхъ историковъ можно отнести и авторитетнаго кіевскаго профессора М. Грушевскаго, у котораго мы прочли слѣдующее замѣчаніе: „волхвы посовѣтовали, чтобы Всеславъ носилъ язвено на себѣ, и вслѣдствіе того онъ былъ „немилостивъ на кровопролитье“ [7]). Легко видѣть, что историки указаннаго типа, повидимому, не видѣли особыхъ поводовъ, не чувствовали серьезныхъ побужденій къ научно-критической переоцѣнкѣ отрицательной характеристики полоцкаго чародѣя.

Сравнительно большая группа историковъ излагаетъ лѣтописное сказанье о Всеславѣ въ связи съ народнымъ преданьемъ, представляя его только звучнымъ отголоскомъ общественной молвы. Здѣсь на первомъ мѣстѣ нужно поставить блестящую характеристику, дан-

---

[1]) Исторія государства россійскаго. Т. II, изд. 3-е Смирдина, СПБ., 1830 г., стр. 82.

[2]) Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ. Изд. Исакова, СПБ., 1857 г., стр. 31.

[3]) См. „Историческія судьбы Витебской губерніи до XIII в.“ въ Памятной книжкѣ Витебской губерніи за 1866 г., стр. 14.

[4]) Повѣствованіе о Россіи. Т. I, кн. II, М. 1838, стр. 28.

[5]) Русская исторія. Изд. Д. Е. Конжанчикова, СПБ. 1872 г., стр. 180.

[6]) Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы сѣверо-западнаго края, СПБ., 1890, стр. 24.

[7]) Кіевская Русь. Т. I; извлечено изъ 2-го украинскаго изданія; СПБ., 1911 г., стр. 405.

ную полоцкому князю въ лекціяхъ проф. М. Ос. Кояловича. «Преданія окружили, пишетъ професоръ—бѣлоруссъ, Всеслава баснословными особенностями. Онъ названъ чародѣемъ, быстро переносящимся съ одного мѣста на другое, все знающимъ, способнымъ превращаться въ хищнаго звѣря—волка,—разгадывалась даже эта таинственность Всеслава: его почитали рожденнымъ отъ волхованія, имѣющимъ особенную силу въ язвѣ на челѣ и прикрывавшей ее повязкѣ... Всеславъ, дѣйствительно, былъ безпокоенъ, не давалъ житья близкимъ и далекимъ сосѣдямъ» и т. д. [1]). Слѣдовательно, по мнѣнію проф. Кояловича, въ лѣтописи записаны преданья, которыя произошли, благодаря работѣ народной мысли и возникли на почвѣ настойчиваго и естественнаго стремленія массы вникнуть въ загадочную глубину сокровенной психики популярнаго князя. Н. Полевой также объясняетъ происхожденіе лѣтописнаго разсказа о Всеславѣ необычайной силой впечатлѣнія, произведеннаго имъ во всѣхъ классахъ русскаго народа. „Князь Полоцкій, родовой врагъ поколѣнія Ярославова, Всеславъ отличался между современниками умомъ, дѣятельностью, смѣлостью. Съ изумленіемъ смотрѣли они на него, страшились его и даже думали видѣть въ дѣлахъ его какую-то таинственную помощь волхованія. Говорили, что мать его, при самомъ рожденіи, надѣла на него какую-то волшебную повязку, которая способствовала ему быть жестокимъ и немилостивымъ на кровопролитіе“ [2]). С. М. Соловьевъ также довольно опредѣлено объединяетъ характеристику Всеслава Брячиславича съ молвой о немъ въ народѣ. Описывая междоусобія въ періодъ княженія дѣтей Ярослава Мудраго, историкъ замѣчаетъ: „съ сѣверо-запада поднялся потомокъ изгоя, Всеславъ, князь полоцкій, немилостивый на кровопролитье, о которомъ шла молва, что онъ рожденъ отъ волхованія“ [3]). Проф. И. Д. Бѣляевъ, соединивъ, подобно своимъ предшественникамъ, сказаніе лѣтописи о Всеславѣ съ молвою о немъ въ общественныхъ кругахъ и широкою его популярностью среди нихъ, сдѣлалъ попытку поставить психическую организацію

---

[1]) Лекціи по исторіи Западной Россіи; М.; 1864; стр. 74.

[2]) Исторія русскаго народа. Т. II; М.; 1830; стр. 289—290.

[3]) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. II; изд. 3-е, М. 1862 г.; стр. 15.

полоцкаго князя въ связь съ инородческимъ его происхожденіемъ отъ матери-литвинки, при чемъ характеръ князя является у профессора выраженіемъ главнымъ образомъ наслѣдственныхъ и отчасти воспитательныхъ началъ. „Въ самомъ характерѣ Всеслава, пишетъ профессоръ, есть много такого, что намекаетъ, если не на его литовское происхожденіе по матери, то, по крайней мѣрѣ, на воспитаніе въ литовскихъ обычаяхъ; въ его характерѣ между чертами, общими многимъ русскимъ князьямъ, проглядываютъ черты другого образа жизни. Всеславъ былъ самымъ воинственнымъ, неутомимымъ и находчивымъ изъ всѣхъ современныхъ ему князей русскихъ; его воинскіе подвиги, его умѣнье выходить изъ опасностей и послѣ пораженій не унывать, а дѣлаться еще сильнѣе ославили его какъ заколдованнаго человѣка, котораго желѣзо не беретъ и который оборачивается въ сѣраго волка, рыщетъ по полямъ и лѣсамъ невидимкою тамъ, гдѣ его не ждали и ждать не могли“ [1]). М. Погодинъ, подобно Кояловичу, Полевому и др., представляетъ все повѣствованіе лѣтописца о Всеславѣ, начиная съ разсказа о волшебномъ его рожденіи, воспроизведеніемъ именно преданья [2]). Д. Ив. Иловайскій характеристику Всеслава Брячиславича и народное суевѣрье въ волшебную силу его повязки излагаетъ параллельно и въ связи. „Лѣтопись изображаетъ Всеслава княземъ хитрымъ и жестокимъ. У него была на головѣ какая-то язвина, вслѣдствіе чего онъ носилъ повязку, и суевѣрные люди приписывали этой повязкѣ особое волшебное значеніе“ [3]). Подобное же освѣщеніе личности полоцкаго князя даетъ и проф. Трачевскій, у котораго лѣтописное сказанье и идеалистическое описаніе «Слова» соединены въ одну цѣлостную картину, фономъ для которой служили именно поэтическія преданія народа. „О Всеславѣ много говорится въ преданіяхъ, какъ о колдунѣ, который обращался по ночамъ то синею мглою, то сѣрымъ волкомъ; народъ считалъ чародѣйскимъ талисманомъ даже повязку, которую онъ носилъ на головѣ, вслѣдствіе какой-то язвины. Онъ былъ безпощаденъ на кровопро-

---

[1]) Очеркъ исторіи сѣверо-западнаго края Россіи. Вильна; 1867 г., стр. 20—21.

[2]) Древняя русская исторія до монгольскаго ига. Т. I, М. 1871 г. стр. 292.

[3]) Исторія Россіи; часть 1-я; Кіевскій періодъ. М. 1876 г., стр. 111.

литье, но любилъ также «судить и рядить народъ и города» [1]). По мнѣнію проф. Довнаръ-Запольскаго, матеріаломъ для письменныхъ свидѣтельствъ о князѣ Всеславѣ Брячиславичѣ явились именно разсказы, передававшіеся о немъ въ народѣ. „Всеславъ, говоритъ профессоръ, былъ уменъ, хитеръ и изворотливъ, но въ то же время жизнь его сложилась такъ, что онъ многое долженъ былъ претерпѣть. Своимъ умомъ, своимъ безпокойнымъ, предпріимчивымъ характеромъ этотъ князь остался надолго въ памяти народа; объ немъ начали ходить уже легенды, какъ о чародѣѣ; разсказы эти, передававшіеся въ народѣ, попали въ письменные памятники—лѣтопись и «Слово о полку Игоревѣ» [2]). Въ новѣйшихъ историческихъ трудахъ послѣдняя точка зрѣнія—общепринята. Такъ А. Я. Ефименко (докторъ исторіи), подобно проф. Трачевскому и Довнаръ-Запольскому, утверждаетъ, что въ основаніи изображенія Всеслава Брячиславича „какъ въ лѣтописи, такъ и въ «Словѣ о полку Игоревѣ» особыми чертами, какія совсѣмъ не приложимы къ князьямъ остальной христіанской Руси—то колдуномъ-знахаремъ, то просто оборотнемъ и пр., лежатъ именно народныя легенды“ [3]).

Н. Ив. Костомаровъ, къ сожалѣнію, не высказалъ своего сужденія касательно нравственнаго облика Всеслава Брячиславича, какъ онъ начертанъ въ лѣтописныхъ сводахъ, хотя и имѣлъ поводъ отмѣтить жестокій нравъ полоцкаго князя при упоминаніи о набѣгахъ его на Новгородъ и Псковъ [4]).

Стремленія новѣйшихъ историковъ сблизить сказанье о Всеславѣ лѣтописи съ фабулой народной легенды даютъ полное основаніе отнестись скептически къ правильности самой характеристики князя, предложенной въ первоисточникѣ.

Первый опытъ критической провѣрки лѣтописной характеристики Всеслава Брячиславича сдѣлалъ В. Е. Данилевичъ. Приведя разсказъ лѣтописца о причинахъ прирожденнаго будто бы жестоко-

1) Русская исторія. СПБ.; изд. А. А. Риккера; 1895 г.; стр. 47.

2) Очеркъ исторіи кривичской и дреговичской земель до конца XII столѣтія. Кіевъ, 1891; стр. 77.

3) Русская исторія. Изд. Брокгауза и Ефрона. СПБ. 1909 г.; стр. 53.

4) Исторія Новгорода, Пскова и Вятки. СПБ. 1868 г.; стр. 60.

сердія этого князя, Данилевичъ справедливо возражаетъ: „Но Всеславъ вовсе не былъ такъ жестокъ и кровожаденъ, какъ полагаетъ лѣтопись. Наоборотъ, мы видимъ, что жители Минска упорно отбиваются отъ Ярославичей, въ ожиданіи помощи Всеслава; кіевляне охотно слѣдуютъ за нимъ противъ своего князя Изяслава,—все это показываетъ, что Всеславъ былъ милостивъ къ людямъ и умѣлъ ихъ расположить въ свою пользу. Изъ блестящей характеристики, сдѣланной авторомъ Слова о полку Игоревѣ, видно, что Всеславъ былъ не только уменъ, предпріимчивъ и энергиченъ, но и справедливъ; вообще онъ представляется автору въ такомъ выгодномъ свѣтѣ, что могъ, по его мнѣнію, служить достойнымъ подражанія образцомъ для современниковъ автора. Но, съ другой стороны, высшее развитіе чувства справедливости у Всеслава еще болѣе заставляло его чувствовать несоотвѣтствіе его положенія тому, на какое онъ имѣлъ право по рожденію, съ другой стороны—его энергичная натура не могла удовлетвориться скромною ролью полоцкаго князя, и мы видимъ, что онъ старается всѣми способами измѣнить существующій порядокъ вещей и «часто бѣды страдаше»; но недостатокъ средствъ и отсутствіе сочувствія въ современномъ обществѣ дѣлали всѣ его труды безплодными. Вообще Всеславъ является одной изъ наиболѣе свѣтлыхъ личностей своего времени, и не мудрено, что въ глазахъ современниковъ онъ являлся какимъ-то сверхъестественнымъ существомъ, чароцѣмъ и оборотнемъ» [1]).

Изъ только что предложенной справки открывается, что русская историческая наука касательно нравственныхъ свойствъ личности Всеслава Брячиславича начала съ рѣзко-отрицательныхъ приговоровъ Татищева и Щербатова, затѣмъ перешла, въ лицѣ проф. Довнаръ-Запольскаго, Ефименко и др., къ признанію легендарно-народнаго происхожденія лѣтописной характеристики полоцкаго князя; закончила же горячей апологіей его дѣятельности г. Данилевичемъ.

Чтобы найти болѣе или менѣе правильный и объективный критерій, съ помощью котораго возможно было бы съ приблизительною вѣ-

---

[1]) Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія, Кіевъ. 1896 г.; стр. 63—64.

роятностью опредѣлить подлинную психику полоцкаго князя, необходимо: во-первыхъ, собрать въ одну цѣльную картину весь матеріалъ изъ исторіи взаимоотношеній Всеслава къ современнымъ ему князьямъ и сосѣднимъ съ Полоцкомъ областямъ; во-вторыхъ, освѣтить этотъ матеріалъ, особенно въ отношеніи кровавыхъ эпизодовъ борьбы Всеслава со своими врагами, съ точки зрѣнія культурныхъ условій жизни русскаго общества во вторую половину XI-го столѣтія. Тогда изъ туманной дали сѣдой старины предъ нами покажется не фантастическая а реальная фигура; появится не сумрачный герой поэтической легенды, а дѣйствительно-историческій дѣятель точной исторіи.

Въ лѣтописныхъ первоисточникахъ приведено достаточно матеріала для характеристики воинственнаго пыла и завоевательныхъ порывовъ Всеслава Брячиславича. Лѣтописные своды самымъ своимъ стилемъ нерѣдко усвояютъ инициативу междоусобицъ именно полоцкому князю. Обычно въ такихъ случаяхъ составители сводовъ употребляютъ особыя техническія выраженія,—напр. „поча Всеславъ рать держати [1]), князь Всеславъ пришедъ ратію [2]), Всеславъ сѣде рать почалъ [3])“ или же болѣе сокращенно: „Всеславъ рать почалъ [4]), заратися Всеславъ“ [5]) и т. п.

Одно изъ первыхъ мѣстъ по времени въ ряду завоевательныхъ предпріятій полоцкаго князя былъ его набѣгъ на городъ Псковъ въ 1065 г. Вторая псковская лѣтопись изображаетъ это событіе въ такихъ краскахъ: «Въ лѣто 6573—князь Полотьскій Всеславъ събравъ силы своя многыя, пріиде ко Пскову, и много труждався съ многыми замысленіи и пороками шибавъ, отъиде, ничтоже успѣвъ» [6]). Бо-

---

[1]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Изданіе Археографической Комиссіи, т. III; СПБ. 1841г.; Новг. I, стр. 2.

[2]) Тоже. Томъ V. СПБ. 1851; Псков. 2, стр. 8.

[3]) Ипатск. лѣтоп. стр. 115.

[4]) Лаврент. стр. 71, Тверск. 154, Соф. Врем. 158, Никон. 153, Кенигсб. списокъ, стр. 116, Густин. стр. 269: „нача рать на Руси“; у Татищева, стр. 119: „началъ войну“ и т. п.

[5]) Лавр. 72, Тверск. 157, Никон. стр. 154, Софійск. I, стр. 141, Воскр. 335; Густин. стр. 335, Кенигсб. стр. 117 и др.

[6]) Псков. 2; стр. 8; менѣе подробно изложено въ лѣтописи Тверской—стр. 154; въ прочихъ лѣтописяхъ—сдѣланы лишь краткія упоминанія.

лѣе счастливымъ по удачѣ и жестокимъ по обстановкѣ было внезапное нападеніе Всеслава на Новгородъ Великій въ 1066. Это происшествіе въ первой Новгородской лѣтописи изображено въ ярко-драматическомъ освѣщеніи. „Въ лѣто 6574 приде Всеславъ и възя Новгородъ, съ женами и дѣтми и колоколы съима у святыя Софие. О, велика бяше бѣда въ часъ тый и понекодила съима“ 1). Супральская лѣтопись рисуетъ картину, въ которой къ ужасамъ военнаго времени присоединяются еще бѣдствія огненной стихіи. «Пришедъ Всеславъ, взя Новгородъ и пожже до крова Неревскаго и покоуль пожже, потуль городъ доспѣша, и отъиде Всеславъ» 2). Такой разгромъ Новгорода произвелъ столь сильное впечатлѣніе на умы современныхъ Новгородцевъ, что они суевѣрно видѣли въ стихійномъ разлитіи рѣки Волхова предзнаменованіе грознаго набѣга Полоцкаго князя. „Въ лѣто 6571, сообщаетъ Лаврентьевскій лѣтописецъ,—Новгородѣ иде Волховъ вспять дней 5; се же знаменье не добро бысть, на 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ» 3).

Третьимъ въ порядкѣ послѣдовательности событіемъ, въ которомъ, повидимому, нашла для себя оправданіе лѣтописная характеристика немилостиваго нрава полоцкаго чародѣя былъ знаменитый по кровопролитію и ожесточенію бой его съ тремя Ярославичами въ мартѣ мѣсяцѣ 1067-го года на берегахъ рѣки Немиги 4). Эта битва разыгралась тотчасъ же, послѣ того какъ союзныя войска князей южной Руси, разгромивъ преданный Всеславу Брячиславичу городъ

---

1) Новгород. 1; стр. 2. Хронологическая дата похода (1066 или 1067 гг.) не обозначена въ лѣтописяхъ съ безспорною точностью. Первую дату (1066 г.) принимаютъ, кромѣ Новгородской, также лѣтописи: Псков. 1, стр. 176; Тверск. стр, 156; Тат. 119 и др.; вторую (1067 г.)—Лавр. 162; Ипат. стр, 117; Густ. 270; Соф. 1 стр. 141; Кениг. 117; Воск. 335; Льв. 156; Ник. стр. 153 и др. Въ виду этого, Bonnel излагаетъ данное событіе такъ: „Gegen Ende des Iahres 1066 oder zu Anfang des Iahres 1067 uberfiel Wsseslaw die Stadt Nowgorod und verbrannte sie.“ См. его „Russisch-Liwlandische Chronographie“. Peterburg 1862; S. 5.

2) Супральская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи М. 1836; изд. князя М. А. Оболенскаго; стр. 14.

3) Лавр. 159, срав. Густ. стр. 269; Кениг. 116; Никон. 152 и др.

4) День боя различно обозначается въ лѣтописяхъ: по указанію однѣхъ битва происходила 3-го марта (Лавр. 162; Ипат. 117; Густ. 270; Воскр. 335; Твер. 157, Кениг.

Минскъ, избивъ въ немъ мужчинъ и взявъ на щитъ женщинъ и дѣтей, ворвались въ юго-восточную часть собственно Полоцкаго княжества. Всеславъ, смѣло преградивъ путь своимъ жестокосердымъ врагамъ, геройски сразился съ ними. [1]) Всѣ лѣтописные первоисточники единогласно говорятъ о необыкновенномъ упорствѣ и исключительномъ кровопролитіи этой жаркой сѣчи. „Совокупишася обои на Немизѣ, сообщаетъ Лаврентьевская лѣтопись, мѣсяца марта въ 3 день, и бяше снѣгъ великъ, поидоша противу собѣ, и бысть сѣча зла, и мнози падоша, и одолѣша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Всеславъ же бѣжа“ [2]).

Варіанты другихъ лѣтописей, гдѣ описывается этотъ бой, также отмѣчаютъ его кровопролитіе. „Поидоша къ Немизѣ, говоритъ Густинскій лѣтописецъ, Всеславъ же пойде противу ихъ, и снемшеся бишася крѣпко, дондеже побѣжденъ бысть Всеславъ и побѣже» [3]). Тверской варіантъ сходенъ съ Лаврентьевскимъ: „Поидоша противу себѣ, и бысть имъ бой великъ и сѣча зла, многы падоша и одолѣша Ярославичѣ, а Всеславъ побѣже“ [4]). Довольно характеренъ варіантъ В. Н. Татищева: „Пришли къ Немоню Марта въ 3 день, гдѣ Всеславъ вышелъ противу ихъ, и сшедшеся на Немонѣ Марта въ 10 день, когда снѣгъ вельми великъ былъ, учинили жестокой бой, на которомъ съ обѣ стороны много побито. Всеславъ же виде своихъ большее паденіе, ушелъ къ Полоцку, а Ярославичи область Полоцкую разоряли“ [5]).

117, Соф. 1 стр. стр. 141 и др.), но, по хронологіи Татищева (Исторія Россійск. стр. 119), 3-го Марта Ярославичи собственно только пришли на поле сраженія; самая же битва разыгралась 10-го марта, когда появился на берегахъ Немиги самъ Всеславъ со своими войсками; съ Татищевымъ согласны варіанты Радзивиловскаго и Академическаго лѣтописныхъ списковъ (срав. Лѣтопись по Лаврентьевскому списку; изд. Археограф. Комиссіи. СПБ. стр. 162); по лѣтописи Львова (стр. 156), бой произошелъ 3-го февраля, но это—очевидная описка! по Bonnel'ю (S. 5.)—„am 3 März“.

1) Лавр. 162 и др.

2) Ibidem.

3) Густ. 270.

4) Тверск. 157.

5) Исторія Россійская; стр. 119; въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ варіантахъ, напр. Воскрес. лѣтоп. стр. 335; Новг. I, стр. 2, при описаніи боя не дана характеристика его; но таковыхъ—мало.

Кровавая схватка Полочанъ съ южно-руссами на берегахъ Немиги послужила поэтическимъ сюжетомъ для устно-народнаго пѣсеннаго эпоса. Отголоскомъ его именно и было картинное изображеніе битвы составителемъ „Слова о полку Игоревѣ“ въ земледѣльческихъ образахъ молотьбы и вѣянія. „На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душю отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не болохомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми русскихъ сыновъ“ [1]).

Въ 1069 году Всеславъ, послѣ бѣгства изъ-подъ Бѣлгорода, былъ изгнанъ и изъ Полоцка соединенными усиліями Кіевскаго князя Изяслава Святославича и польскаго короля Болеслава Храбраго. Лишенный своего стола, полоцкій князь, однако, не только не падаетъ духомъ, а напротивъ съ неукротимою отвагою бросается въ новую борьбу съ врагами за свою вотчину. Появившись въ землѣ финскаго племени води (впослѣдствіи водьской пятинѣ), Всеславъ Брячиславичъ набираетъ тамъ большую дружину и вторично появляется подъ стѣнами Новгорода Великаго. Въ то время на Новгодскомъ столѣ сидѣлъ энергичный князь Глѣбъ Святославичъ, только что переведенный отцомъ съ далекаго юга—изъ Тмуторакани. Новгородцы, поставивъ полкъ у Звѣринца, на Гзени, не только успѣли отбиться отъ финскихъ полчищъ, но даже плѣнили самого князя, который, впрочемъ, вскорѣ великодушно былъ ими отпущенъ на свободу. Въ исторію князя Полоцкаго, такимъ образомъ, подъ 1069 годомъ вновь была вписана кровавая страница. Въ первой Новгородской лѣтописи этотъ второй набѣгъ Всеслава на Новгородъ описанъ въ такихъ краскахъ: „Въ то же лѣто осень, мѣсяца октября, въ 23, на святого Якова, брата Господня, въ пятницу, въ чясъ 6 дни, опять приде Всеславъ къ Новгороду; Новгородци же поставиша полкъ противу ихъ, у Звѣринця на Къземли, и пособи Богъ Глѣбу князю съ Новгородци. О, велика бяше сѣча Вожяномъ! и паде ихъ безчисльное число, а самаго князя отпустиша, Бога дѣля“. [2]) Татищевъ въ своей „Исторіи Россійской“ ука-

1) Срав. Слово по второму изданію проф. Н. Тихонравова; Москва; 1868 г. стр. 10 и фототипическому воспроизведенію 1-го изданія 1800 года А. С. Суворина; СПБ. 1904., стр. 36.

2) Новг. 1, стр. 2.

зываетъ и предполагаемую цѣль боя подъ Новгородомъ: „Всеславъ, ушедъ изъ Полоцка, хотя обладать Новградъ, но Глѣбъ Тмутараканскій, сынъ Святославль, собравъ войско Новгородцевъ, вскорѣ пошедъ, побѣдилъ Всеслава на рѣкѣ Визенѣ Октября 23 дня“ [1]). Варіаіанты разсказа объ этомъ набѣгѣ на Новгородъ Полоцкаго князя [2]), содержащіеся въ лѣтописяхъ: Тверской, [3]) Софійской первой [4]), Софійскомъ Временникѣ [5]), Супральской [6]), Никоновой [7]) и др., всѣ сводятся въ характеристикѣ размѣровъ кроваваго побоища на Гзени.

Пораженіе, однако, не сокрушило желѣзную энергію Полоцкаго богатыря, не погасило неистощимую предпріимчивость его могучаго характера. Уже въ слѣдующемъ 1070 году Всеславъ согналъ съ Полоцкаго стола Святополка Изяславича (впослѣдствіи великаго князя Святополка II), насильно навязаннаго Полочанамъ его отцомъ стольнымъ кіевскимъ княземъ, вмѣсто скоропостижно скончавшагося въ Полоцкѣ свирѣпаго Мстислава Изяславича. Тогда Изяславъ направляетъ противъ Всеслава третьяго своего сына Ярополка, который и разбилъ полочанъ у Голотическа [8]). В. Н. Татищевъ представляетъ событія 1071-го года въ такомъ освѣщеніи: „Въ сіе же лѣто Всеславъ, нечаянно съ войскомъ пришедъ къ Подоцку, выгналъ Святополка, сына Изяслава, но вскорѣ потомъ Ярополкъ Изяславичь, пришедъ съ войскомъ, побѣди Всеслава у Голятическа, и самъ Полоцкомъ

---

1) См. Исторію Россійскую, стр. 124.

2) Сраженіе на Гзени не упоминается въ лѣтописяхъ: Лаврентьевской, Ипатской, изд. Львова, Кенигсбергской и др.; лѣтопись Псковская 1 сообщаетъ глухо „побѣдиша Новгородцы Всеслава на Гзенѣ“ (стр. 176); Bonnel въ его „Russisch-Liwlandische Chronographie“ S. 5) пишетъ: „In demselben Iahr 1069 griff Wsseslaw (von den Woten unterstützt) Nowgorod an ward, aber bei dieser Stadt am 23 October von Gleb Swiatoslawitsch dem Neffen Jsiaslaws geschlagen“.

3) Тверск. 160; мѣсто сраженія обозначено здѣсь такъ: „на Гзени“.

4) Соф. I стр 337: „на Кзени“.

5) Соф. Врем. стр. 163: „на Кзени“.

6) Супрал. стр. 14: „на Генженѣ“.

7) Никон. стр. 160: „на Гзене“.

8) Лавр. 170; Ипат. 122; Тверск. 161; Соф. 1, 143; Ник. 160; Воскр. 337; Густ 272; лѣт. Львова, стр. 165; Кен. стр. 121; у Bonnel'я въ его „Russisch-Liwlandische Chronographie“ (5. 6.) событія 1070-1071 годовъ описаны такъ: „nach baldigen Tode

овладѣлъ“ [1]) Однако другія лѣтописи совершенно умалчиваютъ о занятіи Полоцкаго стола Ярополкомъ, какъ послѣдствіи его побѣды надъ Всеславомъ, такъ что дополненіе, дѣлаемое Татищевымъ, оказывается въ полномъ одиночествѣ. Логика послѣдующихъ фактовъ, напротивъ, убѣждаетъ, что, несмотря на неудачи и пораженія, крайняя настойчивость упорной борьбы увѣнчалась для Всеслава Брячиславича вожделѣннымъ успѣхомъ, что онъ, наконецъ, достигъ завѣтной цѣли своихъ стремленій и сохранилъ за собой полоцкій столъ.

О послѣдующихъ кровавыхъ выступленіяхъ неутомимаго князя исторія узнаетъ не только изъ краткихъ и отрывочныхъ сообщеній лѣтописцевъ, но также изъ „Поученія“ Владимира Мономаха, который во вторую половину княженія Всеслава дѣлается весьма энергичнымъ его противникомъ и жестокимъ укротителемъ.

Въ 1073 году въ семьѣ Ярославичей вспыхнула междоусобная борьба: „Въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичихъ“ [2]). Князья черниговскій и переяславскій подняли оружіе на старшаго своего брата кіевскаго князя. Поводами къ усобицѣ, по опредѣленію лѣтописей, послужили тайное соглашеніе Изяслава съ полоцкимъ княземъ и властолюбіе Святослава. Событія этого года обстоятельно изложены въ Исторіи В. Н. Татищева. „Святославъ былъ начальникъ вражды, желая большую власть получить и, презрѣвъ отчее завѣщаніе, вознамѣрился старѣйшаго брата Изяслава изгнать, къ чему прельстилъ Всеволода, сказывая ему, яко бы Изяславъ имѣлъ тайное соглашеніе со Всеславомъ Полоцкимъ, намѣрены насъ лишить данныхъ отъ отца владѣній намъ, и естьми не упредимъ его, то они,

---

(Мстислава Изяславича) Isiaslaw setzte zweiten Sohn Sswatopolk wahrcheinlich zu Anfang des Iahres 1070. Dieser ward aber in J. 1071 von Wsseslaw wieder aus Polozk vertrieben. Der Letztere behauptete sich dann in Polozk, obgleich er noch von Iaropolk Isiaslawitsch bei Golotitsschesk geschlagen wurde“. Лѣтописи: Новгородская 1-я, Псковская 1-я, Супральская и др. о боѣ у Голотическа умалчиваютъ. Мѣсто боя обозначается различно: „у Голотичьска“ (Лавр. Ипат. Густ. Соф. 1. и др.); „у Голотичка“ (Твер.); „у Готическа“ (Воскр.); „у Волотическа“ (Никон.); „у Готиска“ (Львов.); „у Волотическа“ (Кен); „у Голятическа“ (Тат.)

1) Исторія Россійская! стр. 124.

2) Лавр. 177.

собравъ великія войска, легко насъ могутъ изгнать и, собравъ войска, пришли внезапно на Изяслава“ [1]). Варіанты другихъ лѣтописей, сохраняя драматическую форму переговоровъ князя Черниговскаго съ Переяславскимъ, не говорятъ, впрочемъ, о планахъ Изяслава и Всеслава такъ конкретно и ясно, какъ у Татищева. По редакціи, напр. Лаврентьевскаго лѣтописца, „Святославъ Всеволода прельсти: яко Изяславъ сватится со Всеславомъ, мысля на наю; да аще его не варивѣ, имать на прогнати; и тако взостри Всеволода на Изяслава“ [2]). Трудно, конечно, теперь, возстановить настоящую подоплеку непріязненныхъ отношеній, возникшихъ между братьями. Несомнѣнно, предметомъ спора между ними былъ проектъ новаго раздѣла волостей, тайно обсуждавшійся Изяславомъ во время переговоровъ его съ вліятельнымъ Полоцкимъ княземъ, смыслъ которыхъ скоро былъ разгаданъ въ Черниговѣ. Послѣ шестилѣтней (1065—1071) кровавой борьбы произошло, можно догадываться, сближеніе на почвѣ общихъ интересовъ между Изяславомъ и Всеславомъ. Такого рода перемѣна могла возникнуть вполнѣ естественно. Въ 1069 году въ Новгородѣ княжилъ Глѣбъ Святославичъ, который сидѣлъ на этомъ столѣ до смерти своего отца и даже нѣсколько позже (до 1078 г.). Былъ ли уступленъ Новгородъ сыну Святослава со стороны Изяслава добровольно взамѣнъ Полоцка или же Черниговскій князь силою овладѣлъ имъ послѣ перваго изгнанія Изяслава (въ 1068 г.), сказать, конечно, трудно. Но, безъ сомнѣнія, Кіевскому князю, послѣ того какъ онъ потерялъ Полоцкъ, казалось несправедливымъ, чтобы богатый Новгородъ находился попрежнему въ рукахъ Святославова племени: съ его стороны естественно было добиваться возврата себѣ старой волости. Это прежде всего и должно было сблизить другъ съ другомъ прежнихъ соперниковъ: между ними могли начаться мирные переговоры, даже могло быть заключено тайное соглашеніе на основѣ, съ одной стороны, возвращенія подъ власть Кіева Новгородской области; съ другой—увеличенія предѣловъ Полоцкаго княжества путемъ присоединенія къ нему южныхъ или сѣверныхъ удѣловъ.

---

1) Истор. Россійск. стр. 126.

2) Лавр. 177—178; срав. Ипат. 128; Густ. 273; Тв. 168; Воскр. 342; Соф. I, стр. 147; Льв. стр. 126; Кен. 112 и др.

Кромѣ того, самое положеніе Изяслава на Кіевскомъ столѣ въ то время было очень непрочно и шатко. Кіевское вѣче было вынуждено принять Изяслава подъ жестокимъ натискомъ военной силы, подъ тяжелымъ давленіемъ безвыходныхъ обстоятельствъ, послѣ того какъ ему не удалось добыть для Кіева какое-либо другое лицо изъ племени Рюрика. Водвореніе въ Кіевѣ Изяслава сопровождалось, сверхъ того, вѣроломнымъ избіеніемъ и безпощадными казнями гражданъ Кіева, произведенными сыномъ Изяслава Мстиславомъ, а также буйными грабежами ихъ имущества со стороны ляховъ, приведенныхъ королемъ Болеславомъ [1]).

Изяславъ, съ своей стороны, не только не заботился о примиреніи съ кіевлянами, но даже явно раздражалъ ихъ, преслѣдуя людей, заподозрѣнныхъ въ отрицательныхъ къ себѣ отношеніяхъ. Даже столь идейный человѣкъ, какъ основатель Кіево-Печерской Лавры преподобный Антоній, не составлялъ для князя исключенія. Лѣтописцы указываютъ и причину опалы, которая постигла святого мужа. „Въ си же времена, говоритъ Лаврентьевскій лѣтописецъ, приключися прити Изяславу изъ Ляховъ и нача гнѣватися Изяславъ на Антонія изъ Всеслава". [2]) Густинскій лѣтописецъ представляетъ происходившее болѣе опредѣленно: „Изяславъ же гнѣвашеся на преподобнаго Антонія, нѣкто бо его оклевета, яко любяще Всеслава и пріяше ему; Антоній же умысли бѣжати". [3]) Пользуясь этимъ, ловкій Святославъ Ярославичъ прислалъ людей и ночью увезъ Антонія къ себѣ въ Черниговъ, гдѣ преподобный и поселился въ пещерѣ, ископанной въ Болдиныхъ горахъ [4]). Въ отношеніи къ другимъ кіевлянамъ великій князь церемонился, конечно, гораздо меньше, и, вѣроятно, не одинъ

---

1) Срав. Лавр. 169; Ипат. 122; Тат. 124 и др. Срав. также о казняхъ кіевлянъ у М Стрыйковскаго: „Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi". Warszawa. 1846 tom. I; pag. 165; у Мартина Кромера, епископа Польскаго—„De origine et rebus gestis polonorum"; 1589; pag. 57; у Іоанна Длугоша, каноника Краковскаго: „Historia polonica". Cracowiae 1873; tom I; lib III; pag. 340; этими именно изданіями мы пользовались въ Императорской Публичной Библіотекѣ С.-Петербурга.

2) Лавр. 188, Ипат. 136 и др.

3) Густин. 272.

4) Лавр. 188; Ипат. 136; Густ. 272 и др.

изъ нихъ, по примѣру Любечанина пр. Антонія, перешелъ на сторону черниговскаго князя. Проф. М. Грушевскій [1]) и П. Голубовскій [2]) на этомъ основаніи предполагаютъ образованіе среди кіевскаго общества многочисленной Черниговской партіи, на которую и оперся Святославъ при осуществленіи своего честолюбиваго замысла. Къ тому же выводу, впрочемъ, еще ранѣе приходилъ С. М. Соловьевъ [3]).

Вотъ среди какой тяжелой атмосферы слагались натянутыя отношенія между сыновьями Ярослава, разрѣшившіяся усобицей. Какъ въ 1068 году Святославъ и Всеволодъ оказались хладнокровными зрителями возстанія кіевскаго вѣча противъ Изяслава [4]), какъ въ слѣдующемъ году, при возвращеніи его въ Кіевъ, при помощи союзныхъ ляховъ—братья явились защитниками мятежнаго города [5]), такъ въ 1071 году они же не оказали Изяславу никакой помощи въ такое время, когда сыновья его Святополкъ и Ярополкъ изнемогали въ борьбѣ съ могучимъ Полоцкимъ княземъ [6]). Когда же, съ цѣлію укрѣпить свое пошатнувшееся положеніе, Изяславъ рѣшилъ вступить въ отдѣльное, притомъ тайное соглашеніе съ Всеславомъ, братья и, конечно, главнымъ образомъ Святославъ, увидѣли въ этомъ достаточный поводъ къ началу „которы". Властолюбивый Черниговскій князь пускаетъ въ оборотъ свою обычную политику, основанную на томъ, чтобы личные свои интересы дѣлать общими для другихъ: слабохарактернаго, довѣрчиваго Переяславскаго князя, онъ увѣряетъ въ томъ, будто бы Изяславъ намѣренъ выгнать ихъ обоихъ изъ удѣловъ. Лѣтопись сообщаетъ, что Святославъ и Всеволодъ 22-го марта 1073

---

1) М. Грушевскій. Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. Кіевъ, 1891, стр. 78; срав. 77.

2) П. Голубовскій. Исторія Сѣверской земли до половины XIV столѣтія. Кіевъ; 1881, стр. 69; срав. также: Д. Багалѣй. Исторія сѣверской земли до половины XIV ст. Кіевъ, 1882, стр. 164.

3) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Изд. 3. Москва; 1862; Т. II; стр. 19 и 20.

4) Срав. Лавр. 166—167.

5) По словамъ лѣтописи, Святославъ и Всеволодъ говорили Изяславу: „аще хощеши гнѣвъ имѣти и погубити градъ, то вѣси, яко нама жаль отня стола" (Лавр. 169).

6) Лавр. 169, 170.

года сначала сѣли на столѣ въ селѣ Берестовѣ, а уже потомъ заставили брата уйти изъ Кіева [1]). Удаленіе Изяслава безъ малѣйшей борьбы доказываетъ, насколько вліятельны и многочисленны были въ Кіевѣ приверженцы Святослава.

Какъ же отозвалась въ далекомъ Полоцкѣ перемѣна, совершившаяся въ стольномъ Кіевѣ, поводомъ къ которой былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ тотъ же князь—чародѣй? Въ продолженіе княженія Святослава въ Кіевѣ, отъ посаженія на Кіевскій столъ—22-го марта 1073 года до самой его смерти—27 декабря 1076 года, лѣтописи совершенно молчатъ о войнахъ Всеслава. Очевидно, почти четыре года Полоцкій князь спокойно сидитъ въ своемъ родномъ удѣлѣ, столъ котораго онъ вновь занялъ съ помощью такихъ тяжелыхъ и кровавыхъ жертвъ. Довольно легко—уяснить для себя такое состояніе неугомоннаго Всеслава, если вспомнимъ, что въ теченіе указаннаго времени онъ, видимо, былъ лишенъ возможности осуществлять свои мечты объ экономическомъ и и матеріальномъ развитіи родного княжества, путемъ военнаго захвата или же мирнаго присоединенія къ нему земель и областей Приднѣпровья. Дѣйствительно, вѣдь въ случаѣ войны Всеславъ рисковалъ бы оказаться между двухъ огней, съ фронта угрожаемый Святославомъ, а съ тыла—его сыномъ Глѣбомъ, побѣдителемъ на Гзени.

Политическая обстановка совершенно перемѣняется тотчасъ же послѣ смерти Святослава Ярославича. Опять въ исторіи Полоцка начинается темная полоса войнъ Всеслава съ Ярославичами, при чемъ на первое мѣсто выдвигается уже новая ярко-мощная фигура неутомимаго и энергичнаго Владимира Мономаха. Въ декабрѣ 1076 года на Кіевскомъ столѣ садится Всеволодъ; но противъ него, въ началѣ новаго года, идетъ съ ляхами Изяславъ. Съ другой стороны, Олегъ Святославичъ и Борисъ Вячеславичъ употребляютъ отчаянныя усилія захватить Черниговское княжество, освободившееся послѣ Всеволода. Выступившій противъ Изяслава Всеволодъ встрѣчается съ братомъ на Волыни и примиряется съ нимъ, добровольно возвращая ему Кіевъ. Съ 15-го Іюля 1077-го года скиталецъ—князь въ третій разъ водворяется на отцовскомъ столѣ [2]).

---

1) Лавр. 177.

2) Лавр. 193.

Въ то время, какъ въ южной Руси готовились вспыхнуть новыя междоусобныя распри, съ одной стороны, изъ-за великокняжескаго стола между братьями Изяславомъ и Всеволодомъ, съ другой— изъ-за столовъ черниговскаго и смоленскаго между дядями—Ярославичами и племянниками—Олегомъ Святославичемъ и Борисомъ Вячеславичемъ, Полоцкій князь вновь нападаетъ на Новгородскую область. Собственно въ текстѣ лѣтописныхъ первоисточниковъ нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ объ этомъ третьемъ набѣгѣ Всеслава на Новгородъ. Но именно при предположеніи такового получаетъ надлежащій смыслъ слѣдующее мѣсто „Поученія“ Владимира Мономаха: „Святославъ умре, и язъ пакы ходивъ Смолиньску, а и — Смолиньска той же зимѣ та къ Новугороду; на весну Глѣбови въ помочь; а на лѣто со отцомь подъ Полтескъ“[1]). Такъ какъ Святославъ скончался 27-го декабря 1076 года, то часть зимы этого года Мономахъ пробылъ, очевидно, въ Смоленскѣ. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ новому распредѣленію между князьями волостей послѣ смерти Святослава, по которому Смоленскъ достался именно Владимиру Всеволодовичу [2]). Походъ къ Новгороду „Глѣбови въ помочь“, слѣдовательно, могъ быть совершенъ Мономахомъ въ первую половину 1077 года. Изворотливый и быстрый Всеславъ, конечно, успѣлъ ускользнуть отъ сокрушительнаго удара Владимира и Глѣба и поспѣшилъ укрыться въ Полоцкъ. Этимъ и объясняется упоминаемый въ „Поученіи“ походъ на Полоцкъ Владимира Мономаха, вмѣстѣ съ Всеволодомъ, лѣтомъ 1077 года, при чемъ Черниговскій и Смоленскій князья, вѣроятно, намѣревались овладѣть городомъ и наказать неугомоннаго Всеслава. Совершенное умолчаніе „Поученія“ о послѣдствіяхъ

---

1) Поученіе Владимира Мономаха: Лавр. лѣт. 239. С. М. Соловьевъ (Исторія Россіи; т. II; стр. 24), М. Довнаръ-Запольскій (Очеркъ исторіи кривичской и дреговичской земель; стр. 86), В. Е. Данилевичъ (Очеркъ исторіи Полоцкой земли стр. 69) утверждаютъ, что походъ Владимира 1077 года былъ направленъ именно противъ Всеслава; но Bonnel (Russisch-liwlandische Chronographie, S. 6) предполагаетъ; что князь Глѣбъ въ это время воевалъ съ Чудью: „in Winter zu Anfang des J. 1077 erhielt Wladimir Wssewolodowitsch Smolensk; von hier begab er sich nach Nowgorod und kàmpfte In Fruhling mit Glebs gegen dessen Feinde“ (vielleicht benachbarte Tschuden).

2) Лавр. 193, 194.

полоцкаго похода заставляетъ, однако, догадываться, что цѣль его не была достигнута [1]).

Между тѣмъ, овладѣвъ Кіевомъ и помирившись съ братомъ, Изяславъ Ярославичъ не замедлилъ показать себя сурово-мстительнымъ по отношенію къ племянникамъ—Святославичамъ. Князь Олегъ немедленно былъ удаленъ изъ Владимира Волынскаго, пользовался нѣкоторое время гостепріимствомъ у дяди Всеволода въ Черниговѣ, но потомъ бѣжалъ къ брату Роману въ Тмутаракань, обычное убѣжище для всѣхъ изгоевъ.[2]) Изгнанный изъ Новгорода князь Глѣбъ вскорѣ былъ убитъ далеко на сѣверѣ въ странѣ Чуди Заволоцкой [3]). Вмѣсто племянника Изяславъ посадилъ въ концѣ 1077 г. на Новгородскомъ столѣ своего сына Святополка, соперника Всеслава[4]). Зимою того же года Владимиръ Мономахъ и Святополкъ соединили свои ополченія и, подкрѣпивъ ихъ ордами дикихъ половцевъ, вновь появились подъ стѣнами Полоцка. Городъ былъ осажденъ, предмѣстья его были выжжены, но взять городскую крѣпость, повидимому, союзники были не въ состояніи. „На другую зиму, лаконически выражается объ этомъ походѣ Мономахъ, ходивъ съ Святополкомъ подъ Полтескъ; ожгоша Полтескъ“[5].

Жестокости союзниковъ, грабежи ими Полоцкой территоріи, даже неистовства и варварства половцевъ не заставили, однако, могучаго полоцкаго князя отказаться отъ существенныхъ задачъ экономической его политики, завѣтная цѣль которой состояла именно въ захватѣ торговыхъ путей по бассейну Западной Двины и, вѣроятно, Днѣпра. Смѣлый и рѣшительный, онъ поджидалъ только подходящаго случая,

---

1) Лавр. 239.

2) Тоже: 193.

3) Тоже: 193.

4) Н. С. Арцыбашевъ справедливо утверждаетъ, что „Святополкъ отправился въ Новгородъ еще при жизни Глѣба, убитаго маія въ 30 день“; въ доказательство же лишенія Глѣба престола цитуетъ отрывки изъ Новгородскаго Лѣтописца: „выгнаша... бѣжа заволокъ... а Святополкъ сѣде на столѣ“ (Повѣствованіе о Россіи; т. I; кн. II; М. 1838, стр. 31).

5) Лавр. 239. По истолкованію Арцыбашева „выжгли все округъ Полотска, можетъ быть, и окольный градъ“ (стр. 30).

чтобы вновь напомнить Кіеву объ исконныхъ своихъ притязаніяхъ. Благопріятный моментъ для заявленія ихъ наступилъ тотчасъ послѣ смерти Изяслава. Осенью 1078 года 3-го октября Кіевскій князь палъ „у села на Нѣжатиной нивѣ“ въ жестокой сѣчи съ половецкими ордами, которыя были приведены на русскую землю обиженными великимъ княземъ изгоями—Олегомъ Святославичемъ и Борисомъ Вячеславичемъ [1]). Всеволодъ Ярославичъ перешелъ въ Кіевъ, гдѣ и занялъ столъ своего отца и брата. Въ связи съ этимъ началась обычная въ подобныхъ случаяхъ передвижка князей по волостямъ. На Черниговскомъ столѣ, вмѣсто себя, Всеволодъ сажаетъ старшаго сына Владимира; второму же сыну Ярополку отдаетъ Владимиръ Волынскій, придавъ къ нему Туровъ [2]). Такъ какъ Смоленскъ остался безъ князя, то Всеславъ, обойденный по обычаю въ этомъ передѣлѣ волостей, стремительно бросается на городъ и овладѣваетъ имъ. Тогда Мономахъ, приказавъ своей Черниговской дружинѣ взять для перемѣны по парѣ коней, помчался съ нею на выручку полоненнаго города. Однако, Мономахъ не успѣлъ настигнуть Полоцкаго чародѣя: Всеславъ уклонился отъ боя и ушелъ изъ Смоленска, предавъ его пламени. Въ „Поученіи“ говорится: „Всеславъ Смоленскъ ожьже“ [3]), т. е. по истолкованію С. М. Соловьева, „пожегъ посады около крѣпости или города“ [4]). Жестокая кара обрушилась за столь опрометчивый, подсказанный, несомнѣнно, мотивами личной мести поступокъ Всеслава на мирное населеніе Полоцкой области. Какъ опустошительный ураганъ, промчался Черниговскій князь со своею конницею по всему пути отступленія неуловимаго Всеслава: пожегъ и повоевалъ всю землю до городовъ Лукомля и Логожска [1]). Впрочемъ, Мономахъ еще не оказался удовлетвореннымъ столь безпощаднымъ разгромомъ удѣ-

---

1) Лавр. 195.

2) Лавр. 197—198.

3) Лавр. 239.

4) См. Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ; т. II, стр. 33

1) Азъ всѣдъ с Черниговцы о двою коню, и не застахомъ въ Смолиньскѣ; тѣмъ же путемъ по Всеславѣ пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска“ (Лавр. 239). Лукомль теперь мѣстечко, при озерѣ того же наименованія, Сѣнненскаго уѣзда, Могилевской губерніи; Логожскъ—тоже мѣстечко Борисовскаго

ла своего врага. Вскорѣ онъ собралъ новыя ополченія изъ половцевъ, черниговцевъ, читѣвцевъ и стремительно бросился съ ними на Минскъ. Многострадальный городъ во второй разъ и притомъ очень жестоко поплатился за свою вѣрность и преданность популярному полоцкому князю. Взявъ Минскъ приступомъ, враги не дали пощады побѣжденнымъ; они не оставили въ городѣ ни челядина, ни скотины: все было разграблено, захвачено въ полонъ или же погибло въ огнѣ [2]).

Кромѣ описанныхъ выше кровавыхъ выступленій Всеслава Брячиславича, нѣкоторыми изъ русскихъ историковъ, приблизительно около 1066 года, предполагается еще бой его съ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ, который отцомъ своимъ былъ посаженъ на Новгородскомъ столѣ. Такъ Н. М. Карамзинъ догадывается, что князь Мстиславъ ушелъ изъ Новгорода въ Кіевъ именно послѣ пораженія, которое нанесъ ему Всеславъ полоцкій. Свою гипотезу Карамзинъ основываетъ на одномъ фрагментѣ изъ лѣтописи XV-го вѣка, хранящейся въ Синодальной библіотекѣ, подъ № 349, гдѣ сказано: „въ Новгородѣ Изяславъ посади сына своего Мстислава, и побѣдиша и на Черехѣ, и бѣжа къ Кыеву и по взятіи града преста

уѣзда, Могилевской губ., расположенное на рѣкѣ Гайнѣ, которая впадаетъ въ Березину (срав. объ этихъ мѣстечкахъ у П. Семенова въ Географическо-статистич. словарѣ Россійской Имперіи; т. III; СПБ. 1866; стр. 80. 103; у К. А. Неволина въ т. IV „Полнаго собранія сочиненій“; СПБ. 1859; стр. 64 65; у Н. Барсова въ Матеріалахъ для историко-географическаго словаря Россіи, Вильна. 1865; стр. 116, 114; у него же въ „Очеркахъ русской исторической географіи“; изд. 2. Варшава, 1885; стр. 186.

2) Лавр. 239. Время разгрома Минска неодинаково опредѣляется историками, вслѣдствіе нѣкоторой темноты текста Поученія Владимира Мономаха. Довнаръ—Запольскій, напр., полагаетъ, что Владимиръ Мономахъ принужденъ былъ снова отправиться въ Полоцкую землю—на Минскъ въ слѣдующемъ же 1079 г. (см. Очеркъ исторіи кривичской и дреговичской земли; стр. 86); но Bonnel пишетъ: “Jm Herbst des Jahres 1083 zog Wladimir gegen Minsk“ (Russ.-liwl. Chronographie, S. 6) Вслѣдъ за нимъ, ту же дату принимаетъ и Данилевичъ (Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія; стр. 69). Между тѣмъ Арцыбашевъ отодвигаетъ событіе даже къ 1085-му году (Повѣствованіе о Россіи; М. 1833; т. I; кн. II; стр. 34). Соловьевъ осторожно уклоняется отъ указанія даты минскаго похода: „потомъ въ другой разъ (?) пошелъ Мономахъ съ черниговцами и половцами къ Минску“ (Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ; т. II; изд. 3; стр. 33).

рать“[1]). Весьма правдоподобно что эта побѣда именно предшествовала взятію и сожженію Всеславомъ Новгорода, которыя столь драматично очерчены лѣтописцами сѣверо-западной Руси. Въ самомъ дѣлѣ: послѣ 1067 года Мстиславъ Изяславичъ фигурируетъ уже на югѣ: онъ раздѣляетъ съ Изяславомъ изгнаніе; отецъ посылаетъ его прежде себя для наказанія Кіевлянъ, выпустившихъ изъ поруба Всеслава; Мстиславъ же, какъ соперникъ Всеслава, былъ посаженъ отцомъ на столѣ Полоцка, гдѣ его и постигла внезапная смерть[2]).

Нарисованная нами картина жестокихъ схватокъ Всеслава съ сыновьями и внуками Ярослава Мудраго заключаетъ въ себѣ шесть опредѣленно упомянутыхъ въ лѣтописныхъ сводахъ кровавыхъ случаевъ. Въ трехъ изъ нихъ Всеславъ нападаетъ на города, а именно: на Псковъ—въ 1065 году, на Новгородъ—въ 1067 г., на Смоленскъ—въ 1077 г., и три раза бьется со своими врагами въ открытомъ полѣ: на Немигѣ въ 1067 г., на Гзенѣ—въ 1069 г. и у Голотическа [3])

---

1) См. эту цитату въ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“; т. II; изд. 3-е; Москва 1862; стр. X; прим. 55; у Карамзина въ „Исторіи государства россійскаго“ т II. примѣч. 118, Er. Bonnel въ Russich-liwlandische Chronographie“ S. 5, разсказавъ о взятіи Новгорода Всеславомъ, прибавляетъ: „Hier war vielleicht Mstislaw Jsiaslawitsch Stathalter“; изгнаніе Мстислава изъ Новгорода Всеславомъ предполагается также М. Грушевскимъ въ его „Очеркѣ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія“ Кіевъ; 1891, стр. 68.

2) Срав. Лавр. 169 и др.

3) Мѣстонахожденіе Немиги—вопросъ спорный въ исторической наукѣ. Выраженія „Слова“: „Немизѣ кровави брезѣ не блохомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Русскихъ сыновъ“ (срав. „Слово о полку Игоревѣ“, по изд. проф. Н. Тихонравова; изд. 2-е; М. 1868; стр. 10), доказываютъ, что рѣчь идетъ именно о рѣкѣ, а не о городѣ. В. Н. Татищевъ первый отождествилъ Немигу съ Неманомъ (см. его „Исторію Россійскую“; кн. II; стр. 119). За нимъ послѣдовали изъ историковъ: Карамзинъ („Истор. Государ. Россійскаго; изд. 1830; стр. 83), Арцыбашевъ („Повѣствованіе о Россіи“; т. I; кн. II; стр. 25; прим. 143) и Турчиновичъ („Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи; стр. 31); изъ литераторовъ и издателей: Мусинъ—Пушкинъ (см. „Ироическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода—Сѣверскаго Игоря Святославича“. М. 1800; стр. 36 въ прим.), Н. Грамматинъ („Слово о полку Игоревомъ“ —переводъ; М. 1823; стр. 57), А. Вельтманъ („Пѣснь ополченію Игоря Святославича, князя Новгородъ Сѣверскаго; М. 1833; стр. 35); Д. Дубенскій („Слово о плъку Игоревѣ Святъславича пѣснтворца стараго времени“ въ „Русскихъ Достопамятн.“ ч. III; М.

въ 1071 году. Кромѣ того, косвенныя указанія Синодальной лѣтописи (рук. № 349) и прозрачные намеки „Поученія“ Мономаха служатъ основаніемъ для предположенія, что происходилъ еще бой Всеслава съ Мстиславомъ Изяславичемъ, вѣроятно, въ 1066 году, и что князь полоцкій нападалъ на новгородскую область во время княженія Глѣба Святославича—въ началѣ 1077 года.

1844; стр. 194; прим. 189), поэтъ В. Минаевъ („Слово о полку Игоревѣ“—переводъ; СПБ. 1846, стр. 44), А. Скульскій („Слово о полку Игоревѣ“—переводъ; Ярославъ; 1876, стр. VI прим. 40), Д. Прозоровскій (см. его „Новый опытъ объяснительнаго изложенія „Слова о полку Игоревѣ“ въ „Запискахъ отдѣленія русской и славянской археологіи Императорскаго Русскаго Археологич. Общества“; т. III; СПБ.; 1882; стр. 263; прим. 22) и др. Въ противоположность этому отождествленію Немиги съ Нѣманомъ, представители „исторической географіи“ ищутъ Немигу въ южномъ или сѣверномъ направленіи отъ г. Минска. Такъ еще Надеждинъ и Неволинъ (срав. цитаты изъ ихъ сочиненій у М. П. Погодина въ его „Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ о русской исторіи“, т. IV, стр. 305—306; Москва 1850 г.) указывали на Немоницу, близъ Борисова, и Немойту, около Сѣнно. Ходаковскій въ сочиненіи „Пути сообщенія въ древней Россіи“ стр. 37—38 (помѣщ. въ „Русскомъ Историч. Сборникѣ“ за 1837) отмѣчаетъ ручей Немигу въ Минскѣ, впадающій въ Свислочь съ правой стороны; этотъ ручей считаетъ за остатокъ лѣтописной рѣки А. П. Тыртовъ въ „Докладахъ Виленскаго Отдѣленія Московскаго предварительнаго комитета по устройству въ 1893 году IX-го Археологическаго Съѣзда, стр. 232—234; Н. И. Барсовъ также выразилъ мнѣніе, что авторъ „Слова“ упоминаетъ именно о кровавыхъ берегахъ той рѣчки Немиги, отъ которой до сихъ поръ уцѣлѣлъ ручей того же названія возлѣ Минска (см. его „Очерки русской исторической географіи“; Варшава, 1885; изд. 2-е; стр. 185). У С. М. Соловьева сдѣлано такое замѣчаніе: „въ Минскѣ есть рѣка Немига, которая могла брать истокъ свой гдѣ-нибудь между Оршею и Друцкомъ“ („Исторія Россіи, т. II, изд. 3. стр. VIII, прим. 37); къ нему примыкаютъ Д. И. Иловайскій („Исторія Россіи“, ч. I, стр. 307 пр. 4) и И. Зеленскій („Минская губ.“ СПБ. 1864; ч. I; стр. 6).

У польскаго историка М. Стрыйковскаго сообщается, будто Всеславъ спасся отъ преслѣдованія Болеслава и Изяслава бѣгствомъ къ варягамъ: „ale gdy Wizeslaw do Waregow uciekl, Boleslaw wzial Polocko“ (см. его „Kronika polska, litewska, zmodzka i wszvsstkiej Rusi“. Warzawa. 1846, tom I, p. 164). Маловѣроятность предположенія Стрыйковкаго открывается изъ разсказа первой Новгородской лѣтописи, гдѣ говорится, что въ 1069 г. Всеславъ привелъ подъ Новгородъ войска финновъ и жителей водьской пятины, а вовсе не варяговъ (Новг. 1, стр. 2). Кромѣ того, тамъ, гдѣ лѣтопись разсказываетъ объ этомъ, вырванъ уголъ; С. М. Соловьевъ, сопоставляя первое слово, уцѣлѣвшее въ текстѣ, съ послѣднимъ,

Вышеописанная борьба Полоцкаго князя съ Ярославичами обнимаетъ періодъ времени приблизительно въ десять лѣтъ (1065—1071; 1077—1079 г.г.), и слагается скорѣе изъ стихійныхъ вспышекъ порывистыхъ кровопролитій, чѣмъ изъ послѣдовательнаго ряда методически развивающихся военныхъ дѣйствій. Любопытно, что отмѣченная нами кровавая полоса въ княженіи Всеслава Брячиславича раздѣлена пятилѣтнимъ промежуткомъ затишья и покоя, который включаетъ въ себѣ одинъ годъ (1072) правленія Изяслава Ярославича и все время княженія въ Кіевѣ его брата Святослава (1073—1076 гг.) Въ эту пору Полоцкій чародѣй какъ бы отдыхаетъ и сосредоточивается отъ болѣзненныхъ переживаній, мрачныхъ впечатлѣній и тяже-

---

возстановляетъ опущенное такъ: „приде Всеславъ съ Вожаны къ Новгороду“ (Исторія Россіи; стр. X; прим. 55). „Гзень“ (Воскр., Ник., Тверск.), „Кзень“ (Соф. 1 и Соф. Врем.), „Къземль“ (Новг. 1), „Гензень“ (Супрал.) находилось, несомнѣнно, въ окрестностяхъ Новгорода. Такъ Н. С. Арцыбашевъ приводитъ одно мѣсто изъ Новгородской лѣтописи, гдѣ упоминается новгородская церковь Бориса и Глѣба на Гзени см. его „Повѣствованіе о Россіи“; т. I; кн. II; стр. 28). В. Н. Татищевъ сообщаетъ, что бой происходилъ на рѣкѣ „Визенѣ“ (срав. его „Исторію Россійскую“; кн. II; стр. 124). Также и П. Голубовскій называетъ „Гзень“ рѣкою (Исторія Сѣверской земли; стр. 70). У Bonnel'я глухо говорится о сраженіи вообще у Новгорода „bei dieser Stadt“ (см. „Russisch-Liwlandische Chronographie“ Seit-S). Въ такомъ же родѣ выражается Бѣляевъ (въ „Очеркѣ исторіи сѣверо-западнаго края Россіи“; Вильна; 1867; стр. 23 и „Исторіи Новгорода Великаго“; Москва; 1866; стр. 217) и Довнаръ-Запольскій (Очеркъ исторіи: стр. 79); по Барсову: это—урочище въ окрестностяхъ Новгорода (См. его „Очерки исторической географіи; стр. 203).

„Голотичьскъ“ (Лавр. Ипат. Густ. Соф. I), „Голотичкъ“ (Твер.), „Готическъ (Воскр.), „Волотичскъ“ (Никон.) „Готичскъ“ (Львов.), „Волотическъ“ (Кен.), „Голятическъ“ (Тат.),—такіе варіанты имѣетъ названіе того мѣста, гдѣ происходила битва (Ярополка съ Всеславомъ. Еще Н. Арцыбашевъ, ссылаясь на „Землеописаніе Россійской Имперіи“ Зябловскаго; СПБ. 1810; VI, 101—называлъ Голотическъ мѣстечкомъ Могилевской округи (см. Повѣствованіе; кн. II; стр. 28; пр. 161); къ нему примыкаетъ М. Погодинъ (въ Журналѣ Министер. внутренн. дѣлъ; XI; стр. 193 за 1848 г.); предполагается, что это мѣстечко Головчино въ 32-хъ верстахъ отъ г. Могилева (ср. у О. Турчиновича: Обозрѣніе; стр. 260). С. М. Соловьевъ напоминаетъ, что въ одномъ древнемъ географическомъ отрывкѣ Голотическъ включенъ въ число городовъ Литовскихъ (ср. Исторію.. т. II; стр. XI; пр. 50) Барсовъ (Матеріалы для историко-географ. словаря, стр. 52) и Неволинъ (Общій списокъ русскихъ городовъ; стр. 46—47) называютъ Голотическъ городомъ Полоцкой области, не обозначая его мѣстонахожденія.

лыхъ страданій, въ которыя онъ былъ повергнутъ жестокими ударами неумолимой судьбы, каковы были: вѣроломное плѣненіе врагами близъ Орши, мучительное заточеніе въ кіевскомъ порубѣ, лишеніе престола, изгнаніе изъ полоцкой земли, странствованіе по чужимъ краямъ, пораженія на Немигѣ, Гзени, у Голотическа и пр.

Для правильнаго опредѣленія нравственнаго облика Всеслава имѣетъ значеніе и то, что въ своей борьбѣ съ Кіевомъ князь этотъ обрисовывается не столько въ краскахъ побѣднаго торжества надъ безчисленными своими врагами, сколько въ страдательной роли непреклоннаго противника, храбро отстаивающаго жизнь, имущество и землю подданныхъ отъ варварскаго истребленія ихъ южно-руссами и половцами.

Въ этомъ отношеніи характерныя черты отмѣчаютъ въ личности Всеслава припѣвка вѣщаго Баяна и заключительный отзывъ о князѣ автора „Слова о полку Игоревѣ: „Тому вѣщей Баянъ и пръвое припѣвку слысленый рече: „Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути“ [1]).

Разсматриваемая со стороны чисто технической, припѣвка обыкновенно является подкрѣпленіемъ основного содержанія, выраженіемъ господствующаго тона пѣсенной мелодіи, имѣя свой особый напѣвъ, заканчивая строфу, отдѣлъ или же рифмованный куплетъ пѣсни. Съ этой точки зрѣнія припѣвка едва ли могла быть оригинальнымъ произведеніемъ творчества Баяна. Правда, В. Дубенскій былъ готовъ видѣть въ припѣвкѣ подлинное созданіе Баяна и, какъ таковую, даже называлъ ее „древнѣйшимъ памятникомъ славянской письменности“ [2]). Но болѣе авторитетные ученые, какъ академикъ Ѳ. Булаевъ [3]), проф. Н. Тихонравовъ [4]) и А. Потебня [5]), видѣли здѣсь

[1]) См. „Слово“—по 2-му изданію проф. Н. Тихонравова; стр. 11; по изд. А. С. Суворина: стр. 37.

[2]) См. его „Слово о плъку Игоревѣ Святъславича“; Москва; 1844, стр. 204.

[3]) Ѳ. Буслаевъ. Русская Хрестоматія. Памятники древней русской литературы и народной словесности. Изд. X.; М. 1907; стр. 100; прим. 38.

[4]) См. примѣчанія профессора ко второму изданію „Слова“; стр. 45.

[5]) А. Потебня. Слово о полку Игоревѣ. Текстъ съ примѣчаніями. Воронежъ 1878; стр. 131; прим. 97.

просто примѣненіе къ личности полоцкаго князя древней поговорки, отзвуки которой слышатся въ поэтическихъ распѣвахъ народныхъ былинъ [1]) и воспроизведены въ довольно сходной съ Баяновой редакціи памятниками древне-русской письменности, близкими по времени своего происхожденія къ „Слову“ [2]). Прилагая къ Всеславу Брячиславичу народную поговорку, Баянъ, очевидно, хотѣлъ показать, что положительныя его качества, отмѣченныя исторіей, каковы: острая проницательность ума, необыкновенная ловкость и житейская опытность, практическое умѣнье схватывать особенности даннаго момента и пользоваться ими („хитрость и гораздьствіе“), не могли имѣть рѣшающаго значенія на жизни князя, не могли воспрепятствовать проявленію въ ней высшихъ законовъ божественнаго Рока, выполненію непреложныхъ рѣшеній суда Божьяго [3]).

Легко замѣтить, что въ Баяновой припѣвкѣ духовный обликъ Полоцкаго чародѣя зарисованъ на болѣе свѣтломъ фонѣ и болѣе смягченными тонами, нежели въ сумрачной легендѣ новогородскаго лѣтописца. Лѣтописецъ свою характеристику Всеслава Брячиславича („сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье“) основываетъ на суевѣрномъ представленіи о рожденіи его отъ матери съ помощью темной силы языческаго волхованія. Вѣщій же Баянъ смотритъ на князя сквозь свѣтлыя краски христіанскаго взгляда на судьбу человѣка, которая подчинена могущественному воздѣйствію божественной Силы. Въ лѣтописной фабулѣ жестокость въ кровополитіи обозначена, какъ

[1]) Въ одномъ изъ варіанговъ былины о Святогорѣ въ уста богатыря вложено такое поговорье: „суда Божія на добромъ конѣ не объѣхати“. Былина замѣчаетъ: „и то поговорье впередъ пошло“ (См. „Пѣсни“, собранныя П. Н. Рыбниковымъ; изд. 1864 г.; т. III, 3).

[2]) Ѳ. Булаевъ и Н. Тихонравовъ на указанныхъ страницахъ своихъ трудовъ приводятъ слѣдующее мѣсто изъ „Моленія“ Даніила Заточника, по его позднѣйшей редакціи: „не процвѣте часть моя; повѣдаху ми, яко той есть судъ Божій надъ мною и „суда де Божія ни хитру уму, ни горазну не минути“. Срав. также отзывъ лѣтописца о князѣ Василько Константиновичѣ: „бѣ бо всему хытръ и гораздо умѣя“ (Лавр. стр. 444.)

[3]) Историко-филологическое истолкованіе словъ: хытрый, гораздый, судъ Божии, минути“ можно найти у академика И. И. Срезневскаго въ его „Матеріалахъ для словаря древне-русскаго азыка“; т. III; вып. 3; СПБ.; 1909; стр. 1430; т. I; СПБ., 1893, стр. 552—553; т. III, вып. 2; СПБ.; 1906; стр. 603, 605, 606; т. II, СПБ., 1902, 144.

необходимое проявленіе прирожденнаго нрава полоцкаго князя, какъ логически послѣдовательное развитіе его злой воли. Народная поговорка, напротивъ, съ особеннымъ удареніемъ отмѣчаетъ безсиліе Всеслава, при всѣхъ положительныхъ качествахъ его характера, измѣнить жизненный свой жребій, ослабить тяготѣющее надъ его судьбой господство божественной Правды.

Съ поговоркой—припѣвкой вѣщаго Баяна согласуется также и заключительный отзывъ о Всеславѣ самого автора „Слова". Свое мастерское по стилю изображеніе Полоцкаго чародѣйя поэтъ заканчиваетъ слѣдующимъ изреченіемъ: „Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше" [1]). Этотъ взглядъ на жизнь князя выраженъ въ «Словѣ» вслѣдъ за поэтическими описаніями разгрома Новгорода Великаго и кровавой битвы между полоцкими и южнорусскими дружинами на берегахъ Немиги. Поэтъ не только принимаетъ здѣсь точку зрѣнія Баяна, что блестящія дарованія Всеслава, подкрѣпленныя силою оборотничества („вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ", т. е. въ тѣлѣ другого существа [2]), не предохранили его отъ ударовъ судьбы, но рисуетъ князя именно въ такомъ свѣтѣ, что онъ претерпѣваетъ бѣды и страданія отъ другихъ людей гораздо болѣе, нежели самъ причиняетъ ихъ.

Кромѣ того, мощный образъ Всеслава начертанъ „Словомъ" яркими красками высокой идеализаціи. Онъ поставленъ здѣсь въ избранномъ кругѣ прославленныхъ русскихъ князей, каковы: Всеволодъ Юрьевичъ—Большое гнѣздо, Ярославъ Владимировичъ—Осмомыслъ, Романъ Мстиславичъ—Красный и др. Въ лицѣ Всеслава указанъ недосягаемый образецъ и высокій идеалъ для всѣхъ его потомковъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе оказались недостойны своего великаго дѣда, „выскочили изъ его славы", малодушно склонивъ предъ врагами свои знамена и вложивъ въ ножны поврежденные свои мечи [3]).

---

[1]) „Слово"—по второму изданію Н. Тихонравова: стр. 11; по изд. А. Суворина: стр. 37.

[2]) По толкованію академика Ѳ. И. Буслаева, „другое" означаетъ „не свое собственное тѣло, а волчье, которое надѣвалъ на себя герой, перерыскивавшій путь великому Хорсу" (Срав. „Историч. очерки русской народной словесности и искусства". Т. I; СПБ.; 1861, стр. 391).

[3]) „Слово"—по второму изданію Тихонравова: стр. 10; по фототипическому изданію А. Суворина: стр. 34.

Такимъ образомъ, если отзывъ автора „Слова“ о Всеславѣ поставить въ связь со всей характеристикой Всеслава, то должно исчезнуть представленіе о немъ, какъ о князѣ—хищникѣ, какъ грубомъ и жестокомъ кондотьерѣ.

Еще въ большой степени обнаружится неправильность лѣтописной характеристики Всеслава, когда будутъ приняты въ соображеніе точныя цифровыя данныя по хронологіи его княженія. Вышеуказанная кровавая полоса (1065—1071; 1077—1079) борьбы Всеслава съ Ярославичами не составляетъ даже пятой доли всего его княженія, которое обнимаетъ періодъ времени болѣе полувѣка (1044—1101).

Въ теченіе десяти лѣтъ княженія Ярослава Мудраго (1044 — 1054) и въ первое десятилѣтіе правленія его сына Изяслава (1055 — 1065) князь полоцкій жилъ въ полномъ согласіи съ Кіевомъ. Подъ 1060 г. въ лѣтописяхъ упомянутъ даже походъ трехъ Ярославичей совмѣстно съ Всеславомъ, противъ торковъ [1]), который довелъ кочевниковъ почти до полной гибели. „Въ семь же лѣтѣ (6568), сообщаетъ Лаврентьевскій лѣтописецъ, Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ, и Всеславъ совокупиша вои бещислены и поидоша на конихъ и въ лодьяхъ бещислено множьство на Торкы. Се слышавше Торци убоя, шася, пробѣгоша и до сего дне, и помроша бѣгающе, Божьимъ гнѣвомъ гоними, ови отъ зимы, друзии же гладомъ, ини же моромъ и судомъ Божьимъ. Тако Богъ избави хрестьянъ отъ поганыхъ“ [2]). Для надлежащей оцѣнки разгрома и бѣгства торковъ отъ многочисленной—конной и судовой—рати союзныхъ князей необходимо припомнить, что въ продолженіе четверти XI вѣка, послѣ рѣшительной побѣды

---

[1]) Торки—народъ тюрко-татарскаго происхожденія. По сообщенію Константина Багрянороднаго, они появились въ Задонскихъ степяхъ еще въ IX вѣкѣ послѣ того, какъ прогнали отсюда печенѣговъ; подъ 985 г. въ лѣтописяхъ содержится извѣстіе что конница торковъ принимала участіе въ походѣ Владимира на камскихъ болгаръ (Лавр. 82); въ 1055 г.—торки были побѣждены Всеволодомъ Ярославичемъ Лавр. 158), а въ X вѣкѣ, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же историкъ—они продвинули свои кочевья уже къ Днѣпру, пока къ XI в. не отбросили окончательно печенѣговъ за Дунай.

[2]) Лавр. 159.

Ярослава Владимировича надъ печенѣгами въ 1036 году подъ Кіевомъ, на мѣстѣ будущей Св. Софіи [1]), свирѣпые торки были жестокимъ бичомъ для населенія Южной Руси до тѣхъ поръ, пока, тѣснимые съ востока половцами, въ свою очередь не подверглись въ 1060 г. полному разгрому на западѣ отъ войскъ княжеской коалиціи. Такое участіе Всеслава въ общенародной защитѣ земли русской и еще младенчествующей ея культуры отъ натиска дикой степи [2]) въ то время, когда полоцкая окраина уже начала подвергаться грознымъ набѣгамъ Литвы, показываетъ, что онъ едва ли могъ порвать долголѣтній (1044 — 1064 г.г.) союзъ съ Кіевомъ безъ достаточно серьезныхъ къ тому основаній, только подъ вліяніемъ кровожаднаго инстинкта завоеванья или же вслѣдствіе неудовлетвореннаго честолюбія.

Лѣтописная хронологія показываетъ, что цѣлое сорокалѣтіе княженія Всеслава протекло спокойно, безъ кровавыхъ схватокъ съ южно-русскими князьями; слѣдовательно, оно посвящено было культурной работѣ. Если въ первое двадцатилѣтіе своего княженія полоцкій чародѣй, повидимому, сохранялъ вѣрность военно-политическому договору съ Кіевомъ, который былъ заключенъ еще въ 1021 году отцомъ его Брячиславомъ съ Ярославомъ Мудрымъ [3]),

---

[1]) См. объ этомъ: Лавр. 147.

[2]) В. Н. Татищевъ въ своей „Исторіи Россійской“ (стр. 116) рисуетъ картину разгрома торковъ болѣе ярко и опредѣленно: „Въ семъ же лѣтѣ Изяславъ Святославъ, Всеволодъ и Всеславъ Полоцкій, совокупивъ войска многія, пошли на конѣхъ и въ лодіяхъ на Торки. Сіе слышавъ, Торки убояся ушли въ поля, они же, пришедъ на станы ихъ бѣгущихъ, гнавъ многихъ побили и плѣнили, и приведъ въ Русь посадили по городамъ, прочіи же разбѣжались, Божіимъ гнѣвомъ гоними, многіе отъ стужи презельной, другіе гладомъ, напослѣдокъ моромъ погибли: и тако избави Богъ христіанъ отъ поганыхъ“. П. А. Дружиковскій выражалъ даже предположеніе, что именно оказанная въ этомъ походѣ Всеславомъ Брячиславичемъ заслуга послужила однимъ изъ побужденій для кіевлянъ объявить 15 сентября 1068 г. Всеслава великимъ княземъ (См. Историч. судьбы Витебской губерніи, стр. 20).

[3]) Объ этомъ договорѣ въ первой Софійской лѣтописи (стр. 134) разсказано вслѣдъ за описаніемъ нападенія Брячислава Изяславича на Новгородъ и пораженія его на рѣкѣ Судомѣ Ярославомъ Мудрымъ. Лѣтопись излагаетъ событіе такъ: „и

то въ послѣднеее двадцатилѣтіе онъ, по выраженію Соловьева, „уже на старости лѣтъ не безпокоилъ Ярославичей и далъ имъ возможность управиться со своими дѣлами“ [1].

Въ настоящее время, при крайней скудости первоисточниковъ и вслѣдствіе утраты мѣстныхъ полоцкихъ лѣтописей, можно только приблизительно догадываться, каковы были свойства, цѣли и средства внутренней политики Всеслава въ его родной землѣ. Слабый отголосокъ памяти народной объ этой сторонѣ дѣятельности Всеслава сохранился только въ изреченіи „Слова о полку Игоревѣ“: „Всеславъ князь людямъ судяше, княземъ грады рядяше“ [2].

Въ произведеніяхъ древне-русской письменности слова: „люди, людины, людіе“, въ соединеніи со словомъ „князь“, обыкновенно означаютъ народъ въ широкомъ смыслѣ (populus, laos) или даже вообще массу свободныхъ обитателей извѣстной территоріи [3]. Слѣдовательно, въ „Словѣ“ отмѣчено дѣятельное участіе Всеслава, собственною ли властью или же чрезъ намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ, въ разборѣ тяжбъ, возникавшихъ среди гостей и купцовъ, житьихъ и черныхъ людей, своеземцевъ или же смердовъ, изъ которыхъ составлялись свободныя городскія и сельскія общины полоцкаго княжества.

Другая половина приведеннаго изреченія переноситъ нашу мысль къ высшему разряду правительственныхъ мѣропріятій Всеслава въ сферѣ политическаго строя полоцкаго княжества, а именно: распредѣленія имъ удѣльныхъ городовъ между членами княжьей семьи. Лѣтописными первоисточниками удостовѣрено, что въ XI столѣтіи, на ряду съ быстрымъ размноженіемъ потомства Владимира Святого

отъ толѣ призва къ себѣ Брячислава, и давъ ему два города Въсвячь и Видбескъ, и рече ему: „буди же со мною заодинъ“. И воеваша Брячиславъ съ великимъ княземъ Ярославомъ вся дни живота своего“. Срав. Воскр. 328; Твер. 143; у Bonnel' я, стр. 3,

[1]) См. его Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ; изд. 3-е; стр. 68.

[2]) Слово—по изд. Тихонравова: стр. 10; по изд. Суворина: стр. 36.

[3]) Напр. въ „Моленіи“ Даніила Заточника мы читаемъ: „ты, княже нашъ, многими людми честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ явися“ (Срав. „Истор. Хрестоматію“ В. В. Сиповскаго, т. I, вып. 2; изд. 5; СПБ., 1910, стр. 106). Подобныя цитаты изъ памятниковъ собраны у И. И. Срезневскаго въ его „Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка“, т. II; СПБ., 1902; стр. 93.

и вмѣстѣ съ распаденіемъ его на отдѣльныя вѣтви, стало замѣчаться повсемѣстное вмѣшательство въ княжескія отношенія народныхъ силъ, заявлявшихъ свой голосъ на вѣчевыхъ собраніяхъ волостныхъ и удѣльныхъ городовъ [1]). Считаясь съ этимъ новымъ явленіемъ, князья начинаютъ входить съ народной массой въ юридическія сдѣлки, стараются установить съ нею опредѣленные „ряды", заключаютъ договоры, въ которыхъ обозначаютъ программу будущей своей работы. Вотъ эта-то распорядительная дѣятельность Всеслава въ размѣщеніи по удѣламъ полоцкаго княжества многочисленной семьи его сыновей, внуковъ и правнуковъ на основѣ «рядовъ», или договоровъ съ городами [2]), для чего требовались глубокое проникновеніе въ индивидуальныя свойства князей, основательное знаніе мѣстныхъ нуждъ, житейскій опытъ, правительственный тактъ и пр., и отмѣчается какъ характерная черта Всеслава.

Тотъ же письменный источникъ даетъ основаніе считать князя Всеслава за первоначальнаго строителя одного изъ древнѣйшихъ церковныхъ памятниковъ Бѣлоруссіи, а именно: соборнаго храма Св. Софіи въ Полоцкѣ „Тому въ Полотскѣ, говоритъ „Слово", позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша" [3])

---

[1]) Эта роль вѣча отмѣчена въ лѣтописяхъ еще въ 1015—1019 г.г. т. е. во время борьбы князя Святополка съ братьями Борисомъ, Глѣбомъ и Ярославомъ (Ср. Лавр. 129. 137. 138. 140 и др.).

[2]) Слово „рядити—ряжу" въ письменныхъ памятникахъ древней Руси часто употребляется въ значеніи: править, управлять, начальствовать, распоряжаться, завѣщать, распредѣлять, раздавать и пр. (Срав. у И. И. Срезневскаго въ „Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка": т. III, вып. I, СПБ., 1903; стр. 229; срав. 283). Слово „къназь", или „князь" въ XI—XII в.в. уже не примѣнялось въ отношеніи племенныхъ князьковъ или же родовыхъ старѣйшинъ, какъ это замѣтно въ памятникахъ X в., напр. въ договорѣ 945 г. Игоря Святославича съ греками (Лавр. 52: „аще ли же кто отъ князь или отъ людій Рускіхъ... преступитъ се, еже есть писано на харатьи сей, будетъ достоинъ своимъ оружьемъ умрети и т. д.), но обозначало именно князя владѣтельнаго, какъ члена извѣстной княжеской вѣтви (См. у И. И. Срезневскаго; цит. соч. т. I.; СПБ., 1893; стр. 1403).

[3]) Слово—по изд. А. С. Суворина: стр. 36; у проф. Тихонравова это мѣсто имѣетъ любопытную пунктуацію: „великому Хрьсови влъкомъ путь прерыскаше тому въ Полотьскѣ. Позвониша заутренюю рано у святыя Софеи, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша" (стр. 10—11).

Своею образною рѣчью авторъ какъ бы хочетъ сказать, что Полоцкая Св. Софія была особенно близка сердцу князя.

Своеобразное истолкованіе, въ духѣ художественно-историческаго символизма, даетъ этимъ словамъ Василій Осиповичъ Ключевскій. Онъ пользуется выраженіями «Слова» для поясненія того центральнаго положенія, которое кіевскій столъ занималъ въ думахъ князей русскихъ въ эпоху процвѣтанія очередныхъ порядковъ. Кіевъ былъ центральнымъ узломъ княжескихъ отношеній: туда направлялся княжескій круговоротъ и оттуда онъ нормировался. Удобства жизни въ Кіевѣ, фамильныя преданія, честь старшинства, названнаго отчества, церковное значеніе этого города дѣлали его завѣтной мечтой для каждаго князя. Молодой княжичъ, кружась по отдаленнымъ областямъ, не спускалъ съ него глазъ, спалъ и видѣлъ его. Превосходное поэтическое выраженіе этой тоски по Кіевѣ, одолѣвавшей молодого князя, находимъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Въ 1068 году кіевляне возстали на великаго князя Изяслава и прогнали его, а на великокняжескій столъ возвели посаженнаго старшими князьями въ тюрьму Всеслава Полоцкаго. Только семь мѣсяцевъ посидѣлъ Всеславъ на кіевскомъ столѣ, лишь дотронулся копьемъ до него и долженъ былъ бѣжать въ Полоцкъ. Но онъ уже всю жизнь не могъ забыть Кіева. Бывало, рано утромъ зазвонятъ къ заутрени у Св. Софіи въ Полоцкѣ, а князю все еще слышится знакомый звонъ у Софіи Кіевской [1]).

При всей художественнной прелести подобнаго истолкованія, оно мало соотвѣтствуетъ грамматическому строю и точной буквѣ памятника. Вѣдь авторъ „Слова“ совершенно опредѣленно говоритъ, что Всеславъ слышалъ звонъ не въ Полоцкѣ, какъ думаетъ проф. Ключевскій, а именно въ Кіевѣ («онъ въ Кыевѣ звонъ слыша»), хотя звонили дѣйствительно колокола полоцкой Софіи, а не кіевской («тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю»). Если поставитъ данное выраженіе въ связь съ контекстомъ рѣчи подлинника, то легко понять, почему рядомъ съ чудесною быстротою передвиженія въ пространствѣ („изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя“) въ чародѣѣ Всеславѣ отмѣчена также другая черта оборотня: слышаніе

[1]) Курсъ русской исторіи. Часть I, изд. 2-е. Москва. 1906: стр. 237—238.

звуковъ на столь далекомъ разстояніи, какъ Кіевъ—Полоцкъ. Не въ затаенной тоскѣ по „матери городовъ русскихъ“, не въ страстныхъ домогательствахъ великокняжескаго стола удѣльными князьями нужно искать поэтому идейнаго смысла вышеуказанныхъ словъ поэта. Скорѣе здѣсь можетъ помочь дѣлу его вѣра въ оборотней-волкулаковъ, которыхъ народъ любилъ надѣлять сверхъестественными свойствами въ произведеніяхъ своего творчества. Это явленіе замѣтно даже въ памятникахъ былевого эпоса. Такъ на вопросъ князя Владимира о продолжительности поѣздки изъ Мурома до Кіева

„Говорилъ ему Илья таковы слова:
Стоялъ-то я заутреню во Муромѣ,
Поспѣвалъ-то я къ обѣденкѣ въ стольно-Кіевъ-градъ...“ [1]).

Странно, въ самомъ дѣлѣ, предполагать, что Всеславъ былъ охваченъ непреодолимой тоской по Кіеву, когда князья полоцкіе, потомки Св. Владимира отъ Рогнѣды, «раньше всѣхъ князей-изгоевъ, по опредѣленію самого Ключевскаго, очутились въ положеніи выдѣленныхъ князей...» [2]).

Принадлежа къ семьѣ князей, еще при жизни дѣда лишившихся своего отца Изяслава Владимировича († 1001 г.), слѣдовательно, князей-изгоевъ, осиротѣвшихъ преждевременно, Всеславъ Брячиславичъ оказывался генеалогическимъ недорослемъ и, какъ таковой, не могъ участвовать въ очередномъ владѣльческомъ порядкѣ, долженъ былъ ограничиться ролью простого владѣтеля окрайнаго княжества. Насколько поэтому странно предполагать въ Полоцкомъ князѣ честолюбивое искаліе великокняжескаго престола, настолько представляется, напротивъ, вполнѣ понятнымъ быстрое оставленіе имъ Кіева, внезапное исчезновеніе его весною 1069 г. изъ лагеря подъ Бѣлгородомъ [3]). Сдѣлавшись великимъ княземъ, вслѣдствіе непредвидѣнной случайности,

---

[1]) См. былину объ Ильѣ-Муромцѣ и Соловьѣ-разбойникѣ въ „Историч. хрестом. по исторіи русской словесности“ В. В. Сиповскаго: т. I; изд. 5; СПБ.; 1911; стр. 47. у Буслаева въ Русск. Хрестоматіи. Изд. X, М. 1907, стр. 395.

[2]) Срав. въ его „Курсѣ русской исторіи“. Часть I; изд. 2-е; стр. 222;

[3]) Лаврент. 168.

благодаря стихійному революціонному порыву кіевскаго вѣча, Всеславъ столь же быстро и, кажется, безъ сожалѣнія бросилъ Кіевъ, чтобы опять вернуться въ свою любимую вотчину, въ свое родное княжество. «Приде Бѣлугороду Всеславъ, говоритъ Лаврентьевская лѣтопись, и бывши нощи утаивъся Кыянъ бѣжа изъ Бѣлагорода Полотьску» [1]). Чрезвычайная скорость этого бѣгства ярко описана «Словомъ» въ поэтическомъ образѣ: «скочи отъ нихъ (Кіева и его стола) лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда» [2]). Едва ли также можно признать цѣлесообразнымъ и удачнымъ то, что Ключевскій въ качествѣ типа «молодыхъ княжичей, „не спускавшихъ глазъ съ Кіева», выставилъ не кого-либо другого, а именно полоцкаго князя: вѣдь въ 1068 году Всеславъ уже не былъ молодъ, такъ какъ къ этому сроку уже успѣлъ прокняжить въ Полоцкѣ не менѣе 24 лѣтъ (съ 1044 г.) и, конечно, за это время достаточно привязался къ нему. Не тоска по золотому столу кіевскому, стало быть, угнетала могучую душу Всеслава Брячиславича, послѣ того какъ онъ возвратился въ свой родной городъ. Нѣтъ, скорѣе — тоска по Полоцку крушила его сердце во все время (съ іюля 1067 г. по апрѣль 1069 г.), пока онъ находился въ Кіевѣ, сначала какъ плѣнникъ въ мрачномъ порубѣ, а потомъ въ качествѣ великаго князя. То была не страстная мука неудовлетвореннаго честолюбія, а именно жгучая «тоска по родинѣ» благороднаго патріота...

„Слово о полку Игоревѣ“ поэтически изобразило эту «тоску по родинѣ» полоцкаго князя въ художественно прекрасномъ символѣ волшебнаго слышанія имъ издалека знакомаго перезвона софійскихъ колоколовъ, и это упоминаніе о полоцкой Софіи по времени оказывается самымъ древнимъ документомъ, изъ котораго открывается, насколько близокъ былъ полоцкій софійскій храмъ сердцу Всеслава Брячиславича. Такое соединеніе имени знаменитаго князя съ полоцкой Софіей дѣлаетъ весьма правдоподобной гипотезу, что именно Всеславъ, а не какой-либо другой изъ полоцкихъ князей былъ первона-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) „Слово“—по второму изданію проф. Тихонравова, стр. 10; по изд. А. Суворина, стр. 35.

чальнымъ строителемъ дорогого для бѣлорусскихъ сердецъ полоцкаго храма. Косвенно такая гипотеза подкрѣпляется тѣмъ соображеніемъ, что двѣ другія упоминаемыя въ лѣтописяхъ церкви въ честь Св. Софіи—кіевская и новгородская, — также строились въ XI столѣтіи, почти одновременно съ княженіемъ въ Полоцкѣ Всеслава Брячиславича [1]).

Извѣстно, что вопросъ о времени основанія и строителѣ соборной церкви на «Верхнемъ полоцкомъ замкѣ» пытались разрѣшить польскіе историки, но они оказались не въ состояніи вырваться изъ заколдованнаго круга обыкновеныхъ предположеній просто потому, что были лишены возможности обосновать свои мнѣнія документально. Такъ Нѣсецкій утверждалъ, что каѳедральная церковь полоцкаго епископа основана была около 1000-го года [2]). По предположенію Стебельскаго, эту церковь могъ заложить или самъ Владимиръ, или его сынъ Изяславъ [3]). Между тѣмъ лѣтопись Быховца называетъ строителемъ Софійскаго храма князя Бориса Гинвиловича [4]). Слѣдуя этому источнику, Стрыйковскій увѣряетъ, что именно этотъ князь не пожалѣлъ издержекъ, когда, вмѣсто стараго деревяннаго храма, построилъ новый каменный въ греческомъ стилѣ (obyczaiem greckim) [5]). Изъ русскихъ изслѣдователей К. М. Быковскій пріурочивалъ построеніе полоцкой Софіи къ 1120-му году [6]).

Однако, первоначальная каѳедральная церковь полоцкаго епископа, о которой упоминаютъ Нѣсецкій и Стебельскій, подобно первобытной церкви кіевской митрополіи, не могла быть Св. Софіей времени Всеслава. Храмы такого наименованія начали на Руси строить по типу цареградской Софіи только въ XI столѣтіи, когда именно усили-

---

[1]) Кіевская Софія была заложена Ярославомъ Владимировичемъ въ 1037 году, а новгородская—сыномъ его Владимиромъ—въ 1045 году (Лавр. 148, 151).

[2]) Njesiecki. Korona Polska. Metropolia Ruska, 92.

[3]) Stebelski. Dwa wielkie swiatla na horyzonie Polockim. 1866; 1 str. 89.

[4]) Лѣтопись Быховца; 5 (Pomniki do dzieiov Litevskich przez T. Narbutta. Vilno, 1846.)

[5]) Stryikowskiego. Kronika Warszawa. 1846. 1 str. 241.

[6]) См. его докладъ въ „Трудахъ Виленскаго Отдѣленія Московскаго Предварительнаго Комитета по устройству въ Вильнѣ IX Археологическаге Съѣзда". Вильна 1893; стр. 85.

лось вліяніе на Русь утонченной цивилизаціи и церковной архитектуры Византіи. Сообщеніе лѣтописи Быховца похоже на легенду, потому что среди полоцкихъ князей не было миѳическаго лица съ именемъ Бориса Гиневиловича, а въ лѣтописяхъ упомянутъ только Борисъ, сынъ Всеслава, скончавшійся въ 1128 г. [1]). Извѣстіе Стрыйковскаго говоритъ, очевидно, о позднѣйшей реставраціи храма, какъ уже существующаго, а не о первоначальномъ его возникновеніи. Наконецъ, что касается мнѣнія Быковскаго, то онъ допустилъ въ своемъ докладѣ явный анахронизмъ. Вѣдь „Слово о полку Игоревѣ“ удостовѣряетъ существованіе полоцкой Софіи еще при князѣ Всеславѣ, а онъ умеръ за девятнадцать лѣтъ (въ 1101 г.) до хронологической даты, которую Быковскій избралъ для опредѣленія времени, когда строился храмъ!!

Въ виду несостоятельности вышеизложенныхъ гипотезъ, необходимо остановиться на мысли, что первоначальный Софійскій храмъ былъ заложенъ и выстроенъ въ Полоцкѣ именно княземъ Всеславомъ. Въ такомъ случаѣ загадочное по своему символизму выраженіе «Слова» о звонѣ колоколовъ на башняхъ Полоцкой Софіи, не утрачивая прелести поэтическаго образа, получаетъ, сверхъ того, новое конкретно-историческое освѣщеніе. Творцу «Слова», при широкой освѣдомленности его въ области былевого эпоса и народныхъ пѣсенъ при впечатлительной его отзывчивости на голосъ народной молвы, могло быть извѣстно, что полоцкая Софія особенно дорога была сердцу Всеслава, какъ первоначальнаго ея создателя, что даже звонъ софійскихъ колоколовъ былъ хорошо знакомъ княжескому слуху, такъ какъ Всеславъ, вѣроятно, былъ и настоящимъ жертвователемъ этихъ колоколовъ... Въ этомъ отношеніи не лишне вспомнить о тѣхъ грустныхъ по тону восклицаніяхъ, которыми новгородскій лѣтописецъ сопровождаетъ свой разсказъ о нападеніи Всеслава на Новгородъ Великій въ 1066 году: „колоколы съима у святыя Софие; о велика бяше бѣда въ часъ тый! и понекодила съима“ [2]). Подобный захватъ священнаго церковнаго достоянія представлялъ бы безпримѣрный случай

[1]) См. объ этомъ въ Лавр. лѣт. стр. 284.

[2]) Новгор. I; стр. 2.

въ эпоху русскаго средневѣковья, какъ грубое и дерзкое святотатство. Такого рода церковный полонъ могъ до самой глубины взволновать даже въ тотъ малокультурный вѣкъ совѣсть народной массы. Между тѣмъ лѣтописи съ единодушіемъ отмѣчаютъ въ характерѣ Всеслава именно религіозность [1]). Является положительная необходимость предположить, что полоненные въ Новгородѣ колокола, паникадила и церковную утварь побѣдитель предназначалъ въ даръ строившейся полоцкой Софіи...

Наша мысль, что таинственное упоминаніе „Слова“ о полоцкомъ Софійскомъ соборѣ можетъ быть надлежащимъ образомъ истолковано только съ допущеніемъ построенія его именно Всеславомъ, находитъ для себя подкрѣпленіе въ мнѣніяхъ по этому поводу нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ русскихъ историковъ. Такъ В. Е. Данилевичъ въ своей монографіи о Полоцкой землѣ, между прочимъ, писалъ: «соборъ Св. Софіи, вѣроятно, существовалъ еще при Всеславѣ и былъ построенъ еще во второй половинѣ XI столѣтія» [2]). Безъ сомнѣнія, съ принятіемъ этой точки зрѣнія строителемъ собора могъ быть никто другой, какъ только Всеславъ, потому что княженіе его обнимаетъ всю вторую половину XI вѣка (1044—1101). Но что Данилевичъ высказываетъ въ формѣ предположенія, то А. И. Боргманъ излагаетъ какъ положительный фактъ. „Полоцкій князь, замѣчаетъ этотъ историкъ, могущественный Всеславъ (слывшій въ народѣ за волшебника) рѣшился затѣять съ Ярославичами войну. Весьма любопытенъ поводъ къ этой войнѣ. Всеславъ построилъ въ Полоцкѣ соборъ Св. Софіи. Такъ какъ на сооруженіе его потрачено было много денегъ и предстояло еще оборудовать его изнутри, то Всеславъ изобрѣлъ весьма своеобразный способъ для сокращенія своихъ расходовъ; онъ напалъ на Новгородскій Софійскій храмъ, разграбилъ его и награбленными

---

[1]) Лавр. 168; Ипат. 121, Густин. 271: „въ день Воздвиженія Честного Креста Всеславъ воздохнувъ помолися со слезами“ и т. д.; Соф. I, 142; Соф. Врем. 161; Твер. 159; Воскр. 336; Ник. 158—159; Львова, 164: „Всеславъ же упова на силу Креста Святого и рече: Боже, Тебѣ вѣрую и на Тя уповаю: сего ради избави мя отъ рова сего, вѣмъ бо истинно, яко аще кто преступитъ крестное цѣлованіе, здѣ пріиметъ казнь, а въ будущій вѣкъ мученіе“.

[2]) Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV вѣка. Кіевъ, 1896; стр. 16.

вещами разукрасилъ свой полоцкій соборъ“ 1). Конечно, произвольное мнѣніе о постройкѣ Всеславомъ полоцкой Софіи, какъ о ближайшемъ поводѣ къ войнѣ съ Ярославичами, приходится отбросить; точно также нельзя не признать фантастичною, не оправдываемою текстомъ лѣтописей и догадку касательно «своеобразнаго способа сокращенія княземъ своихъ расходовъ». Но все же утвержденіе Боргмана, что Софійскій храмъ строился въ Полоцкѣ въ одно время съ походомъ Всеслава на Новгородъ, сохраняетъ свою полнѣйшую вѣроятность.

Приведенныя нами выше соображенія, обоснованныя на точныхъ датахъ хронологіи и фактическихъ указаніяхъ исторіи, не только побуждаютъ усумниться въ лѣтописной характеристикѣ нравственнаго облика Всеслава, но даютъ основаніе отнести ее къ разряду народныхъ легендъ, подобно лѣтописному сказанію о волшебномъ рожденіи князя отъ его матери. Какъ было уже сказано раньше, все сказаніе лѣтописи о Всеславѣ, записанное подъ 1044-мъ годомъ, со стороны идейной, составляетъ одно неразрывное цѣлое. Даже въ логико-стилистическомъ отношеніи это сказаніе представляетъ одно цѣлостное, хотя и наивное, своеобразно сочиненное умозаключеніе. Въ качествѣ первой посылки и за точку отправленія здѣсь принята мысль о рожденіи Всеслава отъ волхованія; второй посылкой служитъ вводное замѣчаніе о ношеніи княземъ прирожденнаго язвена „до смертнаго дни на собѣ“; отзывъ же „о немилостивости на кровопролитіе“ является необходимымъ заключительнымъ выводомъ. Совершенно естественно, что съ отверженіемъ легенды объ участіи въ рожденіи Всеслава темной силы волхованія должно отбросить и всякую мысль о жестокосердіи князя. Разсмотрѣвъ все сказаніе съ точки зрѣнія «историзаціи типовъ», мы видѣли, что поэтическая фантастика кривскаго племени перенесла на историческое лицо князя Всеслава легендарныя черты сказочнаго новгородскаго волхва и богатырскія свойства былиннаго князя-дружинника Волха Всеславича. Какъ новгородская сказка рисуетъ волхва змѣевичемъ, какъ названъ въ былинѣ сыномъ лютаго змѣя богатырь Волхъ, такъ точно отъ волхова-

1) Русская исторія. Часть I; СПБ.; 1912; стр. 67.

нія, согласно лѣтописной легенды, могла породить сына своего и полоцкая княгиня. Какъ былъ лютъ нравъ Новгородскаго змѣевича, пожиравшаго и потоплявшаго людей, и не давалъ пощады ни старому, ни малому Волхъ-богатырь, такъ оказался въ народно-творческомъ воображеніи „немилостивымъ на кровопролитье“ и самый замѣчательный изъ кривскихъ князей. Таковъ былъ логически-послѣдовательный ходъ поэтической историзаціи народнаго творчества, вѣроятно, прежде всего проявившей себя среди племени кривичей Новгорода Великаго, потому что имъ пришлось чаще другихъ подвергаться сокрушительнымъ ударамъ Всеславова меча...

Но можно ли послѣ этого съ научнымъ безпристрастіемъ называть Всеслава „льстивымъ на кровопролитіе“, „человѣкомъ весьма жестокихъ и кровожаждущихъ нравовъ“, какъ это сдѣлано В. Н. Татищевымъ [1]) и М. Щербатовымъ [2]), когда, по точному хронологическому исчисленію, даже пятая часть его княженія не была проведена имъ въ войнахъ, когда самыя войны эти преслѣдовали задачи скорѣе вынужденной самозащиты и законной обороны своихъ правъ, чѣмъ жестокаго по кровопролитію натиска на противниковъ? Трудно понять, какимъ образомъ князь „злой, кровожадный, безпощадный на кровопролитье“, каковымъ рисуется Всеславъ Карамзину [3]), Турчиновичу [4]), Трачевскому [5]) и др., могъ до такой степени привязать къ себѣ сердца своихъ подданныхъ, напр. жителей Минска, что они готовы были стоять за него до послѣдней возможности, не взирая на ужасы жестокой осады и вопреки угрозамъ безпощаднаго штурма [6]); какъ этотъ жестокій человѣкъ, лившій, какъ воду, чужую кровь, могъ

---

[1]) Исторія Россійская. Кн. II; Москва; 1773; стр. 109.

[2]) Исторія Россійская съ древнѣйшихъ временъ; т. I; кн. II; гл. I; стр. 436; изд. Императорской Академіи Наукъ; СПБ.; 1771 г.

[3]) Исторія государства россійскаго; т. II, изд. 3-е Смирдина. СПБ.; 1830; стр. 82.

[4]) Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ. Изд. Исакова; СПБ; 1857; стр. 31.

[5]) Русская исторія; СПБ.; изд. Риккера, 1895; стр. 47.

[6]) Ср. Лавр. 72; Ипат. 117; Соф. I; стр. 141; Густ. 270; Соф. Врем. 160; Ник. 155; Воскр. 355; Твер. 157; Тат. 119; Льв. 160; у Bonnell'я, S. 5.

вселить даже въ сердца враговъ своихъ-новгородцевъ столь рѣдкія чувства благородной гуманности и почтительнаго къ себѣ удивленія, что они великодушно спѣшили дать ему свободу „Бога дѣля“ [1]) !? Могъ ли, наконецъ, бѣдный князь-узникъ такъ скоро превратиться въ «хищника престола», по выраженію Татищева [2]), если бы кіевляне видѣли передъ собою эгоиста и кровожаднаго деспота, а не человѣка съ широкимъ размахомъ богатырскаго духа, способнаго къ горячей отзывчивости на слезы и муки людей, истерзанныхъ безконечными набѣгами хищныхъ степняковъ и жестокими княжескими усобицами?

Представители отрицательныхъ взглядовъ на личность Всеслава отнеслись къ лѣтописной характеристикѣ князя слишкомъ сухо и формально: они не подвергли ее надлежащему критическому разбору по существу и происхожденію. Лѣтописный отзывъ, кромѣ того, былъ принятъ ими съ холоднымъ вербализмомъ и суровою односторонностью, безъ должной связи со сложными отношеніями между князьями и культурными условіями русской жизни XI-го вѣка. Съ рѣдкимъ довѣріемъ вышеназванные ученые придали цѣну историческаго документа наивному выраженію народной фантастики, забывъ, что предъ ними одна изъ тѣхъ простодушныхъ легендъ, которая не согласуется съ фактами, сообщаемыми въ другихъ частяхъ лѣтописнаго текста. Особенно печально, что оказалось не подмѣченнымъ полное противорѣчіе между лѣтописной фабулой и характеристикой князя Всеслава въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, тѣмъ болѣе, что этотъ памятникъ—цѣненъ не однѣми только художественными красотами, но также и чертами документальной исторіи.

Подлинный образъ князя Всеслава еще болѣе уяснится предъ нашими взорами, если мы глубже вдумаемся въ сокровенные мотивы описанныхъ выше столкновеній его съ Ярославичами.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Витебскъ. 1912; XII, 4. **Д. Леонардовъ.**

[1]) Новг. I, стр. 2.

[2]) Исторія Россійская кн. II; стр. 121; Москва; 1773.

Мѣстечко Бѣшенковичи (Витеб. губ.)[1].

Исторія Бѣшенковичей до пріобрѣтенія ихъ Хрептовичемъ.—Дарственная запись Огинскаго.—Соглашеніе Хрептовича съ Плятеромъ.—Свѣдѣнія о Бѣшенковичахъ, собранныя Омульскимъ въ 1783 -1785 г.—Переводъ крестьянъ на чиншъ въ польской части Бѣшенковичей. Повинности крестьянъ при установленіи чиншевой системы. Ссыпка зерна Земяне.—Арендныя статьи города.—Пошлина въ императорскую казну съ загородной части Бѣшенковичей.—Принесеніе территоріальной присяги. Кап. Чаплицъ и его притязанія. Намѣстникъ Пассекъ. Его обѣщанія исходатайствовать императорскій указъ о вводѣ Хрептовича во владѣніе закордонною частью Бѣшенковичей.—Дѣло купца Чирьева.—Дѣло о закордонной части Бѣшенковичей въ Полоцкой казенной палатѣ.—Полоцкая часть Бѣшенковичей. Ярмарка. Магдебургское право.—Торговыя сношенія Бѣшенковичей съ Ригой.—Контрабандный провозъ товаровъ черезъ Бѣшенковичи. Тайные шпіоны на русской службѣ.—Упадокъ Бѣшенковичей.—Отношеніе крестьянъ къ арендаторамъ.—Вѣдомость убыли доходовъ съ Бѣшенковичей.—Переходъ Бѣшенковичей къ Иринею Хрептовичу.

Первое по времени извѣстіе о Бѣшенковичахъ встрѣчается у Турчиновича, разсказывающаго о постройкѣ въ этомъ мѣстечкѣ королемъ Казиміромъ Ягеллончикомъ около 1460 г. церкви во имя св. Иліи пророка, въ память чудеснаго избавленія отъ гибели королевы

---

[1]) Бѣшенковичи—имѣніе и мѣстечко, Лепельскаго уѣзда, Витебской губ., при р. З. Двинѣ, ниже впаденія въ нее Кривинки, при трактѣ изъ Витебска въ Бочейковъ и Лепель (St. Geogr. и Энц. Словарь Брокгауза и Эфрона).

Матеріалами для предлагаемой вниманію читателей статьи послужили, главнымъ образомъ, письма оршанскаго подстаросты Игнатія Омульскаго къ послѣднему канцлеру вел. княжества Литовскаго Іоахиму Хрептовичу и данныя, извлеченныя теперешнимъ владѣльцемъ фамильнаго архива Хрептовичей, гр. К. А. Хрептовичъ—Бутеневымъ изъ старинныхъ инвентарей Бѣшенковичей и документовъ Бѣшенковическаго Архива. Краткую характеристику Омульскаго, повѣреннаго въ дѣлахъ Хрептовича и съ 1782 г. главноуправляющаго его бѣлорусскими имѣніями, читатель найдетъ въ нашей статьѣ „Къ вопросу о побѣгахъ русскихъ крестьянъ въ предѣлы Рѣчи Посполитой въ концѣ XVIII в.“, напечатанной въ „Чтеніяхъ Имп. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“ (М. 1911 г., кн. III).

Елизаветы при переправѣ ея черезъ рѣку въ Ильинъ день [1]). Мѣстечко Бѣшенковичи, по преданію, нѣкогда было расположено на мѣстѣ теперешней деревни Мильковичи, т. е. на лѣвомъ берегу р. Двины, выше впаденія въ нее рѣчки Кривинки, и лишь позднѣе перенесено ниже по Двинѣ на теперешнее мѣсто. Въ XVI стол., въ эпоху войнъ Москвы съ Литвою, оно, вѣроятно, нерѣдко обагрялось кровью [2]). Около 1490 г. Казиміръ Ягеллончикъ пожаловалъ имѣніе Бѣшенковичи въ потомственное владѣніе Соколинскому; 7 марта 1605 года князь Ярославъ Соколинскій продалъ это имѣніе Езерскому и его женѣ; они владѣли имѣніемъ недолго; уже въ 1615 г. Бѣшенковичи перешли къ Оршанскому маршалку Николаю Одровонжу, а 9 ноября 1630 г. къ виленскому воеводѣ Льву Казиміру Сапѣгѣ, сыну литовскаго кавалера Льва Сапѣги, можетъ быть, благодаря родственнымъ связямъ, существовавшимъ между Сапѣгами и Друцкими—Соколинскими [3]). 4 окт. 1634 г., по ходатайству писаря вел. княжества литовскаго Льва Казиміра Сапѣги, король Владиславъ IV подписалъ во Львовѣ грамоту, которой жителямъ мѣстечка Бѣшенковичи предоставлялось магдебургское право и разрѣшалось установленіе двухъ ярмарокъ въ годъ и одного торговаго дня въ недѣлю для безпрепятственнаго, подъ охраною законовъ, веденія торговли [4]).—Въ любопытномъ письмѣ смоленскаго воеводы боярина Василія Борисовича Шереметева къ царю Алексѣю Михайловичу, переданномъ царю 16 авг.

---

[1]) О. Турчиновича „Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ"; изд. Исакова, Спб. 1857 г., стр. 115: „въ память спасенія королевы Елисаветы отъ утопленія' 20 іюля въ день пророка Иліи, Казиміръ велѣлъ построить въ Бѣлоруссіи нѣсколько церквей православныхъ на берегахъ рѣкъ Двины, Днѣпра и Сожа: въ Витебскѣ, Бѣшенковичахъ, Могилевѣ, Кричевѣ, Оршѣ и Чериковѣ, и подарилъ этимъ храмамъ во владѣніе перевозы". Ильинская церковь существуетъ въ Бѣшенковичахъ до настоящаго времени.

[2]) Въ 30-ти верстахъ отъ Бѣшенковичей, близъ Чашниковъ, на поляхъ Иванскихъ, гетманъ Николай Радзивиллъ разбилъ въ 1564 г. русскаго воеводу кн. Петра Ивановича Шуйскаго. См. Турчиновича op. cit. стр. 146 и Соловьева „Исторія Россіи"; изд. 2-ое, СПБ. т. II, стр. 195.

[3]) См. р у к о п и с н у ю исторію Бѣшенковичей, составленную гр. Хрептовичемъ—Бутеневымъ.

[4]) Копія этой грамоты, засвидѣтельствованная въ 1884 г. въ Правительствующемъ Сенатѣ, принадлежитъ гр. Хрептовичу-Бутеневу.

1656 г., упоминается село Бѣшенковичи, какъ важная хлѣбная пристань, къ которой доставлялся зерновой хлѣбъ, сплавляемый съ юга, изъ Могилевскаго края—по Двинѣ, къ Ригѣ; въ этомъ же письмѣ говорится объ опытныхъ бѣшенковичскихъ кормщикахъ и гребцахъ, сплавлявшихъ хлѣбъ внизъ по Двинѣ [1]).

Послѣ безпотомственной смерти въ 1656 г. Казиміра—Льва Сапѣги, предоставившаго мѣстечку магдебургское право и основавшаго въ немъ первый католическій костелъ во имя св. Казиміра—костелъ этотъ существуетъ до настоящаго времени—имѣнія его достались его двоюродной племянницѣ Аннѣ Сапѣгѣ, вышедшей замужъ за референдарія Станислава Нарушевича, а затѣмъ дочери послѣдней, тоже Аннѣ или Іоаннѣ, женѣ кн. Яна (Ивана Самойловича) Огинскаго. Съ этого времени и до конца XVIII в., когда оно было пріобрѣтено Іоахимомъ Хрептовичемъ, имѣніе Бѣшенковичи находилось въ родѣ Огинскихъ; поселки старообрядцевъ въ полоцкой части имѣнія, перебравшихся въ эти мѣста въ половинѣ XVIII в., до сихъ поръ называются Огинщиной.—Въ началѣ XVIII в. въ Бѣшенковичахъ былъ трижды Петръ Великій: 1) 8 и 9 февр. 1701 г., отправляясь изъ Москвы въ Биржу близъ Динабурга на свиданіе съ Августомъ II; 2) 11 іюня 1705 г., спускаясь по Двинѣ до Полоцка, гдѣ была главная квартира арміи подъ начальствомъ Огильви и Репнина [2]), и 3) почти цѣлый мѣсяцъ въ началѣ 1708 г., во время второго періода войны съ Карломъ XII [3]). Одинъ изъ владѣльцевъ Бѣшенковичей во второй половинѣ XVIII в., кн. Михаилъ Огинскій, выдалъ

---

[1]) См. Барсуковъ „Родъ Шереметевыхъ“, 1884 г., стр. 273 и 293. И теперь еще въ иные годы зерновой хлѣбъ, вмѣсто сплава по Днѣпру къ Черному морю, доставляется изъ Могилевской губерніи въ Бѣшенковичи для сплава по Двинѣ въ Ригу; бѣшенковичскіе кормщики и гребцы донынѣ славятся на Двинѣ.

[2]) Изъ журналовъ 1701 и 1705 г.г.

[3]) См. Голиковъ, „Дѣянія Петра Вел.“, 1837 г., т. II, стр. 285—299; Костомаровъ, „Мазепа и Мазепинцы“; изд. 2-ое, 1885 г., стр. 367; во время пребыванія главной квартиры Петра Вел. въ Бѣшенковичахъ, туда былъ посланъ гонецъ съ доносомъ „царю Петру отъ Кочубея“; можно думать, что „казакъ, державшій путь на сѣверъ“, направлялся именно въ Бѣшенковичи. См. также въ „Памятной книжкѣ Витебской губ.“ на 1885 г. „Историческій и статистическій очеркъ Витебской губ.“, подписанный буквами А. С.; на стр.

2 февр. 1762 г. бѣшенковичскимъ мѣщанамъ запись, коею освобождалъ ихъ отъ значительной части панщины (за исключеніемъ сгона на мельницу) за годовой оброкъ со всего общества въ суммѣ 200 битыхъ талеровъ; эту запись Огинскаго подтвердилъ затѣмъ Іоахимъ Хрептовичъ [1]).—Въ XVIII в., вѣроятно, не ранѣе 1765 г., въ полоцкую часть Бѣшенковичей (дер. Заборье и др.) прибыли изъ Новгородской губерніи старообрядцы безпоповщинскаго толка, филип-

---

207 этого очерка сказано, что православная церковь въ Бѣшенковичахъ заложена кн. Огинскимъ въ присутствіи Петра Вел., но, къ сожалѣнію не указаны источники, на коихъ основывается это утвержденіе.—О превращеніи православной церкви св. Иліи въ уніатскую (уніатамъ она принадлежала съ 1723 до 1839 г.) см. „Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи“ Бантышъ-Каменскаго, изд. 2-ое, М. 1805, стр. 244, 253, 435, 449.—Послѣ проведенія кордона происходили частыя столкновенія между польской таможенной стражей и православными жителями Бѣшенковичей, направлявшимися черезъ границу въ церковь (вѣроятно, св. Николая), построенную для солдатъ пограничной стражи и освященную въ 1776 г.; особенно неохотно польская стража пропускала черезъ кордонъ православныхъ священниковъ, не приносившихъ присяги на вѣрность Рѣчи Посполитой (письмо Омульскаго къ Хрептовичу отъ 1789 г. 1 іюня); въ виду этого Омульскій обратился къ Хрептовичу съ просьбой о постройкѣ православной церкви въ гор. Бѣшенковичахъ. Онъ указывалъ на то, что удовлетвореніе религіозныхъ нуждъ православнаго населенія лежитъ въ интересахъ самого графа; въ гор. Бѣшенковичахъ находится болѣе сотни домовъ очень состоятельныхъ православныхъ гражданъ и почти столько же православныхъ хозяевъ наберется въ деревняхъ, входящихъ въ составъ Бѣшенковичскаго и Холопеничскаго имѣній; лишиться этого населенія было бы очень убыточно. Хрептовичъ удовлетворилъ эту просьбу; въ гор. Бѣшенковичахъ была построена Михайловская православная церковь (письма 1789 г. 28 окт., 23 нояб.). Въ письмахъ Омульскаго нѣтъ указаній на в р е м я постройки этой церкви; кажется, это было сдѣлано при гр. Иринеѣ. (см. Исторію Бѣшенковичей, стр. 64).—Православная церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла была основана Петромъ Великимъ во время его пребыванія въ Бѣшенковичахъ; эта церковь просуществовала около 100 лѣтъ, затѣмъ была перенесена на другое мѣсто и въ 1857—58 г.г. сгорѣла вмѣстѣ съ костеломъ; вмѣсто нея при сооруженіи въ Бѣшенковичахъ к а м е н н о й Ильинской церкви былъ устроенъ въ послѣдней Петропавловскій придѣлъ (лѣвый), являющійся въ настоящее время единственнымъ воспоминаніемъ о пребываніи Петра Вел. въ этомъ мѣстечкѣ.

[1]) Письменное подтвержденіе записи нигдѣ не сохранилось; при сынѣ Іоахима Иринеѣ Хрептовичѣ бѣшенковичскіе мѣщане были занесены въ ревизскія сказки и приписаны къ крѣпостному сословію; впослѣдствіи, въ 20-хъ и 30-хъ г.г. XIX в., имъ стоило немалаго труда доказать въ высшихъ судебныхъ инстанціяхъ свое право на личную свободу.

повцы, или филипоны; окрестные помѣщики, владѣвшіе большимъ количествомъ незаселенныхъ земель, охотно принимали этихъ поселенцевъ; за Двиною, на землѣ Огинскаго, возникло около 12 старообрядческихъ поселковъ въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи; эти поселки носили названіе московскаго войтовства.

При первомъ раздѣлѣ Польши, въ 1772 г., вся задвинская часть имѣнія Бѣшенковичи, а также земли имѣній Ганковичи и Лушновичи перешли къ Россіи; пограничная деревня въ Ганковичахъ до сихъ поръ называется «Рубежомъ». Екатерина II по присоединеніи Бѣлоруссіи раздавала щедрой рукой своимъ сановникамъ и приверженцамъ имѣнія польскихъ помѣщиковъ, не пожелавшихъ перейти въ русское подданство; тогда, между прочимъ, гр. Остерманъ получилъ имѣніе Сорицу въ лепельскомъ уѣздѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Бѣшенковичей. Гетманъ вел. княжества литовскаго Михаилъ Огинскій, которому принадлежала въ то время задвинская часть Бѣшенковичей, не былъ утвержденъ во владѣніи своимъ имѣніемъ, заложеннымъ еще въ 1770 г. гр. Плятеру въ обезпеченіе крупнаго долга [1]). Въ 1783 г. онъ уступилъ Бѣшенковичи дарственною записью Іоахиму Хрептовичу, сторонніку русской партіи [2]). Эта запись была подписана гетманомъ Огинскимъ въ Амстердамѣ, у мѣстнаго нотаріуса, 31 окт. 1783 г., затѣмъ 18 января 1785 г. представлена въ

---

[1]) Когда Огинскій былъ въ Петербургѣ послѣ элекціи Станислава Понятовскаго, Екатерина II оказывала ему знаки вниманія, предоставила помѣщеніе въ императорскомъ дворцѣ и т. п.; тѣмъ сильнѣе она вознегодовала на гетмана, принявшаго впослѣдствіи участіе въ барской конфедераціи и въ сраженіяхъ съ русскими войсками (п. 1787 года 14 марта). По присоединеніи Бѣлоруссіи имѣнія гетмана перешли въ русскую казну; нѣкоторыя изъ нихъ были розданы разнымъ лицамъ, напр. графство Круглое (hrabstwo Kruhlańskie) было отдано въ наслѣдственное владѣніе кн. Дашковой; другія уцѣлѣли лишь потому, что находились въ залогѣ у разныхъ лицъ, но на обратное ихъ полученіе у гетмана не было никакой надежды (п. 1787 г. 24 января).

[2]) По словамъ Омульскаго, гетманъ долженъ быть благодаренъ Хрептовичу за то, что Бѣшенковичи переходятъ къ лицу, расположенному къ гетману, а не въ чужія руки, въ силу конфискаціи (п. 1786 г. 15 марта). Гетману Хрептовичъ выплачивалъ по 3000 черв. зл. въ годъ (п. 1788 г. 31 дек.).

виленскій трибуналъ [1]). Вступленіе во владѣніе тою частью имѣнія гетмана Огинскаго, которая была расположена въ лепельскомъ уѣздѣ, т. е. подъ польскимъ владычествомъ, обошлось безъ особыхъ затрудненій; иначе обстояло дѣло съ утвержденіемъ правъ на части имѣнія, лежавшія въ русскихъ предѣлахъ; прежде всего надо было получить разрѣшеніе на принятіе русскаго подданства; разрѣшеніе это было дано Екатериной II въ мартѣ 1785 г.; впрочемъ, Хрептовичъ принесъ территоріальную присягу не лично, а черезъ другое лицо, капитана Чаплица, лѣтомъ 1785 г., въ могилевскомъ губернскомъ правленіи. Когда же Омульскій отправился въ качествѣ повѣреннаго Хрептовича къ могилевскому генералъ-губернатору Пассеку [2]) съ документами, подтверждавшими уступку Огинскимъ Бѣшенковичей и съ просьбой объ утвержденіи Хрептовича во владѣніи, то натолкнулся на цѣлый рядъ затрудненій. Въ обширномъ письмѣ Пассека къ Іоахиму Хрептовичу отъ 25 сентября 1785 г. говорится, между прочимъ, что «Огинскій не присягалъ Императрицѣ, а потому по Высочайшему повелѣнію имѣнія его взяты въ казну; но понеже графъ Платеръ предъявилъ тогда же въ здѣшнемъ правительствѣ [3]) документъ, что принадлежащія къ предмѣстью Бѣшенковичи земли [4]) находятся у него по заставному праву отъ графа Огинскаго, то Императрицей повелѣно оставить эти земли за нимъ графомъ Платеромъ до выбора заплаченной имъ суммы, а потомъ по смерть его съ пла-

---

[1]) Гр. Константинъ Платеръ, у котораго гетманъ Огинскій занялъ подъ залогъ Бѣшенковичей 1.100.000 зл. п., былъ женатъ на сестрѣ гетмана Августинѣ Огинской, а другая сестра гетмана Екатерина Огинская, вышедшая замужъ за литовскаго подканцлера Пржездзецкаго, была матерью жены Іоахима Хрептовича, Констанціи,—такимъ образомъ всѣ эти перезалоги и займы происходили въ тѣсномъ родственномъ кругу.

[2]) Петръ Богдановичъ Пассекъ, генералъ-аншефъ, родился 18 февр. 1736 г., умеръ въ Петербургѣ 22 марта 1804 г. въ отставкѣ. Будучи капитаномъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, много способствовалъ восшествію на престолъ Екатерины II. Бѣлорусскимъ намѣстникомъ, или губернаторомъ назначенъ въ 1782 г. на мѣсто гр. Захарія Григорьевича Чернышева, занявшаго въ Москвѣ постъ главнокомандующаго. (См. Записки Л. Н. Энгельгардта, изд. Р. Архива, М. 1867 г., стр. 12 и Семенова „Живописная Россія“, т. III, стр. 407).

[3]) Въ Могилевѣ.

[4]) Задвинскія земли.

тежемъ аренды. Слѣдовательно, настоящій владѣлецъ этой земли есть корона, и поэтому Огинскій не имѣетъ права эти земли даровать, не будучи здѣшнимъ подданнымъ, и Ваше Сіятельство по уступкѣ ихъ Вамъ не можете ими пользоваться, развѣ когда уступитъ Вамъ ихъ графъ Платеръ тѣмъ самымъ правомъ, какимъ онъ содержитъ [1]). Въ такомъ случаѣ Ваше Сіятельство, какъ здѣшній подданный, можете онымъ имѣніемъ пользоваться на таковомъ же основаніи и не инако, какъ съ Высочайшаго подтвержденія».—Хрептовичъ послѣдовалъ совѣту Пассека. 24 апрѣля 1786 г. состоялся въ Варшавѣ между нимъ и гр. Казиміромъ Константиновичемъ Плятеромъ договоръ, въ силу котораго Платеръ перезаложилъ Хрептовичу все имѣніе Бѣшенковичи по обѣ стороны Двины, т. е. взялъ съ Хрептовича ту сумму, которую гетманъ Огинскій занялъ у Константина Плятера и которая съ накопившимися за 16 лѣтъ процентами достигла 1469100 зл. п. [2]). Теперь предстояло добиться императорскаго указа на вводъ во владѣніе закордонною частью Бѣшенковичей. Исторія этихъ мытарствъ раскрывается въ письмахъ Омульскаго [3]).

Уже въ 1783 г., т. е. въ годъ подписанія Огинскимъ дарственной записи на Бѣшенковичи въ пользу Хрептовича, Омульскій со-

---

[1]) Въ личномъ разговорѣ съ Омульскимъ Пассекъ заявилъ, что закордонная часть Бѣшенковичей должна бы перейти въ императорскую казну, но Платеръ отстоялъ ее въ Казенной Палатѣ отъ конфискаціи, сославшись на свои претензіи къ гетману (п. 1785 г. 26 октября).

[2]) О расчетѣ Хрептовича съ Плятеромъ и наслѣдствѣ меречскаго старосты Огинскаго см. п.п. 1785 г. 30 ноября, 1786 г. 15 марта, 4 іюня, 10 іюля. Одно время существовалъ проектъ удовлетворить Плятера отдачей ему въ залогъ Лугиновичей съ фольваркомъ Константиновымъ. Омульскій сообщаетъ, что Лугиновичи расположены въ пяти миляхъ отъ Бѣшенковичей; въ 1786 г. въ Лугиновичахъ и Константиновѣ было 749 мужскихъ душъ и 736 женскихъ; при продажѣ въ собственность цѣна Лучиновичей равнялась бы 50.000 руб; земля въ Лугиновичахъ хорошая, есть луга; лѣса для стройки нѣтъ, какъ и во всѣхъ Бѣшенковичахъ, но есть заросли, годныя для топлива (п. п. 1786 г. 12 апрѣля 3 мая, 6 августа).

[3]) Исторія Бѣшенковичей въ XIX в. не входитъ въ рамки настоящей работы; здѣсь отмѣтимъ лишь, что въ іюлѣ 1812 г. въ Бѣшенковичахъ находились Наполеонъ, Мюратъ и Евгеній Богарне. Французы занимали Бѣшенковичи до 20 окт., послѣ чего ихъ вытѣснилъ оттуда отрядъ Витгенштейна.

бралъ для послѣдняго предварительныя краткія свѣдѣнія объ этомъ имѣніи. По этимъ даннымъ, въ Бѣшенковичахъ, расположенныхъ въ 10-ти миляхъ отъ Холопеничей и въ 4—5 миляхъ отъ Почаевичей, всего 1500 дворовъ (osady), въ томъ числѣ 700 въ «городѣ» Бѣшенковичахъ, а остальная часть—крестьяне живущіе въ деревняхъ; въ польской части Бѣшенковичей около 1000 дворовъ (wieszkońców), со включеніемъ городскихъ жителей, а «въ закордонномъ краѣ» около 500 [1]). Въ 1782 г. все Бѣшенковичское графство, считая и находящіяся за кордономъ земли, принесло валового дохода 96000 зл. „Земля—пишетъ Омульскій—хороша, лѣса почти нѣтъ, городъ послѣ пожара хорошо застроенъ; много жителей занимается торговлей; аренда оброчныхъ статей въ городѣ и корчемъ не велика: она составляетъ лишь 14000 зл. въ годъ“ [2]).—Болѣе подробныя свѣдѣнія о Бѣшенковичахъ Омульскій сообщаетъ въ письмѣ отъ 25 іюля 1785 г. „Городъ Бѣшенковичи—одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ Бѣлоруссіи, оставшихся (за Польшей) послѣ проведенія кордона. Онъ насчитываетъ до 750 дворовъ (osady) на польской сторонѣ и расположенъ при самой р. Двинѣ, благодаря чему находится въ лучшемъ сравнительно съ другими пограничными городами положеніи, хотя и стѣсненъ кордономъ; четырехнедѣльная ярмарка въ Бѣшенковичахъ, первая послѣ Зельвенской въ отношеніи ея общаго вида и съѣзда на нее, составляетъ главную поддержку города (iarmark... co do kształtu y zgromadzenia duszą iest iego (miasta) subsystencyi). Жители города—главнымъ образомъ христіане уніатскаго исповѣданія; есть среди нихъ и евреи, около полутораста домовъ. У мѣщанъ, кромѣ площадей, есть и пахотная земля (grunta), но, кромѣ этого, они почти всѣ проявляютъ склонность къ торговлѣ и ремесламъ. Два большихъ пожара, происшедшихъ въ городѣ болѣе десяти лѣтъ тому назадъ (przed kilkunasty laty), имѣли своимъ послѣдствіемъ обѣднѣніе многихъ жителей, несмотря на это среди христіанъ и евреевъ встрѣчаются люди достаточно состоятельные и ведущіе разнообразную торговлю. Есть значи-

---

[1]) 26 іюня 1786 г. Омульскій сообщаетъ, что во всемъ бѣшенковичскомъ графствѣ около 1700 дворовъ.

[2]) п. 1783 г. 2 дек.

тельное количество разнаго рода ремесленниковъ, причемъ преобладаютъ кожевники (garbarze), кузнецы, котельники (kotlarze), слесаря и гончары. Аренда съ самаго города составляетъ въ годъ около 1000 черв. зл... Мѣщане и крестьяне жалуются на притѣсненія (ucisk) (владѣльца по закладной Плятера), подтвержденіемъ чего является много пустыхъ дворовъ въ деревняхъ (wiele po wsiach pustek); даже въ городѣ дворъ препятствуетъ мѣщанамъ получать свои доходы, такъ какъ ведетъ свою отдѣльную торговлю спиртными напитками и разными заграничными и мѣстными товарами (dwór... utrzymuje swóy oddzielny handel y szynk różnych rzeczy, tak zagranicznych iako y domowych)... Въ городѣ есть латинскій костелъ съ домомъ для настоятеля (z plebanję), уніатская и диэунитская церкви; хотя обѣ онѣ послѣ пожара еще не возобновлены, но мѣщане хотятъ ихъ строить. На русской сторонѣ, сейчасъ за Двиной, не болѣе 140 домовъ; здѣсь находятся диэунитская церковь и два каменныхъ дома, построенные на счетъ Императорской казны для русскихъ таможенныхъ досмотрщиковъ (dla celników monarchicznych). Въ Бѣшенковичахъ нѣтъ главнаго фарфоста, или переѣзда (niema... głównego farfostu czyli przeiazdu), но находится застава или, какъ говоримъ мы, «przykomórek», черезъ которую переправляются только малые купчики, всѣ же большіе купцы должны направляться къ главнымъ фарфостамъ (muszą isc na głowne farfosty), находящимся въ Толочинѣ и въ Полоцкѣ. Наша скарбовая комиссія, примѣняясь къ русскому распоряженію относительно таможенъ (względem komor), также содержитъ въ Бѣшенковичахъ таможенную заставу (przykomórek) съ писаремъ и нѣсколькими скарбовыми солдатами. Сейчасъ послѣ проведенія кордона въ Бѣшенковичахъ была учреждена главная таможня, или главный фарфостъ (główna komora czyli farfost główny) и для города это было очень полезно, но послѣ перевода главной таможни (komory) въ Полоцкъ, Бѣшенковичи понесли большой ущербъ. Когда они перейдутъ въ ваше владѣніе, можно будетъ, приложивши къ тому старанія, добиться отъ закордоннаго правительства учрежденія третьяго главнаго фарфоста въ Бѣшенковичахъ, такъ какъ сами закордонные граждане, особенно купцы, очень стремятся къ этому".

Соглашеніе между Плятеромъ и Хрептовичемъ наступило, какъ сказано выше, лишь въ апрѣлѣ 1786 г., несмотря на то, что Омуль-

скій совѣтовалъ, по возможности, скорѣе изъять имѣніе изъ рукъ Плятера, чтобы пріостановить убыль населенія, бѣжавшаго отъ притѣсненій; гр. Плятеръ, жестоко обращавшійся съ крестьянами собственныхъ имѣній, особенно не стѣснялся въ Бѣшенковичахъ, которыми онъ владѣлъ по закладной [1]); эти тягости были особенно невыносимы для бѣшенковичскихъ крестьянъ, изнуренныхъ вымогательствами еще гетмана Огинскаго; по словамъ Омульскаго, угнетеніе крестьянъ въ имѣніяхъ гетмана—обычное явленіе [2]). Главную надежду Омульскій возлагалъ на польскую часть Бѣшенковичей; часть, находящуюся за кордономъ, онъ предназначалъ для продажи, не надѣясь извлечь изъ нея большой прибыли вслѣдствіе значительности императорскихъ податей, увеличенія поголовной подати (pogłówne, по рублю «съ мужской головы») и установленія кабаковъ [3]); онъ не сомнѣвался въ томъ, что найдутся желающіе пріобрѣсти у Хрептовича эти земли благодаря положенію послѣднихъ при самой польской границѣ; близость границы должна, по мнѣнію Омульскаго, облегчить перевозъ съ обѣихъ сторонъ контрабанды: когда за кордономъ будутъ установлены императорскіе кабаки, увеличится спросъ на перевозъ изъ Польши водки (gorzałek) и другихъ товаровъ, ввозъ которыхъ за кордонъ или совсѣмъ запрещенъ, или затрудненъ вслѣдствіе обложенія этихъ товаровъ высокой пошлиной [4]).

Послѣ соглашенія съ Плятеромъ Хрептовичъ постановилъ перевести на чиншъ польскую часть Бѣшенковичей; онъ шелъ, такимъ образомъ, на встрѣчу явному желанію крестьянъ, которые обращались къ Омульскому съ безпрестанными просьбами о введеніи этой реформы. Но Хрептовичъ хотѣлъ немедленно привести въ исполненіе свое намѣреніе, Омульскій же утверждалъ, что предварительно нужно собрать данныя относительно качества и количества пахотной земли, что заняло бы около двухъ лѣтъ, и лишь въ соотвѣтствіи съ этими

---

[1]) п. 1783 г. 22 декабря.

[2]) п. 1783 г. 15 декабря.

[3]) Въ письмѣ отъ 10 марта 1784 г. Омульскій сообщаетъ, что свѣдѣнія объ обремененіи закордонной части Бѣшенковичей тяжелыми податями оказываются преувеличенными.

[4]) п. 1784 г. 14 января.

данными установить размѣръ чинша. До этого Омульскій предлагалъ слѣдующую комбинацію: согласно инвентарной оцѣнкѣ все господское хозяйство (krescencya) Бѣшенковичскаго графства, какъ на польской, такъ и на русской сторонѣ, приносило дохода 16912 зл. 26¼ гр., расходъ же по имѣнію составлялъ 8154 зл. 22 гр., такимъ образомъ чистаго дохода получалось 8758 зл. 4¼ гр., Омульскій выразилъ желаніе уплачивать Хрептовичу весь этотъ доходъ и просилъ предоставить ему въ непосредственное распоряженіе на три года все хозяйство (całą krescencyę) Бѣшенковичей съ соединенными съ нимъ доходами и расходами [1]), но Хрептовичъ отказалъ Омульскому въ этой просьбѣ [2]). Въ письмѣ отъ 24 сент. 1787 г. изъ Бѣшенковичей, Омульскій подробнѣе излагаетъ причины, по которымъ онъ совѣтуетъ не торопиться съ переводомъ на чиншъ крестьянъ въ Бѣшенковичахъ: 1) надо, по его мнѣнію, опредѣлить, кто возьметъ тѣ земли, отъ которыхъ теперь получается доходъ въ господскую казну, и кто будетъ за нихъ платить (kto te grunta rozbierze, które teraz na skarb się zarabiają lub kto one zapłaci), 2) откуда возьмутъ хозяйственныя постройки (budovle gospodarskie) тѣ крестьяне, которые поселятся на земляхъ, особенно въ здѣшней мѣстности, въ которой такъ трудно получить лѣсъ на постройку; 3) здѣшнія имѣнія, находившіяся около 20 лѣтъ въ залоговомъ владѣніи (pod zastavą), нуждаются въ ремонтѣ мельницъ, корчемъ и другихъ построекъ; если имѣнія будутъ переведены на чиншъ, то помощью крестьянъ нельзя будетъ пользоваться такъ часто, какъ теперь, при панщинѣ; 4) неурожайные годы лишили многихъ крестьянъ скота, лошадей и всего достатка, такъ что они не были бы въ состояніи уплачивать даже незначительный чиншъ; наконецъ, необходимо позаботиться о способѣ использованія фольварочной пахотной земли. Омульскій заявляетъ, что онъ—не противникъ чинша; даже въ свей деревнѣ, которую онъ держитъ въ залоговомъ владѣніи (prawem zastawnym) у графа, онъ примѣняетъ эту систему, «но недостаточно перевести людей за чиншъ; надо еще позаботиться о предоставленіи

---

[1]) п. 1787 г. 11 іюня.

[2]) п. 1787 г. 16 іюля.

имъ способовъ заработка, дабы они аккуратно выплачивали чиншъ» [1]). Но Хрептовичъ не согласился съ этими доводами; въ виду этого въ письмѣ отъ 8 окт. 1787 г. изъ Бѣшенковичей Омульскій заявляетъ, что уже предстоящей весной онъ предполагаетъ ввести чиншевую систему, сначала въ одномъ, самомъ большомъ, Челнышскомъ (Czołnyski) фольваркѣ; онъ хотѣлъ установить чиншъ, по обычаю, съ земельной единицы (z miary gruntu), согласно инвентарю, такъ какъ измѣреніе земель не было еще произведено; кромѣ чинша онъ предполагалъ оговорить въ пользу владѣльца опредѣленную ежегодную ссыпку зернового хлѣба (zsypka w zbożu) и дань сѣномъ и соломой, а также доставку дровъ на отопленіе въ пользу эконома, затѣмъ починку дорогъ, мостовъ, мельницъ и корчемъ и, наконецъ, оставить извѣстное количество крестьянъ, (Ziemianie) для посылокъ и разныхъ порученій, (такъ наз. земянъ (do posyłek y exekucyi potrzebnych). „Безъ помощи волости (włości)—пишетъ Омульскій—совсѣмъ нельзя обойтись и пришлось бы во всемъ опуститься; безъ ея услугъ ничего нельзя сдѣлать, а безъ хлѣба было бы трудно жить; покупая же въ деревнѣ все за деньги, часто пришлось бы или переплачивать, или терпѣть недостатокъ“ [2]) 15 окт. 1788 г. Омульскій увѣдомляетъ Хрептовича изъ Бѣшенковичей, что крестьяне Челнышскаго фольварка выразили согласіе уплачивать съ уволоки по 20 р., т. е. по 133 зл. 10 гр., и поставлять съ уволоки 1/4 бочки ржи, столько же ячменя, столько же овса, немного птицы (drobiu) и возъ сѣна; переводя это на деньги и присоединяя 133 зл. 10 гр. наличными, получится около 150 зл. п. съ уволоки; кромѣ того крестьяне обязались починивать дорогу, засыпать мельничныя плотины, подвозить матеріалъ для построекъ и ремонта корчемъ и мельницъ и дрова на отопленіе съ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ закупитъ ихъ дворъ. Омульскій высказываетъ предположеніе, что если волость будетъ уплачивать все установленное, то доходъ съ фольварка не только не уменьшится, но, напротивъ, увеличится [3]). Но эти предположенія Омульскаго не вполнѣ были одобрены Хрептовичемъ: онъ потребовалъ перевести на чиншъ всѣ фольварки и запретилъ требовать съ крестъ-

[1]) п. 24 сент. 1787 г.

[2]) п. 1787 г. 8 окт.

[3]) п. 1787 г. 15 окт.

янъ ссыпку зерна. Въ письмѣ отъ 5 ноября 1787 г. изъ Бѣшенковичей Омульскій заявляетъ, что онъ, конечно, поступитъ согласно желанію Хрептовича, но настаиваетъ на сохраненіи института земянъ. Уплачивая чиншъ въ томъ же размѣрѣ, что и другіе крестьяне, но будучи освобождены отъ шарварка, земяне, по мнѣнію Омульскаго, должны употребляться для посылокъ и для несенія стражи; въ виду большихъ съѣздовъ на ярмарки необходима стража, которая предупреждала бы пожары, кража разбои и т. п., а въ имѣніи, насчитывающемъ свыше 3000 хозяевъ, нужны посыльные въ интересахъ какъ владѣльца, такъ и самыхъ крестьянъ: „одинъ подрался съ другимъ или былъ избитъ, этотъ насильно (gwałtem) что-нибудь забралъ или укралъ, тотъ не возвратилъ долга, иной не уплатилъ въ скарбъ чинша и т. п. во всѣхъ этихъ случаяхъ надо послать, надо призвать или привести обвиняемаго во дворъ; кто же это сдѣлаетъ? Если самъ экономъ, то въ теченіе всего года онъ не высидитъ ни одного часа во дворѣ, но принужденъ будетъ разъѣзжать, а на это у него не хватитъ ни лошадей, ни здоровья“. Но Хрептовичъ запретилъ пользоваться услугами земянъ [1]). Въ письмѣ отъ 10 дек. 1787 г. Омульскій высказываетъ предположеніе, что Челнышская волость согласится платить вмѣсто ссыпки чиншъ по 150 зл. п. съ уволоки, другія же волости, хотя и выражали желаніе быть переведенными на чиншъ, однако предлагали платить значительно меньшія суммы; однѣ давали 50 зл. съ уволоки, другія 64 зл.; Криживинской волости, земли которой не хуже, чѣмъ въ Челнышской, Омульской предложилъ платить по 133 зл. съ уволоки; Замковой и Изабеллинской волостямъ—первой 108 зл., а второй 116, такъ какъ земли ихъ хуже другихъ [2]). Съ земли находящейся въ пользованіи крестьянъ, не считая города и городскихъ застѣнковъ (zaściankow mieyskich), наберется, по мнѣнію Омульскаго, около 20000 зл. п. чинша, т. е. 11000 зл., получаемыхъ теперь, и 9000, ожидаемыхъ отъ поднятія платы послѣ упраздненія фольварковъ (z podwyszenia po zniesieniu folwarków) [3]); если удастся отдать

---

[1]) п. 1787 г. 10 дек.

[2]) Ibidem.

[3]) п. 1787 г. 3 дек.

на чиншъ и фольварочныя земли—пишетъ Омульскій 3 дек. 1787 г., то онѣ дадутъ 4000 зл. п., такимъ образомъ все увеличеніе доходовъ (cała auksya) при чиншевой системѣ, вмѣстѣ съ фольварочными землями, составитъ 13000 зл. п. [1]). Городъ съ застѣнками платитъ 9000 зл. п. чинша и увеличивать его, по мнѣнію Омульскаго, не слѣдуетъ [2]). Всѣ арендныя статьи города, т. е. пропинацію, мельницу и др. Омульскій сдалъ самому городу, обязавшемуся уплачивать по 950 черв. зл. въ годъ; контрактъ былъ заключенъ на три года; городъ выбралъ отъ себя двухъ писарей, христіанина и еврея, для сбора съ мѣщанъ; въ графскую же казну долженъ былъ вносить деньги самъ городъ [3]).

Въ маѣ 1785 г. Омульскій, поздравляя Хрептовича съ полученіемъ разрѣшенія на принесеніе территоріальной присяги по случаю перехода въ его владѣніе закордонной части Бѣшенковичей, поднимаетъ вопросъ объ уплатѣ съ этого имѣнія пошлины «или, по нашему, подати» въ императорскую казну (poszliny czyli po naszemu podatki od wartośc rzeczy nabywaiącey się); пошлина вносилась въ размѣрѣ 6% отъ 100, стоимость же имущества опредѣлялась по количеству „головъ“ (wartośc dóbr wyciąga się z głów), причемъ голова оцѣнивалась въ 25 рублей; такимъ образомъ, съ закордонной части Бѣшенковичей, оцѣнивавшейся въ 100.000 рублей, пришлось бы уплатить въ русскую казну 6000 р. (=40.000 зл. п.) [4]); Омульскій полагалъ, что необходимо принять мѣры къ уменьшенію этой пошлины, тѣмъ болѣе, что она обычно взимается при продажѣ имѣній за деньги, но не при переходѣ ихъ путемъ дара; «если—пишетъ Омульскій—ее будутъ требовать съ васъ, то деньги пойдутъ навѣрно не въ пользу государственной казны, но въ пользу мѣстныхъ правителей (podatek... nie na pożytek skarbu monarchicznego, ale na pożytek rządzących póydzie)... Необходимъ подарокъ намѣстнику [5]); затѣмъ двумъ губернаторамъ, моги-

---

[1]) Къ постепенному упраздненію фольварковъ было приступлено съ 1790 г.—п. 16 іюня 1790 г.

[2]) п. 1787 г. 3 дек.

[3]) ibidem.

[4]) п. п. 1785 г. 4 мая и 1 окт.

[5]) Пассеку.

левскому [1]) и полоцкому [2]), въ губерніяхъ которыхъ лежатъ эти части Бѣшенковичей; наконецъ, нужно приношеніе (potrzeba akomodacyi) и другимъ чиновникамъ, какъ то канцеляристамъ, но незначительное». „За кордономъ—пишетъ далѣе Омульскій—въ силу императорскаго указа, изданнаго два года тому назадъ, существуетъ особый родъ расхода для тамошнихъ помѣщиковъ, который теперь придется именно понести владѣльцу Бѣшенковичей.... Онъ состоитъ въ томъ, что назначеннымъ правительствомъ землемѣрамъ, прибывающимъ для опредѣленія границъ имѣнія, нужно не только заплатить установленную сумму за ихъ трудъ, но и остерегаться, какъ бы они не причинили ущерба (szkody) при размежеваніи, а достигнуть этого можно только путемъ особаго приношенія сверхъ слѣдуемаго этимъ землемѣрамъ вознагражденія (solarium)“ [3]).

Территоріальную присягу за Хрептовича предполагалъ принести самъ Омульскій [4]), но бѣлорусскій намѣстникъ Пассекъ посовѣтовалъ избрать уполномоченнымъ для принесенія присяги капитана Чаплица; по мнѣнію Омульскаго, намѣстникъ сдѣлалъ это не безъ умысла: „въ Россіи распространенъ обычай искать для себя выгоды при посредствѣ другихъ лицъ“ (iest to w Moskwie powszechny sposób szukania dla siebie korzyści przez osoby inne); Чаплицу нельзя было отказать, такъ какъ онъ пользовался особенной протекціей намѣстника. Онъ владѣлъ фольваркомъ, смежнымъ съ Бѣшенковичами, и успѣлъ присвоить себѣ нѣсколько уволокъ принадлежавшей Хрептовичу земли. «Надо—пишетъ Омульскій—остерегаться, какъ бы при удобномъ случаѣ онъ не захватилъ чего-нибудь болѣе крупнаго» (trzeba ostróżnosci, zeby czegos więcey maiąc zręczność nie zagarnał) [5]). Послѣ принесенія присяги Чаплицъ обратился къ Хрептовичу съ просьбой о вознагражденіи его за услугу фольваркомъ Павловичи и предоставленіемъ ему должности управляющаго закордонною частью Бѣшенко-

---

[1]) Энгельгардту (?).

[2]) Ланскому.

[3]) п. 1785 г. 4 мая.

[4]) п. 1785 г. 17 апр.

[5]) п. 1785 г. 11 мая.

вичей [1]). Въ Павловичахъ насчитывалось „по польскому счету около 30 съ лишнимъ хлоповъ, а по русскому 126 или 136 мужскихъ душъ“; стоимость этого фольварка достигала 70—80 тысячъ зл. п., но онъ находился въ залогѣ у нѣкоего Станишевскаго за 32000 зл. п. [2]); такимъ образомъ на долю Чаплица приходилось около 40000 зл. п. Павловичи были подарены Чаплицу въ томъ же 1785 г. [3]), но фактически онъ не могъ вступить во владѣніе этимъ фольваркомъ впредь до полученія Хрептовичемъ императорскаго указа о переходѣ къ нему русской части Бѣшенковичей, тѣмъ болѣе, что Станишевскій отказывался признать Павловичи принадлежащими къ Бѣшенковичамъ [4]); вслѣдствіе этой задержки Чаплицъ сталъ выражать сильное неудовольствіе. Въ письмѣ отъ 30 іюня 1786 г. Омульскій совѣтуетъ спросить Чаплица, какая именно услуга со стороны Хрептовича могла бы удовлетворить его; Омульскій напоминаетъ, что Чаплицъ—ближайшій агентъ намѣстника, и два родныхъ его брата состоятъ при намѣстникѣ [5]). Но Чаплицъ сталъ предъявлять непомѣрныя требованія: онъ выражалъ желаніе получить или въ безплатную аренду на нѣсколько лѣтъ фольваркъ Лушковичи [6]), или въ полную собственность семь деревень, принадлежавшихъ къ этому фольварку; по расчету Омульскаго, этотъ подарокъ обошелся бы въ 80.000 зл. п. [7]). Съ цѣлью «заткнуть ротъ» (zawrzeć usta) Чаплицу ему было выдано 3000 рублей [8]); но дѣло этимъ не кончилось; спустя два года, 16 дек. 1789 г., Омульскій пишетъ, что Чаплицъ, этотъ «бездонный мѣшокъ» (wor nienarchany), взявшій уже 3000 руб. и ничего не сдѣлавшій, предъявляетъ новыя притязанія на Лушковичи [9]).

---

[1]) п.п. 1785 г. 25 іюля, 14 сент., 1 окт.

[2]) п.п. 1785 г. 25 іюля, 14 сент.; въ письмѣ отъ 25 іюля 1785 г. Омульскій предъявляетъ залоговую сумму въ 16000 зл. п.

[3]) п. 1785 г. 28 дек.

[4]) п. 1786 г. 15 марта.

[5]) п. 1786 г. 30 іюня.

[6]) п. 1786 г. 11 сент.

[7]) п. 1786 г. 18 семт.

[8]) п.п. 1787 г. 3 янв:, 9 апр. 11 іюня.

[9]) см. также п. 1789 г. 9 дек.

На фольварки Лушковичи и Константиновъ были, кажется, виды и у самого Пассека; Омульскій сообщаетъ объ этомъ лишь въ видѣ догадки, но догадки правдоподобной, такъ какъ „намѣстникъ не имѣетъ обыкновенія дремать, когда дѣло касается его пользы“ (nie zwykł zasypiać na swoie pożytki) [1]) Пассекъ, дѣйствительно, любилъ подчеркивать и выставлять на видъ услуги, оказываемыя Хрептовичу, Омульскій же относился очень недовѣрчиво ко всѣмъ заявленіямъ и обѣщаніямъ Пассека и видѣлъ въ нихъ одинъ только расчетъ со стороны послѣдняго; такъ напр., Пассекъ заявлялъ, что только ему Хрептовичъ обязанъ разрѣшеніемъ на принесеніе территоріальной присяги; по его словамъ, даже Штакельбергъ не могъ добиться этого; императрица предварительно будто бы освѣдомилась, не тотъ ли это гр. Хрептовичъ, который внесъ манифестъ въ началѣ барской конфедераціи; императрица—говорилъ Омульскому Пассекъ—вообще предупреждена противъ гр. Хрептовича, вслѣдствіе доходящихъ до нея жалобъ на побѣги русскихъ крестьянъ—въ графскія имѣнія. Съ разрѣшенія Пассека принесъ присягу и Омульскій, благодаря чему онъ могъ вести дѣла за кордономъ. Но главное обѣщаніе—исходатайствованіе императорскаго указа о вводѣ Хрептовича во владѣніе русскою частью Бѣшенковичей [2]) не было исполнено Пассекомъ; сначала онъ

---

[1]) п. 1785 г. 1 окт.

[2]) Пассекъ давалъ обѣщаніе, что въ императорскомъ указѣ будутъ упомянуты не только Бѣщенковичи, но и спорныя войтовства Оболь въ Полоцкой губ. и Старое Село. находившееся въ залоговомъ владѣніи у витебскаго воеводы Лускино (п. 1786 г. 15 марта), Подобно Станишевскому, оспаривавшему принадлежность Павловичей къ Бѣшенковичскому графству, Лускино отказывался признать частью этого графства Старое Село. Въ письмѣ отъ 24 января 1787 г. Омульскій сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній объ этихъ войтовствахъ. „Оболь—нѣкогда ленное имѣніе (dobra niegdyś lenne), въ 16—18 миляхъ отъ Бѣшенковичей: въ немъ около 600 крестьянъ, считая по польскому способу, т. е. не душъ, а хозяевъ (polskim sposobem licząc dusz ale gospodarzów); онъ находится въ залогѣ (w zastawie) у воеводича Буржинскаго въ суммѣ 18000 бит. талеровъ. Во время малолѣтства Буржинскаго этимъ имѣніемъ управлялъ Плятеръ въ качествѣ опекуна и тогда оно приносило около 24000 зл. п. дохода, теперь оно можетъ принести около 30.000 зл. п., поэтому стоимость его можно опредѣлить въ 600.000 зл. п. „Старое Село дѣйствительно принадлежитъ къ Бѣшенковичскому графству, съ давняго времени оно бывало въ залогѣ у разныхъ лицъ (attinencią Hrabstwa Bieszenkowskiego od dawnych czasow

дѣйствовалъ черезъ посредство своего друга гр. Безбородко; онъ совѣтовалъ Омульскому задобрить послѣдняго и отправить ему двѣ бочки стараго венгерскаго вина, [1]) Безбородко же передалъ Пассекъ письмо Хрептовича къ императрицѣ съ просьбой о вводѣ во владѣніе Бѣшенковичами. [2]) Омульскій полагалъ, что Хрептовичу слѣдовало бы воспользоваться проѣздомъ Екатерины II черезъ Бѣлоруссію въ Крымъ [3]) и предстоящей встрѣчей императрицы съ польскимъ королемъ и лично представиться первой, [4]) но Хрептовичъ не нашелъ возможнымъ сопровождать Станислава—Августа въ его путешествіи [5]). Во время пребыванія Екатерины II въ Кіевѣ Пассекъ отправилъ туда брата капитана Чаплица, который долженъ былъ содѣйствовать дѣлу Хрептовича черезъ покровителя Пассека, Потемкина. „Я думаю—пишетъ Омульскій—18 мая 1787 г.,—что Пассекъ не можетъ упасть раньше Потемкина, а до паденія Потемкина, кажется, далеко". Въ іюнѣ того же года Омульскій сообщаетъ со словъ Чаплица, пріѣхавшаго за недополученной тысячей рублей, что за дѣло Хрептовича

---

po zastawach chodzaca); теперь состоитъ въ залогѣ (wzastawney possesyi) у бывшаго витебскаго воеводы Лускино за 72.000 зл. п. Нѣкогда въ немъ насчитывалось около 200 крестьянъ—хозяевъ (chlopow—gospodarzow), теперь, говорятъ, не болѣе 130. Это имѣніе отстоитъ отъ Бѣшенковичей на разстояніи 6 миль; оно расположено на горѣ, при самой Двинѣ; земля (grunta) тамъ хороша, есть и пуща". Лускино теперь считаетъ себя наслѣдственнымъ владѣльцемъ Стараго Села, какъ Станишевскій—Павловичей, но они добились этого, обманувши русскую казну; если бы Хрептовичъ добился императорскаго указа на Бѣшенковичи, они не могли бы препятствовать выкупу этихъ имѣній и довольны были бы, если бы ихъ поступокъ имъ сошелъ безнаказанно.

[1]) п. 1785 г. 26 окт.

[2]) п. 1787 г. 9 апр.; это письмо было составлено Пассекомъ—п. 1787 г. 24 янв.

[3]) 2 окт. 1786 г. Омульскій сообщаетъ о полученномъ объявленіи относительно предстоящаго въ январѣ проѣзда императрицы черезъ Бѣлоруссію въ Крымъ; „Бѣлорусскіе помѣщики—пишетъ Омульскій—должны поставить къ 15-му декабря ст. ст. съ каждыхъ 500 душъ по одной лошади съ человѣкомъ. Этотъ нарядъ вмѣстѣ съ другими издержками, сопряженными съ проѣздомъ императрицы, обойдется бѣлорусскимъ помѣщикамъ приблизительно въ 300.000 руб." Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ поставка лошадей замѣнялась подушнымъ сборомъ,—такъ, изъ имѣній Хребтовича въ Сѣнскомъ повѣтѣ Могилевской губ. приказано было взимать 22 коп. съ души, что составило 165 р.

[4]) п. 1787 г. 17 янв.

[5]) п. 1787 г. 19 февр.

взялся по просьбѣ намѣстника гофмаршалъ кн. Барятинскій (Baratynski marszałek dworu) и что намѣстникъ обѣщалъ лично довести въ Петербургѣ до конца это дѣло, если онъ ничего не добьется черезъ другихъ лицъ во время теперешняго путешествія императрицы. [1]) Хрептовичъ поступалъ согласно указаніямъ Пассека, дѣлалъ ему подарки виномъ, картинами, [2]) лошадью, [3]) писалъ по его совѣту письма къ гр. Безбородко, [4]) но все безрезультатно. Въ письмѣ отъ 8 сент. 1788 г. изъ Бѣшенковичей Омульскій сѣтуетъ на то, что закордонная часть Бѣшенковичей все еще считается казеннымъ имѣніемъ. „При настоящихъ обстоятельствахъ—пишетъ Омульскій,—когда Россія принуждена остаться съ поляками (menażować musi polakow), легче было бы уничтожить это названіе („казенное имѣніе“) и добиться наслѣдственнаго права на владѣніе если не при содѣйствіи намѣстника, то черезъ посредство посла “ [5]) 20 января 1790 г. Омульскій высказываетъ предложеніе, что Пассекъ, или хочетъ получить хорошее вознагражденіе за содѣйствіе по дѣлу о Бѣшенковичахъ [6]) или же, не имѣя

[1]) п. 1787 г. 11 іюня.—Пассекъ говорилъ Омульскому, что онъ предпочитаетъ лично дѣйствовать въ Петербургѣ, чѣмъ вести переписку, такъ какъ опасается выдать въ бумагѣ самого себя въ томъ что, „зная о поступкахъ Плятера и объ его слабыхъ основаніяхъ удержаться при имѣніяхъ гетмана, онъ, намѣстникъ, потворствовалъ всетаки Плятеру и не предостерегъ императорскую казну, которая, конечно, секвестрировала бы эти имѣнія“ (п. 1786 г. 15 марта).

[2]) 26 окт. 1785 г. Омульскій пишетъ, что картину, которую Хрептовичъ приготовилъ въ подарокъ Пассеку, можно отослать вмѣстѣ съ виномъ и поднести, если не самому Пассеку то его фавориткѣ, Маріи Сергѣевнѣ Салтыковой, рож. Волчковой, впослѣдствіи женѣ Пассека, (см. Записки Добрынина, въ разныхъ мѣстахъ СПБ. 1872 г.), для которой Пассекъ построилъ въ Смоленскѣ новый большой домъ.—О генер. Салтыковой см. тамже (п. 1786 г. 25 дек.)

[3]) Лошадь была подарена согласно выраженному Пассекомъ желанію; не получая ея въ теченіе нѣкотораго времени, Пассекъ заявилъ въ одномъ обществѣ, что „лошадь, обѣщанная г. Подканцлеромъ вѣроятно еще не родилась“ (п. п. 1788 г. 8 апр., 12 мая). За три года до этого Пассекъ подарилъ Хрептовичу „коня, величаемаго персидскимъ“ „(konia, perskim utytułowanego) (п. 1785 г. 26 окт.).

[4]) Нѣсколько сохранившихся черновиковъ этихъ писемъ принадлежитъ гр. К. А. Хрептовичу—Бутеневу.

[5]) Штакельберга.

[6]) Еще въ 1785 г., когда Омульскій былъ въ Могилевѣ, лица, близкія къ Пассеку, заявили ему, что намѣстникъ не приметъ отъ Хрептовича никакихъ подарковъ, развѣ

возможности исполнить свое обѣщаніе, дѣлаетъ видъ, что разрѣшеніе вопроса зависитъ отъ его поѣздки въ Петербургъ, куда онъ собирается уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Такъ какъ Хрептовичъ долгое время надѣялся на полученіе Императорскаго Указа относительно Бѣшенковичей, благодаря посредничеству Пассека, то Омульскій очень интересовался положеніемъ послѣдняго въ высшихъ административныхъ сферахъ Петербурга. Уже въ 1785 г. Омульскій совѣтуетъ Хрептовичу торопиться съ принесеніемъ территоріальной присяги, такъ какъ Пассекъ обвиненъ въ Петербургѣ въ разныхъ притѣсненіяхъ и вымогательствахъ, (Passek Namestnik oskarżonym jest w Petersburgu o różne wexacie y zdzierstwa obywatelów sakordonowych); вслѣдствіе поступившихъ къ самой Императрицѣ жалобъ закордонныхъ жителей, особенно евреевъ, назначена была особая комиссія для ревизіи дѣятельности намѣстника въ составѣ двухъ сенаторовъ, враждебныхъ Пассеку [1]). Въ 1786 г. противъ Пассека и могилевскаго губернатора Николая Богдановича Энгельгардта было возбуждено по Высочайшему Приказу судебное дѣло о злоупотребленіяхъ при постройкѣ въ Могилевѣ церкви во имя св. Іосифа. Камни для фундамента этой церкви были положены еще 29 мая 1780 г. Императрицей Екатериной II и римскимъ Императоромъ Іосифомъ II, путешествовавшимъ подъ именемъ гр. Фалькенштейна, въ память ихъ встрѣчи въ Могилевѣ. Императрица ассигновала на постройку 100.000 руб.; подрядъ былъ сданъ петербургскому купцу Петру Никифоровичу Чирьеву; тотъ, однако, обанкротился, не докончивши по-

---

только хорошую лошадь, да 2—3 антала стараго венгерекаго вина (п. 1785 г. 26 окт.); черезъ Чаплица намѣстникъ увѣрялъ Хрептовича, что онъ „считаетъ вопросомъ своей чести доказать, что въ Россіи пріязнь не всегда корыстна „(i w Moskwie nie zawsze iest przyiazn interessowana) (п. 1786 г. 15 марта). Омульскій, однако, не вѣрилъ этимъ заявленіямъ. 30 ноября 1785 г. онъ пишетъ, что намѣстникъ предполагаетъ, по слухамъ, обратиться къ Хрептовичу съ просьбой—исходатайствовать у гетмана Огинскаго отдачу принадлежащаго послѣднеиу леннаго имѣнія Оболь непосредственно намѣстнику, или подъ чужимъ именемъ. 14 дек. того же года Омульскій сообщаетъ, что по словамъ нѣкоторыхъ лицъ, Хрептовичу для улаженія его дѣла слѣдуетъ заплатить 10.000 руб. близкому родственнику Пассека Шипневскому. (О Шипневскомъ см. п. 1786 г. 10 іюля: см. также Записки Добрынина, стр. 250, 255—259).

[1]) п. 1785 г. 15 іюня.

стройки. Когда мѣстныя власти заключили Чирьева въ тюрьму, онъ подалъ Екатеринѣ II жалобу на представителей могилевской администраціи, обвиняя ихъ въ невыдачѣ всѣхъ назначенныхъ на постройку денегъ [1]); по словамъ подрядчика, администраторы присвоили себѣ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, да и онъ самъ принужденъ былъ не мало подарить имъ подъ видомъ разныхъ подарковъ (w różnych podarunkach). Омульскій, сообщая объ этомъ дѣлѣ, выражаетъ увѣренность, что лица, обвиненныя Чирьевымъ, «съумѣютъ сдѣлать судъ неблагопріятнымъ для подрядчика», но онъ находитъ, что самое назначеніе суда обидно для лицъ, пользующихся властью; «хотя подобное хозяйничанье не является рѣдкостью (nie nowina) въ этой странѣ, тѣмъ не менѣе всѣ чувствуютъ себя не хорошо» [2]). Предсказанія Омульскаго сбылись. 20 декабря 1786 г. онъ пишетъ, что Чирьевъ, котораго недоброжелатели намѣстника избрали орудіемъ преслѣдованія, присужденъ по приговору Сената къ наказанію плетьми, какъ клеветникъ; (kontrahent, ktory był wźięnty za instrument prześladowania namęstnika od nieprzychylnych jako potwarca wyrokiem Senatu na knuty osądzony został). Церковь во имя св. Іосифа была все таки воздвигнута въ Могилевѣ, но, по словамъ Омульскаго, она не соотвѣтствовала ни средствамъ, отпущеннымъ на постройку, ни желаніямъ Императрицы [3]). Ассигнованные Императрицей 100.000 руб., перешли въ значительной степени къ мѣстнымъ администраторамъ, при чемъ, самый старшій взялъ, естественно, болѣе другихъ (naywyzszy rządca wziąść musial naturalnie naywięcey), а затѣмъ всѣ свалили вину на подрядчика; когда дѣло дошло до Петербурга, подрядчикъ сталъ говорить всю правду; наконецъ слухи объ этихъ злоупотребленіяхъ дошли до Императрицы, которая прислала Елагина для производства новаго разслѣдованія. Кромѣ этого дѣла противъ намѣстника возбуждено много другихъ «сквер-

---

[1]) „Подрядчика строенія церкви, купца Чирьева, Пассекъ почтилъ отличнымъ своимъ покровительствомъ, для того, что онъ тѣмъ же матеріаломъ и работниками отдѣлывалъ ему мызу Пипенбергъ, названную такъ по имени Пипинки, побочнаго его сына". (Записки Г. И. Добрынина. Р. Стар. 1871 г. 115).

[2]) п. 1786 г. 13 іюня.

[3]) Окончательная постройка и освященіе этой церкви затянулось до 1798 г.

ныхъ обвиненій и уликъ» (wiele innych szpetnych zaskarżeń y zarzutów [1]). Если благодаря содѣйствію своихъ друзей, особенно генералъ-прокурора кн. Вяземскаго, намѣстникъ и выйдетъ съ честью изъ этого дѣла, то все-таки онъ, по мнѣнію Омульскаго, вѣроятно не удержится на своемъ посту [2]). Однако, Пассеку удалось разрушить возбужденныя противъ него интриги и сохранить за собою власть [3]), но обѣщанія, даннаго Хрептовичу, онъ, какъ уже сказано, не выполнилъ.

Высочайшая грамота нужна была Хрептовичу для пріобрѣтенія правъ на наслѣдственное владѣніе закордонною частью Бѣшенковичей, но уже въ 1786 г. за нимъ была признана на этой части Бѣшенковичей сумма въ количествѣ 60.000 съ лишнимъ рублей; взыскивая ее съ мѣстныхъ крестьянъ, Хрептовичъ владѣлъ бы имѣніемъ болѣе 40 лѣтъ, послѣ чего эта часть Бѣшенковичей должна была перейти въ русскую казну (do skarbu monarchicznego); это постановленіе имѣло лишь временную силу, т. е. до исходатайствованія Высочайшаго указа [4]). Расчетъ залоговой суммы, обезпеченной на закордонной части Бѣшенковичей, производился въ полоцкой казенной палатѣ [5]); въ Полоцкѣ Омульскій встрѣтилъ на первыхъ порахъ затрудненія со стороны мѣстнаго вице-губернатора Лопатина; впослѣдствіи оказалось, что Лопатинъ хотѣлъ получить польскій орденъ св. Станислава, о чемъ онъ ходатайствовалъ уже чрезъ русскаго греко-уніатскаго митрополита Смогоржевскаго и графа Плятера; затѣмъ сильно тормозилъ дѣло директоръ Полоцкой экономіи Лобачевъ [6]), опять та-

---

[1]) См. напр Семенова „Живописная Россія„ т. III, стр. 408 – о пожарѣ монастыря въ имѣніи кн. Ксаверія Любомирскаго Дубровкѣ и „разслѣдованіи“, произведенномъ по этому дѣлу Пассекомъ.

[2]) п. 1787 г., безъ начала.—Одно время ходили слухи о назначеніи на мѣсто Пассека кн. Голицына—п. 1786 г. 18 сент.

[3]) Только Имп. Павелъ отставилъ Пассека отъ службы и сослалъ въ его смоленскую вотчину Яковлевичи, съ воспрещеніемъ выѣзда оттуда. (Семеновъ. „Жив. Россія“. Т. III, Спб. М. 1882 г., стр. 408).

[4]) п. 1786 г. 10 іюля.

[5]) п. 1787 г. 19 мая.

[6]) „въ Россіи—пищетъ Омульскій 10 марта 1788 г. по поводу своихъ сношеній съ полоцкой казенной палатой—не скоро движутся дѣла, въ которыхъ правительству прихо-

ки, по мнѣнію Омульскаго, въ ожиданіи взятки (datku) 1). „Еще осенью читаемъ въ письмѣ отъ 30 января 1788 г.—я писалъ вамъ, что Буржинскій, имѣя залоговую сумму на фольваркѣ Оболь, истратилъ около полуторы тысячи рублей на счетчиковъ (rachmistrzów) казенной палаты и выгадалъ хорошія деньги"; Омульскій выражаетъ желаніе послѣдовать этому примѣру и спрашиваетъ разрѣшенія у Хрептовича.

Актъ о вводѣ Хрептовича во владѣніе *польскою* частью Бѣшенковичей былъ совершенъ въ декабрѣ 1785 г. 2). Крестьяне этой части Бѣшенковичей отличались въ то время бѣдностью 3). Обнищалъ къ тому времени и городъ Бѣшенковичи вслѣдствіе бывшихъ пожаровъ, проведенія кордона и перевода главной таможни (komora) въ Полоцкъ; главной поддержкой города являлась р. Двина и ярмарка (miasto... krzepi się Dzwiną, nad ktorą leży, y jarmarkiem); уже въ 1786 г. оборотъ ярмарки достигалъ 15.000 черв. зл. 4) На Бѣшенковичскую ярмарку, начинавшуюся „въ день св. Петра русскаго", 5) стекались купцы не только изъ близлежащихъ городовъ и мѣстечекъ, но и изъ болѣе отдаленныхъ крупныхъ центровъ, Вильно, Минска, Бреста, Слуцка, Слонима, Левартова и др. Омульскій старался привлекать на ярмарку видныхъ представителей торговаго міра; по его приглашенію виленскій купецъ Іохеръ прислалъ въ 1787 г. на ярмарку свои галантерейные товары; Омульскій предоставилъ ему безплатно лавку (kramę) и содержалъ его людей и лошадей. Онъ угощалъ обѣдомъ посѣтившихъ въ томъ же году ярмарку представителей администраціи, полоцкаго губернатора Лунина, директора полоцкой экономіи

дится дать что-нибудь кому-нибудь или оказать правосудіе; скоро идетъ дѣло лишь въ томъ случаѣ, когда нужно отдать что-нибудь правительству; говоря правду, въ правительствахъ всѣхъ странъ найдутся подобные недостатки, но въ Россіи это встрѣчается особенно часто; тамъ наиболѣе памятуютъ евангельскій текстъ: date nobis, dabitur vobis и слѣдуютъ ему".

1) п. 1787 г. 3 дек.

2) п. п. 1785 г. 30 ноябр., 7 дек.

3) п. 1786 г. 6 авг.

4) Ibidem.

5) Въ Бѣшенковичахъ донынѣ происходитъ значительная ярмарка, т. наз. Петропавловская, съ 29 іюня по 27 іюля.

Лобачева и другихъ должностныхъ лицъ [1]). Въ 1791 г. Омульскій имѣлъ возможность сообщить Хрептовичу о значительномъ развитіи Бѣшенковичской ярмарки: въ этомъ году стоимость привезенныхъ на нее товаровъ достигла болѣе милліона зл. п., а выручка около 400.000. [2])

Магдебургское право, дарованное Бѣшенковичамъ въ 1634 г. при Казимірѣ Львѣ Сапѣгѣ, впослѣдствіи, вѣроятно, было утрачено и даже была позабыта память о немъ. Въ 1786 г. Бѣшенковичскіе мѣщане и евреи предполагали ходатайствовать передъ Хрептовичемъ объ установленіи этого права; по этому поводу Омульскій въ письмѣ отъ 11 сен. 1786 г. утверждаетъ, что Бѣшенковичи никогда не пользовались магдебургіей—онъ возстаетъ противъ удовлетворенія этого ходатайства, находя, что новые зажиточные мѣщане стремятся такимъ путемъ обложить поборами (składki) болѣе бѣдныхъ и неразсудительныхъ согражданъ; «имъ можно и даже должно—пишетъ Омульскій—разрѣшить установленіе въ городѣ собственнаго суда, съ согласія владѣльца, въ ихъ домашнихъ дѣлахъ, особенно въ дѣлахъ о наслѣдствѣ и въ торговыхъ, но все таки должна быть апелляція къ власти управляющей имѣніемъ и (do zwierzchności zarządzającey), а отъ нея къ самому владѣльцу, если это понадобится»; [3]) вообще ли Омульскій находитъ, что мѣщане пользуются въ Бѣшенковичахъ достаточными вольностями, таковы: „свобода торговли на сушѣ и на водахъ (wolnosc handlow lądowych y wodnych), занятія ремеслами, распоряженіе своимъ имуществомъ (szafowanie swoim maiątkiem), владѣніе домами, которые составляютъ ихъ собственность, площадями и землями, за которыя

---

[1]) п. 1787 г. 16 іюля.

[2]) п. 1791 г. 8 августа.

[3]) п. 1786 г. 11 сент.—Въ 1789 г. Омульскій сообщаетъ, что мѣщане ходатайствуютъ объ установленіи магдебургской юрисдикціи sine jure gladii въ предѣлахъ Бѣшенковичей съ апелляціей къ владѣльцу, или имъ установленному начальству; мотивами этого ходатайства они выставляютъ свои торговые интересы, заключеніе браковъ и желаніе избѣгать презрѣнія со стороны тѣхъ городовъ, которые пользуются магдебургскимъ правомъ (dla handlów swoich, jako też dla wchodzenia w małżęskie śluby, niemniey dla uniknienia wzgardy od miast innych zaszczyconych przy zdykcyami Magdeburgii) (п. п. 1789 г. 1 іюня, 8 іюня).

они уплачиваютъ чиншъ, обезпеченіе наслѣдствъ (sukcessyi zabespieczenie), пользованіе ремесленниками только за плату, непринужденіе къ работамъ и услугамъ въ пользу двора, за исключеніемъ тѣхъ, къ которымъ они обязаны съ давнихъ временъ и которыя исполняютъ донынѣ". [1])

Бѣшенковичи, какъ торговый и портовый городъ, находились въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Ригой; Рига ввозила въ Бѣшенковичи деньги, Бѣшенковичи же занимались для нея комиссіонерствомъ; дѣло не обходилось безъ взаимныхъ обмановъ, о чемъ свидѣтельствуютъ поступавшія къ Омульскому жалобы рижскихъ купцовъ [2]). Бѣщенковичи были расположены при самой русской границѣ. Трудности, соединенныя съ переѣздомъ черезъ границу, и высокія таможенныя пошлины, установленныя русскимъ правительствомъ, подстрекали какъ русскихъ, такъ и польскихъ жителей къ контрабандному провозу товаровъ. Разставленная на русской границѣ таможенная стража или недостаточно зорко наблюдала или же,—что случалось очень часто—сама содѣйствовала за деньги тайному провозу товаровъ. Усиленно практиковался такой провозъ и въ Бѣшенковичахъ, отдѣленныхъ отъ границы одной только р. Двиной. „Нѣтъ дня—пишетъ Омульскій 11 іюня 1787 г.,—чтобы что-нибудь не было перевезено съ этой стороны на ту, или съ той стороны на эту, и все это проходило бы благополучно, *съ взаимной пользой для населенія* (z pożytkiem dla ludu wzaiemnym), если бы кромѣ стражи не было еще тайныхъ шпіоновъ (ukrytych szpiegow), отъ которыхъ не могутъ уберечься перевозчики, не зная ихъ". Одинъ такой шпіонъ, Ѳедоръ Буевичъ, бѣшенковичскій мѣщанинъ, нанятый совѣтникомъ или суперъ-интендентомъ русской таможни въ Полоцкѣ, донесъ стражѣ объ одномъ

---

[1]) Въ письмѣ отъ 13 янв. 1790 г. Омульскій находитъ, что слѣдуетъ удовлетворить ходатайство бѣшенковичскихъ мѣщанъ объ учрежденіи магистрата, но надо имѣть въ виду, „чтобы болѣе зажиточные не притѣсняли болѣе бѣдныхъ, чтобы лица всѣхъ исповѣданій могли безпрепятственно проживать въ городѣ и занимать городскія должности (uszędy miejskie) и чтобы даже евреи могли имѣть въ этомъ судѣ пропорціональное количество ассесоровъ „при разборѣ дѣлъ, возникающихъ между христіанами и евреями"

[2]) п. 1787 г. 4 іюня.

мѣстномъ евреѣ, тайно переправлявшемъ на челнокѣ черезъ Двину русскіе товары на 700 р. Стража захватила челнокъ съ товарами и доставила его въ Полоцкъ; несмотря на старанія Омульскаго, трудно было получить товары обратно. «Такимъ образомъ—пишетъ Омульскій—пропалъ бѣдный еврей изъ за жадности (dla chciwości) одного человѣка, но самое худшее то, что если не наказать шпіона, то могутъ участиться подобные случаи, и здѣшніе граждане, изъ страха передъ шпіонами, могутъ отказаться отъ промысловъ (zastanowić obiwatelów w przemysłach); поэтому они требуютъ, чтобы я наказалъ этого человѣка, заключивши его въ тюрьму или изгнавши изъ города» 1). Но Омульскаго останавливало то, что онъ самъ нуждался въ русскомъ совѣтникѣ, который опредѣлилъ этого шпіона. Омульскій хотѣлъ сначала или заключить шпіона въ тюрьму или „подъ звуки барабана объявить его въ городѣ безчестнымъ и вреднымъ для общества человѣкомъ и запретить честнымъ людямъ всякое сношеніе съ нимъ, какъ съ человѣкомъ проклятымъ“; (moją myślą było albo go wziąść do więzienia albo li też przy bębnie publikować go w miescie za człeka niegodziwego y obywatelstwu szkodliwego, oraz zakazania z nim iak z wyklętym człowiekiem wszelkiego społeczenstwa uczciwym ludziom), но, изъ вниманія къ совѣтнику онъ ограничился тѣмъ, что призвалъ къ себѣ виднѣйшихъ мѣщанъ, среди которыхъ находился и обвиняемый Буевичъ, не знавшій о поступившихъ къ Омульскому донесеніяхъ, а также кагальныхъ евреевъ и заявилъ имъ, что, по дошедшимъ до него слухамъ, въ городѣ есть люди, избравшіе своей профессіей шпіонство, и что онъ, Омульскій, обѣщаетъ награду тѣмъ, кто доставитъ вѣрныя свѣдѣнія объ этихъ шпіонахъ, а занимающіеся «позорнымъ ремесломъ шпіоновъ» будутъ подвергнуты самой суровой карѣ (obiecuię... kare naysurowszą na tych, który by się tym niegodziwym zarobkiem szpiegowania zatrudniać chcieli) 2). Въ письмѣ отъ 16 іюля 1787 г. Омульскій сообщаетъ, что онъ старается не производить шума и поэтому не наказалъ шпіона Буевича, сославшись на недостаточность уликъ, но, что онъ при-

---

1) п. 1787 г. 11 іюня.

2) ibidem.

нимаетъ мѣры къ искорененію шпіонства; еврею же, на котораго донесъ Буевичъ, возвращены двѣ трети его товаровъ.

Начиная съ 1789 г. мы встрѣчаемся съ жалобами Омульскаго на упадокъ города Бѣшенковичей; этотъ упадокъ Омульскій объясняетъ близостью границы и стѣсненіями въ торговлѣ; вслѣдствіе установленія двухъ русскихъ главныхъ таможенныхъ переѣздовъ (głowne przeiazdy)—въ Толочинѣ, отстоящемъ отъ Бѣшенковичей на разстояніи 20 миль, и въ Полоцкѣ, отстоящемъ на 14 миль, городъ Бѣшенковичи лишился возможности безпрепятственно перевозить товары, отправляемые за кордонъ и получаемые оттуда [1]). Въ 1790 г. Омульскій долженъ былъ констатировать уменьшеніе арендныхъ статей имѣнія сравнительно съ предыдущими годами на 77 черв. зл., но это обстоятельство, по мнѣнію Омульскаго, вызвано не упадкомъ имѣнія, а неурожаями прежнихъ лѣтъ [2]), сокращеніемъ лѣсной торговли и суровостью минувшей зимы. «Если бы—пишетъ Омульскій— подданный крестьянинъ находился здѣсь (т. е. въ русскихъ имѣніяхъ графа) подъ властью арендатора, какъ это бываетъ въ имѣніяхъ другихъ пановъ, то уменьшеніе аренды могло бы свидѣтельствовать объ упадкѣ имѣнія (defalka w arendzie mogła by oznaczac deteriozacią dóbr), такъ какъ арендаторъ получаетъ весь доходъ (wszystką intratę) съ крестьянина; у насъ же происходитъ иначе, такъ какъ у арендатора нѣтъ

---

[1]) п. п. 1789 г. 8 іюня, 1790 г. 28 апр.—Омульскій полагалъ, что въ случаѣ перемѣнъ въ политическомъ положеніи Рѣчи Посполитой слѣдовало бы заключить съ Россіей торговый трактатъ, который, устанавливая главные переѣзды и таможни (głowne przeiazdy y komory celne), обезпечивалъ бы взаимныя выгоды; въ настоящее же время (1789 г.) приходится, по словамъ Омульскаго, подчиняться самовольнымъ разпоряженіямъ Россіи (arbitralnym rozrządzeniom Moskwy).—О русской таможнѣ въ Бѣшенковичахъ см. „Записки Л. М. Энгельгардта“, изд. Р. Архива, М. 1867 г. стр. 14—15.

[2]) Особенно сильный неурожай постигъ всю Литву въ 1786—87 г.г., въ польской части Бѣшенковичей дворъ принужденъ былъ засѣять собственнымъ зерномъ уже вспаханныя крестьянскія поля, давать хлѣбъ въ ссуду и пріискивать заработки для бѣдствующаго населенія; въ русской части ясно обстояло лучше, тамъ существовали крестьянскіе магазины, которые ссужали волость хлѣбомъ и для прокорма, и на обсѣмененіе; нуждѣ крестьянскаго населенія способствовала также скупка зерноваго хлѣба для русскихъ магазиновъ. Стоимость ржи поднялась въ то время въ Бѣшенковичахъ до 3-хъ и даже 4-хъ черв. злот. за бочку—п. п. 1787 г. 18 мая, 28 мая.

никакой власти надъ имѣніемъ крестьянина; арендаторъ пользуется лишь первенствомъ при покупкѣ товара, но только за наличныя деньги (za gotowe pieniądze), по такой цѣнѣ и по такому вѣсу, какіе существуютъ на базарахъ (na targach), причемъ крестьянинъ въ вправѣ отвести свой товаръ во всякое время въ городъ и продать, кому угодно, если не согласится съ арендаторомъ. При такихъ условіяхъ арендаторы основываютъ свои расчеты не столько на зажиточности жителей, сколько на оборотахъ (arendarze niekoniecznie na dostatku mieszkańców ale na nadzieiach obrótów funduią sią) эти надежды на обороты нерѣдко оправдываются (udaią się) въ болѣе спокойное время, когда происходятъ частыя торговыя сдѣлки,—тогда зажиточнѣйшіе купцы болѣе нуждаются въ посредничествѣ (faktorstwie) арендаторовъ и, ссужая ихъ кредитомъ, даютъ имъ тѣмъ самымъ возможность совершать разные обороты и получать барыши (zyski); но въ трудныя и тревожныя времена у арендаторовъ нѣтъ возможности ни пользоваться кредитомъ, ни самимъ рисковать (azardować się), а если бы кто нибудь и рѣшился на рискъ, то у него или недостаетъ для этого средствъ, или ихъ совсѣмъ нѣтъ“ [1]). Восемь лѣтъ тому назадъ доходъ съ арендныхъ статей достигалъ 18 тысячъ зл.; теперь—говоритъ Омульскій въ томъ же письмѣ—онъ увеличился почти вдвое; когда можно было повышать арендные платежи, Омульскій это дѣлалъ, теперь же оказалось необходимымъ сбавить ихъ [2]).

Особенно уменьшился доходъ съ Бѣшенковичей съ 1793 г.; изъ вѣдомости, приложенной къ письму Омульскаго отъ 8 янв. 1796 г., видно, что убыль дохода съ Бѣшенковичей по сю сторону Двины (z tey strony Dzwiny) составляла 6,876 зл. 9 гр. въ годъ, а съ задвинскаго и Лушковичскаго ключей—12804 зл. 9 гр., а именно:

Съ Бѣшенковичскихъ имѣній по сю сторону Двины:

На арендахъ (Бѣшенковичской городской съ Кривиномъ, на Троянахъ, на Макаревичахъ, на Бересняхъ, на Чолнышкахъ съ

---

[1]) п. 1790 г. 26 мая.

[2]) ibidem.

Селищемъ, на Милковичахъ, на Ворохопкахъ)	4095 зл. п. —
На 25033 зл. п. чинша, получаемыхъ съ Бѣшенковичскихъ имѣній по сю сторону Двины золотомъ сначала по 18 зл. за червонецъ или рублями по 6 зл., а теперь получающихся золотомъ по 20 зл. за червонецъ или рублями по 6 зл. 20 гр.	2781 зл. п. 9 гр.
Итого . .	6876 зл. п. 9 гр.

Съ Задвинскаго и Лушковичскаго ключей:

На арендахъ въ Задвинскомъ ключѣ вслѣдствіе запрещенія правительствомъ евреямъ винокуренія и запечатанія ихъ винокуренъ (przez zabronienie od rządu pędzenia gorzałki zydom y zapieczętowanie ich browarow)	4000 зл. п. —
На арендѣ въ Лушковичахъ по той же причинѣ	2000 зл. п. —
На уменьшенныхъ чиншахъ съ крестьянъ Задвинскаго ключа вслѣдствіе введенія по распоряженію Казенной Палаты новаго инвентаря и взиманію чинша только согласно этому инвентарю . .	6055 зл. п. 9 гр.
На закупленномъ (уничтоженномъ?) казенной палатой зерновомъ хлѣбѣ (na skassowaney krescencyi przez Kazienną Pałatę) . .	749 зл. п. —
Итого . .	12804 зл. п. 9 гр.

Въ 1791 г. Хрептовичъ предполагалъ продать Бѣшенковичи, или обмѣнять ихъ на другое имѣніе гетмана Огинскаго; по этому поводу Омульскій писалъ, что онъ затрудняется найти покупателя на столь обширное помѣстье, приносящее около 80000 зл. п. годового дохода; трудность усугублялась тѣмъ рискомъ, съ которымъ для покупателя было связано пріобрѣтеніе Бѣшенковичей: закордонная часть

этого имѣнія все еще не находилась въ наслѣдственномъ владѣніи Хрептовича, и пользованіе его зависѣло лишь отъ милости тамошняго правительства. Скептически относился Омульскій и къ замѣнѣ Бѣшенковичей на другое имѣніе; онъ ссылался на незнакомство съ положеніемъ гетманскихъ имѣній и на невозможность опредѣлить приносимый ими доходъ, основывавшійся главнымъ образомъ на монополіяхъ и угнетеніи крестьянъ (na monopoliach y ucisku włoscion) 1).

Проектъ продажи или замѣны Бѣшенковичей на другое имѣніе не былъ осуществленъ. Въ 1795 г. всѣ бѣлорусскія имѣнія Хрепто-

---

1) Изъ имѣній гетмана Огинскаго, которыя можно бы обмѣнять на Бѣшенковичи, въ письмахъ Омульскаго упоминаются Иве и Бобръ; въ Бобрѣ не болѣе 250 домовъ (osiadłości); доходъ съ Бобра достигаетъ только 24 тысячъ; канцлеръ Сапѣга считалъ гетмана Огинскаго лишь залогодержателемъ (zastawnik) Бобра и велъ противъ него дѣло въ Орщанскомъ земствѣ.—п. п. 1791 г. 5 окт., 19 окт.

Въ письмѣ отъ 36 августа 1808 къ сыну Иринею, только что поселившемуся съ молодой женой въ Бѣшенковичахъ, Іоахимъ Хрептовичъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Мнѣ на умъ приходятъ слѣдующія мысли относительно Вашего города Бѣшенковичи и вообще Бѣлоруссіи. Еще многимъ, и мнѣ въ томъ числѣ, памятно то время, когда въ Польшѣ смотрѣли на Бѣлоруссію, какъ на одну изъ наиболѣе производительныхъ и богатыхъ провинцій; наши польскіе магнаты извлекали оттуда наибольшіе доходы, которые тратились ими въ другихъ частяхъ королевства; Бѣлоруссія славилась, какъ теперь славятся Украйна и Подолія. Было въ ней много цвѣтущихъ городовъ. Нѣкій Карабанко изъ Могилева арендовалъ въ Австріи, даже отъ Цесарскаго Двора, всѣ кузницы въ Штиріи, гдѣ выдѣлывались косы и другія желѣзныя орудія; нѣкій купецъ Игольникъ въ Витебскѣ велъ торговлю съ милліоннымъ оборотомъ. Я еще помню время, когда въ Минскѣ жили мѣщане, у которыхъ магнаты занимали въ домъ сотни тысячъ. Куда это все дѣвалось, объ этомъ не вѣдаю. Какимъ измѣненіямъ направленія торговли приписать эту утрату благосостоянія? Сами Бѣшенковичи были очень замѣчательнымъ городомъ съ богатыми, ведущими торговлю мѣщанами (bourgeois). Быть можетъ, какая нибудь общая причина повліяла на эту перемѣну, но самая близкая, вѣроятно, заключается въ томъ, что замлевладѣльцы—собственники (propriétaires) никогда не отстаивали интересовъ мѣщанъ, что арендаторы имѣній и ихъ управляющіе не видѣли другой цѣли, какъ извлеченіе какъ можно большаго количества денегъ отъ мѣщанъ, подъ всевозможными видами. Вы сами теперь на мѣстѣ увидите слѣды прежняго благосостоянія города и это Вамъ дастъ поводъ къ размышленіямъ и къ проектамъ для улучшенія положенія".

(Переводъ съ французскаго Гр. Хр.-Бут.).

вича были заняты русскими войсками и конфискованы; извѣстіе объ этомъ застигло Хрептовича во время его путешествія по Италіи съ сыномъ Иринеемъ. По возвращеніи въ Литву Хрептовичъ добился снятія конфискаціи и вскорѣ послѣ этого передалъ дарственною записью всѣ свои имѣнія двумъ оставшимся въ живыхъ сыновьямъ, Адаму и Иринею [1]), поручивши имъ уплатить долги, лежавшіе на имѣніяхъ; Адаму достались Изорсы и Вишневъ, а Иринею всѣ бѣлорусскія имѣнія, и въ томъ числѣ Бѣшенковичи, цѣликомъ отнесенные въ 1795 г. къ новому Лепельскому уѣзду Полоцкой губ. [2]), образованному изъ значительной части оршанскаго повѣта.—Ириней Хрептовичъ [3]) поступилъ на русскую службу, присутствовалъ на коронаціи Павла I и пожалованъ былъ камергеромъ и кавалеромъ мальтійскаго ордена. Ему именно удалось исходатайствовать высочайшій указъ относительно Бѣшенковичей, котораго такъ долго добивался Іоахимъ. 17 янв. 1799 г. Павелъ I подписалъ указъ сенату, въ которомъ повелѣвалось взятое въ казну имѣніе Огинскаго Бѣшенковичи съ Лушковичами „отдать въ вѣчное и потомственное владѣніе (Хреп-

---

[1]) У Іоахима Хрептовича было 4 сына: Адамъ* 19 марта 1768 г., Александръ* 8 янв. 1772 г., Игнатій* 12 іюня 1773 г. и Ириней* 19 февр. 1775 г. и дочь Ева* 9 марта 1769 г. Въ 1780 г. Омульскій ѣздилъ въ Вильно со старшими сыновьями Хрептовича, Адамомъ и Александромъ, и устроилъ ихъ вмѣстѣ съ гувернеромъ кс. Кундзичемъ, преемникомъ француза Durand'a на квартирѣ ректора виленской коллегіи, кс. Почобута (п.п. 1780 г. 20 окт., 1781 г. 8 окт.). Учителемъ рисованія у этихъ сыновей Хрептовича былъ d'Аренкуръ (d'Arencourt) (п. 1780 г. 15 дек.).—Въ письмѣ отъ 19 авг. 1783 г. Омульскій описываетъ свою поѣздку съ сыновьями Іоахима въ Несвижъ, къ кн. Радзивиллу Пане Коханку.—Въ одномъ изъ писемъ 1787 г. (безъ начала) Омульскій сообщаетъ, что велятицкій староста Тышкевичъ проситъ содѣйствія Хрептовича въ полученіи имъ минскаго староства, оставшагося вакантнымъ послѣ недавней смерти кн. подкоморія (кн. Іеронима Радзивилла). Имѣнія Тышкевича составляли въ то время около $2^1/_2$ милліоновъ; у него было 3 дочери и одинъ сынъ; „принимая во вниманіе состояніе, которое перейдетъ къ сыну—пишетъ Омульскій—могъ бы возникнуть проектъ относительно сватовства его къ паннѣ Евѣ; одно лишь препятствуетъ этому, именно то, что сынъ велятицкаго старосты всегда будетъ богаче деньгами, чѣмъ умомъ".

[2]) Теперь Витебской.

[3]) Ириней Хрептовичъ выплачивалъ отцу годовую пенсію въ размѣрѣ 40.000 зл. п. (п.п. 1797 г. 2 апр., 17 дек.).

товичу), а въ вознагражденіе убытковъ, понесенныхъ имъ отъ взятія сего имѣнія въ казну исключить 25 тысячъ изъ 56666 р. состоящаго на немъ по іезуитскому имѣнію долга“ [1]).

И. С. Рябининъ.

---

[1]) „Исторія Бѣшенковичей“, стр. 64—65.—О хлопотахъ Иринея Хрептовича въ Петербургѣ см. п.п. 1797 г. 20 сент., 1798 г. 21 марта, 3 іюля, 25 авг., 10 сент.; 1799 г. 11 марта.

Другія свѣдѣнія о Бѣшенковичахъ:

О замѣщеніи русскаго прихода въ Бѣшенковичахъ—п.п. 1786 г. 18 янв., 23 окт. 1787 г. 28 февр.

О проектѣ отдачи въ залогъ гр. Плятеру Лушковичей. По поводу этого проекта Омульскій въ письмѣ отъ 3 мая 1786 г. совѣтуетъ при заключеніи сдѣлки придерживаться „польской формы“, но ни въ коемъ случаѣ не русскихъ законовъ, по которымъ „залоговое право (prawo zakładne) отличается тою особенностью, что если кто-нибудь, заложивши (zastawiwszy) свое имѣніе хотя бы въ самой незначительной суммѣ, не выкупитъ его въ срокъ (na terminie), то залогодержатель (zakładnik czyli zastawnik), подавши въ срокъ въ управленіе намѣстника заявленіе (oświadcsenie) и прошеніе, пріобрѣтаетъ право вольной перепродажи (nabywa prawo wolności zaprzedania) этого имѣнія по той суммѣ, по какой договорится, и тотъ, кому принадлежало имѣніе, можетъ пріобрѣсти обратно (rehabere) лишь по той суммѣ, по какой залогодержатель перепродалъ другому лицу, да и то обязательно въ продолженіи трехъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ онъ теряетъ даже право выкупа (traci prawo odkupienia)“

Объ указѣ Имп. Екатерины II относительно обмѣна черезполосныхъ земель въ имѣніяхъ, находящихся въ предѣлахъ Россіи—п. п. 1787 г. 17 сент., 29 ноябр., 17 дек. 26 дек.

О скупкѣ зернового хлѣба Россіей. „Турецкая война—пишетъ Омульскій 10 марта 1788 г.—осчастливила этотъ уголъ нашего края приливомъ денегъ (uszczęsliwiła co do pieniędzy). Россія прислала намъ въ послѣднее время милліоны за зерновой хлѣбъ (za zboże), мы опасаемся лишь, какъ бы эта скупка хлѣба не причинила намъ голода“.

О желательности назначенія гор. Бѣшенковичи, какъ смежнаго съ территоріей витебскаго воеводства, мѣстомъ сеймикованія этого воеводства, Омульскій писалъ объ этомъ Хрептовичу по поводу предположенія четырехлѣтняго сейма назначить для сеймиковъ витебскаго воеводства небольшое мѣстечко Вяжищи, находившееся во владѣніи у Скивскаго и принадлежавшее къ наслѣдственнымъ имѣніямъ камергера Бѣликовича (miasteczko nikczemne Wiazyszcze pod possesia teraz Skiwskiego będace, a do dziedzictwa Bielikowicza szambelana... należace), Вяжищи находились въ 3-хъ миляхъ отъ Бѣшенковичей.—п. 1789 г. 4 марта.

Кромѣ того о Бѣшенковичахъ см. п. п. 1785 г. 4 янв., 26 янв., 1786 г. 17 и 24 мая, 2 окт., 9 окт., 1787 г. 3 янв., 26 марта, 2 апр., 5 ноябр., 1788 г. 8 апр.

МАТЕРІАЛЫ

для исторіи Отечественной Войны 1812 года, извлеченные изъ Витебскаго Губернскаго Архива.

Продолженіе *)

(съ оглавленіемъ на французскомъ языкѣ).

Помѣщенные ниже подлинники и черновыя разныхъ документовъ должны послужить доказательствомъ приведеннаго мною ранѣе указанія на то, что непорядки по повѣтамъ Витебской губерніи обнаруживаются въ сроки, ближайшіе къ нашествію непріятеля.

Движеніе полковъ и войсковыхъ частей въ первые мѣсяцы, начиная съ Января 1812-го года было безпрепятственное и благополучное, на что имѣются Рапорты Нижнихъ Земскихъ Судовъ, Городовыхъ Полицій и Городничихъ.

Въ 1-хъ числахъ Іюля Витебское Губернское Правленіе покинуло г. городъ.

Незадолго передъ этимъ срокомъ появляются распоряженія о дачѣ подводъ и напоминанія о необходимости проводниковъ.

Дѣлопроизводство, заканчиваясь 6-мъ Іюлемъ 1812-года, возобновляется лишь въ Декабрѣ.

*) См. 1-ую книгу Полоцко-Витебской Старины 1911 года.

Внѣ списка нижеприведеннныхъ дѣлъ, я должна привести одно, очень обширное по производству, занимающее пятьдесятъ четыре пронумерованныхъ листа, доведенное до 9-го Января 1830-го года.

Это дѣло было включено въ связку 1827-го года и случайно попало въ руки архиваріуса при составленіи имъ новой описи. Поэтому и хранится оно въ описи 1910-го года за № 358-мъ—подъ названіемъ: „дѣло (1827-го) 1812-го года „О сожженіи пеньки".

Современники увидятъ въ немъ не столько прежнюю волокиту, сколько нерадѣніе русскаго человѣка.—Я упомяну его сущность и приведу даты важнѣйшихъ моментовъ хода его.

Въ Витебскѣ, на рѣкѣ Лучесѣ, въ доменахъ помѣщицы, жены генералъ-майора Чорбо, за мелководьемъ застряли лайбы съ пенькой.—Пенька шла изъ Могилева на Ригу. Пенька, сложенная въ амбары на берегу Лучесы, стояла уже 2 мѣсяца, съ платой по 25 р. въ мѣсяцъ за простой, да по 25 коп. за связку ея, съ бунта. — Кромѣ пеньки были цыновки для ея покрышки; цыновокъ было неизвѣстно сколько; а лежали онѣ около амбаровъ.

Часа за три до прихода Наполеона, въ ночь на 15-ое Іюля Главнокомандующій Барклай-де-Толли сжегъ пеньку. Приказчикъ подалъ жалобу на убытокъ въ 37057 рублей 50 коп. за 4117½ пудовъ.—Жалоба была подана дежурному генералу Ермолову, въ Порѣчье, 18-го Іюля.—Оттуда она послана Бѣлорусскому Военному Губернатору, Герцогу Александру Виртенберскому. Прошелъ 10-ти лѣтній промежутокъ.—27-го Мая 1822-го Купецъ Махоринъ возобновилъ жалобу, прося вознаградить его по законамъ; онъ впалъ въ бѣдность послѣ потери вышеозначеннаго товара.—Кн. Кочубей, управляющій мин. внутр. дѣлъ на имя Бѣлор. Воен. Губернатора, герцога Ал. Виртембергскаго сдѣлалъ запросъ 15-го Іюля 1822-го года. — Въ Вит. Губернскомъ Правленіи онъ полученъ 12-го Августа 1822-го года.

Марта 30-го 1829-го года Махоринъ подалъ прошеніе на высочайшее имя о медленности производства черезъ Генерала Закревскаго. Вслѣдствіе отношеній Вит. Губернскаго Правленія къ губернатору гражданскому и новому Бѣлорусскому военному губернатору, князю Хованскому и вслѣдствіе указовъ ихъ, Витебское Губернское Пра-

вленіе по рапорту Витебскаго Нижняго Земскаго Суда четыре раза требовало явки купца Махорина для дачи показанія въ Витебскѣ. Этого-же требовало и министерство въ отношеніи своемъ по департаменту полиціи исполнительной (Отд. 3, столъ 2-ой); отъ 16-го Мая 1829-го года,—за подписью новаго управляющаго министерствомъ (Федора) Энгеля.—Тогда была послана официальная бумага изъ Смоленска (за № 3675, отъ 6-го Августа 1829-го года) отъ Бѣлор. Воен. Губерн. генерала отъ инфантеріи князя Хованскаго—Малороссійскому военному губернатору, князю? (фамилія не разборчива) въ Полтаву съ просьбой выслать проживавшаго тамъ Махорина въ Витебскъ. Полтавской администраціей въ скоромъ времени Махоринъ, (старецъ и бѣднякъ) былъ доставленъ въ Витебскъ въ имѣніе генеральши Чорбо на Лучесу.

Нашлись въ живыхъ свидѣтели—жители, помнившіе и разсказавшіе, на сколькихъ баркахъ предполагалось отправить пеньку въ Ригу; вслѣдствіе чего при дѣлѣ имѣются:—Рапортъ Витебскаго Н. З. Суда съ приложеніемъ подлинниковъ присяги по христіанскому обряду и присяги по Закону Моисееву, въ 8-ми экземплярахъ.—Изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ Генер. Закревскаго (№ 5188) получился отвѣтъ на имя Брс. Вн. Гб. Кн. Хованскаго, что Махоринъ подлежитъ удовлетворенію за понесенные имъ убытки; но такъ какъ пенька была сожжена въ 1812-мъ году, то и окончательное рѣшеніе зависѣло отъ Министерства военнаго.

Генваря 9-го 1830-го года Малороссійскій воен. губернат. (кн. Г.) извѣщалъ князя Хованскаго, что Махоринъ увѣдомленъ о переносѣ дѣла его въ Военное Министерство.

На этомъ заканчивается дѣло Витебскаго Губернскаго Правленія о сожженіи 4117½ пуд. пеньки по распоряженію Барклая-де-Толли, единственнаго документа, гдѣ есть намекъ на то, что Наполеонъ подходилъ къ Витебску со стороны рѣки Лучесы.

Дѣла Витебскаго Архива по движенію войскъ.

(Связка 9-ая д. № 91.) Получено 9-го Марта 1812 г.

Въ Витебское Губернское Правленіе.

Лепельскаго Городничаго Амантова.

(См. слѣд.) стр.

Брестскій пехотный полкъ съ другими дѣйствующими батальонами сего марта 2-го въ городъ Лепель вступилъ.—3-го имѣлъ ростахъ [1]) а 4-го числа впредпринятой путь выступилъ благополучно при выходѣ оставилъ больныхъ въ лазаретѣ пятнадцать человѣкъ подъ присмотромъ втюкахъ зашитыхъ разнаго званія полковыхъ тягостей вѣщей запечатанныхъ именной казначейской печатью, тюковъ три и при [2]) рядовой, колесъ заднихъ ипереднихъ окованныхъ два новыхъ неокованныхъ двадцать два очемъ оному правленію почтеннѣйше честь имѣю донести.

Городничій Амантовъ.

№ 338
Марта 6-го дня
1812-го года.

Слуш. 9-го Марта.

Получено 12-го Іюня.

Въ Витебское Губернское правленіе.
Лепельскаго Городничаго Амантова.

Рапортъ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указъ изъ онаго Правленія отъ 28 Маія подъ № 13151-мъ предписывающій, чтобы брестскаго пехотнаго полка оставленныхъ въ лазаретѣ больныхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ повыздоровленіи отправить въ команды надлежащимъ образомъ, равно и прочие оставленные принихъ вѣщи ивъ правленіе отрапортовать сего 3-го Июня мною полученъ и пооному почтеннѣйше честь имѣю донести какъ по справкѣ съ дѣлами оказалось что нижнія чины по предписанію Его Королевскаго Высочества отправлены посредствомъ Земской Полиціи въ витебскій временный Госпиталь Авѣщи померших нынѣ еще здесь хранятся, коихъ объ отправленіи въ полкъ понеизвѣстію онаго куда отправить знать немогу,

Городничій Амантовъ.

№ 737.
Июня 8-го дня;
1812-го года.

Слу. 27-го Генвр. 1813-го.

---

[1]) Отъ нѣмецкаго слова; „Rasttag“.
[2]) При нихъ . . .

(св. 9-ая; д. № 95) Получ. 11-го Марта.

Въ Витебское Губернское Правленіе. Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка полковника, командира Гранадерскаго Графа Аракчеева полка— Княжнина 3-го.

По повѣленію вышняго начальства слѣдую я въ походъ въ веренаго мнѣ въ командованіе гранадерскаго графа Аракчеева полка съ двумя батальонами и имѣю выступить въ оную губернію сего мѣсяца 18-го числа то и благоволитъ витебское губернское Правленіе здѣлать куда слѣдуетъ свое представленіе о высылкѣ чиновниковъ для встрѣчи и препровожденія оныхъ батальоновъ равно и по требованію давать за указанные прогоны подъводы и увѣдомить меня по какимъ ценамъ въ оной губерніи продается овса четверть и сена пудъ причемъ и прилагаю копію съ маршрута, въ которой показано покакимъ местамъ оные батальоны будутъ слѣдовать въ витебской губерніи.

На марше, городъ Порховъ.

Полковникъ Княжнинъ.

№ 204-й

Марта 5-го дня. Копія.

МАРШРУТЪ.

Гранадерскому графа Аракчеева полку отъ Псковской губерніи до витебскаго уѣзда.

Какія Губерніи.	Мѣста ночлеговъ и ростыховъ.	Число верстъ.	М-цъ и число.
			Мартъ
Витебской губерніи.	Село Смаги	31½	13
	растахъ . . .	—	14
	Городъ Себежъ	24	15
	деревня Ляхово	19	16
	село Замостье	25	17
	ростахъ	—	18
	Слобода Росицы	20	19

Съ подлиннымъ вѣрно.—Полковой адъютантъ: Шебалинъ.

Слу. 11-го Марта.

Приложены: 1) Отвѣтъ Г. Правленія отъ Марта 11-го 2) рапорты: Себежскаго Н. З. Суда; 3) Себежскаго Городничаго и 4) Дриссенскаго Н. З. Суда.

(Связ. 9-ая д. № 96-ое). Получ. 14-го Марта; 1812-го года.

Въ Витебское Губернское Правленіе.

Артиллеріи отъ генералъ майора Новака.

Государь Императоръ высочайше указать соизволилъ ввѣреннаго мнѣ С.-Петербургскаго Округа крѣпостного артиллерійскаго Гарнизона полуроту отправить въ городъ Борисовъ, о чемъ по повѣленію Г-на военнаго министра и кавалера Г-на Инспектора всей артиллеріи отъ 5-го числа сего мѣсяца за № 2001-мъ повѣленіемъ предписалъ мнѣ къ привѣденію въ исполненіе сей МОНАРШЕЙ воли, отправить помянутую полуроту изъ Кронштата черезъ двое сутокъ въ городъ Борисовъ, въ слѣдствіе чего командиру Кронштатской крѣпости по артиллерійской части Г-ну полковнику Струкгову онемедленномъ отправленіи той полуроты сего-жъ числа и предписано. А потому и прошу оное крѣпостное Правленіе при проходе оной полуроты чрезъ оную губернію, предписаніемъ своимъ, куда слѣдуетъ, не оставить, одаче по требованіямъ начальника оной подъ свозъ ротнаго имущества за указныя прогоны безъ задержанія подводы равно и вчиненія оной въ случаѣ нужнаго вспоможенія, чрезъ какія-жь мѣста она проходить будетъ на оборотѣ сего прилагаю изъ маршрута выписку, когда-жь оная будетъ вступать въ означенную губернію, предписано мною командующему оной полуротой осемъ доносить заблаговременно Г-мъ гражданскимъ Губернаторамъ. С.-Петербургъ; Марта 7-го дня 1812-го года.

№ 195. Генералъ-Маойръ Новакъ.

(На оборотѣ бумаги г. м. Новака):

Выписка изъ Маршрута.

Слѣдующей изъ Кронштадта въ городъ Борисовъ, Кронштадской артиллерійской гарнизонной полуротѣ по нижеписанному тракту витебской губерніи.

Мѣста прохожденія	версты.	Дни.
Лыкошково дер	20	1

Мѣста прохожденія.	Версты.	Дни.
Дуброво—д.	13½	
Себежъ—Городъ	17	2
ростыхъ		3
Рудня—Д.	16	4
Двосцы—Д.	21	5
Княжицы—Д.	20	6
ростыхъ	—	7
Сивошаны—Д.	20	8
Гамзелева—Д.	18	
Полоцкъ—Городъ	10	9
ростыхъ	10	10

Генер. Майоръ Новакъ.

Слу. 14-го Марта.

Приложены: 1) Постановл. В. Губрн. Правл. отъ 14-го Марта съ отмѣткой— „скоро“—2) рапорты Н. З. Судовъ: Дризинскаго, 3) Себежскаго; 4) Полоцкаго: 5) Полоцкой Городовой Полиціи; и 6) Себежскаго Городничаго.—Всѣ отъ 19, 20, и 21-го Марта.

(Связка 11-ая; д. № 73-ій). Получено 20-го Февраля.

Въ Бѣлорусское Витебское Губернское Правленіе.

Отъ генералъ-майора ригскаго коменданта Эмме.

Въ слѣдствіе указа государственной военной коллегіи по инженерной экспедиціи отъ 29-го Декабря 1811-го года за № 6118-мъ комнѣ послѣдовавшаго изъ числа состоящихъ въ ригской крѣпости для работъ 50-ти ч. съ отряженнымъ для препровожденія оныхъ рижскаго

гарнизоннаго батальона прапорщикомъ пантилѣевскимъ и двумя рядовыми о чемъ оное правленіе съ приложеніемъ маршрута какимъ трактомъ должны они слѣдовать симъ извѣщается.—Стемъ чтобы слѣдующіе военно рабочимъ иконвойной команде продовольствія отобывателей производимо было поценамъ установленнымъ.

№ 493. Генералъ-Майоръ Эмме.

Рига.

Февраля 12-го дня.

1812-го года.

МАРШРУТЪ

Слѣдующимъ для препровожденія изъ Риги до динабурга ригской крѣпости военно-рабочихъ.

М-цъ.	Число.	Черезъ какія мѣста слѣдовать и гдѣ имѣть растыхъ.	Версты.	Какихъ губерній станцій.
1812	—	Отъ Риги до Динабурга:		
	16	Кирхгольмъ	14	Лифляндской губерніи.
	17	Оберхсговъ	21	
	18	Растахъ	—	
	19	Юнгферговъ	23	
	20	Ремѣрсговъ	16	
	21	Растахъ	—	
	22	Кокенгаузенъ	21	
	23	Глазмангнъ	24½	
	24	Растахъ	—	
	25	Мыза Трепенгофъ	22	Бѣлорусской губерніи.
	26	Ливенгофъ	16	
	27	Растахъ	—	
	28	Авсенова	20	
	29	Кирусна	17	
	1	Растахъ	—	
	2	Городъ Динабургъ	17	
		Итого	211½	

Февраля — Марта.

Генералъ-Майоръ Эмме.

Въ Вит. Губернск. Правленіе изъ Динабургскаго Н. З. Суда.

Рапортъ о полученіи Указа.

Его Императорскаго Величества указъ . . . . предписывающій встретя награнице своего ведомства означенныхъ военно-рабочихъ проводить до крепости Динабургской делая оной всякое законное вспомоществованіе въ Динабургскомъ Н. З. Судѣ 29-го числа получень и по оному Его Императр. Величества указу всемъ судѣ опредѣлено: о полученіи указа губернскому правленію отрапортовать и пооному учинить во всей точности исполненіе.

Въ 1 отд.
По 1-му столу.
№ 691.
Марта 4-го дня
1812-го года.

(Связка 11-ая; д. № 27.) Получ. 18-го Генваря, 1812-го г.

Изъ Государственной военной коллегіи по инженерной экспедиціи.

Въ Витебское Губернское Правленіе.

По предписанію Г-на военнаго министра велено отправить въ Динабургъ для работъ военно-рабочихъ изъ Риги 50 и изъ Фридрихсгама 150 человѣкъ воисполненіе сего осемъ перекомандированіи и предписано отъ Експедиціи ригскому и фридрихсгамскому Г. Комендантамъ стемъ чтобъ отправили ихъ за присмотромъ офицеровъ и конвойныхъ выдавъ на путевое продовольствіе ихъ денегъ по стольку, поскольку поведомости составленной въ 1810-мъ году министромъ Полиціи и высочайше утвержденной платы обывателямъ за продовольствіе пищею въ пути, а оному Губернскому Правленію Государственная военная коллегія по инженерной экспедиціи сообщаетъ, чтобъ благоволилъ кому следуетъ предписать, дабы тѣ военно-рабочія и

конвойныя вовсехъ тѣхъ мѣстахъ чрезъ кои проходить будутъ отъ обывателей довольствуемы были пищею за положенную плату.

№ 172-ой
Генваря 10-го дня.
1812-го года.

(Связка 11-ая, д. № 14.) Получ. 2-го Генваря 1812 года.

Кемандира 1-го и 3-го морскихъ полковъ и Каспійскаго морского батальона генер.-майора Гашена.

Въ Витебское Губернское Правленіе.

По указу Государственной военной коллегіи послѣдовавшему минувшаго Ноября отъ 13-го числа за № 39299-мъ по предложенію господина военнаго министра что Государь Императоръ Высочайше указать соизволилъ изъ 3-хъ морскихъ полковъ и артиллерійскихъ прионыхъ командъ неспособныхъ нижнихъ чиновъ отослать въ сухопутное Вѣдомство въ разныя команды. Изъ числа оныхъ и назначено всподвижную инвалидную роту № 29. Витебской губерніи заштатной городъ Дриссу всего 65 чел. которые исходуютъ (?) изъ Кронштадта въ назначенный путь подкомандой 3-го морского полка порутчика Вигде и прибудутъ по приложенному у сего маршруту всело Сенново будущаго Генваря 21-го или 22-го дня, почему и прошу Витебское Губернское Правленіе о предписаніи земскому начальству чтобъ въ техъ местахъ со стороны ихъ делано было нужное для сей команды пособіе и также по требованію означеннаго порутчика Вигдѣ давали-бъ обывательскіе подводы съ заплатою следующихъ прогонныхъ денегъ.

№ 243. Генер.-Майоръ Гашенъ.
декабря 22-го дня. Слу. 2-го Генваря.
1811-го года.

Кронштадтъ.

(См. на оборотѣ).

МАРШРУТЪ

для следующей изъ Кронштадта Витебской губерніи до города Дриссы команды.

Отъ города Великія Луки:	Версты.
Сеньково село	23
Серуты деревня	16
Кирилово деревня	22½
Растахъ	—
Усвяты мѣстечко	20½
Шерещнева деревня	12
Нижній Боръ	15
Суражъ городъ	16
Растахъ	—
Гапоновщина деревня	18½
Витебскъ губерн. городъ	21½
Растахъ	—
Старое село	22
Куриловщина деревня	19½
Растахъ	—
Островляны деревня	21½
Перутина корчма	17
Полоцкъ городъ	13
Растахъ	—
Гамзелева деревня	10
Лозовка деревня	18
Прудкина деревня	19
Дрисса заштатн. городъ	20½

Генералъ-майоръ Гашенъ.

Приказали: по трахту въ маршрутѣ означенному съ приложеніемъ съ онаго выписокъ: Невельскому; Городецкому, Велижскому; Суражскому; Витебскому; Полоцкому и Дризненскому Н. З. Судамъ; Суражскому Городничему: витебской и Полоцкой Городовымъ Полиціямъ предписать—оную команду встретя каждому на границѣ своего вѣдомства проводить до другого вѣдомства, давая потребное число обывательскихъ подводъ за указные прогоны и оказывая всякое законное пособіе о чемъ генералъ-майора Гашена увѣдомить.

Исполнено 8-го Генваря; 1812 г.

(Связка 11-ая; д. № 56-ой.) Получ. 7-го Февраля.

Въ Витебское Губернское Правленіе.

3-го Морского полка Порутчика Вигде.

Требованіе.

Вверенная мнѣ команда состоящая изъ пети десяти шести человѣкъ следующая въ мѣстечко Дрисса потребно въ ономъ городѣ квартиръ какъ для меня равно и для команды то и прошу оное правленіе кому следуетъ приказать отвести.

Поручикъ Вигде.

№ 232-ой
1812-го года
Февр. 7-го дня. Слуш. 12-го Февраля.

(Связка 11-ая; д. № 65.) Получ. 19-го Февраля.

Въ Витебское Губернское Правленіе.

Отъ командующаго С.-Петербургскимъ Гранадерскимъ полкомъ Майора Машенскаго 2-го.

По повеленію Г-на военнаго министра и кавалера Барклая-де-Толли командуемаго мной С.-Петербургскаго Гранадерскаго полка дѣйствующія два батальона имѣютъ проходить черезъ витебскую губернію съ 17-го по 20-ое число Февраля о чемъ уведомляю витебское губернское Правленіе сътемъ дабы благоволило кому слѣдуетъ предписать съ своей стороны выслать для препровожденія полка чиновника о слѣдованіяхъ полка чрезъ какія мѣста на оборотѣ его прилагается маршрутъ.

Майоръ Машенскій второй.

№ 284-ой
Февраля 13-го дня
местечко Черей Могилевской губерніи. Слу. 19 Февраля.

МАРШРУТЪ

С. Петербургскаго Гранадерскаго Полка действующимъ двумъ батальонамъ отъ местечка Черей могилевской губерніи чрезъ витебскую губернію до города вилейки.

Февраля.	Отъ местечка Черей.	Число верстъ.
17	м. Чашники	31
18	городъ Новый Лепель	30
19	Растахъ	—
20	мѣстечко Пыщно	16

Исполн. 24-го Февраля.

(Связка 11-ая; д. № 28.) Получ. 22-го Генваря 1812 года.

Въ Витебское Губернское Правленіе.

Отъ шефа Эстляндскаго пѣхотнаго полка генералъ-майора Гельфрейха.

Назначенныя государственною военной коллегіею занеспособностію къ полковой службѣ изъ вверенаго мнѣ Эстляндскаго пехотнаго полка къ опредѣленію въ витебской гарнизонной батальонъ нижнія чины 39 человѣкъ и для препровожденія оныхъ унтеръ-офицеровъ 1, имѣютъ быть отправлены по приложенному при чемъ маршруту изъ города Пернова въ витебскъ сего мѣсяца 20-го числа съ переведенными изъ сего полка въ калужескій гарнизонъ порутчикомъ Мощѣевымъ; о чемъ уведомя оное правленіе прошу приказать гдѣ будетъ слѣдовать постанцыямъ витебской губерніи для помянутой командѣ приготовить хлѣбъ и пищу съ заплатой заоной положеннаго числа денегъ и 4 обывательскихъ подводы.

Генералъ-майоръ Гельфрейхъ.

№ 38-ой
Генваря 10-го дня.
1812-го года.

Штабъ-квартира;
городъ Перновъ.

Слуш. 22-го Генвар.

МАРШРУТЪ

отъ города Пернова до Витебска.

М-цъ.	Число.	Станціи.	Число верстъ.	
Генв.	20	Суринъ	17	Лифляндской губерніи.
	21	Мыза Лодвы . . .	22	
	22	Растахъ .	—	
	23	Мыза Рего	18	
	24	Мыза Руэнь . .	25	
	25	Растахъ .	—	
	26	Ранцень	18	
	27	Городъ Волмецъ .	22	
	28	Растахъ .	—	
	29	Ранненбургъ . .	28	
	30	Неткенсгофъ .	18	
	31	Растахъ .	—	
Февр.	1	Пибель арнсгофъ	22	
	2	Фестѣнь	20	
	3	Растахъ .	—	
	4	Нейкальценау . .	20	
	5	Городъ Якобштадтъ	25	
	6	Растахъ .	—	
	7	Ливенгофъ . . .	25	Витебской губерніи.
	8	Ницгаль	25	
	9	Растахъ .	—	
	10	Пирусъ	22	
	11	Городъ Динабургъ	15	
	12	Растахъ .	—	
	13	Мыза Клокасы (?)	22	
	14	Креславка . .	22	
	15	Растахъ .	—	
	16	Городъ Друя . .	20	
	17	Шатрово	25	
	18	Растахъ .	—	
	19	Прудники . . .	30	
	20	Лозовка	25	
	21	Растахъ .	—	

М-цъ.	Число.	Станціи.	Число верстъ.	
Февр.	22	Городъ Полоцкъ .	30	Витебской губерніи.
	23	Островляны . . .	27	
	24	Растахъ .	—	
	25	Дубовикъ	22	
	26	Пыльново	25	
	27	Растахъ .	—	
	28	Дуброва	22	
Мартъ	1	Витебскъ губ. гор.	12	

Генералъ-Майоръ Гельфрейхъ.

Исполн. 31 Генваря.

(Связка 11-ая; № 66). Получ. 19 Февраля.

Въ Витебское Губернское Правленіе.

48-го Егерскаго полка майора Харитонова.

Р а п о р т ъ.

На основаніи повеленія Г-на военнаго министра отъ 3-го сего февраля за № 106-мъ предъписано мнѣ 48-го Егерскаго полка съ вереннымъ 3-мъ батальономъ изъ города Себежа сего мѣсяца 13-го числа выступить вповеленной походъ иследовать по приложенному ири семъ маршруту доместечка друи симъ губернское правленіе извѣщаю ипрошу для препровожденія чрезвозначенною губернію иуездъ неоставить приказать чиновнику въ стретить изслѣдовать збатальономъ доокончанія означенной губерніи, а также прошу наозначенныхъ станціяхъ подъсвозъ больныхъ изаручной аммуниціи зауказныя прогоны—приказать выставить по 16-ти подводъ.

№ 60 Майоръ.

Февраля 12-го дня; Слуш. 19-го Февраля.

1812-го года.

г. Себежъ.

МАРШРУТЪ

отъ города Себежа до местечка Друи.

Февраля—дня, 1812-го г.

Числы.	Показание.	Версты.
13	Ляхово	19
14	Замостье	25
15	Расттахъ	—
16	Рѣжица	20
17	Друи	24
	Итого	88

Харитоновъ.

Изъ Бѣлорусскаго Витебскаго Губернскаго Правленія.

48-го Егерскаго полка г. майору Харитонову.

По рапорту вашему г. майора отъ 12-го февраля полученному 19-го числа прикоемъ представляя маршрутъ ввѣренному Вамъ 48-го Егерскаго полка 3-му батальону имѣющему выступить въ походъ на Себежъ въ мѣстечко Друю, просить приказать чиновнику встретить и проводить до окончанія здѣшней Губерніи, а изъ маршрута значитъ что сей батальонъ выступитъ изъ Себежа 13-го, а Друю вступитъ 17-го числа сего же Февраля, въ семъ правленіи определено: увѣдомить Васъ Г. майоръ, чтокакъ отношеніе ваше получено,*) послѣ срока означеннаго вашего маршрута, то губернское правленіе не можетъ сдѣлать по сему надлежащаго распоряженія.

Февраля 24-го дня.

1-го отдѣленія.

1-й столъ.

---

*) Опозданіе и задержка офицеровъ въ пути происходили отъ несвоевременной отправки партій уѣздными земскими полиціями. М. Мельникова.

РАПОРТЫ

Нижнихъ Земскихъ Судовъ, Городовыхъ Полицій и Городничихъ о прохожденіи разныхъ полковъ и командъ.

(Связ. 11-ая д. № 7).

Январь.

1. — 7 января 1812 года Полоцкой Городовой Полиціи. Ингерманландскаго драгунскаго полка командиръ Майоръ и кавалеръ Леванскій съ запаснымъ эскадрономъ изъ города Игумена—по С.-Петерб. тракту (выступилъ 2 го Генв.).

2. — 7 января 1912 г. Полоцкой Городовой Полиціи. Санктъ-Петербург. Гренадерскаго полка прапорщикъ Тимофѣевъ съ командой 44 рядовыхъ, изъ м. Черей.—Майоры Елисаветградскаго гусарскаго—Чурсовъ съ двумя запасными эскадронами и прикомандированной пѣшей командой изъ Вилькомира. Изюмскаго гусарскаго полка Бедряга съ двумя запасными эскадронами и пѣшей командой, Того же полка. штабсъ-ротмистръ Савицкій съ командой въ 93 ч. изъ города Лиды.—Тираспольскаго драгунск. п. штабсъ капитанъ Котуковъ.

Выступили 6-го Генвр.
- Тимофѣевъ въ Динабургъ.
- Чурсовъ въ Невель.
- Бедряга въ Лепель.
- Савицкій въ Торопецъ.
- Котуковъ въ Холмское рекрутское депо

Квартировавшій въ городѣ Полоцкѣ Брестскаго пѣхотнаго полка подпорудчикъ Писаревъ съ поступившею къ нему съ разныхъ мѣстъ командой нижнихъ чиновъ 31 чел. въ Городокъ (6-го январ.).

3. — 10 января 1812 г. Полоцк. Городов. Полиціи.
Астраханскаго кирасирскаго полка ротмистръ Львовъ изъ Виленск. губерніи города Тельшина съ командой 46 человѣкъ. —въ м. Усвяты. (6-го январ.).

4. — 11 января 1812 г. Полоцк. Городов. Полиціи (и Н. З. Суда). Двѣ команды: 1) 24-ой артиллер. бригады подъ командой артиллеріи подпорудчика Вальца; изъ Подольска въ С.-Петербургъ, 40 чел. рядовыхъ. 2) Московскаго драгун. п. а въ ней: оберъ офиц. 2; унт. офиц. 5; рядовыхъ 36; нестроевыхъ 43, лошадей 4; кавалерійскихъ 68;—подъ начальствомъ порутчика Григорьева. (Взято обывательскихъ 2 подводы— Въ Холмское рекрутское депо.—(10-го).

5. — 11 января 1812 г. Отъ Невельскаго Городничаго.
Команда изъ Городка въ м. Красное—подъ начальствомъ Брестск. пѣх. п. капит. Погожева—въ ней унт. офиц. 4, рядов. 39; плотникъ 1; рекрутъ 285. Имѣла ночлегъ; (выступила 10-го).

6. — 14 января 1812 г. Полоцк. Городовой Полиціи.
Астраханск. кирасирск. п. ротм. Родіоновъ съ командой въ 47 драгунъ. изъ Вил. губ. Поневѣжскаго повѣта въ м. Усвяты.—(11-го).

7. — 15 января 1812 г. Невельскаго Городничаго.
Двѣ команды: Каргополянскаго драг. п. въ Холмъ—(13-го) въ ней унт. офиц. 5; трубачъ 1; рядовыхъ 36; деньщикъ 1; строевыхъ лошадей 38.

Вторая (съ Савицкимъ) въ Торопецъ (14-го), въ ней обер. офиц. 4; унт.-офиц. 10; рядов. 72; нестр. 2; деньщиковъ 6; строевыхъ лошадей 126;—(Имѣли роздыхъ).

8. — 15 января 1812 г. Городецкаго Н. З. Суда.
Прошелъ Львовъ въ Суражскій повѣтъ.—(12-го). Изъ Гродненскаго въ Астраханскій кирас. полкъ переведено: гусаръ 34; унт.-офиц. 4; стр. офиц. 1; трубачъ 1; нестроевыхъ 4.

9. — 18 января 1812 г. Невельскаго Городничаго.

Прошли изъ Полоцка выздоровѣвшіе разныхъ полковъ 17-ой пѣхотной дивизіи подъ командой Брестск. пѣх. п. подпоручика Косарева.—Въ ней; нижн. чин. 30; егерскаго п. рядов. 12; вновь опредѣленныхъ унт.-офиц. 3; рядовыхъ 16; изъ коихъ 30 оставляютъ въ Невелѣ. Ночевали. (16-го).

10. — 18 января 1912 г. Невельскаго Городничаго.
Прошла черезъ городъ команда подъ начальств. подпоруч. Елизаветгр. гусар. полка Крайцевскаго;—въ ней—обер. офиц. 3; унт.-офиц. 10; трубачъ 1; рядовыхъ 72; нестроев. 2; деньщ. 4; лошадей строевыхъ 175.

11. — 18 января 1812 г. Люцинскаго Городничаго.
Команда Астрах. кирас. п. съ корнетомъ Пташкинымъ въ ней—обр.-офиц. 1; унт.офиц. 5; музыкант. 1; рядов. 34; нестр. 3; строев. лошадей 36; изъ Якобштата въ Усвяты.—(16-го).

12. — 21 января 1812 г. Лепельскаго Городничаго.
NB. Команда неспособныхъ нижн. чиновъ—49 человѣкъ, при одномъ оберъ и унтеръ-офицерахъ для опредѣленія въ инвалидную роту.—Вступила въ Лепель 14-го, имѣла роздыхъ 15; выступила 16-го въ м. Пышно для слѣдованія въ г. Свенцяны.

13. — 21 января 1812 г. Полоцкой Городовой Полиціи.
Казанскаго драгун. п. полка штабсъ капитанъ князь Гедройцъ изъ м. Глыбокаго съ рекрутской командой въ 46 ч.—въ Старорусское депо.—(21-го).

14. — Даты нѣтъ. Январь. Лепельскаго Н. З. Суда.
Батальоны: Гренадерскаго, Таврическаго, Павловскаго и Сводно-Гренадерскаго съ майоромъ фонъ-деръ-Паленомъ квартируютъ въ Лепельскомъ повѣтѣ.

Прошли съ командами:
- Изюмск. гус. п. ротм. Савицкій 3-го.
- Польскаго уланскаго корнетъ Самотей 5-го.
- Черниговскаго пѣх. п. унт.-офиц.—13-го.

15. — 31 января 1812 г. Полоцкой Городовой Полиціи.

Астрах. кирс. п. поручикъ Гакринъ съ командой въ 43 чел. нижн. ч. изъ м. Глыбокаго въ м. Усвяты (29-го).

Февраль.

16. — 4 февраля 1812 г. Полоцкой Городовой Полиціи.
7-ой артилер. бригады капитанъ Винокуръ съ выбранными изъ Молдавской арміи 28-ью бомбардирами въ Гренадерск. артиллер. бригаду выступилъ въ С.-Петербургъ.—(4-го февр.).

17. — 5 февраля 1812 г. Невельскаго Городничаго.
17-ой дивизіи 2-й сводный батальонъ подъ командой майора Некрасова—штаб.-офиц. 1; обр.-офиц. 5; нижн. ч. 500; черезъ м. Озерище въ г. Динабургъ. (2-го).

18. — 7 февраля 1812 г. Полоцкой Городовой Полиціи.
Рязанскаго пѣх. п. два батальона, квартировавшіе въ Полоцкѣ, въ Минской губ. мѣстечко Поставы. (6-го).

19. — 7 февраля 1812 г. Лепельскаго Городничаго.
Таврическій Гренадерскій п., бывшій на квартирахъ въ Лепелѣ выступилъ штабомъ въ г. Борисовъ (5-го).

20. — 11 февраля 1812 г Полоцкой Городовой Полиціи.
17-ой пѣхотной дивизіи 1-ый гренадерскій сводный батальонъ подъ командой майора Богуславскаго прошелъ черезъ Полоцкъ къ Минску.

21. — 15 февраля 1812 г. Невельскаго Повѣтоваго судьи—Шишко.
Квартировавшій въ Невелѣ 30-го Егерскаго полка унтеръ-штабъ выступилъ въ назначенныя оному полку квартиры въ г. Дисну.—(11-го) А Лейбъ Кирасирскій Его Величества полка унтеръ-штабъ по тракту въ Полоцкъ.—14 февр.).

22. — 15 февраля 1812 г. Городецкаго Городничаго.
30-го Егерскаго пѣх. п. 3-ій батальонъ квартирующій съ 1811-го года въ Городкѣ—къ Полоцку.—(13-го).

23. — 19 февраля 1812 г. Люцинскаго Городничаго.
Гродненск. гусар. п. команда съ поруч. Ковалевскимъ, въ

ней унт.-офиц. 2; рядовыхъ 14; черезъ Люцинъ въ Полтавскую губернію (16-го).

24. — 21 февраля 1812 г. Полоцкой Городской Полиціи.
Прибыли и расположились въ Полоцкѣ квартирами: 18-го февр. Лейбъ Кирас. Его Вел. п. Шефъ Будбергъ съ шт.-офиц. 1; обр.-офиц. 13; ниж. чин. 350, и съ трубачами; 19-го февр. Командиръ 17-ой Артиллер. бригады полковникъ Дидерихсъ 2-ой съ батарейной ротой.

25. — 20 фев2аля 1812 г. Лепельскаго Городничаго.
Павловскій Гренадерскій полкъ въ м. Пышно (19-го).

26. — 28 февраля 1812 г. Лепельскаго Городничаго.
Бѣлозерскій пѣх. п. съ шт.-офиц. 4; обр.-офиц. 23; унт.-офиц. 73; музыкантовъ 31; рядовыхъ 1022; нестр. 64; оставилъ: въ лазаретѣ 20 больныхъ при одномъ служащемъ;— пороху для сохраненія 20 боченковъ, т. е. 37 п. 30 ф.; порожнихъ боченковъ 5· рогожекъ для обвертки 11; веревокъ обвязательныхъ 30 саж., и мочальныхъ?. Въ повелѣнный походъ выступилъ. (27-го).

27. — 25 февраля 1812 г. Полоцкой Городовой Полиціи.
Черезъ Полоцкъ прошли: разныхъ полковъ 1) Эстляндскаго полка (пѣх.) поруч. Ярошевскій въ Витебскъ;—съ 24 нижн. чин. изъ Пернова.
2) Изъ Москвы подвижной инвалидной № 21-й роты съ выключенными за неспособностью 53 человѣками изъ разныхъ полковъ, капит. Драбашевскій—во Фридрихсшадтъ.
3) Гродненскаго гусарск. п. поруч. Ковалевскій изъ Лифляндской губерніи съ 16-ю нижн. чинами въ Хорольскій уѣздъ Полтавской губерніи для покупки ремонтныхъ лошадей.
4) Брестскаго пѣх. п. Шефъ Генер.-майоръ Ивличъ 4-ый изъ Опочки съ двумя дѣйствующими батальонами въ м. Черчу.— (Всѣ 23-го февр.).

28. — 29 февраля 1812 г. Городецкаго Нижн. З. Суда.
Прошелъ 30-й Егерскій п. п. (26-го).—Воинскихъ командъ и рекрутскихъ партій не было.

29. — 13 февраля 1812 г. Лепельскаго Городничаго.
Бѣлозерскій пѣхотный полкъ вступилъ 10-го и одной ротой расположился на квартиры.

30. — 26 февраля 1812 г. Городецкаго Нж. Земс. Суда.
30-го Егерскаго п. батальонъ съ майоромъ Гордѣевымъ изъ Невеля: въ немъ—штб.-оф. 1; обр.-оф. 9; унт.-оф. 36; музыкантовъ 26; рядовыхъ 660; нестр. 80;—прошелъ въ Дисну.—(16-го).

Мартъ.

31. — 1 марта 1812 г. Лепельской Н. Зем. Суда.
1) По повелѣнію г. Военнаго Министра квартировавшіе: Таврическій; Павловскій Гренадерскій, Бѣлозерскій, п. п. и Сводно-Гренадерскій батальонъ выступили въ походъ.

2) Брестскій пѣх. полкъ; команда Изюмскаго Гусарскаго полка со штабсъ ротмистромъ Зеленскимъ-Робашевскимъ и С.-Петербургскій Гренадерскій полкъ прошли черезъ повѣтъ.

32. — 3 марта 1812 г. Полоцкой Городовой Полиціи.
Прошли: изъ Поворянка Вильманстрандскаго полка два дѣйствующихъ батальона въ м. Немѣнчено Вил. губерн., лейбъ Кирасир. Его Велич. полка—въ Свенцяны, и 17-ая артиллер. батарейная рота по тракту.—(1-го марта).

33. — 7 марта 1912 г. Люцинскаго Городничаго.
Команда 5-й резервной артиллер. бригады поруч. Калитина съ транспортомъ; въ ней—обр. оф. 2; нижн. чин. 77; арт. лошадей, 116; Изъ С.-Петербурга въ Динабургъ.—(5-го).

34. — 10 марта 1812 г. Витебскаго Полицеймейстера.
Квартировавшіе въ здѣшнемъ городѣ запасные батальоны выступили въ повелѣнный походъ: Капорскаго полка 8-го марта. Муромскаго 9-го, и Ревельскаго п. 10-го числа.

35. — 11 марта 1812 г. Люцинскаго Городничаго.

Команда 5-й резервной артиллер. бригады съ прапорщикомъ Егоровымъ.—въ ней—обр.-офиц. 1; нижн. ч. 42; артиллер. лошадей 72; и при ней понтонныя фуры.—Изъ Петербурга въ Динабургъ.—(19-го).

36. — 1812 г. Полоцкой Городовой Полиціи.
Изъ Витебска капит. Незнаевъ съ командой н. ч. 24; для укомплектованія динабургской инвалидной команды прошелъ черезъ г. Полоцкъ въ Динабургъ—(11-го марта).

Унтеръ-офицеръ Басовъ съ 16-ю н. ч. для укомплектованіе дризинской инвалидной команды – въ Дрису. (12-го марта).

37. — 14 марта 1812 г. Невельскаго Городничаго.
Терскій казачій полкъ; имѣлъ ночлегъ въ городѣ и роздыхъ —Прошелъ изъ города Великія Луки въ Гродно.—(12-го).

? — 20 марта 1812 г. Полоцкой Городовой Полиціи.
Въ Динабургъ: (14-го марта); квартировавшіе запасные батальоны: 1) Капорскаго п. съ майор. Кривошеемъ; съ однимъ штабъ-лекаремъ; обр.-офиц. 8; нижн. ч. 380. (15-го) Муромскаго п. майоръ Заливкинъ съ бор.-офиц.—7; рядов. 400; (16-го) Черниговскаго п. капитанъ Сивай 2-й съ обр.-офиц. 11; н. ч. 390. Ревельскаго п. майоръ Скоробогатовъ обр.-офиц.—8; н. чиновъ 454; и въ Бобруйскъ Топорная рота.—(16-го марта).

38. — 20 марта 1812 г. Полоцкой Городовой Полиціи.
14-ой артиллер. бригады легкой роты № 27 подпоручикъ Ушаковъ съ 20 чел. изъ Риги въ Оршу—(18-го).—Изюмск. гусарск. п. порутч. Дембровкій съ 23 нижн. чинами, для укомплектованія въ Лиды.—(20-го).

NB. Вице-губернатору Сушко.—Витебскаго внутренняго горнизоннаго батальона прапорщика Быка.

РАПОРТЪ.

Съ порученною мнѣ означеннаго батальона командиромъ подполковникомъ и кавалеромъ Паткулемъ 5-ю рек-

рутскою партіею назначенною къ препровожденію въ Вяземское рекрутское депо, составляющею рекрутъ 200 ч. изъ коего числа бѣжалъ при пріемѣ моемъ партіи 1; по принятіи оной—2; оставлено за болѣзнію въ Витебскомъ военно-временномъ госпиталѣ 14; утонулъ 1; и обраковано мной 5; Затѣмъ на лицо 207, да сверхъ того особенно подлежащихъ къ преждѣ отправленнымъ партіямъ въ помянутое депо выздоровѣвшихъ изъ госпиталя и пойманныхъ изъ бѣговъ 10; всего рекрутъ 217, да при нихъ конвойныхъ унт.-офиц. 2, рядовыхъ 20, деньщикъ 1; выступилъ изъ Витебска къ слѣдованію въ депо сего марта 21-го числа; о чемъ Вашему Высокородію честь имѣю донести.

Партионный офицеръ
Прапорщикъ Быкъ.

? — 24 марта 1812 г. Полоцкой Городовой Полиціи.

Запасные батальоны.

Прошли изъ города Чаусы Перновскаго п. Генер. майоръ Ивановъ—съ обр.-офиц.—5; рядовыхъ 59, въ Динабургъ—(22-го).—Изъ Неьеля 30-го Егерскаго п. п. подпоручика Кищенко съ командой 35 чел. въ мѣстечко Карназишки (23-го).—Изъ Дубровки 33-го Егерскаго п. полка Бусовъ,—съ обр.-офиц. 8; н. ч. 365, въ Динабургъ (24-го)—и Елисаветградскаго Гус. п. поруч. Егуновъ—съ рядовыми 41; стр. лошадей 15; въ Вилькомирскъ—(24-го).

? — 24 марта 1812 г. Полоцкой Городовой Полиціи.

NB Квартировавшій въ городѣ Полоцкѣ 17-ой пѣхотной дивизіи командиръ господинъ Генералъ лейтенантъ и кавалеръ Олсуфьевъ 3-й сего марта 21-го числа выѣхалъ въ Вильню благополучно.—О чемъ Витебск. Губернск. Правленію честь имѣю донести.

Полицеймейстеръ Брандтъ.

39. — 27 марта 1812 г. Полоцкой Городовой Полиціи.

Разныхъ полковъ запасные батальоны: Изъ Витебска Полоцкаго п. Недзвѣдцкій съ обр.-офиц. 3 и нижн. ч. 364; изъ Копыса—1-го Егерск. п. капитанъ Смородинъ съ обр.-офц.

7; ниж. ч. 369; оба въ Динабургъ.—(24-го и 25-го марта). Изъ Калуги Рижскаго гарнизоннаго батальона поручикъ Ягодинъ съ обр.-оф.—2, н. ч. 104; и квартировавшіе передъ симъ полковъ Вильманстрандскаго, Бѣлозерскаго и Рязанскаго—въ Ригу.—(27-го).

40. — 31 марта 1812 г. Лепельскаго Н. З. Суда.
Лейбъ-Кирасирскій Ея Величества полкъ и Полоцкаго пѣх. п. 3-ій батальонъ прошли черезъ повѣтъ.

41. — 31 марта 1812 г. Полоцкой Городовой Полиціи.
Псковскаго пѣх. п. запасный батальонъ; майоръ Самсоновъ 1-ый съ обр.-офиц. 6; н. ч. 327;—въ Динабургъ.—(31-го марта).

Апрѣль.

42. — 3 апрѣля 1812 г. Полоцкой Городовой Полиціи.
Прошли черезъ Полоцкъ.—Изъ м. Кормы—Софійскаго полка ген. майоръ Крузе (1-го); об.-оф. 5, нижн. чин. 353.—Изъ Городка—Брестскаго п. майоръ Кибальчикъ (2-го); об.-оф. 6; нижн. чин. 394; Изъ Слободы Вѣтки Московскаго п. майоръ Васильевъ (3-го) об.-оф. 6; нижн. чин. 457.—и Ревельскаго подпоруч. Шубинъ (4-го) съ выздоровѣвшими изъ витебск. временнаго военнаго госпиталя 3-й и 17-й пѣхотной дивизіи нижн. чин. 64;—въ Динабургъ.

43. — 4 апрѣля 1812 г. Люцинскаго Н. З. Суда.
Прошли черезъ повѣтъ. 1) Конно-артиллер. гвард. бригада (31-го марта), 2) Лейбъ-Гвард. Литовскій п. (2-го апр.), 3) Преображенскій п. (4-го апрѣля).

44. — 7 апрѣля 1812 г. Полоцкаго Полицеймейстера.
О больныхъ, неотправленныхъ за болѣзнію 34 ч. и объ умершихъ.

45. — 7 апрѣля 1812 г. Полоцкой Городовой Полиціи.
По выступленіи изъ города Полоцка 17-ой пѣхотной дивизіи разныхъ полковъ запасными батальонами оставлены въ

городѣ нижн. чин. Рязанскаго отъ двухъ дѣйствующихъ батальоновъ при полковыхъ тягостяхъ 16; того-же полка 2-го запасн. батал. съ аммуниціей отъ несостоянія комплекта—6; бѣлозерскаго 7; у присмотра казенной аммуниціи всего 41; которые и квартируютъ.

Изюмскаго гусарск. п. вступившій 5-го апрѣля корнетъ Сокольскій изъ города Невеля съ выбранными изъ запасныхъ въ дѣйствующій Эскадронъ 9-ю человѣками и 21 казенной лощадью выступилъ въ Лиды.—(6-го).

46. — 10 апрѣля 1812 г. Полоцкой Полиціи.
Изъ Бобруйска Бригадный командиръ 7-ой пѣхотн. Дивизіи запасныхъ батальоновъ 36-го Егерскаго полка г. подполковникъ Ножинъ съ запаснымъ батальономъ; обр.-оф. 11, нижн. чин. 317. черезъ Полоцкъ выступилъ въ Динабургъ. (6-го).

47. — 15 апрѣля 1812 г. Люцинскаго Н. З. Суда.
Лейбъ Гвардіи Уланскій (11-го апр.) и Конногвардейскій—прошли въ Динабургъ.

48. — 17 апрѣля 1812 г. Полоцкій Грдв. Полиціи.
Изъ Бобруйска Либавскаго пѣх. п. запасной батальонъ съ командиромъ майоромъ Полуэктовымъ—обр.-офц.—9; ниж. ч.—353—въ Динабургъ—(15-го Апр.).

49. — 18 апрѣля 1812 Невельскаго Н. З. Суда.
Изъ Твери рекрутская партія подъ командой артилер. подпоручика Дьяченко;—съ конвойнымъ 13; рекрутъ 303; въ Вильну—(15-го).

50. — 20 апрѣля 1812 г. Полоцкой Городовой Полиціи.
Разныхъ пѣх. полковъ черезъ Полоцкъ: 1) съ выздоравливающими 3-ей и 17-ой дивизіи—37 чел. унт. офц. Жоховъ по тракту къ Ригѣ—(18-го).

2) изъ Бобруйска 23-ей дивизіи Селенгинскаго п. запасн. битальонъ съ капитан. Логиновымъ. обр.-офц. 12; ниж. чн. 217; въ Динабургъ.—(19-го).

3) Изъ кронштадскаго гарнизона № 1-го второй полуроты подпорутчикъ Фоминъ; нижн. чн. 90; въ Борисовъ—(19-го).

51. — 24 апрѣля 1812 Динабургскаго Н. З. Суда.
Полки: Лейбъ Гвардіи Драгунскій, Финляндскій, Конная Артиллерія, Литовскій, Преображенскій, Уланскій, Конногвардейскій препровождены до города Динабурга и переправлены черезъ Двину на границу Курляндской губерніи.

52. — 27 апрѣля 1812 Лепельскаго городничаго.
Астраханскаго Кирс. п. штабомъ и однимъ эскадрономъ шефъ полка: генер. майоръ 1; шт.-оф. 1; обр.-оф.—11; унт.оф. 16; музыкантовъ 13; рядовыхъ 160; нестр. 50; лошадей стр. 150; подъемныхъ 36; выступилъ въ походъ—(27-го.)

53. — 27 апрѣля 1812 Лепельскаго Городничаго.
Гарнизонная артилер. полурота изъ Кронштадта въ минской губ. городъ Борисовъ,—выступила въ походъ. (24-го).

54. — 28 апрѣля 1812 Полоцкой Городовой Полиціи.
Разныхъ полковъ чиновники: изъ Твери арт. подпорч. Дьяченко съ рекрутами 302; конвойныхъ 18; въ Вильно.—(26-го). Изъ Калуги Рижск. гарнизон. бат. подпорч. Болотниковъ съ командой 59 ч. въ Ригу. Изъ Петербурга 2-ой резервной артилр. бригады, конной № 4-ой роты—фейерверкеръ Тормошенко съ рядов. 4; въ Радомысль.—Изъ Динабурга С.-Петербургской гарнизонной № 9-ой роты—фейерверкеръ Гаврила Зудиловъ съ 20-ю нижн. чинами въ Петербургъ. (25-го) Квартировавшій у присмотра казенной аммуниціи Псковск. пѣх. п. запасн. баталіона унт.-офц. Исай Артемьевъ съ 10-ю рядовыми—въ Динабургъ (25-го).

55. 29 апрѣля 1812 Городецкаго Городничаго.
Оренбургскаго драгунск. п. запасн. эскадрона прапорщикъ Кугель съ командой 81 рекр.; унт.-оф. 11; конвойныхъ—6;—Изъ Метиславля въ Невель—(28-го).

Май.

Г. Полоцкой Городовой Полиціи.

Разныхъ полковъ чиновники: Изъ Бобруйска ген. м. Юдинъ съ зап. бат. об.-оф. 1; ниж. чин. 175; и Селенгинскаго п. п. подпрч. Баклановъ—нж. чн. 30; казенныхъ подъемныхъ лошадей 20; въ Динабургъ — (28-го и 29). Изъ Динабурга 2-го Піонернаго унт.-оф. Чухаревъ съ выздоровѣвшими 5-ю рядовыми въ Бобруйскъ; 33-го Егерскаго п. п. унт.-оф. Ив. Сергѣевъ изъ госпиталя съ 26-ю рядовыми для доставки ихъ въ 17-ую, 3-ю, 11-ую; и 17-ю дивизіи, выступили по тракту въ Динабургъ. (1-го мая).

56. — 6 мая 1812 г. Люцинскаго Н. З. Суда.
Резервный батальонъ Лейбъ гренадерск. Графа Аракчѣева полка подъ командой мр. Юзефовича изъ Пскова въ Динабургъ; выступилъ въ Рѣжицу.—(5-го).

57. — 8 мая 1812 г. Полоцкой Городовой Полиціи.
Московскаго драг. полка юнкеръ Стасиковъ съ полковой тягостью и 4-мя воинскими нижн. чин. черезъ Полоцкъ въ Опочку, (7-го)

58. — 9 1812 г. Невельскаго Городничаго.
Артиллеріи штабсъ-капт. Потемкимъ изъ Тверской губ. въ Динабургъ съ принятыми въ Твери лошадьми—314.—(7-го).

59. — 12 мая 1812 г. Полоцкой Городовой Полиціи.
Изъ Рѣжицы 5-ой резервная артилер. бригада съ собранными изъ тверской губ. для подвижнаго запасн. артирл. парка 318 лошадьми—въ Динабургъ. (10-го).

60. — 1 мая 1812 г. Лепельскаго Н. З. Суда.
Прошли черезъ повѣтъ:—Изюмск. Гуср. п. корнетъ Соколовскій.

1-го Егерск. п. п. запасн. батальонъ.
13-го Егерскаго п. п. запасн. бата л.
Селенгинскаго п. п. запасн. батал.
Астраханскій кирасирскій полкъ.

61. — 2 мая 1812 г. Городецкаго Н. З. Суда.
Партія рекрутъ изъ Мстиславля въ Невель, назначенная въ кавалерійскую дивизію съ унт.-оф.—1; рядовыхъ конвойн.—6; рекрутъ 81; подъ командой Оренбрг. дрг. полка запасн. эскадрона прапорщика Кукель; ночевала и дневала въ деревнѣ Шадринахъ Городецкаго повѣта и въ деревнѣ Руднѣ. Выступила въ Невельскій уѣздъ.—(1-го мая).
12 мая 1812 г. Полоцкаго Полицеймейстера.
Послѣ прохода черезъ Полоцкъ запасныхъ батальоновъ оставлены заболѣвшіе на присмотръ полиціи и уѣзднаго штабъ-лекаря Медовникова нижн. воинскіе чины полковъ: Рыльскаго—3; Екатеринбургскаго,—3; коихъ умерло: Рыльскаго—2; изъ прежнихъ-же: Либавскаго 2; итого—4.—Выздоровѣвшіе: Рыльскаго—1; Екатерб.—3; виленскаго подвижного 1-ой линіи парка—1; всего—5; отправлены въ ихъ батальоны.—Осталось больныхъ въ лазаретѣ—2.

62.— 15 мая 1812 г. Полоцкой Городв. Полиціи.
Подпоручикъ Потемкинъ 1-ой изъ Москвы съ 32-мя ремонтными лошадьми въ мѣстечко Лукники Вил. губерніи.—(12-го).
Изъ Твери съ принятыми 312-ю парковыми лошадьми артлр. шт.-капит. Потемкинъ въ Динабургъ—(15-го).

63. — 16 мая 1812 г. Невельскаго Городничаго.
3-ьей запасн. артлр. бригады порч. Фонъ-Проттъ съ ввѣренными ему артилр. лошадьми послѣ ночлега и роздыха — въ Невель,—(13-го).

64. — 19 мая Полоцкой Гордв. Полиціи.
Изъ Бобруск. пѣхотнаго п. запасн. батальона подпрч. Каринъ съ 20 нижн. чинами;—въ Динабургъ—(19-го).

65. — 30 мая 1812 г. Полоцкой Городовой Полиціи.
Разные воинскіе чиновники съ рекрутскими партіями:
1) Изъ Могилева Старобыховской инвалидной команды штабсъ-капитанъ съ 369 ч. (29-го мая);
2) Изъ Витебска тамошняго внутренняго гарнизон. батальона проч. Синбухинъ съ 243 ч. (29-го).

3) Изъ Бобруйска, Рыльскаго п. п. запасн. батальона подпорч. Величко съ казенной аммуниціей (30-го).

Выступили всѣ трое въ Динабургъ.

66. — 27 мая 1812 г. Городецкаго Н. З. Суда.

1) Рекрутская партія, выбранная въ Гранадерскій резервный батальонъ изъ Стародуба; подъ командой софійскаго пѣх. п. прапрщ. Стоумова; въ ней рекр.—46; рядов. —4; унт.-оф.— 1, въ г. Псковъ (10-го).

Лейбъ гвардск. конн. артлр. подпорч. Пауль съ запасной артлр. бригады № 19-ый ротой; съ нимъ рядовыхъ—1; нестр. 1;—съ купленными въ разныхъ мѣстахъ ремонтными строевыми 22-мя лошадьми; въ Псковъ—(13-го мая).

Іюнь.

67. — 5 іюня 1812 г. Полоцкой Городовой Полиціи.

Изъ Витебскаго внутрен. гарнизон. батальона поруч. Рудневъ съ рекрутской партіей въ 229 ч. и съ 20-ю конвойными черезъ Полоцкъ въ Динабургъ.—(3-го іюня),

68. — 9 іюня 1812 г. Полоцкой Городов. Полиціи.

Воинскіе чиновники:

1) Изъ Могилева, Бѣлицкой военно-служащей команды подпоруч. Алтуховъ, съ 29-ю рекрутами и 28-ю конвойными.—(7-го іюня).

2) Изъ Витебскаго внутр. гарнизоннаго батальона поруч. Лавреновскій съ 249-ю рекрутами.—(8-го іюня). Оба въ Динабургъ.

3) Изъ Опочки Драгунскаго п. унт.-офиц.—Бородулинъ съ 11-ю рядовыми въ Бердичевъ (6-го іюня); для покупки ремонтныхъ лошадей.

Наименованіе полковъ и частей ихъ въ алфавитномъ порядкѣ.

Изъ вышеприведенныхъ маршрутовъ и особенно изъ рапортовъ Городовыхъ Полицій и Нижнихъ Земскихъ Судовъ видно, какіе полки проходили черезъ города и уѣзды Витебской губерніи; куда они направлялись и гдѣ стояли для ночлеговъ и роздыховъ.

Черезъ города и повѣты прошли:

А. Артиллерійскія бригады: 7-ая, 14, 24-ая. } Запасные батальоны.
5-ая резервная артилер. бригада. } Запасные батальоны.
17-ая гренадерская артилер. бригада. } Запасные батальоны.
Артиллер. Конная бригада.
Артиллер. легкая рота № 27-ой.
Артиллеріи Молдавской (батальонъ) 28 бомбардировъ.
Астраханскій кирасирскій полкъ.
Аракчеева Графа Лейбъ-гренадерскій п. п.

Б. Брестскій пѣх. полкъ 23-й.
Бѣлицкая военно-служащая команда.
Бѣлозерскій пѣх. п.

В. Вильманстрандскій пѣх. п.
(Вяземское рекрутское депо.)

Г. Гродненскій Гусарскій полкъ.

Д. Драгунскій полкъ.

Е. Егерскій пѣх. п. 1-ый, 30-ый; и 33-го п.—3-ій бат.
Елисаветградскій Гусарскій полкъ.
Екатеринославскій полкъ.

И. Изюмскій Гусарскій полкъ.
Изюмскій Гжатскій гусарскій полкъ.
Ингерманландскій драгунскій полкъ.
Инвалидная рота.

К. Казанскій драгунскій полкъ.
Калужскій пѣхотный полкъ.
Капорскій пѣхотный полкъ.
Каргопольскій драгунскій полкъ.

Кирасирскій Его Величества полкъ. } С.-Петерб.
Кирасирскій Ея Величества полкъ. }
Конно-Гвардейскій.—(С.-Петерб.) полкъ.
Кронштадскій гренадерскій пѣх. п.
Л. Либавскій пѣхотный полкъ.
Лейбъ Гвардіи Литовскій полкъ.
М. Молдавской артиллеріи часть.
Московскій драгунскій полкъ.
Муромскій пѣхотный полкъ.
О. Оренбургскій драгунскій полкъ.
П. Павловскій гренадерскій п.
Петербургскій—лейбъ-гренадерскій полкъ.
Перновскій пѣхотный полкъ.
Псковскій пѣхотный полкъ.
Полоцкій пѣхотный полкъ.
Преображенскій полкъ.
Піонерная рота. (Топорная рота).
Р. Рижскій пѣхотный полкъ.
Рыльскій пѣхотный полкъ.
Рязанскій пѣхотный полкъ.
Ревельскій пѣхотный полкъ.
С. Селенгинскій 23-й пѣхотный полкъ.
Сводно-гренадерскій п. п. 17-ой дивизіи.
Софійскій пѣх. п.
(Старорусское рекрутское депо.)
Старобыховская инвалидная команда.
Т. Терскій казачій полкъ 1-й.
Тираспольскій драгунскій п.
Таврическій гренадерскій п.
У. Уланскій лейбъ гвардіи п.
Уланскій польскій полкъ.
Ф. Финляндскаго п. п. батальонъ.
Х. (Холмское рекрутское депо).
Ч. Черниговскій пѣх. п.
Э. Эстляндскій пѣх. п.

Полки, части ихъ и команды шли въ слѣдующіе пункты.

NB. Города и мѣстечки по алфавиту.

Мѣсяцъ.	Мѣсто назначенія.	Число людей.
6/VI	**Въ Бердичевъ**	
	Драгунскаго полка .	11
	Въ Бобруйскъ.	
16/III	Топорная рота и выздоровѣвшіе	5
—	Піонерная рота	—
	Въ Борисовъ.	
5/II	Таврическій гренадерск.	полкъ
19/IV	Кронштадскаго гарниз.	90
24/IV	Гарнизон. артилер. полурота	—
	Въ Вилькомирскъ.	
24/III	Елисаветградск. гусар. п. лошадей 15 . .	41
	Въ Вильно.	
21/III	Командиръ 17-ой п. дивизіи Олсуфьевъ III-й	—
15/IV	Рекрутская	316
26/IV	Рекрутъ	320
	Въ Городокъ.	
6/I	Разныхъ полковъ ниж. чиновъ	31
26/II	30-й Егерскій полкъ (прошелъ)	
	Въ Гродно.	
12/III	1-ый Терскій казачій изъ Великихъ-Лукъ	полкъ
	Въ Динабургъ.	
6/I	С.-Петерб. Лейбъ-гренадерскій	44
2/II	17-ой дивиз. 2-ой сводн. батальонъ	506
5/III	5-ой резервн. артиллер. бригады лошад. 110	79
9/III	5-й резервн. арт. бригады лошадей—72	42
11/III	Команда для укомлект.	24
14/III	Запасн. батал. Капорскаго полка	389
15/III	З. б. Муромскаго п. . .	407
16/III	Зап. бат. Черниговск. п.	401
22/III	З. бат. Ревельскаго п. .	462
24/III	Перновскій полкъ . . .	64
24/III	З. б. Полоцкаго п. . . .	367
25/III	33-й Егерскій полкъ . .	373
31/III	З. б. Егерскаго п. . . .	376
24/IV	З. б. Рижскаго гарниз.	106
	З. б. Псковскаго п. п. .	333
	Лейбъ-Гвард. Драгун. п.	—
	Финляндскій п.	прошли.
	Конно-Артиллерія . . .	
	Литовскій полкъ . . .	
	Преображенскій полкъ	
	Уланскій полкъ . . .	
1/IV	Софійскаго п. п.	358
2/IV	Брестскаго п. п.	400
3/IV	Московскаго п.	463
4/IV	Изъ Госпиталя Ревельскаго п.	64
6/IV	Егерскаго 36-го пѣх. п.	328
10/IV	7-й пѣх. дивиз. бригадн. команда	528
11/IV	Лейбъ гвард. уланск. полкъ	—
12/IV	Конно-Гвардейскій п. .	—
15/IV	З. б. Либавскаго п. п. .	362
19/IV	З. б. 23-й д. Селенгинскаго полка	229
25/IV	Псковскій пѣх. полкъ .	10
28/IV	З. б. Селенгинскаго п. рядовыхъ	30
29/IV	З. б. Селенгинскаго п. лошадей 20.	177
1/V	Рядовыхъ .	26
7/V	Артиллер. лошадей 314	
10/V	5-ой резервн. арт. бриг. лошадей 318	—
15/V	Парковыхъ лошад. 312	
19/V	З. б. пѣхотнаго п. . . .	20

Мѣсяцъ.	Мѣсто назначенія.	Число людей.
29/V	Старобыховск. инвл. к.	369
	Вит. внутр. гариизон. батальона	243
30/V	Рыльскаго п. п. съ казенной аммуниціей	—
3/VI	Витб. внутр. гарниз. бат. и конвойныхъ	249 20
7/VI	Бѣлецкой военн. служащ. команды	67
8/VI	Вит. внутр. гарниз. бат.*)	249
	Въ Дисну.	
10/II	30-го Егерскаго п. п. унтеръ-штабъ . . .	—
16/II	30-го Егерскаго п. п. батальонъ	812
	Въ Дриссу.	
12/III	Для укомплектованія нвалидной команды	16
	Въ Красное.	
10/I	Бресткаго п. п.	329
	Въ Карназишки.	
23/III	30-го Егерскаго п. п. .	35
	Въ Лиды.	
6/III	Выборные гренадер. п. лошадей—21 . . .	9
20/III	Изюмск. гусар. п. . . .	23
	Въ Лепель.	
6/I	Изюмскаго гусар. п. два	эскадрона.
13 января	Гренадерскій полкъ . .	4 бат.
	Таврическій полкъ . .	
	Павловскій полкъ . . .	
	Сводно-Гренадерскій п.	
	Изюмскій Гусар. п. . .	зап. бат.
	Польск. уланск. п. . .	
	Черниговскій полкъ . .	
27/II	Астрах. кир. штабъ и 1 эскадронъ	252
27/IV	Бѣлозерскій пѣх. п. . .	1217
	стр. лошадей 150	
	Подъемныхъ лошад. 36	
I/V	Егерск. полка З. б.	
	13 Егерск. полка З. б.	

Мѣсяцъ.	Мѣсто назначенія.	Число людей.
1/V	Астр. Кирас. полкъ . .	—
	Въ Люцинъ.	
18/II	Гродненск. Гусарск. п. въ Полтавскую губ.	16
	Въ Лукники Вил. г.	
12/V	артиллер. ремонтныхъ лошадей 32.	—
	Въ Минскую г.	
10/II	17-й пѣх. дивизіи 1-ый гвардейскій сводный	бат.
	Въ Невель.	
6/I	Елисаветград. гусар. п. 2 эскадрона	—
18/I	Елисаветградск. гус. п. лошадей 175	72
28/I	Оренбург. драг. п. з. б.	97
13/III	3-й зап. арт. бригады съ лошадьми . . .	—
1/V	Партія рекрутъ . . .	88
8 января	Запасн. батал. Капорскаго	прошли въ Динабургъ.
9	Муромскаго	
10	Ревельск.	
	Въ п. Нѣмчено В. г.	
28/II	Вильманстранд. п. 2 .	бат.
1/III	17-ая артиллер. батар. рота	—
	Въ г. Оршу.	
18/III	14-й арт. бриг. легкой роты № 27	20
	Въ г. Опочку.	
7/V	Партія артиллер. парковыхъ лошадей 316	—
—	Моск. драг. п. Стасиковъ съ полковой тягостью н. ч.	4
	Въ С.-Петербургъ.	
2/I	Ингерманландск. дргн. п.	эскадр.
10/I	24-ой арт. бригады . .	40
4/II	Молдавской арміи бомбардировъ	28

*) Всего прошло къ Динабургу 7984 войсковыхъ мелкихъ частей и 2 полка 1145 лошадей, не считая ротъ, эскадроновъ и батальоновъ.

Мѣсяцъ.	Мѣсто назначенія.	Число людей.
25/IV	С.-Петербург. Гарнизон. № 9 роты	20
	Въ м. Поставы Мин. г.	
6/II	Рязанскаго п. п. 2 . . .	бат.
	Въ Полоцкъ.	
16/I	Разныхъ полковъ . . .	61
13/II	30-го Егерскаго п. п. 3-й батальонъ . . .	—
14/II	Лейбъ Кирасиры Его Величества	унтеръ штабъ
15/II	Лейбъ Гвард. Кнрасирскаго Его Величества полка	364
	и командиръ бр. Будбергъ съ трубачами.	—
19/II	17-й артиллер. бригады рота	—
	NB. Черезъ Полоцкъ проходило наибольшее количество воинскихъ частей.	
	Во Псковъ.	
11/V	Рекрутская партія . . .	51
13/V	Л. Гренад. конн. арт. бригады № 19 запасныхъ 2 роты . . лошадей 22.	—
	Въ м. Пышно.	
16/I	Неспособн. въ инвалид. роту	49
19/II	Павловскій гренадер. .	полкъ
	Въ Ригу.	
26/III	Вильманстрандскій, . .	полки
27/III	Бѣлозерскій, ...	
--	Рязанскій, ...	
18/IV	Рижскаго Гарниз. батальона	165
22/IV	Вильм. 3-й и 17-й дивизіи больныхъ . .	37
25/V	Рижск. гарниз. команды	39
	Въ Радошысль.	
28/IV	Фейерверкеръ 2-ой рез. арт. бриг. конной № 4 роты изъ Петербурга	4

Мѣсяцъ.	Мѣсто назначенія.	Число людей.
	Въ г. Рѣжицу.	
6/V	Графа Аракчеева п. резервн. батальонъ для прохожденія въ Динабургъ.	
	Въ Свенцяны.	
21/I	Инвалидная рота изъ м. Пышно	49
1/III	Лейбъ Гвард. Кирас. Его Величества полка .	2 эск.
	Въ Старорусское депо.	
21/I	Рекрутская команда . въ Суражскій повѣтъ	46
15/I	Гродненск. гусар. п. . .	44
	Въ Торопецъ.	
14/I	Изюмскаго гусар. п лошадей 126.	94
17/I	Елисаветгргдск. гус. п. лошадей 175.	92
	Въ Усвяты.	
11/I	Астрах. кирасир. полка	47
	Ротмистры Львовъ, Родіоновъ,	—
11/I	корнетъ	44
16/I	Пташкинъ и поручикъ Гакринъ . . .	43
29/I	лошадей 36.	
	Въ Фридрихштадтъ.	
25/II	Разныхъ полковъ неспособныхъ	53
	Въ Холмское рекрутское депо.	
6/I	Каргопольск. драг. п. лошадей 38.	45
10/I	Рекрутъ	43
13/I	Московскій драг. полкъ Тираспольскій драг. п. лошадей 72. лошадей 115 и 2 подводы	43
	Въ Хорольскій уѣздъ Полт. губ.	
25/II	Гродненскій гусар. п. съ порутчикомъ для покупки лошадей .	16
	Въ м. Черчу.	
23/II	Брестскаго пѣх. п. 2 .	бат.

Мѣсяцъ.	Мѣсто назначенія.	Число людей.	Мѣсяцъ.	Мѣсто назначенія.	Число людей.
	Въ Витебскъ.			**Въ Вяземское рекрутское депо.**	
25/II	Эстляндскаго пѣх. п. .	24	2/III	Партія рекрутъ	240
8/III	Капорск. полка	зап. батал.			
9/III	Муромск. полка				
10/III	Ревельск. полка				

Изъ приложенныхъ здѣсь алфавитныхъ списковъ видно, что почти всѣ части шли къ Динабургу; при чемъ изъ Витебска въ крѣпость направлялись 8 частей. Всего въ Динабургъ пришло 29 частей 2 полка: 23-хъ наименованій.

Судя по Рапортамъ Полоцкой Городовой Полиціи, городъ Полоцкъ былъ центральнымъ пунктомъ при прохожденіи и роздыхѣ полковъ съ ночлегами ихъ.

Военно-временныя распоряженія при проходѣ войскъ и командъ.

(Связка 9-я; д. № 97). Получ. 14-го Марта 1912 года.

Въ бѣлорусское Витебское Губернское Правленіе.

Отъ Динабургскаго Коменданта
генералъ-майора Уланова.

Его Императорскаго Величества господинъ генералъ адъютантъ командиръ 1-го корпуса резервныхъ войскъ и кавалеръ баронъ Меллеръ-Закомельскій отъ 29-го февраля, за № 3-мъ далъ мнѣ знать, что по высочайшему повѣленію предписалъ онъ запаснымъ батальонамъ 3-му, 7-му и II-ой пѣх. дивизіи следовать въ динабургъ для производства работъ. И проситъ о принятіи зависящихъ отъ меня мѣръ къ пріуготовленію выгоднаго расположенія тѣхъ батальоновъ около динабурга на квартирахъ сообщая о семъ Губернскому Правленію прошу покорно оное повелеть кому слѣдуетъ о отводѣ въ бѣлорусско-витебской губерніи наделить батальоновъ по близости къ Динабургу квартиръ. И меня неоставить своимъ уведомленіемъ где оныя назначены будутъ.

№ 408. Генер.-майоръ Улановъ.
въ динабурге.
Марта 6-го дня.
1812-го г. Слуш. 15-го Марта.

Приложены: 1-го стола, 1-го Отд. Вит. Губерн. Правл. 1) постановленіе увѣдомить коменданта; и 2) предписаніе Динабургскому Н. З. Суду.

(Св. 9-ая д. № 103-ій). По предложенію Бѣлорусскаво Военнаго Губернатора.
Получено 1812-го года Марта 20-го дня.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО изъ бѣлорусско-витебскаго Губернскаго Правленія

Себежскому Исправнику Бачизмальскому. Правленіе сіе слушавъ предложеніе Его Королевскаго Высочества бѣлорусскаго военнаго губернатора, Герцога Александра Виртембергскаго въ коемъ прописывая рапортъ видя, что въ истекшемъ февралѣ мѣсяцѣ проходя черезъ Себежскій повѣтъ Брестскій и Вильманстрандскій пѣхотные полки брали всякой около ста обывательскихъ подводъ и что другія полки, не имѣя особаго отъ вышняго начальства повѣленія требуютъ взимать тоже знатное количество лошадей—предлагать изволитъ сообразивъ сіе обстоятельство съ законнымъ постановленіемъ дать Вамъ Себежскому Исправнику надлежащее разрѣшеніе.—Опредѣлено: хотя губернское правленіе о дачѣ обывательскихъ подводъ во время похода полковъ и другихъ командъ кромѣ Высочайше утвержденнаго во 2-й день іюня 1809 года положенія во всѣ Нижніе Суды разосланнаго вновь предписанія никакого не имѣетъ; а онымъ предписано въ пунктахъ: 23-мъ болѣе опредѣленнаго количества подводъ, равно и безъ заплаты прогоновъ наличными деньгами не давать оныхъ развѣ особое дано будетъ по обстоятельствамъ предписаніе; и 24-мъ что ежели бы при проходѣ войскъ вознадобились подводы въ большомъ числѣ, а гражданское начальство не имѣло о томъ повѣленія, то воинскіе начальники нетребуя наряда оныхъ должны нанимать *) повольной цѣною но дабы «при частомъ нынѣ переводѣ войскъ» не сдѣлать имъ остановки въ походѣ, то описать**) Себежскому Земскому Исправнику руководствоватся симъ положеніемъ, требуя отъ воинскихъ чиновъ о числѣ подводъ повеленія, а естли-бы такового и не случилось, не причиняя малейшей остановки удовлетворять требованія съ соблюденіемъ закономъ предписанныхъ правилъ безъ отягощенія чрезъ излишнюю тягость обывателей, чтобъ прогонныя деньги по законамъ были уплачиваны имъ безъ остановочно О чемъ Его Королевскому Высочеству донести.

(Ис. 29-го Марта).

---

*) по вольной цѣнѣ, **) отписать. М. М.

(Связка 9-ая; д. 104). Получено 11-го Марта.

Б. В. Г.

9-го Марта 1812-го года Витеоскому Губернскому
№ 898. Правленію.
Витебскъ.

Во время расположенія въ Лепельскомъ повѣтѣ полковъ: Гранадерскаго, Павловскаго, С.-Петербургскаго, Таврическаго и Екатеринославскаго, по сношенію Лепельскаго и Полоцкаго повѣтовыхъ маршаловъ на основаніи общаго маршальскаго положенія въ 1808-мъ году учиненнаго, и по предписанію Г. гражданскаго губернатора, назначено для тѣхъ полковъ къ поставкѣ съ полоцкаго повѣта въ помощь лепельскому, 108 сажень дровъ.

Полоцкой повѣтовый маршалъ, сдѣлавъ о томъ свое распоряженіе для приведенія онаго въ исполненіе препроводилъ 14-го іюня 1811-го года въ Полоцкій Н. З. Судъ и еще о томъ-же три раза относился въ оный Судъ; а по дошедшимъ донесеніямъ, отъ 24-го октября, а сего 1812-го года генваря 20-го предписывалъ тому Суду безъ малейшаго отлагательства принять всѣ мѣры, чтобы по сдѣл ан ному полоцкимъ повѣтовымъ маршаломъ распоряженіи слѣдующія съ Полоцкаго повѣта дрова въ самоскорейшемъ времени были въ Лепель доставлены.

Я предостерегалъ оный Судъ, что въ случаѣ неисполненія имъ сихъ предписаній, вынужденнымъ буду приказать всѣ слѣдующія за тѣ дрова деньги обратить ко взысканію съ самихъ сего Суда членовъ но оный Судъ на послѣднее мое предписаиіе никакого рапорта не прислалъ а Лепельской повѣтовый маршалъ оть 3 го числа сего Марта доноситъ мнѣ, что тотъ Судъ по 24-ое февраля ни одной сажени дровъ не доставилъ и что помѣщики у коихъ насчетъ Полоцкаго повѣта занимаемы были дрова, требуютъ возврата оныхъ.

Видя толикую со стороны полоцкаго Н. З. Суда медленность въ поставкѣ дровъ и неисполненіе моихъ предписаній я, долгомъ званія моего поставляю предложить Витебскому Губернскому Правленію дабы оно черезъ кого слѣдуетъ заставило сей Судъ поставить въ

Лепельскій повѣтъ слѣдующія съ полоцкаго Дрова 108 саженей безъ всякаго за симъ отлагательства и за медленность въ томъ учинило-бъ съ него взысканія по законамъ а что по сему сдѣлано будетъ о томъ доставило мнѣ свѣдеиія.

Бѣлоруссій военный губернаторъ.

Подлинное подписалъ: Герцогъ Александръ Виртембергскій.

Слу. 1812-го г. Марта 20-го дня.

Ис. 29-го Марта.

(Связка 9-ая; д. № 107). Получ. 14-го Марта 1812 г.

Изъ Государственной военной коллегіи по Комиссаріатской Экспедиціи.

Въ Бѣлорусское Витебское Губернское Правленіе.

Благоволитъ оное Губернское Правленіе черезъ кого слѣдуетъ жительствующему въ городѣ Суражѣ отставному изъ 7-го Егерскаго полка, фельдфебелю Терехову объявить, что одоставленіи въ оное Правленіе къ отдаче ему, Терехову неполученнаго имъ побытности въ заграничныхъ госпиталяхъ для излеченія ранъ 1806-года за сентябрскую треть за весь 1807-ой годъ и за пресишь—Эйлауское сраженіе жалованья всего 62 р. 62 коп. съ подлежащимъ на оное Лажемъ будѣ следуетъ, комиссіи Смоленскаго комиссаріатскаго депо предписано.

№ 867.
Марта 6-го дня,
1812-го года.

Генералъ-майоръ Авиловъ.
Секретарь Новиковъ.

Губернскій Секретарь Чер. . .

(На оборотѣ бумаги):

1812-го года марта 20-го дня.—Приказали—объявленіе о семъ фельдфебелю Терехову—Суражскому Городничему послать указомъ.

Ис. 15-го Маія.

(Связка 9-ая д. 114). Получено 28-го марта.

Въ Витебское Губернское Правленіе.

Изъ Полоцкаго Н. З. Суда.

Р а п о р т ъ.

Во время настоящаго черезъ Полоцкій повѣтъ движенія войскъ, изъ коихъ всѣ вообще запасные батальоны свыше положенія Іюня 2-го дня 1809-го года высочайше утвержденнаго требуютъ несоразмѣрное количество обывательскихъ подводъ, простирая оное отъ 30-ти до 45—лошадей на однѣ батальонъ, нѣкоторыя-же командиры неизъяснивъ предварительно надобности подводъ и не приложивъ маршрутовъ, вдругъ скоропостижно домогаются подводъ и прочихъ пособій; къ выполненію оныхъ для проходившихъ запасныхъ батальоновъ 1-го и 33-го Егерскаго, Ревельскаго, Полоцкаго и, послучаю выступленія теперешняго изъ Полоцка вильманстрандскаго, бѣлозерскаго и рязанскаго пѣхотныхъ полковъ требовалъ судъ и особенно члѣны уравнительнымъ расположеніемъ изъ артѣйковскаго, росонскаго, юревицкаго, струнскаго и сиротинскаго ключовъ въ достаточномъ количествѣ 182-ѣ подводы въ судъ прибыло; и такъ обозы въ транспорты изъ Полоцка имѣютъ остановку, къ отвращенію которой судъ возможныя средства предпринимаетъ и упрямствующихъ владѣльцевъ предастъ сужденію повѣтоваго суда. Причиною сего послѣдствія не одно упрямство некоторыхъ владѣльцевъ; но почастому черезъ Полоцкій повѣтъ переходу войскъ лошади-же по худобѣ дороги изнурились; иные по недостатку корму невъ силахъ употреблены быть къ транспорту; съ другой стороны городъ Полоцкъ по положенію обязанъ давать на всякую команду до—20 ти подводъ; свыше того уѣздъ дополняетъ; но отъ города по стороннему истолкованію отпускается только въ

дѣнь двадцать подводъ, протчая-же тягость на уѣздъ падаетъ съ излишествомъ и тѣмъ, что судъ долженъ въ городъ собирать лошадей и потомъ въ путь отправлять.

Таковыя обстоятельствы убѣдили судъ употребить настоятельное дѣйствіе и о происходимой остановкѣ почтеннѣйше Его Королевскому Высочеству Бѣлорусскому военному губернатору донеся нижейше просить о подтвержденіи поветовому суду, дабы надъ ослушными владѣльцами и участвующими въ томъ поставилъ законный приговоръ, дабы городъ Полоцкъ до 20-ти подводъ отпускалъ не толкуя о томъ по днямъ и дабы войско излишними и безвременными требованіями до изнѣможенія судъ и владѣльца не обременяли, а мѣжду тѣмъ остановку въ вину суду не поставить: о чемъ и оному губернскому правленію сей Судъ почтительнѣйше доноситъ.

Въ должности Исправника.

№ 793. Полупентовъ.

Марта 26-го дня. Секретарь Бліодухъ.

1812-го года. Слуш. Марта 28-го.

(Связка 11-ая; д. № 25.) Получ. 16-го Генвр. 1812 г.

Витебскому Губернскому Правленію.

Дивизіонный командиръ относится ко мнѣ, что отправленной на укомплектованіе полковъ лейбъ-гвардіи съ командою Московскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Нѣмчиновъ Себежскаго повѣта въ деревнѣ Дубровкѣ промѣдлилъ трое сутокъ за незаготовленіемъ нижнимъ судомъ подводъ.

Препровождая при семъ въ копіи его ко мнѣ отношеніе, равно не выданное въ томъ отъ помѣщиковъ свидѣтельство предлагаю, сдѣлавъ разсмотрѣніе, неоставить виновнаго безъ взысканія.

№ 333 Губернаторъ Сумароковъ.

15-го Генвр. 1812 г. Слу. 20-го Генваря.

(Св. 11-ая; д. № 36.) По резолюціи 29-го Генваря, 1812 г.

(Печатно).

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго изъ Витебскаго Губрн. Правл.

(На запросъ военнаго министра).

Правленіе сіе слушавъ предложенія Е. Крл. Вч. генер. отъ калеріи Бѣлр. Вн. Губрнт. герц. А. Виртембергскаго . . . опредѣлено: съ сего предложенія Е. К. В-ства копію препроводить при указѣ въ Себежскій Н. З. Судъ и велѣть противу онаго немедленно прислать объясненія на разсмотрѣніе для взысканія по законамъ, а дабы не могло произойти подобныхъ случаевъ при проходѣ воинскихъ командъ и рекрутскихъ партій и по протчимъ уѣздамъ, то всѣмъ Н. З. Судамъ, городскимъ полиціямъ и городничимъ строжайше подтвердить, чтобы оные по обязанности ихъ, каждыя проходящія команды встрѣчая и провождая по вѣдомству своему доставляли все законами предписанное продовольствіе и вспомоществованіе подъ опасеніемъ за малѣйшее упущеніе строгаго съ нихъ взысканія; о чемъ Е. Крл. Вчству донести.—Февраля 19-го дня. 1812-го года.

1 отд.
по 1-му столу.

Сюда-же 22 Рапорта Городничихъ и Н. З. Судовъ; помѣчены Мартомъ 11-мъ и 14-мъ.

(Св. 11-ая; д. № 82-ой). Получ. 29-го Февраля 1812 г.

Въ Вит. Губрн. Правленіе.

Изъ Вит. Н. З. Суда.

Р а п о р т ъ.

Отношеніемъ, Лейбъ Кирасирскій Ея Императорскаго Величества полкъ отъ 28-го сего Февраля за № 350-мъ по случаю высту-

ленія онаго полка изъ витебска въ походъ, требуетъ въ полученіе сего послать члена въ деревню Тересполье для принятія въ свое вѣдѣніе, отъ расположеннаго тамъ эскадрона, сѣна—пяти сотъ пудъ, остающагося за выступленіемъ полка, который-бы членъ по полученіи онаго сѣна снабдилъ эскадроннаго командира квитанціей — въ семъ судѣ опредѣлено: выѣхать для сего Г-ну засѣдателю Быку; а какъ также сѣно долгое время въ вѣдомствѣ сего суда оставаться не можетъ, а должно поступать въ вѣдомство-же казенное или въ продажу, то дабы благоволено было командировать чиновника и со стороны казенной для общаго съ засѣдателемъ Быкомъ принятія онаго отнестись въ комиссію витебскаго провіантскаго депо; а Губернскому Правленію о семъ донеся просить, дабы соблаговолило и съ своей стороны сообщить той комиссіи о командированіи чиновника.

№ 387. Засѣдатель
Февраля 29 дня (подпись неразборчива)
1812-го года.

Получено 5-го Марта 1812 года.

Въ Вит. Губерн. Правленіе.
Изъ Комиссіи Вит. провіантскаго депо.

По отношенію онаго Правленія отъ 2-го сего Марта подъ № 5886-мъ комиссія Витебскаго провіантскаго депо увѣдомляетъ, что за раскомандированіемъ нѣтъ у нея нынѣ ни одного человѣка коего могла-бы опредѣлить для освидѣтельствованія оставленнаго лейбъ-кирасирскимъ Ея Имптр. Величества полкомъ въ витебскомъ повѣте сена; а потому коммиссія исообщила витебскому Н. З. Суду тогда-же руководствоваться въ семъ случае направилахъ мнѣніемъ государственнаго совѣта въ 14-ый день ноября 1810-го года постановленнымъ, всодержаніе котораго и оное правленіе просить, дабы благоволило съ своей стороны учинить о семъ тому суду предписаніе.

№ 1433.
Марта 4-го дня. Случ. 6-го марта.
1812-го года.

Получено 30-го Марта.

Тоже:—о сохраненіи сѣна 340 пудовъ, оставшихся отъ Капорскаго пѣхт. полка.

Слуш. 1-го Апрѣля.

Изъ Вит. Губернск. Правленія отъ 1-го Апр. «Что обыватели сего «повѣта отъ взятія заимообразно такового сена отказались, проситъ «содѣйствія къ принятію коммиссіей въ Тереспольѣ сена и еще вы«ходящими командами оставляемаго».

Распоряженія о бѣглыхъ рекрутахъ и бродягахъ.

(Связка 10-ая; д. № 321). и другія подобныя дѣла

Получено 6-го Іюля; 1812 г.

Въ Вит. Губ. Правленіе.
Изъ рѣжицкаго Н. З. Суда.

Рапортъ.

Пойманные въ здѣшнемъ повѣтѣ два бѣглыхъ рекруты Якубъ Филиповъ и Павелъ Мартыновъ съ подлинными ихъ допросами отъ сего суда къ витебскаго внутренняго гарнизоннаго батальона командиру г-ну подполковнику и кавалеру Паткулю отосланы. О чемъ Гбр-му Пр-нію съ приложенными въ копіяхъ допросовъ здешній судъ рапортуя проситъ для поимщиковъ десяти-рублеваго награжденія.

№ 1298.

Іюля 1-го дня.
1812-го года.

Заседательный кандидатъ
Фонъ Мантейфель—Цеге.
Секретарь Савицкій.
Слуш. 4-го Генвр. 1813 г.

NB. Всѣ пойманные рекруты и дезертиры отправлялись къ полковнику Паткулю М. М.

NB. Въ дѣлѣ № 321-мъ 45 листовъ разныхъ Н. З. Судовъ отъ Іюня и Іюля.—Нѣкоторыя получены въ ноябрѣ, какъ отправленныя послѣ 15-го Іюля—подписаны засѣдателями, а за —секретарей,—повытчиками.

(Св. 10-ая; д. № 334.) (и другія подобныя дѣла).

1812 года, іюня—4-го дня, II-го Отдѣл. В. Гбр. Правленія.—Слушали за № 3566-мъ отношеніе Вит. Главнаго Суда по 1-му департаменту отъ 3-го іюня съ помѣткой «скоро», (копія) коимъ требуетъ по объявленіи рѣшенія содержащемуся въ городѣ Динабургѣ подъ стражею крестьянину того повѣта, помѣщика Лабунскаго, — Мишкѣ прозванія неимѣющему сужденному за воровство къ наказанію плетьми — приказали: съ сего сообщенія копію для надлежащаго по оному исполненію отослать при указѣ въ Динабургскій Н. З. Судъ и вѣлеть означеннаго крестьянина Мишку намѣстѣ преступленія наказать плетьми и давъ пятьдесятъ ударовъ отослать въ Витебское рекрутское присудствіе для освидѣтельствованія буде окажется годнымъ въ воинскую службу и отсылкѣ въ крѣпостныя работы съ зачетомъ помѣщику въ рекруты; о чемъ въ оное рекрутское присутствіе сообщить и суду вѣлеть по исполненіи, какъ Губрн. Пр-ію, такъ и Главнаго Суда 1-му департаменту рапортовать; очемъ нынѣ оной департаментъ увѣдомить.

Исполнено 11-го Іюня.

(Связка 10-ая; д. № 353.) (и другія подобныя дѣла).

Получено 18-го Іюня 1812-го года.

№ 3951 (Входщ.) Изъ Витб. рекрутскаго присутствія.

въ Вит. Губрнск. Правленіе.

Присланные при сообщеніяхъ отъ онаго Губерн. Правленія изъ бродягъ пять человѣкъ для освидѣтельствованія въ годности къ военной службѣ, а именно нижегородской губ. васильевскаго уѣзда помѣщика Орлова-Денисова крестьянинъ Федоръ Мищеляковъ; Псковской губ. Порховскаго уѣзда штабъ капитана Федора Лаврова дворовые люди Федоръ Филипьевъ, Михайло Даниловъ, Иванъ Ивановъ и Симбирской губ. и уѣзда полковника Кроткова Павелъ Ивановъ Разчасалинъ сего числа въ семъ присутствіи были свидѣтельствованы и оказались, кромѣ 1-го Мищелякова, къ службѣ годными.—А онъ,

Мищ-въ за старостію и ростомъ не годенъ; для того опредѣлено: оказавшихся годными къ службѣ четырехъ человѣкъ, принявъ въ рекруты, отослать Г. полковнику и бригадному, командиру ввутренней стражей, Попову а Федора Мищелякова, яко оказавшагося къ службѣ негоднымъ отослать обратно въ оное правленіе которой при семъ и посылается. Подлинное подписали советникъ Рубковъ, секретарь Козаполянскій и 14-го класса Карибванъ. Іюня, 18-го дня; 1812 года № 1380-ый.

(Связка 10-ая д. №№ 340 и 354).

Оба дѣла изъ Вятскаго Губерн. Правленія.

Первое отъ 17-го мая, получено 8-го іюня, слуш. 18-го іюня.
Второе отъ 20-го мая; получено 8-го іюня, слуш. 12-го іюня.
Оба печатно:

Изъ Вятскаго Губернскаго Правленія
въ Белорусско-Витебское таковое.

Въ Правленіи семъ по рапорту находящагося на Сибирскомъ трактѣ у препровожденія колодниковъ заседателя Макарова при коемъ представилъ о неоказавшемся у пересыльныхъ колодниковъ, доставленныхъ на Малмыжскую станцію—платьѣ, обуви, и желѣзѣ—вѣдомость, опредѣлено: обстоятельство на предметъ прекращенія колодниками растраты даваемаго имъ отъ казны платья, или неснабженія ихъ показанными въ посланной съ ними документахъ вещами или же о дачѣ такого, котораго до мѣста отправленія не достало съ приложеніемъ изъ означенной, присланной при ономъ рапортѣ вѣдомости надлежащихъ выписокъ, довесть до свѣдѣнія тѣхъ губернскихъ правленій, откуда слѣдуютъ пересыльные, или показываютъ растрату бывшаго на нихъ платья и обуви, о чемъ во оное и сообщить, означенная—же выписка при семъ препровождается.

Маія 20 дня 1812 года.

Совѣтникъ Чашковскій.

На оборотѣ печатнаго бланка значится:

1812-го года, іюня 18-го дня приказали: уведомить Вятское Губернское Правленіе, что колодники для пересылки куда кто слѣду-

етъ отправляются изъ сего правленія къ командиру здѣшняго внутренняго гарнизоннаго батальона при отношеніи со статейнымъ спискомъ съ означеніемъ въ ономъ одежды, обуви и цены онымъ каждой вещи порознь, но чтобы колодники сстатейными списками и отъ батальона отсылались въ слѣдующій путь о томъ къ командиру витебскаго внутренняго гарнизоннаго батальона Г. подполковнику Паткулю— сообщить.

ВЫПИСКА, учиненная въ Вятск. Губер. Правл. изъ вѣдомости представленной отъ находящагося на Сибирскомъ трактѣ у препровожденія колодниковъ засѣдателя о неоказавшемся у пересыльныхъ въ Сибирь колодниковъ противу списковъ и прочетныхъ указовъ, при которыхъ пересылающіеся колодники слѣдуютъ—платья, обуви и желѣзъ—значитъ подъ симъ.

ПЕЧАТНО.

№	Имена и прозваніе колодниковъ.	При какихъ документахъ когда и за какими номерами данныхъ и также куда слѣдуетъ.	Чего при свидѣтельствѣ не оказалось.	Чего сіи вещи по покупкѣ ихъ на мѣстѣ казнѣ стоили. Руб. | Коп.	Что—на спросъ неоказавшагося тѣ колодники объявили.
	Матвѣй Прокофьевъ	при подорожной 6-го іюня за № 16130 изъ Вит. Губерн. Правленія данной въ Иркутскъ на поселеніе.	башмаковъ,	Противу сего цены не выставлены.	Износилъ не доходя города Казани, вмѣсто коихъ даны ему въ Мамыжѣ отъ казны пара лаптей 8 коп. Сычевъ

Василій Карасевъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.—Дѣло о сдачѣ колодниковъ на поселеніе прямого отношенія къ военному дѣлу не имѣетъ; но я его выписала какъ примѣръ дѣла, запоздавшаго своимъ исполненіемъ (1813-го г.) и до нѣкоторой степени все же стоявшаго въ зависимости отъ командира Паткуля. М. Мельникова.

Объ отъѣздѣ

Витебскаго Губернскаго Правленія.

Самымъ вѣрнымъ показателемъ наступившей для Витебска критической минуты—близости непріятеля является маленькій чиновникъ Губерн. Прав. въ званіи Приходчика и Расходчика этого правленія.—Онъ подалъ въ Г. Правленіе отчетъ о расходѣ за Іюнь мѣсяцъ и смѣту на Іюль.—Заслушаны обѣ росписи въ Іюлѣ: 2-го и 6-го, съ предписаніемъ внести ихъ въ книги вмѣстѣ съ оправдательными документами поставщиковъ; но исполненіе, т. е. уплата по нимъ падаетъ на 11-ое февраля 1813-го года. Обѣ расходныя росписи представляются въ слѣдующемъ видѣ.

№ 1. (Св. 14-ая, д. № 348—339).

Реестръ закупленнымъ для Витебскаго Губернскаго Правленія матеріаламъ съ 1-го Іюня по 1-ое Іюля—1812-го года.

	Р.	К.
Купцу Шубину за три стопы серой бумаги 27 р.—За 1 ф. съ половиной получшаго сюргуча 3 р.—За 8 ф. простого сюргуча—4 р.—За два листа Александрійской бумаги 1 р. 60 к.—За 4 ф. свечей 1 р. 20 к.—Всего тридцать шесть рублей восемдесятъ копѣекъ	36	80
Купцу Рындѣ за 10 стопъ серой бумаги 90 руб.—За 1 ф. чернильныхъ орѣшковъ и 2 ф. купоросу 3 р.—за 3 стопы бѣлой бумаги 36 р.—Всего сто двадцать девять рублей	129	—
Дано часовому мастеру Карлу за починку въ присудственной камере часовъ десять рублей	10	—
Дано вахмистру на дрова въ типографію 1 р. 60 к. На починку окошекъ 60 к. На починку стульевъ 1 р. 85 к. На нитки и перья 1 р.—На мытье половъ въ присутственной камере и въ Секретарской 1 р. 70 к.—На линейки 40 к. —На шнурки для связки дѣлъ 60 к.—Всего семь рублей 75 копѣекъ	7	75
Итого сто восемьдесять три рубля пятьдесятъ пять копѣекъ	183	55

Расходчикъ Поцолоевскій.

№ 2-ой.

Регистръ закупленнымъ матеріаламъ для витебскаго губернскаго Правленія на Іюль мѣсяцъ 1812-го года.

	Р.	К.
Купцу Шубину на 2 стопы бѣлой бумати двадцать четыре рубля	24	-
Купцу Баранову за 4 стопы серой бумаги 36 р.—На шесть фунтовъ простого сюргуча 3 р.—На 1 ф. получшаго сюргучу 2 р.	41	—
На дрова въ типографію, на нитки, иглы выдано вахмистру 2 р.	2	—
Купцу Рындѣ на чернилы и купоросъ 2 р. 70 к. .	2	—
Купцу Собольщикову за стопу серой бумаги	10	—
Купцу Сувору за сто сорокъ штукъ рогожекъ на увязку дѣлъ сорокъ два рубля	42	—
Купцу Рындѣ за веревки на увязку дѣлъ 6 р. 50 к.	6	50
Итого сто двадцать девять рублей	129	—

Расходчикъ Поцолоевскій.

Изъ этихъ двухъ счетовъ расходчика Поцолоевскаго можно замѣтить какъ закупка Іюньская безобидныхъ чернильныхъ орѣшковъ смѣнилась тревожной партіей рогожъ и веревокъ для упаковки дѣлъ съ цѣлію отбытія изъ Витебска передъ приходомъ непріятеля.

Сообщила *М. Мельникова.*

POUR LES ÉTRANGERS.

Table des matières de l'Archive contenues dans les liasses des Actes susmentionnés *)

(Оглавленіе для иностранцевъ).

1812. I. Faits divers de la guerre franco-russe.

		Pages.
	Préface	1,65 / 249.
1.	2-de l. acte № 40. 19 juin. Oukase de son Altesse Royale, duc de Wirtemberg aux maires des villes et aux tribunaux inférieurs des districts sur le devoir de donner des guides aux bataillons qui passaient	19,21
2.	2-de l. acte № 41, 13 Juin; et acte № 45. 26 mai. Nomination de l'amiral Tchitchagoff	10,14.
3.	2-de l. acte № 47, 6 mai. Rapport de la police de la ville de Polotzk: les ordres reçus n'ont pu être accomplis à cause de la panique devant l'ennemi qui s'approche	21.
4.	2-de liasse; acte № 50. a) 25 mai. Nomination du comte Rostoptchine, gouverneur civil à Moscou	249.
	b) Nomination du général major Lechern, gouverneur civil à Vitebsk	8,10.
	c) Nomination du comte Aléxis Kirilovitch Rasoumovsky ministre de l'instruction publique . . .	8.
5.	2-de l. acte № 51.—Décret Souverain concernant les accusés prisonniers civils et les déserteurs en raison de leur assimilation à l'armée active vu la nécessité de fortifier les troupes . .	16.
6.	2-de l. acte № 75. 28 juin. Pétition d'une citoyenne de la ville de Vitebsk au vice-gouverneur Souchko sur les dépenses qu'elle a faites pendant le séjour des employés militaires dans sa maison	26.

*) A voir le volume des oeuvres de l'Archive, du 1911.

7. 2-de l. acte № 78.—Rapport du district de Gorodok sur la nécessité de changer le placement de son Archive, vu le délabrement du logement . . . . . 15.

8. 2-de l, acte № 79. 19 juin. Oukase de son Altesse Royale le duc de Wirtemberg (Aléxandre), général-gouverneur militaire â Vitebsk, annonçant que selon l'oukase de l'Empereur il doit se rendre au camp de l'armée active près de la Personne de sa Majesté. Son Alt. Royale fait savoir (6-de l. acte № 138) que, en conséquense des ordres particuliers qu'il a reçus de Sa Majesté L'Empereur, il autorise â le remplacer pendant son absence le général ingénieur de Volant . . . . . 7.

9. 3-me l. acte № 87.—13 mai. Ordre du général—gouverneur, duc de Wirtemberg sur le devoir de la police de venir en aide aux maréchaux des districts dans leurs affaires concernant l'assitance aux militaires . . . . . 17.

10. 3-me l. acte № 89; 20 juin. Sur les conditions de libre passage á la frontiere russe—sans impots de douane,—des provisions pour les troupes . . . . . 30.

11. 3-me l. acte № 98. 15 mai.—Termes, pour les fournisseurs des provisions destinées aux hopitaux militaires . . . . . 29.

12. 3-me l. acte № 99, 6 juin. Sur l'enterrement des *) morts à une profondeur de trois mêtres au moins . . . . . —

13. 3-me l. acte № 110. 13 mai. Par l'Oukase de Sa Majesté, le duc de Wirtemberg fait savoir à l'administration du gouvernement que les réponses (des tribunaux) à lui envoyer, doivent contenir l'annonce de l'accomplissement sans délai, des ordonnances données, et que ceux qui y manqueront seront soumis à l'amende . . 13.

14. 3-me l. acte № 111. 9 juin. Sur la nécessité de faire publier les noms de ceux qui ont merité l'amende . . . . . 12.

15. 3 me l. acte № 112; 16 mai: Ordre de l'administration du gouvernement de Vitebsk (basé sur l'oukase de Son Altesse Royale)

*) Въ 3-й связкѣ № 99.—Распоряженіе погребать тѣла не выше 3-хъ аршинъ въ глубину.—Отъ 6-го Іюня 1812 г.

aux tribunaux inférieurs des districts, sur la défense de s'excuser du délai des affaires, en accusant de paresse et d' incapacité leurs employés inférieurs du district . . . . . Pages. 11.

16. 3-me l. acte № 126. 10 juin. Solicitation d'un juif pour la réparation d'un pont à demi—brisé par les troupes, la poste, les bataillons, les courriers, les estafettes circulant incessament . . 22.

17. 3-me l. acte № 130. 7 Mai. Nomination du général Tormassoff, commandant en chèf de la 3-me armée des éclaireurs de la reserve. . . . . 10.

18. 3-me l. acte № 138.—Rapports des magistrats des villes et de quelques tribunaux annonçant que leurs Archives sont en ordre . 15.

19. 3-me l. acte № 139. 14 juin. Délivrance de l'intendant d'un bien, accusé et arrété pour avoir manqué de fournir des chevaux pour le passage de l'Empereur par la station de Rossitzy . . 25.

20. 4-me l. acte № 149; 17 Août.—Rapport du Comité de la milice (ополченіе) annonçant, qne conformément à l'oukase Impérial, daté du 31 juillet, il (le comité) a commencé ses fonctions . . 35.

21. 4-me l. acte № 155.—15 juillet. Sur les moyens à employer, par la-Trésorerie de l'Etat, pour trouver des ressources et sur la réduction des dépenses . . . . . 37.

22. 4-me l. acie № 161. 9 Août. La haute permission de Sa Majesté au commandant en chèf, prince Golénistcheff—Quotouzoff—d'après la rélation de ce dernier, de correspondre librement avec qui que ce soit pour accélérer l'accomplissement des affaires concernant le comite de la milice . . . . . 36.

23. 4-me l. acte № 168. 18 juillet. Nomination,—des chèfs du comité de l'armement, à Moscou . . . . . 35.

24. 3-me l. acte № 169. 18 octobre.—Nouvelles routes de comunication destinées et indiquées pour la poste, les courriers, les estafettes et pour les employés de guerre . . . . . 36.

		Pages.
25.	4-me l. acte № 174. 31 juillet. Nominations des chèfs et membres du Comite de l'armement à Saint-Petersbourg	35.
26.	4-me l. acte № 175. 16 Septembre. Retour du ministre de l'instruction publique, comte Rasoumovsky à son poste aprés son congé .	8.
27.	4-me l. acte № 180. 3-me Septembre,—Des accusés, dont la peine à été commuée par leur entrée au serviee militaire . . .	34.
	Note: Tous les actes de la 4-me liasse sont datés du 27 Décembre, ayant été retenus et empéchés par les troupes de l'ennemi et sa présence.	
28.	5-me l. acte № 373. 6 juillet.—Manifeste du Tzar, donné au camp de Polotzk signé de Sa Majesté. C'est Son appel aux trois Ordres de l'Etat	4.
29.	6-me l. acte № 126. 26 Février. Oukase du ministre des finances éxigeant que les affaires de la Banque fussent réglées et que les employés de l'administration du gouvernement ne pussent pas trainer en longueur les payements et les dettes des districts et des proprié taires	26.
30.	6-me l. acte № 137. 16 mars. Sor la révision des Trésoreries des districts; et le réglement de la remise des passeports et des chevaux aux courriers	27.
31.	6-me l. acte № 138, 15 mars. (bis; á voir § 3-me) . .	7.
32.	6-me l. acte 144. 18 mars. Sur le nouveau suplément au Statut du ministère de la Guerre, contresigné par le ministre Barklay-de-Tolly	—
33.	6-me l. acte № 113. (3-me l. acte № 98) idem . .	27.
34.	6-me l. acte № 158. 4 Avril. Rapport du tribunal inférieur de Dunabourg sur la maladie des chevaux du district, causée par le manque de nourriture, le fourrage ayant été complétement fourni aux régiments de la garde impériale venant de passer . . .	16.
35.	8-me l. acte № 184. 23 mai. Ordre de Son Altesse Royale d'assigner des près pour le paturage des chevaux de l'artillerie . .	16.

Pages.

36. 8-me l. acte № 185. 5 Mai. Information du tribunal inférieur de Dunabourg: sur le nombre des chevaux à fournir aux officiers qui passaient avec leurs détachements. . . . . 19.

37. 8-me l. acte № 186. 18 Mai. Plainte du lieutenant de-Prott sur le manque des guides . . . . . 19.

38. 8-me l. acte № 145, (L. 3-me; № 87) idem. . . . 17.

39. 8 me l. treize actes commençant par le № 89--tous sur la demande de Solde des recrues . . . . . 28.

40. 8-me l. acte №№ 157, 132. 26 mars. Des convois pour les régiments et les détachements . . . . . 24.

41. 8-me l. actes №№ 119, 123, 124, 136, 158.—Payement par la municipalité de Vitebsk pour l'achat et la conduite des chevaux . 16.

42. 8-me l. acte 195.—Demande d'argent au commissionnaire—fournisseur de pain. (343 r. 34½ cop.). . . . . 29.

43. 8-me l. acte № 129. Révision de la caisse des provisions et de l'avoine. . . . . 29.

44. 8-me l. acte 117. Réclamation d'une somme, payée pour du mauvais fourrage (détérioré) 286 r. 99½ cop.). . . . . 29.

45. 8-me l. acte 138. Répartition entre les districts de la quantité des biscuits et de bois de chauffage. . . . . 29.

46. 8-me l. acte 155. Expédition des vagabons des districts dans les régiments. . . . . 16.

1813. Des prisonniers.

47. 5-me l. n ro 48.—Certificats aux trois officiers: deux lieutenants et un colonel Fitztoum-Von-Ekstedts sujets Saxons, expédiés à St. Petersbourg. . . . . 41.

48. 5-me l. n-ro 54. 1813. 29 Avril. Pétition de la psisonnière française Elizabeth Levron pour avoir un passeport jusqu' à la ville de Borissow afin d'y retrouver ses enfants. . . . . 42.

Pages.

49. 5-me l. acte n-ro 42. 10 Janvier. 1813. Sur l'état nominal des officiers de santé et des soldats français. . . . 44.

50. 5-me l. acte n-ro 30. 23 Mars. 1813. Réclamation du gouverneur civil Lechern de lui présenter les prisonniers suivant leur rang. . 46.

51. 5 me l. acte n-ro 41. 8 Avril, 1813. Prière de porter sur les États de grade supérieur le colonel Levasseur 47

52. 5 me l. acte n-ro 41. 5 me Avril, 1813. Même prière pour M-r Edaline aide-de-camp., promu au grade de capitaine . . 48.

53. 5-me l. acte n-ro 45. 21 Avril 1813. Affaire (de vol) du prisonnier Darmois et de Christine Bédos. . . . . 50.

54. 5 me l. acte sans n-ro. 29 Août, 1814. Des dépenses à payer après la mort de l'officier des troupes polonaises, capitaine Skotchevsky. 56.

55. 5-me l. acte n-ro 14. 12 Janvier 1813. Meurtre. La mort du prisonnier, sergent du 3-me régiment Portugais. . . . . 59.

56. 5-me l acte n-ro 35. 28 Mars. 1813. 50 roubles d'assistance de la part de S. A. R la duchesse de Wirtemberg au prisonnier, officier Pabst. . . . . 63.

57. 5 me l. sans N. Rapport du député du magazin de privisions à Vitebsk, m-r Poplavsky à la Commission des Prisonniers sur la quantité des biscuits, de farine, du grain de gruau, de viande, d'avoine et de foin, donnés aux prisonniers. . . . . 62.

58. 9-me l. acte, non numéroté; 7 Juillet. Index des affaires de l'administration de la ville Gorodok, fini le 6 juillet 1812, avec la note de l'employé sur le manque d'actes pour cause de déménagement . 64.

1812. Faits divers de la guerre (Suite).

59. 4-me l. acte N 165 19 Décembre. Le feldmaréchal prince Golenistcheff—Koutouzoff—Smolensky propose que tous les gouvernements, où ont passé les troupes de Napoléon gardent leur position militaire jusqu'à ce que l'ennemi quitte la Russie. Le chèf prétend que Napoléon pourrait reprendre le chemin connu;—Proposition admise, signée et envoyée en Oukases . . . . . 39.

60. 5-me l. acte № 189, 24 Août. Oukase de l'Empereur au général d'infanterie Barklay-de-Tolly de se rendre a l'armée active . . Pages. 11.

61. 5-me l. acte № 199. 5 Avril. Ordre de renvoyer les déserteurs dans des détachements et de recompenser ceux qui les avaient attrappés. . . . . 16.

1812. Mobilisation et marches des troupes.

62. 9-me l. acte № 91. 6 Mars.—Le commandant (городничій) de la ville de Lépelle annonce, que le régiment de ligne de Brest a quitté la ville en y laissant quelques effets. . . . 68,252.

63. 9-me l. acte № 95. 5 Mars. Avertissement du colonel Kniajnine II, commandant du régiment du comte Araktchéeff, d'avoir à traverser le gouvernement de Vitebsk; et demandant d'envoyer des guides à sa rencontre. . . . . 69,253.

64. 9-me l acte № 96. 7 Mars. Demande du général Novak se rendant avec un détachement d'artillerie de Kronstadt à la ville de Borissoff, d'envoyer des gens du district à sa rencontre. La liste (des villes et des villages) des marches et des haltes des troupes est ci—jointe. . . . . 70,254.

65. 9-me l. acte № 97. 6 Mars. Avertissement du baron Meller-Zakomelsky se rendant à Dünabourg et sa demande de lui faire préparer les logis pour ses bataillons des sapeurs de reserve . . 101,285.

66. 9-me l. acte 104, 20 Mars. Ordre de Son Altesse Royale, duc de Wirtemberg, gouverneur militaire à Vitebsk sur les devoirs du district de Lépelle de fournir le bois de chauffage aux régiments: de Pavlovsky, de Tauride, des grénadiers de St. Petersbourg et de Ekathérinoslaw. . . . . 103,287.

67. 9 me l. acte № 103. 20 Mars. Ordre de Son Altesse Royale concernant les ch vaux, les convois, et le fourrage, devant être présentés aux détachements de passage—par les habitants des villages. 101,285.

68. 9-me l. acte № 107. 14 Mars. Annonce du département militaire qu'un soldat, nommé Téréhoff, s'étant distingué au combat de Preus-

sisch Eilau et blessé étant resté à l'hopital à l'étranger peut venir recevoir une récompense. . . . . Pages. 104,287.

69. 9-me l. acte № 114; 26 Mars. Ordre du général gouverneur, duc de Wirtemberg sur la question d'organisation de renfort des troupes qui passent par le district—aux tribunaux inférieurs du gouvernement. . . . . 105,289.

70. 10-me l. acte № 321. 1 Juillet. Avertissement de l'assesseur du tribunal inférieur de Riéjitza (ville), Tzégué-von-Manteuifel que les recrues échappées sont renvoyées en garnison à Vitebsk (Et autres affaires pareilles). . . . . 109,293.

71. 10-me l. acte № 334. 4 Juin. Punition d'un vagabond (villageois) et son renvoi à Vitebsk au conseil de recrues. (Et autres affaires pareilles). . . . . 110,294.

72. 10 me l. acte № 353. 18 Juin. Question: les cinq fuyards trouvés—sont ils aptes au service militaire. . . . . 110,294.

73. 10 me l. acte № 340 et 354. 20 Mai. Deux papiers venant de l'administration du gouvernement de Wiatka: question d'habit et de chaussures des éxilés. . . . . 111,295.

74. 11-me l. acte № 82. 28 Février. Avertissement du tribunal inférieur de Vitebsk que les cuirassiers de Sa Majesté L'Impératrice ont traversé le district et y ont laissé 500 pouds de foin a vendre . 107,291.

75. 11-me l. acte № 73. 12 Fevrier. Réclamation du général Emmé; la feuille de route des sapeurs ci-jointe; prière de venir en aide au détachement en fait des provisions. . . . . 71,253.

76. 11-me l. acte № 27. 11 Janvier. Ordre du ministre de la guerre de pourvoir de provisions le détachement se rendant à la forteresse de Dünabourg. . . . . 78,257.

77. 11-me l. acte № 65. 13 Fevrier. A l'ordre du ministre Barklay-de-Tolly, le commandant du régiment des grenadiers de St. Petersbourg major Machensky éxige ponr ses deux bataillons un employé pouvant leur indiquer le chemin des districts de Vitebsk. Sa liste de marche est ci—jointe. . . . . 76,260.

78. 11-me l. acte № 56. 7 Février. Lieutenant Vigdé réclame provisions et logis pour ses 56 soldats se rendant à Drissa (ville). . . Pages. 76,260.

79. 11-me l. acte № 28. 10 Janvier. Chèf du régiment d'Esthonie, général Helfreich réclame pain et nourriture pour le corps qu'il commande. (Sa liste de marche ci-jointe). . . . 77,261.

80. 11-me l. acte № 66. 12 Février. Du 48-me régiment de chasseurs, major Haritonoff éxige 16 chariots. (La fenille de route ci-jointe). 79,263.

81. 11-me l. acte № 25. 15 Janvier. Ordre du gouverneur civil Soumarokoff de trouver le coupable, du retard de trois jours d'un enseigne, passant par le district de Sébège. . . . 106,290.

82. 11-me l. acte № 36. 29 Janvier. Ordre de S. Alt. Royale de prendre des renseignements et de punir les fauteurs du retard des détachements. . . . . 107,291.

83. 13-me l. acte № 122. Plainte des officiers pour cause de manque de guides. . . . . 19.

11-me l. acte № 7. Janvier, Fevrier, Mars, Avril, Mai et deux jours de Juin—en tout: 68 Rapport des tribinaux inférieurs, des maires, et des polices sur la marche des régiments et de leurs détachements passant et faisant haltes sur le territoire du gouvernement de Vitebsk. . . . . 81,265.

84. 14-me l. acte № 339. 1 Juillet. Compte—rendu d'un commissaire de l'administration de Vitebsk. . . . . 113,297.

85. 14-me l. acte № 348. 6 Juillet. Dévis d'un employé pour le mois de Juillet. Il déclare en finissant sa liste qu'il est bien temps d'acheter des cordes et des nattes pour l'emballement des paperasses de la couronne. Son 6 Juillet est le dernier jour des annales de Vitebsk de 1812. . . . . 114,298.

86. 11-me l. acte № 14. 22 Décembre, 1811. Le commandant du 1-r et du 3-me régiments et du bataillon Caspienne maritime, le général Hachaine annonce, que plusieurs de ses marins sont désignés pour entrer dans la territoriale et qu'ils ont à traverser le gouvernement de Vitebsk. Leur fenille de ronte ci-jointe. . . 74.258.

Pages.

87. 1910; acte № 358. Affaire, trouvée dans les papiers du 1827; contenant 64 feuilles; commencée en 1812 le 18 Juillet et finie le 9 Janvier 1830, transférée du ministère de l'intérieur au ministère de la guerre: actes des gouverneurs, du ministre et des tribunaux inférieurs, pétition du plaideur y comprise, nous apprenant—que l'armée de Napoléon I a été à Vitebsk le 15 Juillet au bord de la rivière Loutchessa. C'est là que pendant la nuit à l'ordre du feldmaréchal Barklay-de-Tolly fut brulé 4147 1/2 pouds d'étoupe (пеньки), appartenant à un marchand russe. De là sa solicitation datant du 18-me Juillet 1812 d'être payé pour ses pertes, occasionnées par l'ordre (sus—mentionné) du chèf de l'armée. . 66,150.

88. La 15-me liasse contient l'index des affaires de Vitebsk finissant aussi à la date du 6-me Juillet 1812. Le livre est signé par l'achiviste, l'ayant reçu le 7 Juillet . . . . . 64.

89. La 16-me liasse contient les affaires des travaux des chemins et des rivières—rapports des ingénieurs datés de 1811. . . 1.

90. Suivent deux listes: 1) lés noms des régiments . . . . 95,279.
2) les noms des villes et des villages qu'ils avaient à traverser . 97,281.

Membre de la Commission Archiviale à Vitebsk

Marie de Melnicoff.

*) Ouvrage achevé le 22 Décembre 1910. Vitebsk.

---

*) L'an 1812 dans les deux volumes „des Oeuvres" et „la Suite" des documents du 1812 dans le 3-me livre, sont dédiés à la mémoire du feu vice-président de l'Academie des Sciences, I. C. Grott, né en 1812.

1812-й годъ, напечатанный въ 1-ой и во 2-ой книгахъ Полоцко-Витебской Старины и еще слѣдующая серія документовъ 1812-го года посвящены „Памяти покойнаго вице-президента Академіи Наукъ: Якова Карловича Грота", родившагося въ 1812 году. *М. Мельникова.*

Рисунки крѣпостей, построенныхъ по повелѣнію царя Ивана Васильевича Грознаго послѣ завоеванія Полоцка, въ 1563 году.

30 ноября 1562 г. царь Иванъ Васильевичъ Грозный съ большимъ войскомъ [1]) и «нарядомъ» двинулся къ литовскимъ границамъ; цѣлію похода былъ Полоцкъ, который „богатствомъ своимъ превзошелъ и самую столицу литовскую, Вильну“ [2]).

31-го января Полоцкъ былъ осажденъ, 7 февраля взяты внѣшнія укрѣпленія его, а 15 февраля городъ сдался. Воевода полоцкій Довойна и епископъ Арсеній Шишко отосланы въ Москву. Всѣхъ

---

[1]) По „Разрядной книгѣ Полоцкаго похода“ 1563 г., число рати свыше 30 ч. „Но эту цифру, говоритъ В. О. Ключевскій, надобно удвоить, если не утроить; современники очевидно преувеличивали, доводя ея силу до 280, даже до 400 т.“

[2]) Любопытныя свѣдѣнія находятся въ „Лѣтописцѣ Русскомъ“ (Московской Лѣтописи): „Когда боголюбезный царь и вел. князь, мысля итти на безбожную Литву, бѣ же тогда въ его царской казнѣ крестъ полоцкій, украшенъ златомъ и каменіемъ драгимъ, написано же на крестѣ: „здѣланъ сіи крестъ въ Полотцску повелѣніемъ княжны Еѳросиніи и поставленъ во церкви Всемилостиваго Спаса; да не износить его изъ тоѣ церкви никто же; егда же кто его изъ церкви извнесетъ, да пріиметъ съ тѣмъ судъ въ день судный“ Нѣцыи жъ повѣдаютъ: въ прежніи нѣкогда смоляне и полочане держаше у себя государей и князей по своимъ волямъ и межъ себя смоляне съ полочаны воевахуся, и той крестъ честный смоляне въ Полотцку взяша въ войнѣ и привезеша въ Смоленескъ. Егда же благочестивый государь князь великій Василей Ивановичъ всея Русіи вотчину свою Смоленескъ взялъ, тогда жъ и тотъ честный крестъ во царствующій градъ въ Москву привезенъ, Царь и вел. князь той крестъ обновити велѣлъ и украсити, и той честный кресть взя съ собою, и имѣя надежду на милосерднаго Бога и на крестную силу побѣдити враги своя, еже и бысть“. (Очевидно, здѣсь говорится о драгоцѣнномъ крестѣ препод. Евфросиніи кн. полоцкой, хранящемся нынѣ въ построенномъ ею Спасо-Евфросиньевскомъ монастырѣ).

„жидовъ велѣно крестить, а непослушныхъ топить въ Двинѣ".

Грозный царь принялъ титулъ князя Полоцкаго. Защиту Полоцка царь ввѣрилъ кн. Петру Шуйскому, повелѣвъ ему исправить всѣ укрѣпленія.

Послѣ молебна въ полоцкомъ Софійскомъ храмѣ, 26 февраля, Иванъ Васильевичъ выступилъ съ войскомъ изъ Полоцка. Распустивъ войска въ Великихъ Лукахъ, онъ отправился въ Москву.

Вскорѣ царь „учинилъ въ своей отчинѣ градѣ Полотцку у Софеи Премудрости Божіи архіепископью"; епископомъ назначенъ Трифонъ Ступишинъ.

Въ 1566—67 г.г. на литовской границѣ основаны, по повелѣнію царя новыя крѣпости: Козьянъ, Красный, Ситно, Соколъ, Суша, Туровля, Ула, Усвятъ и др.

Въ іюлѣ 1572 г. умеръ король Сигизмундъ Августъ, давъ совѣтъ вельможамъ избрать королемъ царя московскаго. Въ началѣ 1573 г. открылся сеймъ въ Варшавѣ для избранія короля. Въ числѣ кандидатовъ былъ и царь Иванъ Васильевичъ. Онъ не особенно хлопоталъ о своемъ избраніи, напротивъ, самъ ждалъ пословъ отъ сейма, разсуждая: „я имъ нуженъ, а не они мнѣ". Многіе коронные и особенно литовскіе вельможи, убѣжденные въ необходимости соединенія обѣихъ частей Руси—Руси литовской и Руси московской—искренно желали видѣть Ивана Васильевича на престолѣ Ягеллоновъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, на польскій престолъ избранъ Генрихъ Анжуйскій, братъ французскаго короля Карла IX; но онъ былъ королемъ только три мѣсяца и, получивъ извѣстіе о смерти брата, уѣхалъ во Францію. Нужно было избрать новаго короля. Опять взоры многихъ вельможъ обратились на царя. Иванъ Васильевича писалъ дружелюбно, но ничего рѣшительнаго не предпринималъ. Этимъ воспользовалась противная партія, и на польскій престолъ избранъ воевода седмиградскій Стефанъ Баторій.

Вступивъ на престолъ, Баторій далъ торжественную клятву всегда лично предводительствовать войскомъ и присоединить къ Литвѣ всѣ ея земли, завоеванныя царями московскими.

Въ то время какъ король Стефанъ былъ занятъ осадою Гданска

(Данцига), царь внезапно двинулъ въ Ливонію огромныя ратныя силы; 25 іюля 1577 г. и самъ Иванъ Васильевичъ вступилъ въ Ливонію и бралъ одинъ городъ за другимъ, „точно птицъ ловилъ на клей“; взяты: Маріенгаузъ, Люцинъ, Розиттенъ (Рѣжица), Динабургъ Крейцбургъ, Кокенгузенъ, Ашераденъ, Венденъ, Вольмаръ.

Взявъ Данцигъ, Баторій дѣятельно сталъ готовиться къ войнѣ съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Въ концѣ іюня 1579 г. король прибылъ изъ Вильны въ Свирь, гдѣ должны были собраться войска. Здѣсь собранъ былъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено овладѣть Полоцкомъ, „ключомъ Ливоніи и самой Литвы“.

Полоцкъ издревле славился своими укрѣпленіями, исправленными въ 1561 г. Онъ состоялъ изъ трехъ частей: двухъ замковъ— верхняго и стрѣлецкаго—и Заполотья, собственно города.

Хотя въ современныхъ Разрядныхъ книгахъ и сказано, что въ „Полоцкѣ воеводы худы, а людей мало“; но мужество и стойкость, съ которыми они защищали ввѣренный имъ городъ, засвидѣтельствованны самимъ королемъ Баторіемъ, писавшимъ, что „москвитяне, при оборонѣ крѣпостей, своею стойкостью и мужествомъ превосходятъ всѣ прочія націи“.

Осада Полоцка началась въ началѣ августа и оказалась невѣроятно трудною. Отъ безпрестанно лившихъ дождей нельзя было найти сухого мѣста даже въ королевской палаткѣ; рѣка Полота сдѣлалась необыкновенно глубокою; обозы съ хлѣбомъ тонули въ грязи, лошади падали отъ изнуренія и голода; самое войско чувствовало недостатокъ въ продовольствіи; каленыя ядра, придуманныя самимъ Баторіемъ, приносили мало пользы, благодаря самоотверженію осажденныхъ.

На военномъ совѣтѣ рѣшено взять городъ приступомъ. Обѣщаніемъ большихъ наградъ король уговорилъ венгровъ подобраться къ стѣнамъ замка и зажечь ихъ со всѣхъ сторонъ. Выбравши ясный день, 29 августа, венгры бросились къ стѣнамъ и зажгли ихъ; въ теченіе цѣлаго дня осажденные не могли потушить огонь. Они начали думать о сдачѣ города. На другой день пожаръ и напоръ осаждающихъ возобновились. Тогда стрѣльцы съ воеводою Волынскимъ выслали переговорщиковъ, и городъ былъ сданъ съ условіемъ сво-

боднаго выхода всѣмъ ратнымъ людямъ. Но владыка Кипріанъ и другіе воеводы, кромѣ Волынскаго, никакъ не хотѣли соглашаться на сдачу города; они давно уже замышляли взорвать замокъ; но ихъ не допустили до этого. Когда городъ былъ уже сданъ, они заперлись въ храмѣ Св. Софіи, откуда ихъ взяли сильно.

Добыча, найденная въ Полоцкѣ обманула ожиданіе осаждавшихъ; самую драгоцѣнную часть ея состояла библіотека, содержавшая въ себя много лѣтописей и твореній св. отцовъ греческихъ въ славянскомъ переводѣ.

Взявъ Полоцкъ, Баторій повелѣлъ взять и всѣ близлежащія крѣпости.

Походъ 1579 г. былъ оконченъ; осень и зима пріостановили военныя дѣйствія. Начались переговоры.

Король, по взятіи Полоцка, отправился въ Вильну, а затѣмъ въ Варшаву на сеймъ. Всѣ его предложенія сейму были одобрены; собиралось новое войско для новаго похода. Царь домогался мира, но Баторій уже двигался по направленію къ Великимъ Лукамъ, шелъ болотами и лѣсами, гдѣ 150 лѣтъ тому назадъ проходилъ Витовтъ. Выйдя къ Велижу и Усвяту, король взялъ ту и другую крѣпость. Въ исходѣ августа 1580 г. онъ направился къ Великимъ Лукамъ; 5 сентября и этотъ замокъ былъ взятъ.

Царь все еще велъ переговоры съ королемъ и слалъ одного гонца за другимъ. Война, между тѣмъ, продолжалась: королю сдались Невель, Озерище, Заволочье.

Затѣмъ король заболѣлъ и лежалъ нѣкоторое время въ Полоцкѣ. Оправившись нѣсколько, онъ явился на сеймъ въ Варшаву. «Судьба предаетъ вамъ, кажется,—говорилъ онъ—все государство Московское». Онъ требовалъ средствъ для продолженія войны. Въ августѣ 1581 г. король быстро двинулся къ Пскову.

Блестящая защита Пскова нѣсколько смирила Баторія. Не взявъ этого города, онъ согласился вести переговоры. Въ 1582 г. былъ заключенъ Запольскій договоръ; послы Грознаго отказались отъ Ливоніи, уступили и Полоцкъ съ Велижемъ; а Баторій согласился возвратить царю Великія Луки, Невель, Себежъ, Островъ, Изборскъ и всѣ другіе занятые ими псковскіе пригороды. На этихъ условіяхъ положили быть 10-лѣтнему перемирію.

Чрезъ два года, 18 марта 1584 г. умеръ царь Иванъ Васильевичъ; а 12 дек. 1586 г. скончался и король Стефанъ Баторій.

По взятіи Полоцка, въ 1563 г., царь Иванъ Васильевичъ, какъ уже сказано выше, повелѣлъ построить нѣсколько новыхъ крѣпостей, которыя кольцомъ окружали Полоцкъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ секретарь короля Баторія, Гейденштейнъ: [1]) „На псковской дорогѣ, на полуостровѣ, образуемомъ р. Дриссою и Нищею, противъ литовскихъ крѣпостей: Дисны и Дриссы, русскіе построили крѣпости: Соколъ, Нещерду у озера того же имени, Ситну на дорогѣ въ Великіе Луки, при верхнемъ теченіи р. Полоты; затѣмъ Козьянъ на р. Оболи, которая тутъ какъ бы описываетъ кругъ около него; Усвятъ при судоходной рѣки того же имени, впадающей въ Двину у Суража. Козьянъ противопоставлялся Улѣ, Усвятъ—Витебску и Суражу. По сю сторону (лѣвую) Двины царь выстроилъ Туровль, при устьѣ рѣки того-же имени, впадающей въ Двину; а на озерѣ, изъ котораго течетъ р. Туровля, [2]) на мѣстѣ очень укрѣвленномъ и окруженномъ со всѣхъ сторонъ водою, съ особенными цѣлями воздвигнута крѣпость Суша, угрожающая Литвѣ, т. к. царь уже замышлялъ войну литовскую и мысленно представлялъ Вильну средоточіемъ и главною цѣлью будущихъ военныхъ предпріятій. Вслѣдствіе этого онъ укрѣпилъ искуственно и безъ того уже природой укрѣпленное мѣсто это и снабдилъ его всякаго рода военными снарядами, для того, чтобы держать тамъ небольшой, но хорошо вооруженный гарнизонъ. Сверхъ того, къ нимъ онъ прибавилъ Красный, также лежащій на высокомъ мѣстѣ по направленію къ Литвѣ.

„Несмотря на паденіе Полоцка, продолжаетъ Гейденштейнъ, все еще держались съ помощью непріятельскихъ гарнизоновъ въ Полоцкой области крѣпости: Соколъ, Туровля, Суша и нѣкоторыя другія, и король понималъ, что полное замиреніе покоренной страны невозможно, если онъ не разрушитъ ихъ раньше своего ухода изъ нея“...

Рѣшено было овладѣть всѣми близлежащими крѣпостями, и дѣйствительно, вскорѣ были взяты и разрушены крѣпости: Туровля,

[1]) „Commentarii de bello Moscovitico“. Всѣ документы, а также извѣстія современниковъ о временахъ царя Ивана Васильевича Грознаго и короля Стефана Баторія напечатаны въ IV ст. „Витебской Старины“.

[2]) Это не вѣрно. Р. Туровля вытекаетъ изъ оз. Туровля, крѣпость же Суша расположена была на островѣ оз. Суша, верстахъ въ 30 на ю.-ю.-в. отъ оз. Туровля.

Суша и Соколъ; крѣпости Козьянъ, Красное и Ситно взяты еще до паденія Полоцка.

Рисунки всѣхъ этихъ шести крѣпостей, здѣсь прилагаемые, сдѣланы современникомъ-очевидцемъ, именно, секретаремъ коронной канцеллярiи при королѣ Стефанѣ Баторiи С. Пахоловицемъ. Существуетъ 8 рисунковъ, имъ изготовленныхъ; рисунки эти слѣдующiе:

1) Descriptio Ducatus Polocensis (Описаніе Полоцкаго княжества).

2) Obsidio et expugnatio munitiss. arcis Polocensis per sereniss. Stephanum Poloniae regem. Obsessa XI aug., capta XXIX ejusd. anno MDLXXIX. (Осада и завоеваніе крѣпчайшей твердыни свѣтлѣйшимъ королемъ Польши Стефаномъ. Осаждена 11 авг., взята 29 авг. того же 1579 г.).

3) Cossianum arx. Per sereniss. Stephanum Poloniae regem Moschor. Principi erepta et expugnata die 23 julü an. 1579. (Крѣпость Козьянъ. Взята и завоевана у князя Московскаго свѣтл. кор. Польши Стефаномъ 23 іюля 1579 года.).

4) Crasna arx. Per serenis. Stephanum Poloniae regem Moschis erepta die 31 julü anno 1579. (Крѣпость Красный. Взята у Москвитянъ свѣтл. кор. Польши Стефаномъ 31 іюля 1579 г.).

5) Sitna arx. Per sereniss. Stephanum Poloniae regem Moschis erepta ac deleta, die 4 aug. anno 1579. (Крѣпость Ситна. Взята у Москвитянъ свѣтл. кор. Стефаномъ и разрушена 4 авг. 1579 г.).

6) Turovlia arx. Per sereniss. Stephanum Poloniae regem Moschis erepta die 4 septemb. anno 1579. (Крѣпость Туровля. Взята у Москвитянъ свѣтл. кор. Стефаномъ 4 сент. 1579 г.).

7) Sussa arx. Munitissimo loco posita et per sereniss. Stephanum Poloniae regem Moschis erepta die 8 oct. 1579. (Крѣпость Суша, находящаяся въ укрѣпленнѣйшемъ мѣстѣ, взята у Москвитянъ свѣтл. кор. Польши Стефаномъ, октября 6 дня 1579 г.).

8) Socolum arx. Per sereniss. Stephanum Poloniae regem caesis multis praetorianis Moschi militibus, expugnata et deleta die 11 sept. anno 1579. (Крѣпость Соколъ. По избіеніи многочисленнаго московскаго войска, завоевана и разрушена свѣтл. кор. Польши Стефаномъ, 11 сент. 1579 г.).

На рисункѣ, представляющемъ осаду Полоцка, читаемъ: «Delineavit in ipsis castris S. Pacholovic», т. е. чертилъ въ самомъ лагерѣ С. Пахоловицъ.

На всѣхъ 8 рисункахъ надпись: Joa. Baptista de Cavalleriis Romae incidebat anno Domini 1580». Слѣдовательно, всѣ рисунки гравированы въ Римѣ, въ 1580 г.

Бентковскій упоминаетъ объ этихъ рисункахъ во II т. «Исторіи Польской литературы». Гр. Суходольскій, которому принадлежали подлинники, позволилъ И. А. Миткевичу снять facsimile; съ этого-то facsimile и сдѣланы снимки, приложенные къ Журн. Мин. Нар. Просв. („Карта военныхъ дѣйствій между русскими и поляками въ 1579 г.“. Ж. М. Н. Пр., ч. XV, 1837 г., № 7, со статьею Коркунова).

Мною воспроизведены всѣ восемь рисунковъ, изъ нихъ первые два рисунка приложены къ I т. Витебской Старины; остальные 6 предлагаются въ настоящемъ изданіи.

Къ разсмотрѣнію послѣднихъ мы и переходимъ.

Туровля (Turovlia arx).

На рисункѣ С. Пахоловица крѣпость эта находится между р. Туровлею, близъ ея впаденія въ Двину, Двиною и безыменнымъ озеркомъ. Крѣпость была построена изъ камня и представляла собою 4-угольникъ съ 5 башнями.

О взятіи Туровли, 4 сент. 1579 г., войсками кор. Стефана Батерія Стрыйковскій и Бѣльскій разсказываютъ слѣдующее:

„По взятіи Полоцка, виленскій воевода Николай Радзивилъ, по королевскому указу, отправилъ нѣсколько отрядовъ казаковъ съ кн. Константиномъ Лукомскимъ подъ Туровлю. Москвитяне, увидя ихъ и полагая, что противъ нихъ идетъ все войско, вдругъ оставили своихъ воеводъ и бѣжали; воеводы принуждены были сдать замокъ со всѣмъ оружіемъ, порохомъ и съѣстными припасами. Спустя, однако, нѣсколько дней, замокъ этотъ сгорѣлъ, когда кн. Лукомскій на радостяхъ велѣлъ палить изъ всѣхъ пушекъ: „легко добытое, легко и погибло“, замѣчаетъ Стрыйковскій.

Въ настоящее время отъ древней крѣпости ничего не сохранилось; на ея мѣстѣ урочище «Городище», близъ деревни Туровля (полоцкаго уѣзда, въ 18 в. на ю.-в. отъ Полоцка),

Красный (Crasna arx).

Еще до взятія Полоцка кор. Стефаномъ Баторіемъ, литовскіе казаки, подъ начальствомъ Франциска Жука, въ концѣ іюля 1579 г., ночью внезапно напали на Красный; приставивъ лѣстницы и захвативъ врасплохъ гарнизонъ, они овладѣли укрѣпленіями и довольно большими запасами провіанта. Впрочемъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, крѣпость эта потеряна поляками. Бѣльскій Мартинъ разсказываетъ объ этомъ такъ: «Напавъ на обиліе провіанта въ Красномъ, наши стали упиваться, входя притомъ въ связь съ московками; послѣднія, улучивъ минуту, когда они напились, дали знать въ Сушу; оттуда тихо пришли 800 москвитянъ, убили спящихъ и зажгли замокъ».

Гейденштейнъ прибавляетъ, что «замокъ былъ сравненъ съ землей».

По рисунку С. Пахоловица, замокъ Красный представлялъ треугольникъ съ 4 башнями; расположенъ по берегамъ двухъ, соединенныхъ протокомъ озеръ «Ciothcza», окружающихъ крѣпость почти со всѣхъ сторонъ.

Замокъ Красный, по всей вѣроятности, находился тамъ, гдѣ нынѣ пос. Городокъ, на з. отъ пог. Тетча, въ 33 вер. отъ Полоцка. Въ „Słownik Geograficzny Król Polskiego“ мѣсто замка указывается тамъ, гдѣ дер. Красное, на ю.-в. отъ пог. Тетча; но мѣстность эта совершенно не соотвѣтствуетъ рисунку С. Пахоловица.

Сушa (Susza, Sussa arx), или Копіе (Kopiec).

„Того жъ (1566 г.) лѣта, м. августа, повелѣніемъ государя и в. кн. Ивана Васильевича всея Руси, постановленъ бысть въ его государевѣ вотчинѣ, за Двиною рѣкою, къ виленскому рубежу, на оз. на Сушѣ, на острову, городъ; повелѣ же государь звати тотъ городъ **Копіе**; отъ Полотцска по Улской дорогѣ до того города 70 вер., а отъ литовскихъ городовъ отъ Лепля пол—30 в., отъ Лукомля 20 в.—А государьскимъ промысломъ смотрилъ того мѣста и городъ ставилъ воевода кн. Юрьи Ивановичъ Токмаковъ, пришедъ на то мѣсто безвѣстно, и сѣлъ на островѣ со всѣми людми, и народъ и лѣсъ го-

родовой и запасы свои перепроводили на островъ; и городъ поставилъ вскорѣ городовыми людми, которымъ тутъ годовати, и посошными людми, и по государьскому приказу городъ укрѣпилъ. А которые люди тутошніе жилцы, и тѣ приложилися къ городу, государю царю и вел. кн. служити. А береженія для отъ литовскихъ людей велѣлъ царь и вел. князь стояти близко того города боярину князю Петру Серебреному съ товарыщи» 1).

Гетманъ вел. кн. Лит. кн. Сангушко покушался не разъ овладѣть Сушею, но безуспѣшно.

„Получивъ извѣстіе о потерѣ Полоцка и объ истребленіи гарнизона Сокола,—говоритъ Гейденштейнъ,—московскій царь изъ Пскова удалился внутрь Москвы и съ дороги послалъ грамоту къ тѣмъ, кто находился въ гарнизонѣ Суши, написанную не по его обычаю, и вручилъ ее для доставленія нѣсколькимъ различнымъ гонцамъ. Онъ де узналъ, что по волѣ Божіей Полоцкъ и Соколъ достались въ руки непріятелю; поэтому, мало имѣя возможности придти на помощь къ нимъ, запертымъ со всѣхъ сторонъ, онъ разрѣшаетъ имъ, испортивъ пушки и въ особенности порохъ и остальныя военныя орудія, которыхъ не могутъ унести съ собою, а также закопавъ въ землю образа и священныя вещи, чтобы онѣ не послужили предметомъ насмѣшки для невѣрныхъ,—спасаться какимъ бы то ни было способомъ, не потому, чтобы онъ сомнѣвался въ ихъ вѣрности, но потому, что не желаетъ подвергать ихъ доблесть, которую онъ желалъ бы сохранить для болѣе важныхъ подвиговъ, ненадежному испытанію и жестокости непріятелей“.

«Одна изъ грамотъ попала въ руки Мелецкаго (гетмана польскаго), а другая полоцкому воеводѣ Николаю Дорогостайскому. Послѣдній поспѣшилъ къ Сушѣ, и этотъ весьма укрѣпленный замокъ, послѣ переговоровъ, былъ сданъ добровольно; москвитянамъ обѣщанъ былъ свободный выходъ съ имуществомъ въ Москву; ихъ вышло числомъ 6 т. Полоцкій воевода вступилъ въ замокъ Сушу 6 октября; взято орудій большихъ 21, гаковницъ 136, ручницъ длинныхъ 123, пороху 100 бочекъ, вѣсомъ въ 400 центнеровъ, желѣзныхъ пуль большихъ

---

1) Витеб. Старин. IV, I. 22.

отъ орудій 4822 и весьма много другихъ принадлежностей и провіанта».

По рисунку С. Пахоловица, Суша, расположенная на островѣ оз. Суши, имѣла видъ 4-угольника; стѣны—каменныя съ 7 башнями и 2 воротами.

Замокъ находился близъ пог. Суша, въ Лепельскомъ у., на ю.-з. отъ Улы, въ 10 в. на с.-з. отъ Бочейкова. Не осталось и слѣдовъ замка.

У дороги, ведущей изъ Суши въ Уллу, въ им. Сокорово, близъ оз. Поло, сохранился до сихъ поръ памятникъ бывшей на этомъ мѣстѣ кровопролитной битвы—каменный крестъ, имѣющій ок. 20 вершковъ въ длину и ок. 13 в. въ ширину. На крестѣ высѣчена надпись славянскими буквами: „1569. Ту пло оу поле с жвниръ во Хръсту поставилъ по битв по за ри“... (Здѣсь пало въ полѣ 200 жолнеровъ (солдатъ) во Христу; поставилъ по битвѣ по за ри...

Каменный крестъ 1569 г. въ им. Сокорово, по дорогѣ изъ Суши въ Уллу.

Козьянъ (Koziany, Kozjany, Cossianum).

Казаки литовскіе, подъ начальствомъ Франциска Жука, при первомъ слухѣ о походѣ подъ Полоцкъ, взяли и разрушили крѣпость Козьянъ посредствомъ внезапнаго нападенія, 23 іюля 1579 г.

По рисунку С. Пахоловица, Козьянъ представляетъ треугольникъ съ 3 башнями по угламъ; рѣка Оболь тутъ какъ бы описываетъ кругъ около крѣпости; тутъ же вблизи въ р. Оболь впадаетъ рѣчка Skaczicza (Скатица).

Рѣка Оболь часто мѣняла здѣсь русло. Древній замокъ былъ расположенъ, по всей вѣроятности, тамъ, гдѣ нынѣ урочище «Городище» (Городок. у.), близъ дер. Красомай. Дер. и им. Козьяны расположены нѣсколько далѣе, по большой Екатериненской дорогѣ изъ Городка въ Полоцкъ.

Близъ «Городища» много кургановъ.

Ситно (Sitno, Sitna, Sytno).

Въ 1567 г., литовскіе казаки, подъ начальствомъ Бирули, при Ситнѣ разбили отрядъ русскихъ въ 400 чел.; взято нѣсколько малыхъ орудій, 120 гаковницъ и большое количество пороху и пуль; крѣпость была занята поляками и разрушена. Русскіе вновь отстроили Ситно, которая была окончательно взята и уничтожена во время похода кор. Стефана Баторія подъ Полоцкъ, 4 августа 1579 г.

По рисунку С. Пахоловица, съ двухъ сторонъ эту крѣпость омывала р. Полота, а съ третьей — озеро; въ крѣпости — ворота и 4 башни.

Нынѣ здѣсь, на высокомъ берегу озера Ситна, расположена дер. Ситна, Полоцкаго у., въ 48 в. отъ Полоцка.

Соколъ (Sokół, Sokoliszcze, Sorolum arx).

Въ Александроневской лѣтописи записано: „Того жъ мѣста (7075—1567), повелѣніемъ государя царя и вел. кн. Ивана Васильевича, поставленъ бысть въ Полотцкомъ повѣтѣ, на р. Дрыси, усть

Нищевскаго устья, городъ Соколъ, отъ Полотцска 30 в., а отъ Дрыси 25 вер.“.

О взятіи Сокола Гейденштейнъ разсказываетъ: „Московскій царь съ войскомъ пришелъ въ Псковъ; узнавъ объ осадѣ Полоцка, онъ тотчасъ послалъ на помощь осажденнымъ отборнѣйшую часть всего войска, подъ предводительствомъ Бориса Шеина (Seinus) и Ѳедора Шереметева (Seremetus). Послѣдніе, видя, что нельзя безопасно пройти въ Полоцкъ, такъ какъ всѣ дороги были заняты нашими (польскими) караулами, остановились въ Соколѣ и, хотя не достигли Полоцка, тѣмъ не менѣе дѣлали набѣги на Дисненскую дорогу и захватывали нашихъ людей, высылаемыхъ за съѣстными припасами. Сначала король отправилъ противъ этихъ войскъ Христофора Радзивила съ нѣсколькими отборными отрядами всадниковъ. Непріятель держался то внутри окоповъ, то въ своей позиціи и не хотѣлъ принимать сраженія; однако, наши, наскакавъ на нихъ, подъ самыми стѣнами завязали конное сраженіе; когда съ той и другой стороны нѣсколько человѣкъ было убито, то, увидя нѣсколько плѣнниковъ московскихъ, наши возвратились къ королю; послѣдній, полагая, что и тутъ нужно дѣйствовать съ большими войсками, рѣшилъ подождать окончанія осады Полоцка, выставивъ пока противъ Сокола нѣсколько конныхъ пикетовъ.

«По взятіи Полоцка, король отправилъ гетмана Мелецкаго съ поляками и нѣмцами подъ Соколъ, гдѣ находился цвѣтъ московскаго войска. По случаю порчи проливными дождями дорогъ и крайняго недостатка въ продовольствіи, Мелецкій встрѣчалъ повсюду величайшія затрудненія. Орудія король велѣлъ отправить внизъ по Двинѣ до р. Дриссы, въ тамошнюю крѣпостцу, носившую одно названіе съ этимъ притокомъ. Походъ войска въ Соколъ немало замедляла р. Дрисса; ибо понтоннымъ мостомъ, построеннымъ въ Ковнѣ, пользовалось для транспорта продовольственныхъ запасовъ другое войско, бывшее подъ Полоцкомъ; построить же скоро для переправы чрезъ Дриссу другой мостъ не было никакой возможности. Янъ Збарасскій, воевода Браславскій, встороннѣ отъ Сокола, по направленію къ Пскову, переправился въ бродъ на ту сторону рѣки и занялъ тамъ сторожевой постъ; для переправы остального войска, начальникъ ка-

валеріи Николай Уровецкій подалъ Мелецкому дѣльную помощь: онъ, сколотивъ толстые брусья и скрѣпивъ ихъ желѣзными цѣпями, сдѣлалъ паромъ, по которому и переправилъ войско. Непріятель не препятствовалъ, хотя, при такомъ задрудненіи въ переправѣ, могъ легко это сдѣлать; только пикеты, разъѣзжая, по своему обыкновенію, чтобы обезкуражить нашихъ, выкрикивали названія войскъ, подвластныхъ Россіи, какъ-то: казанцевъ, астраханцевъ и пр. Вслѣдствіе дурныхъ дорогъ и потери отъ недостатка корму вьючныхъ животныхъ подъ Полоцкомъ, наши не могли взять съ собою никакихъ повозокъ, а потому, не раскидывая лагеря, расположились въ палаткахъ близъ р. Дриссы. Немѣцкая пѣхота стала копать рвы и шанцы по берегу р. Дриссы, а польская—по направленію къ р. Нищи; начатыя въ разныхъ мѣстахъ, они потомъ соединили ихъ и направили противъ укрѣпленнаго лагеря. Непріятель, видя, что наши были немногочисленны, притомъ же изнурены трудами предшествовавшей осады и невзгодами похода, тогда какъ самъ онъ пользовался довольствомъ, прикинулся, какъ потомъ наши узнали отъ плѣнныхъ, испуганнымъ и на всю ночь заперся въ укрѣпленіи; тамъ, подкрѣпивши свои силы и приготовивъ все нужное къ вылазкѣ, готовился утромъ слѣдующаго дня напасть на нашихъ. Случилось такъ, что Доброславскій (Dobrossolovius), назначенный Мелецкимъ въ начальники артиллеріи, пустилъ, въ видѣ опыта, въ укрѣпленіе три каленыхъ ядра; два изъ нихъ хотя и причинили пожаръ, но вскорѣ были замѣчены и потушены непріятелемъ; третье же засѣло въ основаніи стѣны и, будучи незамѣченнымъ, спустя нѣкоторое время, произвело сильный пожаръ въ стѣнахъ, построенныхъ изъ сухого матеріала. Мелецкій, замѣтивъ это, вдругъ приказалъ дать сигналъ для сбора своихъ подъ оружіе. Москвитяне, будучи не въ состояніи потушить пожаръ, были поражены такою неожиданностью, и полагая, что наши наступаютъ, въ испугѣ предъ столь внезапною опасностью, бросились бѣжать во всѣ ворота. Шереметевъ, отступая съ частью конницы по дорогѣ къ Пскову, попалъ на встрѣчу воеводѣ Браславскому, наблюдавшему въ томъ мѣстѣ за непріятелемъ, и вмѣстѣ съ окружающими его достался въ руки воеводы. Тѣ же, которые съ Борисомъ Шеинымъ бросились въ другую сторону, наскочили на нѣмцевъ; тѣ,

горя местью за многолѣтнія жестокости, совершенныя москвитянами надъ нѣмцами, чего недавно были свидѣтелями по взятіи Полоцка, —всѣхъ, вмѣстѣ съ Шеинымъ, изрубили. Оставшіеся въ замкѣ молили о пощадѣ; но когда нѣмцы ворвались туда и стали сплошь всѣхъ рубить, москвитяне, отчаявшись въ спасеніи, опустили висѣвшій сверху надъ входомъ затворъ и, заперши такимъ образомъ въ замкѣ до 500 чел. нѣмцевъ, всѣхъ ихъ убили. Въ это время Розражевскій (Rosdrasevius), а съ нимъ нѣсколько нѣмцевъ и поляковъ, сильнымъ напоромъ разбиваютъ ворота; часть непріятелей была избита, а другая, въ отчаяніи бросаясь въ огонь, погибла тамъ. Повсюду была страшная рѣзня, такъ что многіе, въ томъ числѣ и ветеранъ Вейеръ, которые перебывали во многихъ сраженіяхъ, положительно утверждали, что никогда не видѣли на полѣ битвы такой массы навалennыхъ труповъ. Многіе изъ убитыхъ имѣли видъ оглоданныхъ тѣлъ: нѣмецкія мартиканки (focariae), вскрывая трупы, между прочимъ и Шеина, вынимали изъ нихъ жиръ для лѣченія ранъ. По этому поводу, царь въ своемъ письмѣ къ королю, обвиняетъ его, между прочимъ, въ этомъ, а также въ употребленіи каленыхъ ядръ въ войнѣ съ нимъ: о первомъ онъ говоритъ съ упрекомъ, какъ о неслыханной жестокости, а о второмъ,—что король дѣйствуетъ противъ него не храбростью и оружіемъ, но какими-то ухищреніями. Захваченною добычею солдаты вознаградили себя за военныя труды: они нашли много серебра, принадлежавшаго боярамъ, чѣмъ не только вознаградили себя за прежніе труды и лишенія, но даже и обогатились».

Нѣсколько иначе разсказываетъ о взятіи Сокола Янъ Соликовскій: „Мелецкій взялъ замокъ; Шереметева, воеводъ и знатныхъ лицъ взялъ въ плѣнъ, людей помиловалъ и все отдалъ королю. На завтрашній день онъ угостилъ знатнѣйшихъ плѣнниковъ, одарилъ пѣхоту и удивилъ плѣнныхъ своимъ великодушіемъ“...

По рисунку С. Пахоловица, Соколъ расположенъ былъ при впаденіи р. Ницци въ р. Дриссу, окруженъ былъ валомъ и деревянными стѣнами съ 4 башнями; глубокій ровъ шелъ по направленію отъ одной рѣки къ другой.

Нынѣ здѣсь раскинулась мыза Соколище, а вблизи и деревня

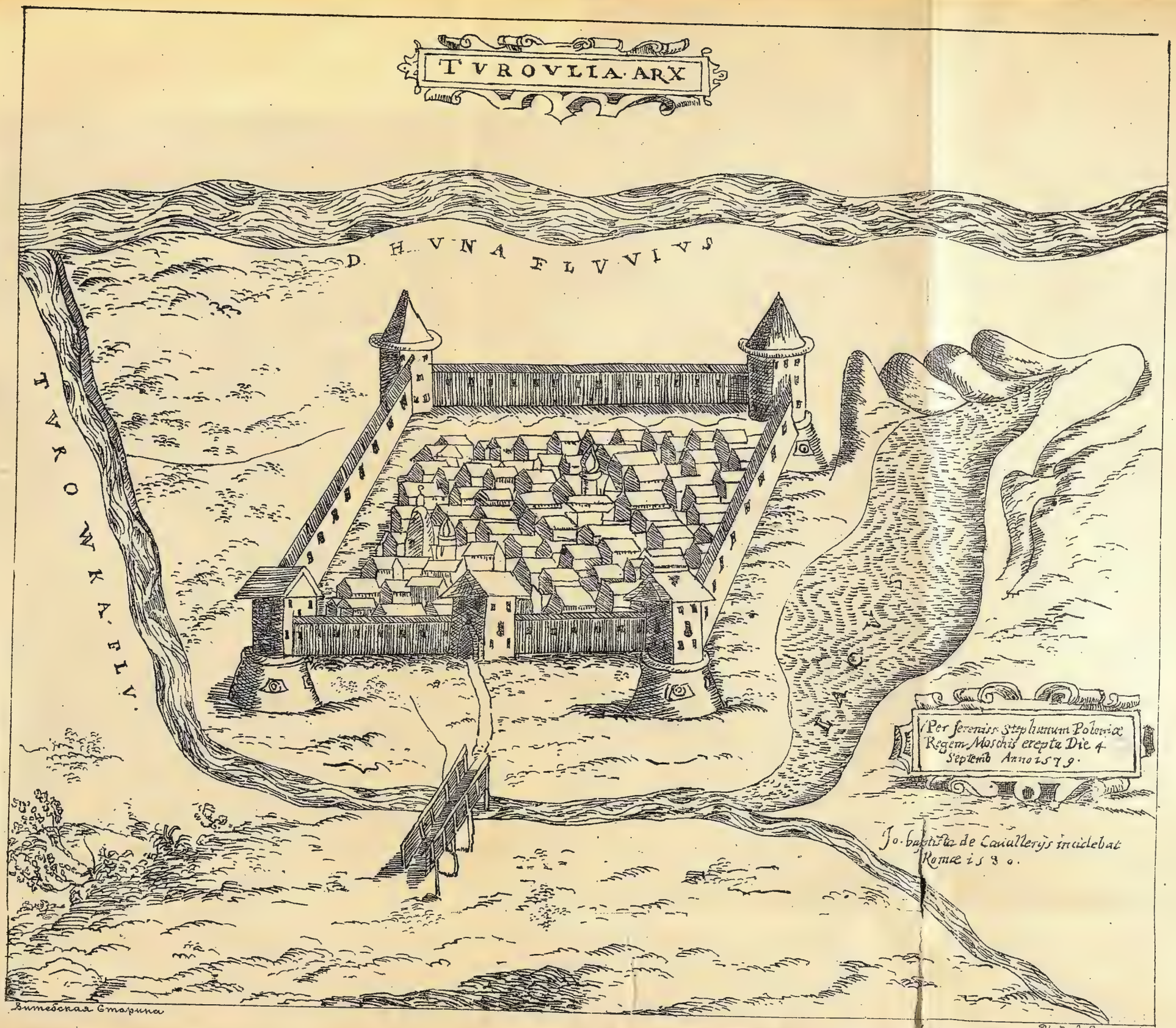
того-же имени. До сихъ поръ крестьяне находятъ разныя обломки оружія, кости и пр.

Мѣстность эта замѣчательна и еще въ одномъ отношеніи: здѣсь именно, при сліяніи рѣкъ Нищи и Дриссы, на ровномъ лугу, возвышается продолговатый, довольно крутой холмъ, какъ бы искусственно насыпанный, поросшій старыми березами; на холмѣ этомъ, называемомъ „Городецъ“ или „Городокъ“, подъ сѣнью березъ, первоначально былъ погребенъ герой Отечественной войны, Я. П. Кульневъ, убитый верстахъ въ 5-ти отъ этого мѣста, у Сивошина перевоза. Нынѣ прахъ героя покоится уже не здѣсь, а въ Кульневскомъ храмѣ, въ 15 в. отъ г. Люцина 1).

А. Сапуновъ.

---

1) См. „Памятники временъ древнихъ и новѣйшихъ въ Витебской губ“. Витебскъ, 1903 г.


TVROVLIA·ARX
D. HVNA FLVVIVS
TVROWKA·FLV.
Per sereniss. Stephanum Poloniæ
Regem Moschis erepta Die 4
Septemb Anno 1579.
Jo. baptista de Cavallerijs incidebat
Romæ 1580.
Витебская Старина
Изд. А. Сапунова

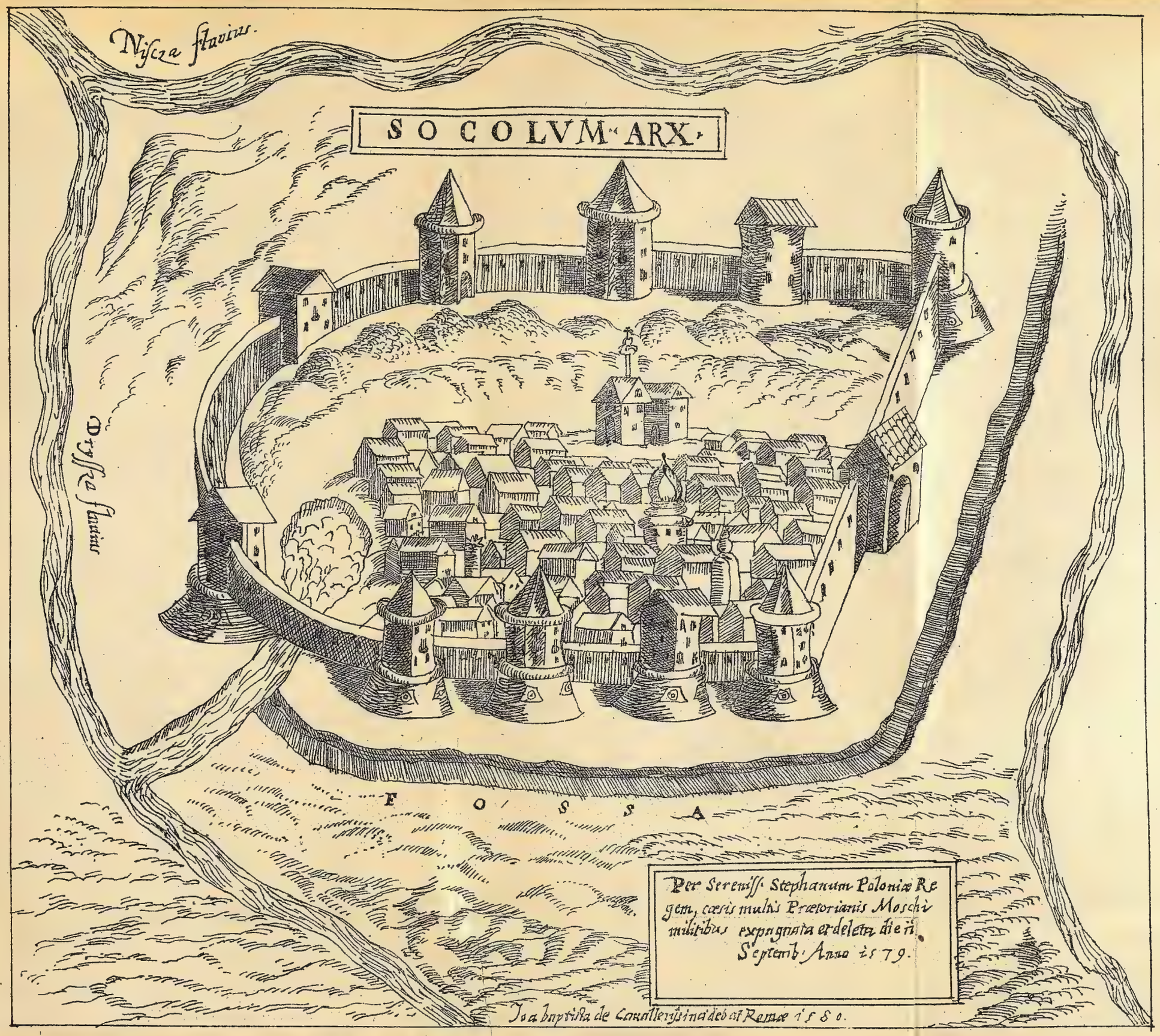
CRASNA · ARX

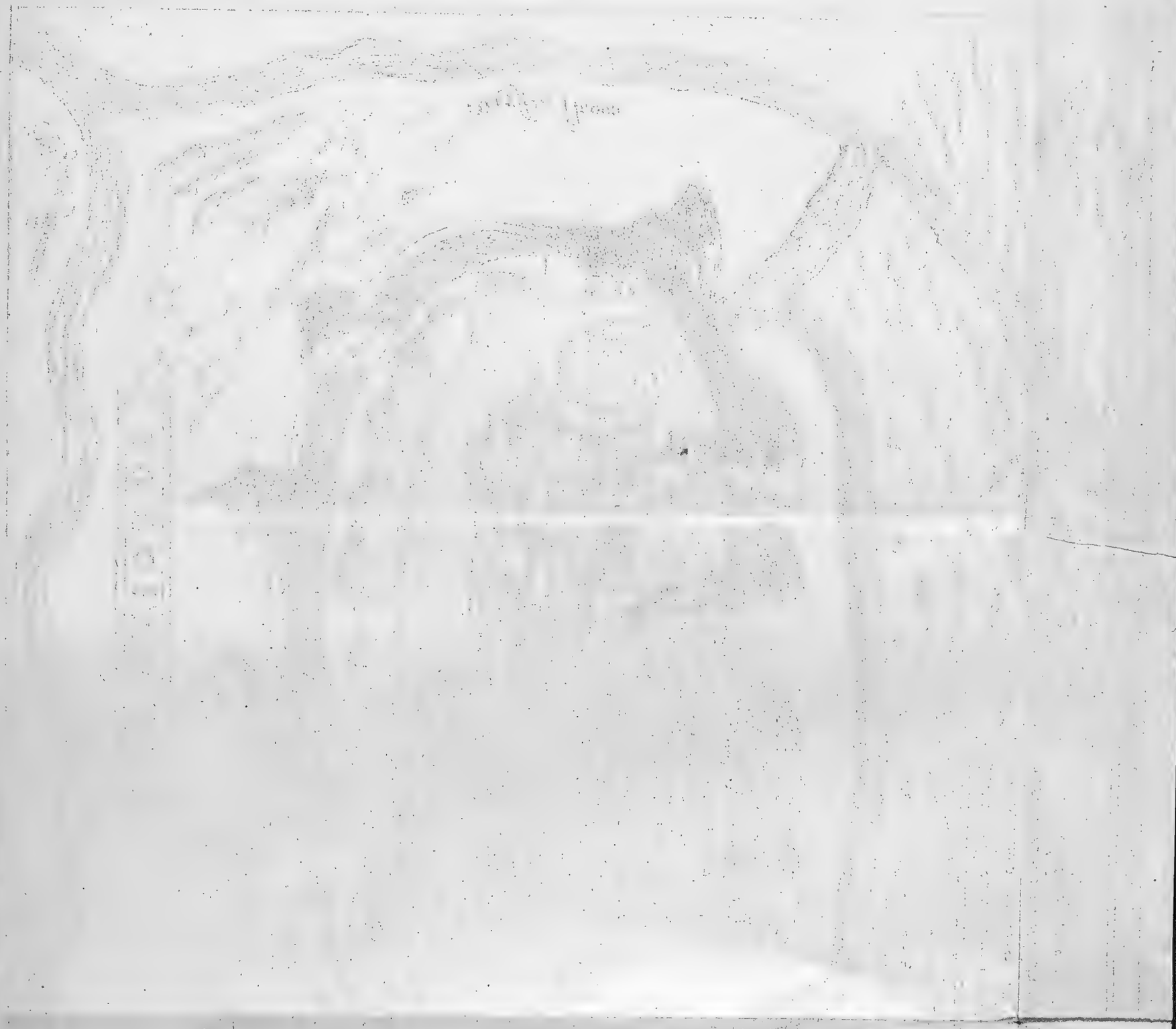
Per Serenissimum Stephanum Poloniæ Regem Moschis erepta die XXXI. Mensis Julij Anno Dñi. M. D. LXXIX.

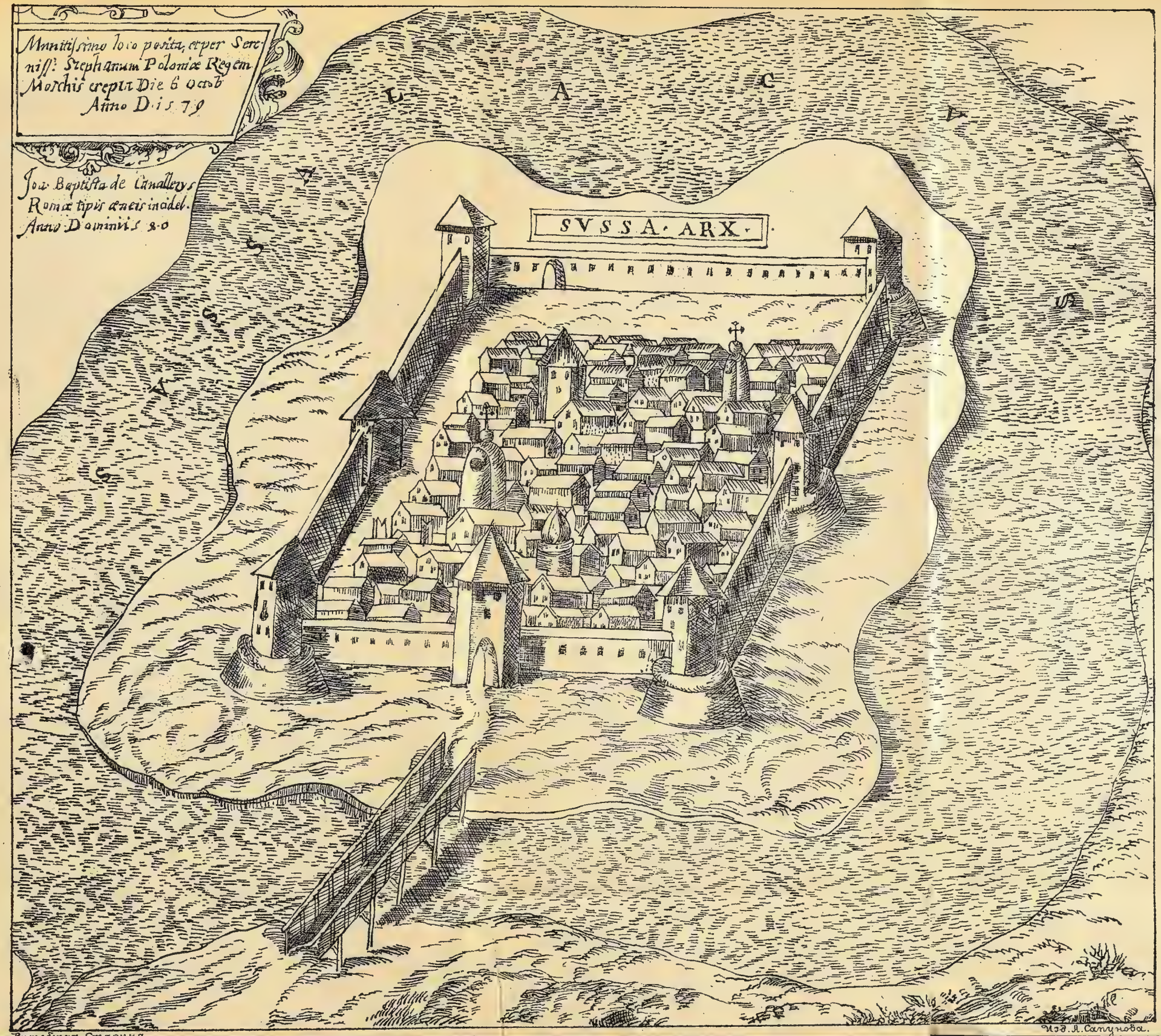
Joa. baptista de Canalleriis incidebat Romæ Anno Domini 1580.

Витебская Старина.

Изд. А. Сапунова.


Niscza fluvius.
SOCOLVM ARX
Dryssza fluvius
FOSSA
Per Sereniss. Stephanum Poloniæ Regem, cæsis multis Prætorianis Moschi militibus expugnata et deleta die ii. Septemb. Anno 1579.
Ioa baptista de Cavallerijs inci debat Romæ 1580.





Витебская Старина

Изд. А. Сапунова.

BOLIA

FLVMEN

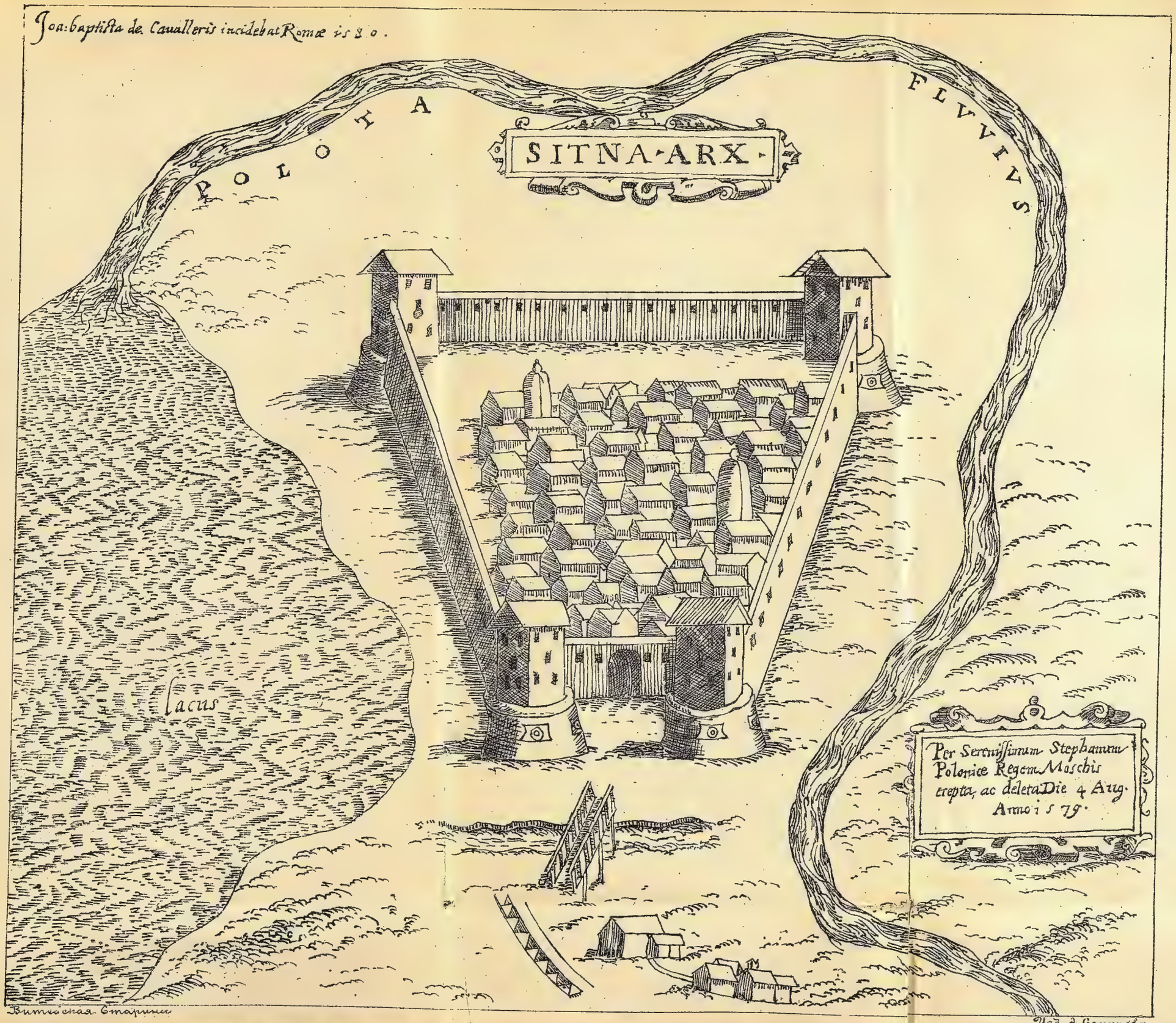
COSSIANVM ARX

Joa. Baptista de Cavalleris
Romæ tipis æneis incidebat
Anno Domini 1580.

Per Serenissimum Stephanum Poloniæ
Regem Moschæ Principi erepta.
et expugnata Die 23 Julij Anno
Domini 1579.

Ostaczitza flumen

Из Л. Сапунова


Joa: baptista de. Cavalleris incidebat Romæ 1580.
POLOTA
FLVVIVS
SITNA·ARX·
lacus
Per Serenissimum Stephanum
Polonice Regem Moschis
erepta, ac deleta Die 4 Aug.
Anno 1579.
Витебская Старина
Изд. А. Сапунова.

Къ біографіи участника боевъ подъ Полоцкомъ, Клястицами и Чашниками, георгіевскаго кавалера генералъ-маіора Димитрія Львовича Игнатьева.

Генералъ-маіоръ Д. Л. Игнатьевъ происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, внесеннаго въ 6-ую часть родословной книги Тульской губерніи; онъ владѣлъ имѣніемъ въ Веневскомъ уѣздѣ. Онъ родился въ 1782 и былъ единственнымъ сыномъ Льва Алексѣевича Игнатьева и его жены Анны Петровны, урожденной Лукиной; кромѣ него, у его родителей было четыре незамужнія дочери.

Д. Л. Игнатьевъ поступилъ въ военную службу въ 1795 г., съ отличіемъ участвовалъ въ французскихъ войнахъ и шведской войнѣ и въ 1822 г. вышелъ въ отставку генералъ-маіоромъ. Онъ затѣмъ служилъ по выборамъ Веневскимъ уѣзднымъ и Тульскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства въ 1829—31 г. Его портретъ находится въ Музеѣ 1812 г. въ Москвѣ, а двѣ миніатюры его (изъ нихъ одна исполненная въ Парижѣ въ 1814 г.) находится у дочери его И. Д. Игнатьевой въ Тулѣ. Умеръ онъ въ 1833 г. Золотая сабля его, пожалованная за дѣло подъ Фридландомъ, находится у М. Д. Игнатьевой.

Онъ былъ женатъ на Смоленской помѣщицѣ Надеждѣ Ивановнѣ Барышниковой.

Отъ этого брака имѣлъ 3 сыновей: 1) Ивана, офиц. гв. конн. артилл., генералъ-маіоръ, ум. въ 1873 г., холостымъ (портретъ его у сестры М. Д. Игнатьевой), 2) Дмитрія, оконч. Имп. Уч. Правовѣдѣнія, дорогобужск. уѣздн. предв. двор., ум. въ 1881 г. (портретъ его

въ залѣ засѣданій Смоленск. Двор. Собр.), 3) Николая, ок. Пажескій Корпусъ, гдѣ имя его записано на мраморной доскѣ, офиц. Кавалергардск. п., служ. въ Придворн. вѣдомствѣ, ум. въ 1882 г.,—и двухъ дочерей: 1) Анну, замуж. въ 1876 г. за гофмейстер. вице-адмирал. Георг. Тимоѳеев. фонъ-Бокъ и 2) Марія.

В. Арсеньевъ.

Выписано изъ дѣла 4 ст. 2 отд. Инспект. Д-та 1822 г. № 117 св. 32-я.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОКЪ

о службѣ состоящаго по кавалеріи Генералъ-маіора Игнатьева 2-го.

Составленъ декабря 31 дня 1821 года.

Генералъ-маіоръ Дмитрій Львовъ сынъ Игнатьевъ 37 лѣтъ.

Кавалеръ орденовъ св. Георгія 4 класса, св. Владиміра 3 степени, св. Анна 1 класса и золотой сабли съ надписью за храбрость; Императорскаго Австрійскаго св. Леопольда малаго креста, Прусскаго Королевскаго за заслуги и Великаго Герцогства Баденскаго военнаго ордена Карла Фридриха за достоинство командоръ. Имѣетъ медали серебряную и бронзовую 1812 года.

Изъ дворянъ. За нимъ крестьянъ 200 душъ. Въ службу вступилъ подпрапорщикомъ 795 г. октября 24 лейбъ гвардіи въ Преображенскій полкъ, прапорщикомъ 797 года декабря 27, уволенъ отъ службы гвардіи прапорщикомъ 797 года декабря 27, принятъ пока и опредѣленъ въ Семеновскій полкъ подпрапорщикомъ 806 года октября 31, произведенъ прапорщикомъ въ Кексгольмской мушкатерской полкъ 807 года Генваря 15, при опредѣленіи Лейбъ-гвардіи въ Гусарскій полкъ переименованъ корнетомъ 807 года февраля 13, Лейбъ гвардіи въ Гусарскій полкъ 807 года февраля 13, поручикомъ 808 года марта 18, штабъ ротмистромъ 810 года августа 16, ротмистромъ 1812 года октября 6, назначенъ бригаднымъ командиромъ въ 1 гусарскую дивизію 815 года мая 20, дежурнымъ генераломъ во 2 арміи 1818 года іюня 17, состоять при Главнокомандующемъ 2-ю арміей по особымъ порученіямъ 820 года генваря 11.

Былъ въ походахъ въ первую войну противъ французовъ 807 года февраля съ 13 марта по 24 число до Прусскихъ границъ и съ

того числа за границею мая 24 и 25 бывшій гвардіи гусарскомъ полку при преслѣдованіи непріятеля отъ мѣстечка Гутштатъ до рѣки Пасаржи, потомъ въ Генеральныхъ сраженіяхъ 29 и 30 мая подъ городомъ Гейльзбергомъ, а 2 іюня подъ мѣстечкомъ Фридландомъ и въ семъ послѣднемъ за отличіе награжденъ былъ золотою саблею съ надписью за храбрость. А по окончаніи отошолъ обратно черезъ Тильзитъ въ россійскія границы 808 года съ 5 августа, въ прошедшей компаніи противъ шведовъ былъ адьютантомъ при Генералъ-Лейтенантѣ графѣ Витгенштейнѣ во время командованія его резервнымъ и Нилондскимъ корпусами находился въ новопріобретенной Финляндіи до Генваря 809 года, а съ того времени оставленъ былъ при генералъ-лейтенантѣ князѣ Багратіонѣ, въ которомъ находился съ Экспедиціи на Оландскіе острова, откуда командированъ былъ въ авангардъ къ Генералъ-маіору Кульневу для перехода чрезъ Ботническій заливъ на шведскіе берега, на которыхъ того же 1809 марта 7 дня при занятіи мѣстечка Гресельгама былъ въ дѣйствительномъ сраженіи и потомъ во все время находился въ заграничной арміи по день заключенія мира съ шведами 1810 съ сентября по октябрь 1811 г. при графѣ Витгенштейнѣ въ корпусѣ въ Лифляндіи и Курляндіи находившемся для защиты береговъ Балтійскаго моря отъ Англійскихъ войскъ 1812 въ достопамятную войну противъ французовъ іюня 16 въ авангардномъ сраженіи подъ городомъ Вилькоміромъ, іюля 10 подъ Волынцами въ генеральныхъ сраженіяхъ при совершенномъ разбитіи французскихъ войскъ подъ командой маршала Удино, 18 и 19 при селеніяхъ Якубово и Клясницахъ, 20 подъ Швольнею за отличіе въ сихъ дѣлахъ произведенъ гвардіи ротмистромъ и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени съ бантомъ. Августа 6 въ генеральномъ сраженіи подъ городомъ Полоцкомъ, въ которомъ за особенное отличіе награжденъ орденомъ св. Георгія 4 класса, октября 6, 7 и 8 въ генеральныхъ же сраженіяхъ вторично подъ Полоцкомъ при взятіи сего города штурмомъ и при забитіи маршала Сенъ-Сира, за отличіе въ сихъ дѣлахъ произведенъ гвардіи полковникомъ, 16 и 17 при преслѣдованіи непріятеля до селенія Чашники 18 и 19 въ генеральномъ сраженіи подъ Чашниками, ноября 1 и 2 при мызѣ Смолянахъ, за кои награжденъ брилліантовымъ знакомъ св. Анны 2 клас-

са, съ того числа по 15 въ преслѣдованіи непріятеля до города Борисова, 15 подъ симъ городомъ и 16 при совершенномъ пораженіи французовъ и переправѣ черезъ рѣку Березину находился оттуда при преслѣдованіи непріятеля заграницу чрезъ Кенигзбергъ до Прусской столицы Берлина, 1813 г. марта 20 при крѣпости Виттембергъ, 24 мѣстечкѣ Мейкеръ въ сраженіи при разбитіи Вицъ-Короля Италинскаго выходившаго изъ крѣпости Магдебурга, 19 въ авангардномъ дѣлѣ подъ городомъ Люценомъ, 20 въ генеральномъ сраженіи при семъ же городѣ и за отличіе награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степени и Прусско-Королевскимъ за достоинство; мая 8 и 9 въ генеральныхъ сраженіяхъ подъ городомъ Барценомъ, съ 10 мая во всѣхъ бывшихъ аріергардныхъ дѣлахъ до крѣпости Шведница по день перемирія, въ которое время находились въ Шлезіи и по окончаніи перемирія слѣдовалъ чрезъ Богемію къ Саксонской границѣ, 10 августа при разбитіи маршала Сенъ-Сира и взятіи лагерей у селенія Гиссюбль и Пирны, 12, 13, 14 и 15 подъ городомъ Дрезденомъ, 20 у селенія Нолендорфъ, 24 у Петерсвальда, 26 вторично у города Пирны, Сентября 2 вторично у Петерсвальда, 3 вторично при Нолендорфѣ, 5 при разбитіи самого Наполена при Кульнѣ, октября 2, 4, 6 и 7 въ генеральныхъ сраженіяхъ подъ Лейпцыгомъ и при взятіи сего города, за отличіе въ оныхъ произведенъ въ генералъ-маіоры и награжденъ отъ Его Величества Императора Австрійскаго орденомъ св. Леопольда малаго креста, 11 въ авангардномъ дѣлѣ подъ Бутельштатомъ, и отъ онаго при преслѣдованіи непріятеля чрезъ Герцогство Веймарнское и Гессенское до рѣки Рейна, оттуда проходя чрезъ Королевство Виртембергское и Великое Герцогство Баденское къ Страсбургу и при укрѣпленіи форъ Луй перешли Рейнъ 1814 г.—7 января въ генеральныхъ сраженіяхъ, февраля 15 подъ городомъ Баръ Сюръ Объ и при взятіи его штурмомъ, 19 подъ селеніемъ Лебрусель 20 у города Труа и при взятіи его, за отличіе въ сихъ дѣлахъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 класса, 24 въ авангардномъ дѣлѣ при взятіи города Ножана, 26 при выгнаніи непріятеля изъ города Провенъ послѣ проходя чрезъ Парижъ до Санли, а оттуда возвратился того же года августа 22 въ россійскіе границы и за сію послѣднюю компанію награжденъ также отъ Его Высочества Великаго Герцога

Баденскаго Военнаго Ордена Карла Фридриха за достоинство командорскимъ крестомъ, 1815 г. командуя 2 Бригадою въ 1 Гусарской дивизіи 3 іюля выступя съ оною заграницу находился въ Варшавскомъ Герцогствѣ и отъ города Плоцка возвратился обратно въ свои границы Сентября 12 дня.

Грамотѣ по россійски, французски и нѣмецки читать и писать умѣетъ, исторіи, географіи, математикѣ и геометріи знаетъ.

По Высочайшему приказу 21 мая 1819 года уволенъ былъ къ минеральнымъ водамъ до излѣченія болѣзни, гдѣ и находился до времени назначенія по Высочайшему повелѣнію 11 января 1820 года состоять при Главнокомандующемъ 2 арміей по особымъ порученіямъ.

Въ штрафахъ не бывалъ. Женатъ. Къ повышенію чина достоинъ.

Подлинный подписалъ: Генералъ отъ кавалеріи графъ Витгенштейнъ.

Высочайшимъ приказомъ 9 марта 1822 г. уволенъ отъ службы по прошенію за болѣзнію съ мундиромъ.

Сообщилъ **В. Арсеньевъ.**

Генералъ-маіоръ

М. А. Арсеньевъ.

Замѣтка объ участникѣ боевъ подъ Витебскомъ, командирѣ л.-гв. коннаго полка генералъ-маіорѣ М. А. Арсеньевѣ[1].

Михаилъ Андреевичъ Арсеньевъ, род. въ 1779 г., происходилъ изъ дворянъ Тульской губ. Отецъ его, генералъ-маіоръ и кавалеръ орд. св. Георгія 4 ст. (1794), Андрей Ивановичъ Арсеньевъ [2]) владѣлъ имѣніемъ въ Тульскомъ уѣздѣ и въ 1794 г. былъ внесенъ въ VI-ю часть родословной книги Тульской губерніи,—Михаилъ Андреевичъ въ Отечественную войну и войну 1813—15 г. командовалъ л.-гв. коннымъ полкомъ, получившимъ подъ его начальствомъ георгіевскіе штандарты.

Портреты его [3]), кисти Доу, находятся въ Военной галлереѣ Зимняго дворца и въ л.-гв. конномъ полку; послѣдній былъ выставленъ на выставкѣ 1812 года въ Москвѣ въ 1909 г.; портретъ кисти Доу, находящійся въ Зимнемъ дворцѣ, былъ гравированъ въ изданіи „Императоръ Александръ I и его сподвижники въ 1812, 1813, 1814,

---

1) См. „В. С. Арсеньевъ. Родъ дворянъ Арсеньевыхъ“, ч. I, с. 38, 39 и 108; „Русскій Біографическій Словарь“ т. II, ст. 321; „Полный списокъ шефовъ, полковыхъ командировъ и офицеровъ лейбъ-коннаго полка съ 1731 по 1886“. „Сборникъ Имп. Русск. Истор. общ.“, т. 60, ст. 28.

2) См. В. И. Чернопятовъ, Дворянское сословіе Тульской губ., т. II (XI), ст. 12. „Сборникъ Имп. Рууск. Истор. общ.“, т. 62, ст. 555.

3) См. описаніе сихъ портретовъ въ книгѣ: „Кн. М. Н. Щербатова, Матерьялы для справочной книги по русскимъ портретамъ вып. I, с. 59“ и Каталогъ выставки въ память Отечественной войны“ М. 1909, стр. 19.—Портретъ, принадлежащій л. гв. конному полку, описанъ въ книгѣ кн. Щербатовой слѣдующими словами: „маслян. кр. на холстѣ, въ конно-гвардейскомъ бѣломъ мундирѣ, кирасѣ и Аннинской лентѣ. Поворотъ вправо. Лицо бритое, фонъ гладкій, сѣрый“.

1815 годахъ. Военная галлерея Зимняго дворца. Жизнеописаніе. Сочиненіе генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго, вып. 75, тетр. 23: ген. маіоръ М. А. Арсеньевъ. Спб. 1846 г. Матеріалы для сей біографіи доставлены гв. полк. А. В. Висковатовымъ", а бывшій на выставкѣ портретъ былъ изданъ Московской фирмой Фишеръ во II выпускѣ ея изданія: «Къ столѣтнію Отечественной войны 1812—1912 г.» подъ № 63.

Подвиги Михаила Андреевича подробно изображены въ помѣщаемомъ ниже его послужномъ спискѣ.—Имя его, какъ то видимъ изъ книги Мостовскаго: „Описаніе Храма Христа Спасителя въ Москвѣ", записано на стѣнахъ сего храма.—Женатъ былъ М. А. на Екатеринѣ Семеновнѣ (Степановнѣ) Горленко [4]), р. 1874, родной племянницѣ Св. Іоасафа Бѣлгородскаго; она была записана, по владѣемому ею имѣнію, въ родословную книгу Полтавской губ. [5]); умерла 1855 въ Парижѣ, гдѣ погребена на Монмартрскомъ кладбищѣ; пожертвовала въ министерство иностранныхъ дѣлъ капиталъ, на % съ коего должно совершаться поминовеніе ея племянницы Варвары [6]).—Отъ этого брака одна малолѣтняя дочь Варвара погребена въ Парижѣ на Монмартрскомъ кладбищѣ [7]).—Висковатовъ пишетъ про него: „боевое поприще Арсеньева, начавшееся въ 1812 году и кончившееся въ 1814-мъ, подъ Парижемъ, не было продолжительно, но имя Арсеньева не умретъ въ нашей военной исторіи. Онъ предводилъ лейбъ-гвардіи коннымъ полкомъ въ послѣдней трехъ-лѣтней громадной войнѣ Александра противъ Наполеона; съ нимъ знаменитый сей полкъ, основанный еще Петромъ Великимъ, былъ подъ Бородиномъ, и Кульмомъ; и съ нимъ заслужилъ нынѣшніе свои георгіевскіе штандарты".—Интересно приводимое Висковатовымъ описаніе дѣйствій Арсеньева подъ Бородиномъ и Кульмомъ; подъ Бородиномъ, „когда послѣ невѣроятныхъ усилій, оказанныхъ русской и французской арміями, Наполеонъ собралъ свою конницу, намѣреваясь про-

4) См. Ermerin Annuoire de la Noblesse de Russio 1900. стр. 263.

5) Списокъ Дворянскихъ родовъ Полтавской губ.

6) Смѣты доходовъ и расходовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ на 1908.—Спб. 1907, стр. 108—109.

7) См. В. И. Чернопятовъ. Заграничный Некрологъ.

рвать нашъ центръ и когда всѣ русскіе конные полки были введены въ дѣло, Кутузовъ велѣлъ готовиться къ бою полкамъ Кавалергардскому и Конногвардейскому. Услышавъ приказаніе, отборные лазники огласили воздухъ радостными восклицаніями. Борклай де-Толи двинулъ ихъ лично впередъ. Къ нимъ присоединились остатки нашихъ конныхъ полковъ, и вскорѣ начался безчисленный рядъ самыхъ дружныхъ кавалерійскихъ атакъ. Наконецъ, поле битвы осталось за нами. —За участіе въ семъ блистательномъ бою Арсеньевъ былъ награжденъ чиномъ генералъ-маіора и орденомъ св. Георгія 4-го класса".—Про участіе въ Кульмской побѣдѣ: „Въ достопамятные дни 17-го и 18-го Августа бригада Арсеньева была поставлена въ центрѣ и, то мужественно выдерживая атаки непріятеля, то сами блистательно его атакуя, много способствовала одержанію знаменитой Кульмской побѣды, за которую Арсеньеву былъ пожалованъ орденъ Св. Владиміра 3-й степени".

В. Арсеньевъ.

Вып. изъ дѣлъ 1 отд. 3 ст. Инспектор. Д-та 1839 г. № 1354, св. 1232.

Формулярный списокъ за 1839 годъ. О службѣ и достоинствѣ состоявшаго по кавалеріи Генералъ-маіора Арсеньева 1-го, который ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ 30 декабря 1833 года, въ числѣ прочихъ генераловъ, не занимающихъ никакихъ должностей, уволенъ отъ службы за ранами съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья, по 1800 руб. ассигнаціями въ годъ, а 6 Ноября 1838 года, какъ увѣдомилъ Военный Губернаторъ г. Тулы и Тульскій Гражданскій Губернаторъ, умеръ отъ воспаленія легкихъ.

Генералъ Маіоръ Михаилъ Андреевъ сынъ Арсеньевъ 1-й 54 лѣтъ.

Кавалеръ орденовъ: св. Анны 1, св. Владиміра 3 степеней, св. Георгія 4 класса.

Иностранныхъ: Прусскаго краснаго орла 2-й степени и знакъ желѣзнаго креста Боварскаго св. Максимиліана кавалеръ и Австрійскаго св. Леопольда Командоръ.

Имѣетъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ.

Медали: Серебрянныя въ память 1812 года и за взятіе Парижа 19 марта 1814 года.

Дрорянскую бронзовую за 1812 годъ.

Изъ дворянъ. У родителей и у самаго его родовое имѣніе Тульской губерніи и уѣзда, состоитъ за нимъ 82 души крестьянъ. Благопріобрѣтенное Тульской губерніи и уѣзда состоитъ дворовыхъ 4 души.

Въ службу вступилъ въ число малолѣтнихъ Вахмистровъ 791 года Іюля 18 Л. Гв. въ Конный полкъ, Кавалергардомъ 796 года Ноября 19-го въ Кавалергардскій корпусъ, что нынѣ Кавалергардскій Ея Величества полкъ, унтеръ офицеромъ 797 года Сентября 7 въ томъ же корпусѣ. По Высочайшему повелѣнію согласно желанію переведенъ по прежнему Л. гв. въ Конный полкъ тѣмъ же званіемъ 797 года Ноября 11, Эстандартъ юнкеромъ имѣлъ отъ роду двадцать лѣтъ 799 г. февраля 16, Корнетомъ 799 года Іюля 10, поручикомъ 801 года Сентября 29, Штабсъ ротмистромъ 802 года Сентября 4, ротмистромъ 804 г. Мая 3, полковникомъ 804 года Августа 12, за отличіе въ сраженіи Генералъ Маіоромъ 812 года декабря 26 Л. гв. въ Конномъ полку. Назначенъ командиромъ л. гв. Коннаго полка и Бригаднымъ Начальникомъ 1 бригады 1 Кирасирской дивизіи 813 года февраля 6. Дивизіоннымъ Начальникомъ 1 драгунской дивизіи 819 года Генваря 16-го. За болѣзнію состоитъ по кавалеріи 819 года октября 23. Во уваженіе долговременной усердной службы и полученной въ сраженіи контузіи, Высочайше повелѣно производить ему жалованье по чину 826 года Августа 22.

1812 года противъ французскихъ войскъ въ сраженіяхъ, Іюля 13 и 14 подъ Витебскомъ, Августа 4, 5 и 6 подъ Смоленскомъ, 26 въ дѣйствительномъ подъ Бородинымъ, гдѣ получилъ отъ картечи сильную контузію въ лѣвое плечо и Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Георгія 4 класса и чиномъ Генералъ Маіора, октября 6 подъ Тару-

тинымъ 12 и 13 подъ Малымъ Ярославцемъ, Ноября 4, 5 и 6 подъ Краснымъ, 1813 года Генваря съ 1 за границею, Апрѣля 20 подъ Люциномъ, Мая 8 и 9 подъ Бауцыномъ, за что получилъ Высочайшее благоволеніе, Августа 15-го подъ Дрезденомъ, 17 и 18 въ дѣйствительномъ подъ Кульмомъ, за что Всемилостивѣйшее награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степени и Прусскимъ знакомъ желѣзнаго креста, октября 4, 5 и 6 подъ Лейпцигомъ, 1814 года Января съ 1 за Рейномъ во Франціи, 20 подъ Бріномъ Марта 13 въ дѣйствительномъ при Фершампенуазѣ, за что Всемилостивѣйше пожалованъ орденами: св. Анны 1 степени, Иностранными: Прусскимъ краснаго орла 2 степени, Боварскимъ св. Максимиліана и Австрійскимъ св. Леопольда Командоромъ, 18 при взятіи Парижа и съ 19 по 21 Мая въ Парижѣ и по окончаніи компаніи обратно въ россійскіе границы, 816 октября 6 получилъ Монаршее благоволеніе за исправность и порядокъ въ какомъ выступилъ полкъ въ походъ въ 1815 году, а 22 Августа 1831 года Всемилостивѣйше пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за пятнацать лѣтъ, 25 Января 1805 года по Высочайшему повелѣнію былъ командированъ для покупки Л. гв. въ Конный полкъ ремонтныхъ лошадей, въ 1806 г. посланъ былъ для привода рекрутъ л. гв. въ конныйи уланскій полки за что получилъ Высочайшее благоволеніе прескриптъ блаженныя памяти Его Высочества Цесаревича, въ 809 году былъ командированъ для привода Л. гв. въ Конный полкъ и Конно Артиллерійскую № 101 роту лошадей по Высочайшимъ повелѣніямъ 28 мая 1811 года назначенъ членомъ въ Комитетъ учрежденный для сочиненія великаго устава кавалерійской службы, 26 октября 1816 года въ комитетъ составленный для соображенія штатныхъ цѣнъ на всѣ вещи долженствующія по силѣ табели приготовляться попечителемъ Гвардейскихъ и Армейскихъ кавалерійскихъ и пѣшихъ полковъ, саперныхъ и піонерныхъ баталіоновъ и артиллерійскихъ ротъ. 1809 года Декабря 19 За порядокъ командуемаго имъ эскадрона изъявлена ему блаженныя памяти Его Высочествомъ Цесаревичемъ совершенная благодарность.

Состоялъ попечителемъ по предварительнымъ мѣрамъ отъ болѣзни холеры по Тульскому уѣзду съ 1 Декабря 1830 по 21 Генваря и съ 31-е Іюля по 3 Ноября 1831 года.

Грамотѣ по россійски, по французски и нѣмецки читать и писать умѣетъ, математику, фортификацію, артиллерію и архитектуру знаетъ.

По Высочайшимъ приказамъ и разрѣшеніямъ начальства: 1791 Іюля съ 18 впредь до востребованія и находился въ этомъ отпуску по 5 Сентября 1796 года 804 Генваря съ 12 по 15 Марта того же года и явился въ срокъ 806, Сентября съ 20 на 3 м-ца и явился 29 декабря того же года, 809 Генваря съ 20 на 28 дней и явился 19 февраля того же года; 806 февраля съ 1 на 6 недѣль и явился 14 Марта того же года, 816 же года Декабря съ 14 на 28 дней и явился 3 Генваря 1817 года, 1817 года октября съ 3 на 3 м-ца и явился 4 января 1818 года.

Въ штрафахъ не бывалъ. Женатъ, но на комъ именно и имѣетъ ли дѣтей въ Инспекторскомъ Департаментѣ свѣдѣній нѣтъ. Аттестовался достойнымъ къ повышенію чиномъ.

Подлинный подписалъ: Исправляющій Должность Вице Директора полковникъ *Кривопишинъ*.

Сообщилъ **В. Арсеньевъ**.

Привилегіи, данныя королями польскими г. Витебску *).

Дѣло Министерства Юстиціи.

1803 г. № 52.

По всеподданнѣйшей просьбѣ Витебскаго головы Запольскаго и бургомистра Щербицкаго о подтвержденіи имъ прежнихъ законовъ.

ВЫПИСКА. Въ Витебскѣ, іюня 17-го 1802.

Первый пунктъ изъ всеподданнѣйшаго прошенія витебскаго головы Запольскаго и бургомистра Щербицкаго.

*) По присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, Манифестомъ 30 окт. 1794 г., жителямъ бывшаго велик. княж. Литовскаго обезпечено пользованіе прежними правами по законамъ княжества. На основаніи этого манифеста, витебскій городской голова Запольскій и бургомистръ Щербицкій обратились съ прошеніемъ на Высочайшее имя, ходатайствуя о подтвержденіи жителямъ Витебска ихъ прежнихъ правъ и привилегій. Министръ Юстиціи Г. Р. Державинъ потребовалъ представленія подлинныхъ привилегій. 20 сент. 1803 г., за № 449, витебскій губернъ прокуроръ Маньковскій представилъ министру „девять оригинальныхъ привилегій г. Витебску, отъ королей польскихъ жалованныхъ, а двѣ въ экстрактахъ, или выписяхъ".

19 іюня 1804 г., Высочайше повелѣно препроводить всѣ привилегіи, данныя г. Витебску, министру Внутреннихъ Дѣлъ „для общаго соображенія по подобнымъ дѣламъ".

Гдѣ въ настоящее время всѣ эти грамоты, я, несмотря на всѣ мои старанія, узнать не могъ.

Сохранились, однако, копіи этихъ грамотъ въ такъ-называемой „Книгѣ Привилегій г. Витебска"; всѣ онѣ напечатаны въ I т. „Витебской Старины".

А. Сапуновъ.

«Ваше Императорское Величество Всемилостивѣйше оставить соизволили Бѣлорусскій край по судопроизводству въ гражданскихъ дѣлахъ при польскихъ правахъ, и отъ 13-ти бывшихъ королей польскихъ пятнадцатью привиллегіями, какъ-то: 1-ю, 1441-го, отъ Казимера Ягелловича; 2-ю, 1503-го, отъ Александра; 3 ю, 1541-го, отъ Зигмунта 1-го; 4-ю, 1561-го, отъ Зигмунта Августа; 5-ю, 1582-го, отъ Стефана Батараго; 6-ю, 1592-го, отъ Зигмунта Третьяго; 7-ю, 1593-го, и 8-ю, 1597-го, отъ того жъ Зигмунта; 9-ю, 1633-го, отъ Владислава 4-го; 10-ю, 1641-го, отъ того жъ Владислава; 11-ю, 1669-го, отъ Михаилы Корибута; 12-ю, 1676-го, отъ Ивана Собѣжскаго; 13-ю, 1697-го, отъ Августа Втораго; 14-ю, 1736-го, отъ Августа Третьяго; 15-ю, 1764-го, года, отъ Станислава Августа, и семью конституціями: 1) 1505-го, 2) 1569-го, 3) 1589-го, 4) 1564-го, 5) 1667-го, 6) 1668-го и 7) 1764-го годовъ,—привиллегированы были здѣшняго города граждане, а преимущественно магистратскіе члены разными выгодами и прерогативами; но отъ присоединенія Бѣлорусскаго края ко Всероссійской Имперіи ни граждане, ни магистратскіе члены таковыми выгодами не пользуются, и тѣ привиллегіи, безъ утвержденія оныхъ Высочайшею конфирмаціею, остаются безъ дѣйствія».

Вѣрно: Старшій помощникъ *Старынкевичъ*.

Отпускъ письма М-ра Юстиціи Г. Р. Державина къ Новосильцову, отъ 22 іюня 1803 г., за № 3398.

Милостивый Государь мой Николай Николаевичъ!

По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, получилъ я при отношеніи Вашего Превосходительства одинъ пунктъ изъ всеподданнѣйшаго прошенія витебскаго головы Запольскаго и бургомистра Щербицкаго, въ коемъ, между прочимъ, изъясняютъ они, что отъ 13-ти бывшихъ польскихъ королей 15-ю привиллегіями города Витебска гражданамъ, а преимущественно членамъ магистратскимъ, дарованы разныя выгоды и прерогативы, которыми они отъ присоединенія Бѣлорусскаго края къ Россійской Имперіи не пользуются,—о чемъ предоставлено мнѣ учинить надлежащее разсмотрѣ-

ніе. Но какъ тѣхъ привиллегій при отношеніи Вашемъ не прислано, слѣдственно, и соображенія о нихъ съ государственными установленіями сдѣлать не возможно, то я симъ и побуждаюсь просить Васъ, Милостивый Государь мой, буде таковыя привиллегіи при всеподданнѣйшемъ прошеніи отъ витебскихъ гражданъ представлены, доставить мнѣ оныя для Высочайше повелѣннаго разсмотрѣнія.

Пребывая съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію,

Вашего Превосходительства,

Милостиваго Государя моего, ...

Милостивый Государь
Гавріилъ Романовичъ.

Въ отвѣтъ на отношеніе Вашего Высокопревосходительства, о доставленіи пожалованныхъ бывшими польскими королями городу Витебску различныхъ пятнадцати привиллегій, на кои градской глава того города Запольскій и бургомистръ Щербицкій, въ поданномъ Государю Императору прошеніи, ссылаются, -- честь имѣю сообщить Вамъ, Милостивый Государь! что означенныхъ привиллегій при томъ прошеніи приложено не было.

Пребывая въ прочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію,

Милостивый Государь!
Вашего Высокопревосходительства
покорнѣйшимъ слугою
Николай Новосильцовъ.

№ 564.
Въ СПбургѣ,
Іюля 6 дня 1803 года.

Его Высокопре-ву Державину.

Города Витебска граждане, за усердіе къ своему отечеству и разные подвиги во времена военныя, удостоились получить отъ королей польскихъ привиллегіи или грамоты на разныя вольности, а именно:

1-ю, 1503 года, отъ короля Александра; 2-ю, 1561, отъ Сигизмунда; 3-ю, 1592, отъ него жъ (sic); 4-ю, 1597, отъ него жъ; 5-ю, 1633, отъ Владислава; 6-ю, 1641, отъ него жъ; 7-ю, 1669, отъ Михайлы Корибута; 8-ю, 1676, отъ Ивана Собѣскаго; 9-ю, 1697, отъ Августа 2-го; 10-ю, 1733, отъ Августа 3-го; 11-ю, 1767, отъ Станислава Августа.

По силѣ сихъ грамотъ, города Витебска граждане, а преимущественно члены магистрата, пользовались правомъ и всѣми преимуществами дворянскими: домы ихъ освобождены отъ всякихъ постоевъ, дозволено владѣть имѣніями недвижимыми, разнаго званія селами, фольварками и таковые покупать съ принадлежащими къ нимъ крестьяны; сверхъ того, и жалованными вблизи города разными хуторами, фольварками и прочими угодьями владѣть безпрепятственно и съ оныхъ доходы получать; въ городѣ Витебскѣ имѣть годовыя ярмонки, и какъ продавцы, такъ и откупщики освобождены отъ взысканія съ нихъ за товары пошлинъ или другаго рода какихъ либо податей; равно жъ и проѣзжающіе граждане витебскіе съ товарами для торговли въ другіе города освобождены отъ подати—мыта или мостоваго и струговаго; предоставлены витебскимъ гражданамъ права Магдебургскіе и дозволено пользоваться всѣми преимуществами наравнѣ съ гражданами города Вильны и прочихъ упривилегированныхъ городовъ.

Отпускъ ордера „Витебскому Г-ну Губернскому Прокурору Маньковскому“, отъ 10 іюля 1803 года, № 3940:

„По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, доставленъ ко мнѣ на разсмотрѣніе витебскаго головы Запольскаго и бургомистра Щербицкаго одинъ пунктъ всеподданнѣйшаго прошенія, коимъ они утруждаютъ Государя Императора о подтвержденіи данныхъ гражданъ витебскимъ отъ 13-ти бывшихъ королей польскихъ 15-ти привиллегій; а какъ таковыхъ привиллегій при просьбѣ ихъ не представлено, безъ коихъ никакого соображенія съ государственными установленіями сдѣлать невозможно, то рекомендую вамъ, истребовавъ чрезъ кого слѣдуетъ отъ просителей показанныя по прилагаемой у сего запискѣ привиллегіи, доставить мнѣ.

Его Высокопревосходительству,

Господину Дѣйствительному Тайному Совѣтнику, Министру Юстиціи и разныхъ орденовъ кавалеру, Гавріилу Романовичу Державину.

Витебской губерніи Губернскаго Прокурора

Рапортъ.

Въ исполненіе ордера Вашего Высокопревосходительства отъ 10 прошедшаго іюля, подъ № 3940, честь имѣю представить при семъ девять оригинальныхъ привиллегій, городу Витебску отъ королей польскихъ жалованныхъ, а двѣ въ экстрактахъ или выписяхъ, всего одиннадцать штукъ, кои всѣ положены въ крѣпкій деревянный ящикъ, дабы въ теченіи пути не могли быть истерты или попорчены. Какихъ годовъ сіи привиллегіи и отъ которыхъ королей жалованы, присоединяю здѣсь именной списокъ, а равно и рапортъ Магистрата обще съ думою, въ коемъ объясняютъ они, что прочихъ привиллегій, означенныхъ въ запискѣ при ордерѣ Вашего Высокопревосходительства приложенной, Дума съ Магистратомъ не нашла у себя, и гдѣ находятся, неизвѣстно,—полагая, что одна изъ оныхъ—1441 года можетъ быть находится въ Правительствующемъ Сенатѣ,—а равномѣрно объясняютъ и то, что списывая копіи со всѣхъ сихъ привиллегій, не могли по нынѣ доставить мнѣ оригиналовъ, для представленія Вашему Высокопревосходительству.

Губернскій Прокуроръ *Маньковскій*.

№ 449.
Сентября 29-го дня
1803 года,
Витебскъ.

Именной списокъ привиллегіямъ, жалованнымъ городу Витебску отъ польскихъ королей.

№	какихъ годовъ.	Оригинальныя:
1.	1592	отъ короля Сигизмунда.
2.	1597	

3.	1633	отъ короля Владислава.
4.	1641	
5.	1669	отъ короля Михаила Корибута.
6.	1676	отъ короля Ивана Собескаго.
7.	1697	отъ короля Августа 2-го.
8.	1735	отъ короля Августа 3-го, вмѣсто показанной въ запискѣ 1736 года.
9.	1767	отъ короля Станислава Августа, вмѣсто показанной въ запискѣ 1764 года.

Въ экстрактахъ:

10.	1503 г.	отъ короля Александра.
11.	1561 г.	отъ короля Зигмунда Августа.

Губернскій Прокуроръ *Маньковскій*.

Его Высокоблагородію, господину Коллежскому Совѣтнику, Витебскому Губернскому Прокурору, Игнатію Антоновичу Маньковскому.

Изъ Витебской Городской Думы обще съ магистратомъ.

Рапортъ.

Во исполненіе даннаго отъ Вашего Высокоблагородія Г-ну Витебскому Уѣздному Стряпчему Зеліонкѣ, отъ 24 прошедшаго іюля ордера и объявленнаго чрезъ него, г-на Стряпчаго, Городскому Головѣ, а отъ него Городской Думѣ и Магистрату о доставленіи къ Вашему Высокоблагородію всѣхъ привиллегій, въ запискѣ при ордерѣ отъ Его Высокопревосходительства господина Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Министра Юстиціи и разныхъ орденовъ кавалера Гавриллы Романовича Державина присланной означенныя, для отосланія оныхъ къ Его Высокопревосходительству, — Городская Дума обще съ Магистратомъ изъ таковыхъ, каковыя токмо нашлись въ го-

родской кладовой, имѣютъ честь при семъ Вашему Высокоблагородію представить одиннадцать штукъ, какъ-то: 1-ю, 1592-го, отъ Жигмунта 3-го; 2-ю, 1597-го, отъ того же Жигмунта; 3-ю, 1633-го, отъ Владислава; 4-ю, 1641-го, отъ того жъ Владислава; 5-ю, 1669-го, отъ Михаила Корыбута; 6-ю, 1676-го, отъ Ивана Собескаго; 7-ю, 1697-го, отъ Августа 2-го; 8-ю, наданную отъ Августа 3-го не въ 1736-мъ, но въ 1735-мъ; а 9-ю, отъ Станислава Августа не въ 1764-мъ, но въ 1767-мъ; 10-ю-жъ и 11-ю въ экстрактѣ: 1503-го отъ Александра и 1561-го отъ Жигмунта Августа, и при оныхъ списанныя съ нихъ копіи,—съ всепокорнѣйшею просьбою о засвидѣтельствованіи ихъ Вашимъ Высокоблагородіемъ, чтобы Дума съ Магистратомъ могли оныя хранить въ Архивѣ впредь до полученія обратно подлинныхъ; что же прочихъ требуемыхъ по сей запискѣ привиллегій не находитъ у себя Дума съ Магистратомъ, то о семъ, гдѣ оныя дѣвались, никакого извѣстія не имѣютъ, но конечно по требованіямъ чьимъ или предписаніямъ начальства отсылаемы были, нрелику изъ опредѣленія, состоявшагося въ Витебскомъ повятовомъ Судѣ обще съ Магистратомъ отъ 18-го іюня сего года, по симъ привиллегіямъ о вольномъ владѣніи земскими имѣніями потомкамъ тѣхъ фамилій, которыя занимали мѣста въ прежнемъ Магистратѣ, и изъ котораго при семъ пріобщается точная копія, усматриваютъ подведенный въ оному Правительствующаго Сената указъ, послѣдовавшій отъ 3-го мая прошлаго 1801 года по дѣлу витебскаго мѣщанина Ивана Литвинки съ крестьянами его слободки Горовадки, по коему онъ, Литвинко, по силѣ требуемой въ сей же запискѣ привиллегіи отъ короля Польскаго Казимира, въ 1441 году наданной, найденъ въ правѣ владѣнія земскимъ имѣніемъ; слѣдственно, можетъ статься сія привиллегія отослана для сего дѣла въ Правительствующій Сенатъ и находится въ оному. При томъ же Дума съ Магистратомъ за долгъ почитаютъ и сіе Вашему Высокоблагородію донести, что какъ отсылка сихъ привиллегій о общемъ благѣ всего гражданства до всего города касалась, то за нужное почли о томъ извѣстить гражданство, по призывѣ котораго въ присутствіе Городской Думы и по объявленіи оному Вашего Высокоблагородія помянутаго Г-ну Уѣздному Стряпчему даннаго ордера и при немъ пріобщеннаго такового жъ въ копіи Его Высокопревосходительства, частные гласные 3-хъ

частей города и Ремесленный Голова въ нѣсколько послѣ того дней представили учиненныя въ частяхъ и Ремесленной Управѣ подписки, въ которыхъ объявили свое желаніе на высылку сихъ привиллегій при депутатахъ, какъ то: частей 1-й и 2-й—при двухъ: именитомъ гражданинѣ Смыку и купцѣ Прокофіи Бибкѣ, а 3-й и ремесленные —при одномъ Смыкѣ, то Городская Шестигласная Дума, въ 23 день сего сентября, въ общемъ засѣданіи съ Городовымъ Магистратомъ и Общею Думою, по разсмотрѣніи тѣхъ подписокъ, учиненною Шестигласная Дума съ Магистратомъ резолюціею, между прочимъ, заключила, что таковыя привиллегіи, по силѣ даннаго отъ Вашего Высокоблагородія повелѣнія, представить при рапортѣ прямо къ Вашему Высокоблагородію, и отправить, по отсылкѣ оныхъ привиллегій въ С.-Петербургъ, одного или болѣе депутатовъ, Дума съ Магистратомъ обществу, по ихъ желанію, не возбраняютъ, буде сіе будетъ съ волею начальства; общая жъ Дума, въ числѣ семи человѣкъ, положила мнѣніе сими словами: нарочно выслать желаемъ. Сіи жъ привиллегіи не были представлены къ Вашему Высокоблагородію по сіе время потому, что съ оныхъ списывались копіи и заявлялись въ Витебскомъ Повятовомъ Земскомъ Судѣ.

Голова *Онуфрій Быкъ*.

Бургомистръ *Игнатій Бялозоръ*.

Burhomistr Emelan Bornia.

Гласный *Шмуйла Янкелевичъ*.

№ 737.
Сентября 29 дня
1803 года.

По просьбѣ гражданъ города Витебска, объ утвержденіи ихъ привиллегій.

По Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію, Дѣйствительный Камергеръ Новосильцовъ препроводилъ къ предмѣстнику моему на разсмотрѣніе записку, заключающую въ себѣ одинъ пунктъ всеподданнѣйшаго прошенія Витебскаго Головы Запольскаго и бургомистра Щербинскаго, въ коемъ

они изъясняютъ, что привиллегированы были города Витебска граждане, а преимущественно магистратскіе члены разными выгодами и прерогативами, но отъ присоединевія Бѣлорусскаго края ко Всероссійской Имперіи ни граждане, ни магистратскіе члены таковыми выгодами не пользуются, и тѣ привиллегіи, безъ утвержденія оныхъ Высочайшею конфирмаціею, остаются безъ дѣйствія.

Предмѣстникъ мой, не имѣя въ виду оныхъ привиллегій и обстоятельнаго свѣдѣнія о содержаніи оныхъ, требовалъ чрезъ Витебскаго Губернскаго Прокурора доставленія тѣхъ подлинныхъ привиллегій, на кои витебскіе граждане ссылаются, дабы удобнѣе сообразить можно было оныя съ государственными установленіями.

Вслѣдствіе сего, Прокуроръ представилъ девять оригинальныхъ привиллегій, городу Витебску отъ королей польскихъ жалованныя, а двѣ въ экстрактахъ или выписяхъ, всего 11-ть приложеній; прочихъ же привиллегій, означенныхъ въ запискѣ, Витебская Дума съ Магистраторомъ у себя не находитъ, и гдѣ оныя, не имѣетъ свѣдѣнія, а полагаетъ, что одна изъ оныхъ—1441-го года, можетъ быть, находится въ Правительствующемъ Сенатѣ.

Грамоты сіи, заключающія въ себѣ привиллегіи города Витебска, подписаны, начиная отъ 1503 до 1767 года, царствовавшими въ сіе время польскими королями. Двѣ изъ оныхъ писаны на русскомъ, а прочіе на польскомъ языкѣ.

По силѣ оныхъ, города Витебска граждане, а преимущественно члены Магистрата, пользовались правомъ и всѣми преимуществами дворянскими, домы ихъ освобождены отъ постоевъ, дозволено владѣть недвижимымъ имѣніемъ и оное покупать; пожалованы около лежащія угодьи; установлены годовыя ярмонки, причемъ какъ покупщикъ, такъ и продавщикъ освобождены отъ пошлинъ за товары. Сверхъ сего, избавлены отъ нѣкоторыхъ податей. Предоставлены права магдебурскія и сравнены въ преимуществахъ съ гражданами Вильны и другихъ городовъ.

Столоначальникъ *Люминарской.*

На подлинномъ рукою Министра Юстиціи, князя П. В. Лопухина, написано:

„Высочайше повелѣно препроводить къ Министру Внутреннихъ

Дѣлъ для общаго соображенія по подобнымъ дѣламъ. Іюня 19 дня 1804 года".

Отпускъ отношенія къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Милостивый Государь мой Графъ Викторъ Павловичъ!

Препровожденный къ предмѣстнику моему по Высочайшему повелѣнію Дѣйствительнымъ Камергеромъ Новосильцевымъ одинъ пунктъ изъ Всеподданнѣйшаго прошенія Витебскаго головы Запольскаго и бурмистра Щербицкаго о привиллегіяхъ, польскими королями жителямъ города Витебска дарованныхъ, Его Императорское Величество Высочайше мнѣ повелѣть соизволилъ сообщить Вашему Сіятельству, для общаго по подобнымъ дѣламъ соображенія.

Прилагая при семъ какъ оный, такъ и истребованныя предмѣстникомъ моимъ чрезъ Витебскаго Губернскаго Прокурора девять оригинальныхъ привиллегій, жалованныхъ городу Витебску отъ королей Польскихъ, и двѣ въ экстрактахъ или выписяхъ, купно съ копіями рапортовъ Прокурора и тамошней Городской Думы, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью.

Милостивый Государь мой!

Вашего Сіятельства...

№ 4958.
Іюня 30 дня
1804 года.

Его Сіят-ву Графу
В. П. Кочубею.

Сообщилъ *А. Сапуновъ.*

Памяти героевъ Отечественной войны, участниковъ сраженій подъ Витебскомъ

13, 14, 15 іюля и 26-го октября 1812 г. *).

(Докладъ въ торжественномъ собраніи Витебской Ученой Архивной Комиссіи 5-го декабря 1912 г.).

Съ большимъ интересомъ изучаемъ мы въ дѣтствѣ историческія преданія родной земли, сказанія о подвигахъ и самоотверженныхъ трудахъ нашихъ предковъ, создавшихъ цѣною своей крови обширное и могучее государство—нашу родину. Но какъ все уходящее въ неуловимую даль, образы эти постепенно тускнѣютъ и блѣднѣютъ. На смѣну имъ выступаютъ мелкія будничныя заботы. Тяжелая борьба за существованіе, погоня за наживой, неразборчивость въ средствахъ и многія другія отрицательныя явленія современной жизни создаютъ общественную атмосферу, далекую отъ геройскихъ подвиговъ, какими

*) Докладъ составленъ на основаніи слѣдующихъ трудовъ: 1) Дипломатическія сношенія съ Франціей по донесеніямъ пословъ 1807—12 г.г. Великій Князь Николай Михайловичъ.—2) Исторія Отечественной войны. Ген. Богдановичъ.—3) Отечественная война. А. И. Михайловскій-Данилевскій.—4) Акты, документы и матеріалы для исторіи 1812 г. К. Военскій.—5) Исторіи полковъ—Ямбургскаго и Клястицкаго.

жили наши предки. Древній девизъ князя Святослава: „мертвые срама не имуть“—утратилъ свое воспитательное значеніе, ибо нынѣ не рѣдкость, что и живые „срама не имуть“ и подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній готовы поступиться интересами своей родины и своими правами первородства за чечевичную похлебку. Въ этомъ кроется причина недавнихъ внѣшнихъ и внутреннихъ потрясеній, пережитыхъ Россіей. Переносясь мыслью къ историческому прошлому и освѣжая въ памяти славныя дѣянія нашихъ предковъ и беззавѣтную преданность ихъ Вѣрѣ, Царю и Отечеству, мы почерпнемъ силы для выполненія священныхъ обязанностей, лежащихъ на насъ, какъ на правопріемникахъ дорогого наслѣдія.

Высокій патріотизмъ и общее одушевленіе, проявленные вѣрными сынами Россіи въ 1812 г. и выразившіеся въ единодушномъ возстаніи противъ враговъ, не щадя живота своего, и въ неисчислимыхъ матеріальныхъ пожертвованіяхъ на нужды войны, дороги и святы для русскаго сердца. Цѣлый вѣкъ, отдѣляющій насъ отъ событій того времени, позволяетъ намъ отнестись къ нимъ съ полнымъ безпристрастіемъ, чуждымъ тѣхъ острыхъ ощущеній, вполнѣ понятныхъ въ ближайшихъ поколѣніяхъ, тѣмъ болѣе, что подвиги героевъ не нуждаются ни въ легендарныхъ прикрасахъ, ни въ жалкомъ утаиваніи истины. Несомнѣнно, что 1812 г. занялъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ русской исторіи, благодаря тому великому подъему народнаго духа, который перенесъ всѣ ужасы нашествія „двадесяти языкъ“. Но, съ другой стороны, также несомнѣнно, что этотъ годъ крайне тяжело отозвался на внутренней жизни Россіи, повернулъ правительственную политику въ сторону реакціи и на полстолѣтія отсрочилъ освобожденіе крестьянъ и всѣ преобразовательныя реформы, осуществленныя лишь при Императорѣ Александрѣ II.

Въ началѣ прошлаго столѣтія великій полководецъ, законодатель и могущественнѣйшій изъ монарховъ, императоръ французовъ Наполеонъ, стремясь къ главенству на морѣ, являющемуся необходимымъ условіемъ процвѣтанія внѣшней торговли, столкнулся съ Англіей, въ рукахъ которой была морская гегемонія, и поставилъ себѣ цѣлью борьбу съ этою державою изъ-за обладанія морскими

колоніями. Но послѣ пораженій французскаго флота въ битвахъ при Абукирѣ и Трафальгарѣ, окончательно упрочившихъ владычество Англіи на морѣ и лишившихъ Францію возможности вести дальнѣйшую борьбу, Наполеонъ рѣшилъ нанести ударъ англійской морской торговлѣ, примѣнивъ бойкотъ англійскихъ товаровъ, обязательный для всѣхъ европейскихъ государствъ, такъ какъ, по его мнѣнію, Англія являлась врагомъ не одной только Франціи, но служила угрозой экономическому развитію всей Европы, и морское владычество обратило эту державу во всемірнаго ростовщика, въ руки котораго безъ надежды на возвратъ полилось золото съ континента, представляющее собою кристаллизованный трудъ европейскихъ народовъ. Въ желаніи подчинить Европу своей волѣ и добиться единодушія въ борьбѣ съ Англіей и заключался главный поводъ всѣхъ европейскихъ войнъ съ 1806 по 1812 г.

Императоръ Александръ Благословенный прекрасно понималъ всѣ выгоды союза съ Франціей и потому охотно пошелъ навстрѣчу предложенію Наполеона—заключить договоръ, съ цѣлью вести настойчивую обоюдную борьбу противъ могущества Англіи. Такой договоръ былъ заключенъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1807 г. въ Тильзитѣ. Но союзъ съ Наполеономъ не встрѣтилъ сочувствія въ русскомъ обществѣ, такъ какъ выгоды отъ этого союза были дѣломъ отдаленнаго будущаго, не для всѣхъ яснаго и понятнаго, и требовали экономическихъ жертвъ и подчиненія волѣ французскаго «Цезаря-выскочки», какъ тогда называли Наполеона, а это казалось унизительнымъ для русскаго самолюбія. Только немногіе изъ передовыхъ людей того времени, во главѣ которыхъ стояли графъ Румянцевъ и Сперанскій, поддерживали Императора Александра I. Прекращеніе ввоза англійскихъ товаровъ и вывоза сырья тяжело отозвалось на государственныхъ доходахъ, на интересахъ многихъ частныхъ лицъ и вызвало финансовый кризисъ въ Россіи; помимо того, вмѣстѣ съ торжествомъ французскаго вліянія и французскихъ идей соединялась неразрывно угроза либеральныхъ реформъ и отмѣна крѣпостного права, что было слишкомъ опаснымъ для правъ и преимуществъ высшихъ сословій. Потому и заключенный союзъ не могъ быть прочнымъ, ибо интересы обѣихъ державъ во многомъ расходились и политическіе взгляды монарховъ

на разрушеніе государствъ слишкомъ рознились. Послѣ чисто внѣшняго проявленія франко-русскихъ симпатій наступило охлажденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникли и взаимныя неудовольствія монарховъ. Для дипломатической переписки открылось широкое поле дѣйствій. Посыпались съ обѣихъ сторонъ разныя ноты, конвенціи, соглашенія, протесты, декларацiи; но все это закончилось отрицательнымъ результатомъ и привело къ вторженію Наполеона въ предѣлы Россіи въ 1812 г.

Итакъ, экономическая отсталость и зависимость отъ англійскаго рынка втянули Россію въ борьбу съ Наполеономъ, поставившимъ себѣ цѣлью силою оружія заставить Императора Александра I примкнуть къ великой экономической борьбѣ объединенной Европы противъ Англіи. Высокое просвѣщеніе и геній Наполеона, охватывавшій всѣ стороны жизни народовъ, побѣдоносный ходъ событій его увлекательнаго царствованія, невѣроятные успѣхи французскаго оружія въ Италіи, Австріи и Германіи и закаленная въ бояхъ армія гарантировали, казалось, побѣду надъ Россіей.

Императоръ Александръ I предвидѣлъ, что Наполеонъ не удержится отъ войны съ Россіей, и заблаговременно сдѣлалъ распоряженія о приготовленіяхъ къ ней. По выработанному тогда плану военныхъ дѣйствій, въ виду значительнаго превосходства въ силахъ Наполеона, было рѣшено вести оборонительную войну. Для защиты нашей западной границы были предназначены двѣ арміи, изъ коихъ первая должна была прикрывать границу на участкѣ Гродненской, Виленской и Ковенской губерніи, а вторая—между гор. Гродно и рѣкою З. Бугомъ. Обѣ арміи должны были согласовать свои движенія и дѣйствія такъ, чтобы въ то время, когда одна изъ армій будетъ задерживать непріятеля съ фронта, то другая ударитъ на него во флангъ или тылъ, въ зависимости отъ направленія пути наступленія непріятельской арміи. Фортификаціонными постройками были усилены Динабургъ, Дрисса, Себежъ и Борисовъ. Самымъ важнымъ пунктомъ для владѣнія обоими берегами Двины считался гор. Дрисса, гдѣ былъ сооруженъ большой укрѣпленный лагерь. Такимъ образомъ, предполагалось уже заранѣе, что вѣроятнымъ театромъ войны или ея начала суждено быть Витебской губерніи, продовольственныя

средства которой были весьма скудны, вслѣдствіе неурожая въ 1811 г.

Тяжелое положеніе нашей родины, надъ которой нависли грозовыя тучи, встрѣтило горячее сочувствіе со стороны большинства дворянъ и простыхъ классовъ населенія Витебской губерніи. Побуждаемые святою любовью къ родинѣ и къ всеавгустѣйшему престолу, они приложили сугубое рвеніе къ удовлетворенію всѣхъ военныхъ потребностей, размѣры которыхъ были очень велики.

Среди приготовленій къ войнѣ, въ ночь съ 12 го на 13-ое іюня, было получено въ Вильнѣ извѣстіе о начавшейся переправѣ непріятеля черезъ Нѣманъ. По мѣрѣ занятія войсками великой арміи Ковенской и Виленской губерній, наша 1-я армія стала отступать въ предѣлы Витебской губерніи—къ гор. Дриссѣ. Во все время движенія нашихъ войскъ къ Дриссѣ, непріятель ихъ не безпокоилъ, хотя зорко слѣдилъ за направленіемъ движенія русскихъ отрядовъ, такъ какъ отступленіе нашей 1-й арміи въ направленіи, удалявшемъ ее отъ 2-й арміи, соотвѣтствовало планамъ Наполеона, который и приказалъ Мюрату не напирать сильно на русскихъ и довольствоваться добровольнымъ ихъ отступленіемъ.

Желая сосредоточить свои силы между Двиною и Днѣпромъ, атаковать и разбить порознь 1-у и 2-ую русскія арміи, Наполеонъ направилъ изъ Вильны къ мѣст. Глубокому гвардію и корпусы вице-короля и Сенъ-Сира въ то время, когда наша 2-я армія была уже отрѣзана отъ 1-й стотысячнымъ корпусомъ маршала Даву. Не сомнѣваясь въ успѣхѣ намѣченной цѣли, Наполеонъ съ насмѣшкой говорилъ: „Князь Багратіонъ и Барклай-де-Толли не увидятся болѣе другъ съ другомъ!“

Императоръ Александръ I, прибывъ въ Дриссу и осмотрѣвъ лагерь, призналъ его неудобнымъ для обороны и приказалъ собрать военный совѣтъ для того, чтобы опредѣлить дальнѣйшія дѣйствія русскихъ войскъ. Огромныя силы Наполеона не позволяли надѣяться на скорую побѣду надъ ними нашихъ войскъ, уступавшихъ непріятелю въ числѣ и разобщенныхъ на большомъ пространствѣ, безъ надежды на близкое соединеніе. Средство восторжествовать надъ Наполеономъ состояло не въ преждевременныхъ кровавыхъ встрѣчахъ съ нимъ, но въ выигрышѣ времени, необходимомъ для сбора и уси-

ленія русскихъ войскъ. Поэтому и на военномъ совѣтѣ было рѣшено отступить изъ Дриссы къ Витебску, занять тамъ позицію и соединиться со второй арміей, главнокомандующему которой было послано повелѣніе двинуться форсированнымъ маршемъ въ обходъ корпуса маршала Даву черезъ Могилевъ и Оршу къ Витебску.

Когда въ главной квартирѣ Государя были получены достовѣрныя извѣстія о выступленіи изъ Вильны къ мѣст. Глубокому значительныхъ силъ непріятеля, то наша 1-я армія двинулась изъ Дриссы къ Витебску. 6-го іюля въ Полоцкѣ Императоръ Александръ I подписалъ воззваніе къ Москвѣ и манифестъ о всеобщемъ вооруженіи.

Высочайшимъ манифестомъ призывался русскій народъ къ единодушному и общему возстанію противъ враговъ, вторгнувшихся въ предѣлы нашей родины.

„Да встрѣтитъ непріятель“,—говорилось въ манифестѣ—„въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина.... Соединитесь всѣ: съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ“.

Вѣсть объ опасности для родины и царскій призывъ на оборону ея стали распространяться по всей необъятной Россіи. Отовсюду посыпались обильныя пожертвованія на нужды войны, старъ и младъ спѣшили подъ знамена, чтобы принять участіе въ святомъ дѣлѣ защиты родины. У всѣхъ была одна мысль: ничто не доставайся непріятелю, и не имѣть ему ни покоя, ни пріюта. Всѣ возрасты, всѣ племена слились въ одну душу и, не взирая на различіе нравовъ, обычаевъ, климата, нарѣчій и вѣры, стремились доказать на дѣлѣ, что всѣ они, по чувствамъ, родные между собою. На призывъ русскаго Царя откликнулись татары, калмыки, персы, хивинцы и кочевые народы отдаленной Сибири. Патріотизмъ проявился даже и въ тѣхъ, которые своими преступленіями расторгли узы, соединяющія ихъ съ отечествомъ. Общее одушевленіе и самопожертвованіе русскаго народа въ эту годину бѣдствій не поддаются описанію. Въ черновыхъ рукописяхъ Пушкина сохранилось слѣдующее стихотвореніе, которымъ онъ напоминалъ товарищамъ по лицею о славномъ 1812 г.:

„Вы помните: текла за ратью рать;
Со старшими мы братьями прощались

И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ... И племена сразились,
Русь обняла кичливаго врага...

8-го іюля наша первая армія вступила въ Витебскъ, причемъ 6-й пѣх. корпусъ былъ оставленъ у Стараго Села, а 3, 4, 5 пѣх. и 1-й кавалер. корпусы были выдвинуты къ р. Лучосѣ на Бѣшенковичскую дорогу. Барклай-де-Толли рѣшилъ ожидать въ Витебскѣ подхода 2-й арміи.

Между тѣмъ Наполеонъ, пробывъ 5 дней въ Глубокомъ и сдѣлавъ всѣ нужныя приготовленія къ бою, двинулся оттуда къ Бѣшенковичамъ, съ цѣлью преградить нашей 1-й арміи путь къ Витебску. Прибывъ 12-го іюля въ Бѣшенковичи, Наполеонъ приказалъ навести наскоро мостъ черезъ Двину и, не дожидаясь окончанія наводки моста, пустилъ вплавь легкую кавалер. бригаду графа Прейсинга. Непріятельская кавалерія, переправившись черезъ Двину, очистила правый берегъ отъ казачьихъ разъѣздовъ, а затѣмъ выстроилась у только-что наведеннаго моста, черезъ который проѣзжалъ императоръ французовъ. Наполеонъ, проскакавъ мимо фронта бригады, произвелъ съ нею рекогносцировку Витебской дороги и удостовѣрился, что почти вся русская армія находилась у Витебска на лѣвомъ берегу Двины. Вернувшись въ Бѣшенковичи, Наполеонъ выслалъ корпусъ Монбрена на правый берегъ Двины для дѣйствій противъ нашего 6-го корпуса, расположеннаго у Стараго Села, остальныя же свои войска направилъ по дорогѣ на м. Островно къ Витебску, во главѣ которыхъ слѣдовали подъ начальствомъ Мюрата кавалер. дивизія Брюіера, часть пѣх. дивизіи Дельзона и кирасирская дивизія Сенъ-Жермена.

Барклай-де-Толли, узнавъ о близости Наполеона и опасаясь за участь нашей 2-й арміи, спѣшившей на соединеніе съ 1-й, рѣшилъ принять сраженіе впереди Витебска съ тѣмъ, чтобы задержать наступленіе французовъ и дать возможность подойти къ Витебску нашей 2-й арміи. Навстрѣчу непріятелю былъ высланъ по Бѣшенковичской дорогѣ 4-й пѣх. корпусъ графа Остермана-Толстого, усиленный лейбъ-гусарскимъ и Сумскимъ гусарскимъ, Нѣжинскимъ и Ингерман-

ландскими драгунскими полками. Кавалерія Остермана, шедшая впереди корпуса, встрѣтила въ 7—8 верстахъ отъ Витебска непріятельскую кавалерію дивизіи Брюіера, которую и атаковала. Непріятель почти безъ боя повернулъ назадъ и быстро отступилъ черезъ дер. Куковячинъ къ мѣст. Островну, расположенному въ 22-хъ верстахъ отъ Витебска. Къ вечеру 12-го іюля прибылъ къ Островну почти весь нашъ 4-й корпусъ и занялъ позицію, недоходя до мѣстечка.

Въ 4 часа утра 13-го іюля Мюратъ подошелъ къ Островну. Непріятельскій авангардъ, въ составѣ двухъ полковъ кавалеріи, прошелъ мѣстечко и по выходѣ на большую дорогу былъ осыпанъ картечью нашихъ шести конныхъ орудій, прикрытыхъ всего лишь двумя эскадронами лейбъ-гусаровъ. Непріятельская кавалерія бросилась въ атаку, разсѣяла лейбъ-гусаровъ и захватили орудія.

На мѣсто боя прискакалъ Мюратъ. Поднявшись на высоту, онъ увидѣлъ вдали войска графа Остермана, расположенныя въ боевомъ порядкѣ. Наши войска занимали позицію, пересѣкающую большую дорогу, имѣя въ первой линіи въ развернутомъ фронтѣ 11 пѣх. дивизію г.-м. Бахметьева 2-го, а во второй линіи въ баталіонныхъ колоннахъ—23 пѣх. дивизію г.-м. Бахметьева 1-го и кавалерію.

Мюратъ быстро развернулъ свои силы. Началъ бой нашъ Ингерманландскій полкъ и бросился на правое крыло французовъ. Въ свою очередь, 6-й польскій уланскій и 8-й прусскій гусарскій полки, встрѣтивъ атакой ингерманландцевъ во флангъ и въ тылъ, опрокинулъ ихъ. Въ то же почти время 2-й и 7 непріят. гусарскіе полки понеслись въ атаку на нашъ лѣвый флангъ. Встрѣченная убійственнымъ огнемъ Селенгинскаго пѣх. и 18-го егерскаго полковъ (23-й пѣх. див.), непріятельская кавалерія была приведена въ полное разстройство и понесла значительныя потери. Селенгинцы и егеря, отбивъ нападеніе, пошли въ штыки на стрѣлковъ 8-го егерскаго французскаго полка, но были остановлены новыми атаками непріятельской кавалеріи. Попытки графа Остермана разстроить непріятеля обходомъ его фланговъ не увѣнчались успѣхомъ.

Съ прибытіемъ на поле сраженія французской дивизіи Дельзона силы непріятеля возросли до 20000 чел. противъ нашихъ 9000 чел. Графъ Остерманъ съ упорствомъ отстаивалъ каждый участокъ земли, задерживая возможно дольше непріятеля. Когда ему донесли о томъ,

что наши войска лѣваго фланга терпятъ большой уронъ отъ непріятельскаго огня, и спрашивали, что дѣлать? графъ отвѣтилъ лаконически: „Ничего. Стоять и умирать!“ И войска честно исполнили это приказаніе и свой долгъ передъ родиной.

Мюратъ все время наблюдалъ за ходомъ боя и двигалъ баталіоны за баталіонами, желая сломить горсть храбрецовъ, преграждавшихъ ему дорогу въ Витебскъ. Кровопролитный бой продолжался до самаго вечера, когда на помощь порѣдѣвшимъ рядамъ 4-го корпуса прибыли 1-й кавалерійскій корпусъ графа Уварова, а затѣмъ 3-я пѣх. дивизія ген. Коновницына. Но эти войска 13-го іюля въ бой не вступали. На разсвѣтѣ 14-го іюня корпусъ Остермана былъ смѣненъ 3-й пѣх. дивизіей ген. П. П. Коновницына и отведенъ въ резервъ.

Полки ген. Коновницына заняли позицію въ 7 верстахъ отъ мѣст. Островна, западнѣе дер. Куковячина, тянувшуюся между Двиною и болотистымъ густымъ лѣсомъ. Фронтъ позиціи прикрывался глубокимъ оврагомъ, по которому течетъ неглубокій ручеекъ, впадающій въ Двину. Въ 8 час. утра бой начался перестрѣлкой между русскою цѣпью, разсыпанною по гребню оврага, и стрѣлками подошедшаго 8-го франц. егерскаго полка. Вскорѣ полки дивизіи Дельзона пошли въ атаку. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мюратъ перевелъ на правый берегъ Двины часть кавалеріи, которая должна была угрожать нашему правому флангу и парализовать движенія нашихъ войскъ, пользуясь для того нѣсколькими бродами, находившимися у праваго фланга нашей позиціи. Удачно разставленная ген. Дантуаромъ лѣвѣе большой дороги непріятельская артиллерія имѣла цѣлью содѣйствовать атакамъ пѣхоты на центръ занятой русскими войсками позиціи. Атака французовъ на нашъ лѣвый флангъ была отбита, но на правомъ флангѣ ген. Гюаръ оттѣснилъ нашихъ егерей съ равнины. Въ центрѣ французамъ тоже удалось перейти оврагъ. Ген. Коновницынъ видя, что непріятель обходитъ правый флангъ нашей позиціи, двинулъ туда свои резервы. Наша пѣхота такъ удачно атаковала полки ген. Гюара, что кроатскій и 84-й лин. полки были сбиты съ позиціи и отброшены за оврагъ. Нашъ 20-й егерскій полкъ, увлеченный этимъ успѣхомъ, на плечахъ непріятеля перешелъ оврагъ и едва не овладѣлъ непр. артиллеріей, но въ это время Мюратъ бросилъ на егерей 8-й польскій

уланскій полкъ, который опрокинулъ ближайшій батальонъ егерей и спасъ орудія. Въ то же время къ батареямъ подбѣжалъ баталіонъ лин. франц. полка и помогъ уланамъ удержать напоръ нашихъ егерей до прибытія 106 пѣх. фр. полка, высланнаго изъ резерва вице-королемъ Евгеніемъ. Съ этими силами французамъ удалось оттѣснить русскихъ опять за оврагъ. На нашемъ лѣвомъ флангѣ лѣсъ оставался на нами. Этотъ пунктъ сталъ ключемъ позиціи, куда Мюратъ направилъ всѣ свои резервы. Здѣсь собрались вице-король, Мюратъ и ген. Жюно. Жюно лично повелъ 92-й лин. пол. въ атаку и лѣсъ былъ занятъ французами. Положеніе Коновницына стало критическимъ; на нашу артиллерію насѣлъ уже непріятель, и удалось спасти ее, благодаря лишь отчаяннымъ усиліямъ Кексгольмскаго, Перновскаго и Черниговскаго пѣх. полковъ подъ командой г.-м. Чоглокова, атаковавшихъ французовъ. Ген. Коковницынъ сталъ сниматься съ позиціи, пользуясь нерѣшительностью вице-короля, не знавшаго преслѣдовать ли русскихъ или остановиться на занятой имъ позиціи. Но вотъ, въ тылу франц. войскъ раздались восторженные клики. Прибылъ Наполеонъ. Бой загорѣлся снова. Продержавшись до 5 ч. пополудни у сел. Конары, Коновницынъ отошелъ къ дер. Добрейкѣ, гдѣ соединился съ войсками 3-го кавалер. корпуса графа Палена.

Въ ночь съ 14-го на 15-ое іюля прибылъ въ Витебскъ адъютантъ князя Багратіона съ извѣстіемъ о неудачной попыткѣ нашей 2-й арміи пробиться черезъ Могилевъ и съ просьбой отступить къ Смоленску для соединенія тамъ обѣихъ армій. Вслѣдствіе чего на созванномъ тотчасъ же военномъ совѣтѣ было рѣшено оставить безъ боя Витебскъ и отступить къ Смоленску. Немедленно были отданы всѣ необходимыя для того распоряженія. Графъ Паленъ, получившій приказаніе задерживать возможно дольше непріятеля передъ Витебскомъ, занялъ въ 8 верстахъ отъ города позицію, между дер. Добрейкою и Телятниками, прикрытую съ фронта маленькой рѣчькой, мостъ черезъ которую былъ сожженъ; правый флангъ позиціи примыкалъ къ Двинѣ, лѣвый же былъ совершенно открытъ. Слишкомъ большой фронтъ занятой нашими войсками позиціи заставилъ графа Палена вывести въ боевую линію всѣ свои силы, не оставляя резерва.

Съ разсвѣтомъ 15-го іюля началось наступленіе французовъ къ

Витебску. Впереди шла легкая кавалерія ген. Нансути и итальянская дивизія Брусье, за ними двигались главныя силы, во главѣ которыхъ слѣдовалъ Наполеонъ. Подъ огнемъ нашей гвардейской артиллеріи французы свернулись въ каре эшалонами. Въ то время какъ 18-й легкій полкъ, подъ командой ген. де-Сиврей, быстро двигался къ нашему лѣвому флангу, 16-й конно-егерскій полкъ, поддержанный двумя ротами 9-го лин. полка, направился на нашъ правый флангъ. Атакованные лейбъ-казачьимъ полкомъ и двумя эскадронами Сумскаго гусар. полка, конно-егеря были сбиты. Казаки и гусары налетѣли послѣ того на двѣ роты 9-го лин. французскаго полка. Эти роты, окруженныя нашей кавалеріей, успѣли построить каре и мужественно отбивались до тѣхъ поръ, пока не были выручены подоспѣвшимъ 53-мъ легкимъ полкомъ. Наполеонъ, съ небольшого холма наблюдавшій за ходомъ боя, подъѣхалъ къ оврагу и, остановившись передъ фронтомъ остатковъ ротъ, спросилъ: «Какого вы полка?»—9-го лин., ваше велпчество,—и всѣ изъ Парижа, — отвѣтили солдаты.— „Молодцы!“—сказалъ императоръ: «всякій изъ васъ заслуживаетъ креста».

Дивизія Брусье пыталась прорвать въ центрѣ нашу боевую линію, но была удержана стремительными атаками нашей конницы. Наполеонъ ввелъ тогда въ дѣло всю кавалерію Нансути и пѣхоту ген. Дельзона. Графъ Паленъ, видя полную невозможность удерживаться на позиціи, въ 5 час. пополудни отступилъ за р. Лучосу. Наполеонъ, разсчитывая, что Барклай-де-Толли приметъ сраженіе подъ Витебскомъ, не преслѣдовалъ отступавшихъ, но сталъ стягивать свои войска и приказалъ произвести рекогносцировку мѣстности.

До глубокой ночи стояли войска графа Палена за Лучосой, разведя многочисленные бивучные огни. Тѣмъ временемъ наша 1-я армія безпрепятственно отступала къ Смоленску. Послѣдними тронулись полки графа Палена.

Съ разсвѣтомъ 16-го іюля французская армія стала строиться въ боевой порядокъ передъ лучосской позиціей для предстоящаго сраженія. Наполеонъ двинулъ свои войска къ Витебску, но русская армія исчезла, и только лейбъ-казаки разрушали мосты. Французы заняли Витебскъ и расположились въ немъ на отдыхъ.

Уронъ нашъ въ сраженіяхъ 13, 14 и 15 іюля простирался до 3800 чел., непріятель потерялъ почти столько же. Въ числѣ павшихъ за эти дни съ нашей стороны былъ г.-м. Окуневъ, убитый подъ Островномъ.

Прямымъ слѣдствіемъ сраженій подъ Витебскомъ было, вопреки расчетамъ Наполеона, безпрепятственное соединеніе нашихъ армій въ Смоленскѣ. Война затянулась. Съ изумительной отвагой и упорствомъ защищали войска и народъ каждый клочекъ своей родной земли. Залитыя кровью груды развалинъ и пепелища пожаровъ обозначили дальнѣйшій путь Наполеона. Въ ожесточенномъ, кровопролитномъ бою на поляхъ Бородина впервые усомнился онъ въ успѣхѣ войны. Французское нашествіе, какъ разъяренный звѣрь, получившій въ своемъ разбѣгѣ смертельную рану, почувствовало свое безсиліе. Русская армія отошла къ Тарутину, но не побѣжденная, а сохраняя чувство своего достоинства, своей силы, гордая своимъ именемъ, вѣрная своимъ вѣковымъ доблестямъ, твердая въ вѣрѣ праотцевъ, одушевленная мыслью сокрушить врага. Рушились надежды и счастье завоевателя. Разлетѣлись какъ дымъ его мечты покорить Россію. Занявъ Москву, окруженный пламенемъ пожара, вооруженнымъ народомъ и партизанскими отрядами, Наполеонъ принужденъ былъ подъ натискомъ русскихъ войскъ сперва отступать, а затѣмъ бѣжать; растерялъ оружіе, обозы, запасы, войска; съ срамомъ спасся черезъ Нѣманъ.

Тѣмъ временемъ, 26-го октября, высланный графомъ Витгенштейномъ отрядъ, въ составѣ 26 егерскаго и Навагинскаго пѣх. полковъ, 4 эскадроновъ кавалеріи, одной сотни казаковъ, при 4-хъ орудіяхъ, подъ общей командой г.-м. Гарпе, освободилъ Витебскъ отъ французовъ, причемъ въ изгнаніи непріятеля принимали дѣятельное участіе и жители города. У французовъ были отбиты два орудія, захвачено въ плѣнъ около 400 чел. и, кромѣ того, въ Витебскѣ были найдены заготовленные непріятелемъ запасы провіанта и фуража. Съ нашей стороны выбыло изъ строя 44 чел.

Велики были бѣдствія и разореніе, вызванныя нашествіемъ непріятеля, но путемъ тяжкихъ лишеній и самоотверженныхъ подвиговъ отстояли наши предки честь и независимость Россіи и избавили ее отъ ига грознаго завоевателя. Изъ роковой борьбы Россія вышла

побѣдительницей съ обновленными и такими силами, существованіе которыхъ ей самой до непріятельскаго нашествія не было извѣстно; что и дало возможность Императору Александру Благословенному продолжать дальнѣйшую борьбу въ 1813 и 1814 г.г., съ цѣлью положить предѣлъ самоуправству завоевателя, возстановить равновѣсіе державъ и святость законныхъ престоловъ въ Европѣ.

Цѣль народа очистить русскую землю была достигнута. Національное самолюбіе удовлетворено. Слава Наполеона померкла. Пройдутъ вѣка и всегда останется свѣжимъ воспоминаніе о великомъ 1812 годѣ, ознаменованномъ исполинскою борьбою Востока съ Западомъ и озаренномъ русскою неувядаемою славою.

Слава защитникамъ, павшимъ за родину
Въ грозной великой борьбѣ!
Слава героямъ, стяжавшимъ безсмертную
Вѣчную память себѣ!

* * *

Доблесть и подвиги ваши минувшіе
Дороги нашимъ сердцамъ.
Также, какъ мы, и потомки грядущіе
Пѣть будутъ гимны борцамъ.

Идея сооруженія въ Витебскѣ памятника поблестнымъ сынамъ родины, героямъ Отечественной войны—участникамъ сраженій на поляхъ Витебскихъ, происходившихъ 13, 14 и 15 іюля и 26 октября 1812 г., встрѣтивъ сочувственный откликъ и поддержку Державнаго Хозяина земли русской, нынѣ осуществилась. Съ радостнымъ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія отмѣчаемъ мы это знаменитое событіе въ жизни нашего города, свидѣтельствующее о любви къ родинѣ, считающейся первою добродѣтелью всякаго цивилизованнаго народа. Честь и слава всѣмъ лицамъ лицамъ, приложившимъ свой трудъ, оказавшимъ содѣйствіе и матеріально поддержавшимъ это благое начинаніе.

Пусть сооруженный въ Витебскѣ величественный гранитный монументъ, какъ наглядный символъ мощи Россіи, свидѣтельствуетъ нынѣшнему и будущимъ поколѣніямъ о доблести и подвигахъ защитниковъ земли Витебской. Пусть вызываетъ онъ благородный духъ соревнованія на полѣ чести и на полѣ мирнаго ревностнаго служенія къ вящшему преуспѣянію и процвѣтанію нашей великой родины.

Е. П. Николаевъ.

Hovianus Hrebnicky
Archi Eppus Polocen mpe

Чей прахъ покоится въ нишѣ полоцкаго Софійскаго собора?

(Докладъ въ Ученой Архивной Комиссіи).

Лѣтомъ текущаго года изъ Полоцка стали распространяться неясные слухи о томъ, что въ Софійскомъ соборѣ рабочими случайно открыты останки какого-то епископа; по однимъ слухамъ, это останки какого-то православнаго епископа; по другимъ,—останки епископа католическаго; говорили о какихъ-то телеграммахъ по этому поводу въ Петербургъ и пр. и пр. Слухи росли, создавались цѣлыя легенды. И вотъ, въ половинѣ іюня, Строительный комитетъ по ремонту Софійскаго собора обратился въ Витебскую Ученую Архивную Комиссію съ просьбой командировать одного изъ своихъ членовъ для осмотра „открытаго въ нишѣ этого собора гроба съ прахомъ духовнаго лица въ епископскомъ облаченіи". Комиссія поручила это мнѣ; но по болѣзни, я могъ отправиться въ Полоцкъ только 8 августа.

Въ виду вышесказанныхъ слуховъ, осмотръ былъ обставленъ разнаго рода формальностями. Былъ составленъ актъ слѣдующаго содержанія:

«12 сего іюня рабочими подрядчика по ремонту Софійскаго собора въ гор. Полоцкѣ, въ стѣнѣ, съ лѣвой стороны алтаря, обнаружена ниша, задѣланная кирпичной кладкой и штукатуркой, которая

отъ времени дала трещины. Рабочіе, вынувъ нѣсколько свободныхъ кирпичей, нашли въ этой нишѣ гробъ.

„8 сего августа, въ присутствіи депутата Витебской Ученой Архивной Комиссіи и почетнаго члена этой комиссіи А. П. Сапунова и нижеслѣдующихъ лицъ: членовъ той-же комиссіи: о. Михаила Дубровскаго, подполковника В. П. Викентьева, ст. сов. М. Х. Соколова; предсѣдателя и членовъ Строительнаго комитета по ремонту Софійскаго собора: Н. Г. Щербинскаго, о.о. Дмитрія Гнѣдовскаго, Ѳомы Антоневича, благочиннаго Петра Бѣляева и В. М. Арцышевича, а также городского головы Н. О. Лосковича и мѣстнаго полицеймейстера К. А. Тетерскаго,—приступлено было къ вскрытію этой ниши, при чемъ оказалось:

„Въ готовой нишѣ помѣщался гробъ, на высотѣ аршина отъ пола, на кирпичныхъ подставкахъ,—деревянный, обитый темно-коричневымъ бархатомъ, съ широкимъ, почти въ вершокъ, серебрянымъ позументомъ; сосновыя доски гроба почти совершенно истлѣли и, при попыткѣ вскрыть, отпадали кусками. Останки, находящіеся въ этомъ гробѣ, имѣютъ въ длину 2 арш. 10½ вершк., съ небольшой бородой; на головѣ митра темно-фіолетоваго цвѣта, украшенная камнями въ металлической оправѣ и со стоячимъ крестомъ; подъ митрой скуфейка чернаго цвѣта съ узорной вышивкой, съ прядью волосъ. Омофоръ шелковой парчи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны пуговицы и петли. Саккосъ великолѣпной парчи, совершенно сохранившій цвѣтъ; подкладка шелковая темно-фіолетоваго цвѣта, вполнѣ сохранившаяся; кайма омофора широкая, темно-фіолетоваго цвѣта съ вышитыми бѣлымъ шелкомъ цвѣтами. Шелковая сутана чернаго цвѣта съ красноватыми пуговицами, часто нашитыми сверху до низу, и съ сохранившимися петлями. На ногахъ сандаліи, состоящія только изъ одной подошвы съ шелковыми шнурками для завязки. Парчевая палица привязана шелковой коричневой лентой къ поясу. На рукахъ кожаныя темно-коричневыя перчатки, и на лѣвой рукѣ тонкое кольцо не спаянное; на груди, на толстомъ темномъ шнуркѣ, совершенно сохранившемся, серебряный вызолоченый крестъ съ десятью помѣщеніями внутри для реликвій, длиною въ 1¼ вершокъ, а шириною приблизительно въ 1 вершокъ. У правой руки оказался золотой пер-

стень съ камнемъ, на которомъ вырѣзанъ гербъ. На лицѣ воздухъ шелковый съ позументомъ вокругъ, на которомъ можно разобрать буквы „В N Ы". Всѣ вещи, кромѣ нѣкоторыхъ (кольцо, перстень, крестъ нагрудный и на митрѣ взяты для Витебской Ученой Архивной Комиссіи), положены обратно въ порядкѣ. Ниша на слѣдующій же день будетъ вновь заложена и оштукатурена".

(Подлинный за надлежащими подписями).

Никакихъ надписей нигдѣ найдено не было, и никто изъ присутствовавшихъ при осмотрѣ не могъ дать ни малѣйшаго указанія.

Возникалъ вопросъ: чей же это прахъ покоится въ нишѣ Софійскаго собора?

Благодаря перстню, о которомъ говорится въ „Актѣ", вопросъ этотъ разрѣшается съ несомнѣнною точностію. На сердоликовой печати перстня вырѣзанъ гербъ «Ostoja», точно такой же, какъ и на печати „Ставленной грамоты" 1747 г., снимокъ съ которой приложенъ къ I т. „Витебской Старины". Грамота эта начинается такъ: „Флоріанъ Гребницкій, Божіею и Престола Святого Апостольскаго Римскаго Благодатію, Архіепископъ Полоцкій, епископъ Витебскій, Мстиславскій, Оршанскій и Могилевскій, Трону Папѣскаго Ассыстентъ". На этой грамотѣ печать съ гербомъ «Ostoja» и собственная подпись „Флоріанъ, Архіепископъ Полоцкій рукою власною".

На перстневой печати, кромѣ герба „Ostoja" [1]), вырѣзаны латинскія буквы: F, H, A, P, т. е., очевидно, Florianus Hrebnicki Archiep. Polocensis.

Слѣдовательно, прахъ, покоящійся въ нишѣ Софійскаго собора, несомнѣнно, прахъ уніатскаго полоцкаго архіепископа Флоріана Гребницкаго.

Мнѣ извѣстны еще слѣдующія извѣстія, касающіяся занимающаго насъ вопроса.

Въ X т. «Археографическаго Сборника» помѣщенъ весьма инте-

---

[1]) По Herbarz Pol. K. Niesieckiego, wyd. pr. Bobrowicza, гербъ Гребницкихъ—„Nalewka biała" (кубокъ бѣлый); но, очевидно, это ошибка. Въ Энцикл. словарѣ Брокгауза гербъ Гребницкихъ—Ostoja. (Обнаженный мечъ, рукояткою, въ видѣ креста, вверху; съ одной стороны меча—первая четверть луны, съ другой—послѣдняя).

ресный «Дневникъ Софійскаго монастыря» [1]), обнимающій собою время съ 1745 по 1774 г. Въ „Дневникѣ“ этомъ записано: «18 іюля (1762 г.), въ 7-е воскресенье по Пятидесятницѣ, скончался Флоріанъ Гребницкій, митрополитъ всея Руси, архіепископъ полоцкій, владыка витебскій, родившійся въ 1684 г.; съ 1716 г. онъ былъ епископомъ, а съ 1748—митрополитомъ. Всегда преданный и благорасположенный къ религіи, онъ построилъ въ Полоцкѣ каменный храмъ и украсилъ его алтарями. 28-го іюля тѣло его перенесено изъ Струни [2]) (въ Полоцкъ), а 29-го положено въ часовнѣ, въ ожиданіи погребенія».

Но гдѣ именно онъ былъ погребенъ, въ „Дневникѣ“ не сказано.

Въ мѣстномъ Церковно-археологическомъ древлехранилищѣ хранится желѣзный, въ квадратный аршинъ, листъ, на которомъ золотыми буквами, на польскомъ языкѣ написано: „Въ этой гробницѣ (grobowcu) почиваютъ останки высокопреосвященнаго Флоріана Гребницкаго, архіепископа-митрополита всея Руси, ассистента папскаго престола, скончавшагося 15 іюня (sic) 1762 г., обычное погребеніе котораго восполнилъ высокопреосвященный Ираклій Одровонжъ-Лисовскій, архіепископъ полоцкій, игуменъ онуфрійскій, въ 1 д. февраля текущаго 1802 г., въ то время, когда настоятелемъ того (Софійскаго) монастыря былъ игуменъ и провинціалъ бѣлорусскаго ордена Св. Василія Великаго (т. е. базиліанскаго) высокопреподоб. кс. Самуилъ Новаковскій.

Не сохранилось свѣдѣній, кѣмъ и откуда именно доставлена была въ древлехранилище эта надпись.

Если бы надпись эта находилась тамъ, гдѣ она и должна быть, то не создалось бы столько нелѣпыхъ слуховъ; излишни были бы наши розысканія; не возникло бы и столько нареканій на людей, которые въ данномъ случаѣ руководились единственно историческою пытливостію...

Вышесказаннымъ я могъ бы считать задачу, предложенную мнѣ Витеб. Учен. Архивн. Ком., выполненною, по мѣрѣ моихъ силъ. Но

---

[1]) „Дневникъ“ писанъ частью по-польски, частью по-латыни.

[2]) Мѣстопребываніе полоцкихъ уніатскихъ архіепископовъ, въ 7 вер. отъ Полоцка.

личность архіеп. Флоріана Гребницкаго заслуживаетъ болѣе внимательнаго отношенія къ ней; а потому, не имѣя въ виду, представить полную біографію его, я считаю не лишнимъ присовокупить къ тому, что уже сказано, еще нѣсколько данныхъ изъ жизни этого незауряднаго бѣлорусса, игравшаго видную, но неблагодарную роль въ религіозныхъ судьбахъ роднаго края.

Флоріанъ (Флоръ) Гребницкій, родился въ 1684 г.; обучался онъ сначала въ русскомъ коллегіумѣ (in collegio Ruthenico) во Львовѣ, а затѣмъ въ виленскомъ университетѣ, гдѣ и получилъ степень доктора богословія; былъ учителемъ философіи въ Жировицахъ и офиціаломъ Базиліанскаго ордена, въ который вступилъ еще во Львовѣ. Въ 1716 г. онъ былъ уже епископомъ витебскимъ, а 1719 г.—архіеп. полоцкимъ; въ 1729—30 г.г. Гребницкій отправился въ Римъ, гдѣ папа Бенедиктъ XIII принялъ его съ почетомъ и наименовалъ «ассистентомъ папскаго престола». Тамъ же, въ Римѣ, онъ близко сошелся съ кардиналомъ Ламбертини, впослѣдствіи, съ 1740 г.,—папой Бенедиктомъ XIV.

Гребницкій, по справедливости, считается однимъ изъ самыхъ фанатичныхъ ревнителей уніи. Онъ, въ числѣ другихъ уніатскихъ епископовъ, присутствовалъ на извѣстномъ соборѣ въ Замостьѣ, въ 1720 г., и былъ тамъ весьма виднымъ дѣятелемъ. На этомъ соборѣ узаконено не только много католическихъ обычаевъ, вкравшихся въ разное время въ уніатскую церковь, но приняты были и нѣкоторые чисто католическіе догматы: напр., Символъ вѣры съ прибавкою «и отъ сына» (filioque), ученіе о чистилищѣ, о непогрѣшимости папъ; установлены праздники въ честь уніат. архіеп. Іосафата Кунцевича (убитаго въ Витебскѣ въ 1623 г.). Божьяго тѣла и др.; уничтожены многіе древніе восточные обряды: обливаніе заступило мѣсто погруженія младенцевъ при крещеніи; въ церквахъ сняты иконостасы; богослужебныя книги подверглись передѣлкѣ въ духѣ установленій Замойскаго собора.

Ко времени Замойскаго собора въ литовско-русскихъ областяхъ оставалась одна только православная епархія бѣлорусская. Этотъ единственный оплотъ православія, естественно, обращалъ на себя

все вниманіе уніатовъ, тѣмъ болѣе, что почти всѣ митрополиты уніатскіе, были избираемы изъ архіеп. полоцкихъ и обыкновенно удерживали за собою и эту епархію; по понятіямъ же уніатовъ, бѣлорусская православная епископія находилась въ предѣлахъ полоцкой уніатской архіепископіи.

Сдѣлавшись митрополитомъ, Гребницкій всѣ усилія свои направилъ на борьбу съ православною бѣлорусскою епархіею. Въ этомъ дѣятельно помогалъ ему папа Бенедиктъ XIV, одобряя этотъ «великій и славный подвигъ» его. Но несмотря на всѣ, подчасъ весьма некрасивыя происки, усилія его въ этомъ отношеніи особаго успѣха не имѣли: сильными защитниками православія въ Бѣлоруссіи явились русскіе государи, внимательно слѣдившіе за всѣмъ происходившимъ въ литовско-русскихъ областяхъ. Кромѣ того, въ это время, съ 23 мая 1755 г., во главѣ бѣлорусской епархіи стоялъ знаменитый дѣятель, архіеп. Георгій Конисскій.

Потерпѣвъ здѣсь неудачу, Гребницкій напрягъ всѣ усилія для проведенія въ жизнь установленій Замойскаго собора и въ этомъ отношеніи достигъ весьма важныхъ результатовъ.

Гребницкій первый, чего не рѣшался сдѣлать ни одинъ изъ его предшественниковъ,—замѣнилъ греческое одѣяніе духовенства одѣяніемъ латинскихъ ксендзовъ; кромѣ того, священникамъ приказано было сбрить бороды и остричь волосы на головѣ, и такимъ образомъ утрачено даже внѣшнее сходство ихъ съ православными пастырями.

Гребницкій самъ подавалъ примѣръ: носилъ сутану, подстригъ нѣсколько волосы на головѣ; но, изъ боязни народнаго ропота, не рѣшился сбрить совершенно свою бороду, а оставилъ небольшой клочекъ волосъ, какъ это видно на его портретахъ. Онъ же первый началъ посящать въ пресвитеры и діаконы холостыхъ ставленниковъ, и такимъ образомъ положилъ начало целибатству и между уніатскимъ духовенствомъ. Наконецъ, своимъ примѣромъ, онъ первый допустилъ латинскій обычай читанныхъ, или тайныхъ обѣденъ. Обычай этотъ введенъ былъ первонально въ базиліанскихъ монастыряхъ, т. к. большая часть этого ордена состояла изъ римско-католиковъ.

Базиліанскій орденъ былъ главнымъ орудіемъ латино-польской

пропаганды въ нашемъ краѣ; въ предѣлахъ Бѣлоруссіи и Литвы во времена Гребницкаго было 88 базиліанскихъ монастырей. Гребницкій весьма благоволилъ къ этому ордену; но особенно заботился онъ о базиліанскомъ монастырѣ при полоцкомъ Софійскомъ соборѣ. Для этого монастыря выстроилъ онъ въ 1750 г. на Верхнемъ замкѣ громадный каменный 3-этажный корпусъ, состоящій изъ трехъ соединенныхъ флигилей; кромѣ того, какъ уже было упомянуто, на мѣстѣ обветшавшаго храма св. Софіи, построилъ новый, готической архитектуры храмъ и освятилъ его въ 1750 г., въ день Сошествія св. Духа.

Не мало озабоченъ былъ Гребницкій и благосостояніемъ полоцкаго дѣвичьяго базиліанскаго монастыря, учрежденнаго еще Іосафатомъ Кунцевичемъ на Верхнемъ замкѣ при Софійскомъ же соборѣ.

Забота о благосостояніи базиліанскихъ монастырей привела Гребницкаго къ громкому и безконечному процессу съ полоцкими іезуитами.

Дѣло въ слѣдующимъ.

Громадныя имѣнія издревле были завѣщаны на вѣчныя времена полоцкими князьями и боярами Спасо-Евфросиніевскому и другимъ монастырямъ, которыхъ, кстати сказать, въ полов. XVI в. было въ Полоккѣ тринадцать.

Всѣ эти имѣнія король Стефанъ Баторій, послѣ взятія Полоцка въ 1579 г., отдалъ своимъ любимцамъ іезуитамъ. Гребницкій, на основаніи подлинныхъ, имѣвшихся у него документовъ, завелъ съ іезуитами дѣло о возвратѣ этихъ имѣній. Несмотря на происки іезуитовъ, Гребницкій успѣлъ выиграть это дѣло во всѣхъ судахъ и трибуналахъ. Но іезуиты апеллировали въ Римъ, и папа приказалъ обѣимъ тяжущимся сторонамъ „вѣчное молчаніе“ (perpetuum silentium).

Къ концу жизни Гребницкаго унія достигла своей кульминиціонной точки. Казалось, унія закрѣплена навѣки. Но это только казалось, а въ дѣйствительности, тотчасъ по смерти Гребницкаго унія стала клониться къ упадку.

Послѣ Гребницкаго идетъ рядъ полоцкихъ уніатскихъ архіепископовъ, которые сознавали ложное положеніе уніи, насквозь пропитанной католицизмомъ и полонизмомъ, и которые стали проникаться сознаніемъ необходимости сближенія съ древнимъ православіемъ.

Къ числу ревнителей этого великаго дѣла принадлежатъ архіепископы Ираклій Лисовскій и Іоаннъ Красовскій, своими дѣяніями подготовившіе мирное возвращеніе уніатовъ въ лоно православной церкви. Унія, по выраженію епископа полоцкаго и виленскаго [1]) Смарагда, «расползалась какъ ветхій и дырявый мѣхъ».

Наступилъ приснопамятный 1839 г., и „отторгнутые насиліемъ (1596 г.) возсоединены любовію“ [2]).

Перстневая печать архіеп. Флоріана Гребницкаго.
(Увеличено вдвое).

А. Сапуновъ.

---

[1]) 30 апрѣля 1833 г.—возстановлена православная Полоцкая епархія: епископы именовались полоцкими и виленскими, а съ 17 апрѣля 1840 г.—епископами полоцкими и витебскими.

[2]) Надпись на медали въ память возсоединенія уніатовъ съ православною церковью въ 1839 г.

Торжественное открытіе и освященіе памятника героямъ Отечественной войны въ г. Витебскѣ 6 декабря 1912 г.

26 октября 1911 г. Витебскъ первый открылъ торжественное празднованіе величественной столѣтней годовщины Отечественной войны закладкою гранитнаго обелиска въ память тѣхъ трехъ-четырехъ тысячъ незамѣтныхъ героевъ-воиновъ, которые сложили свои головы подъ Витебскомъ въ бояхъ 13, 14, 15 іюня и 26 октября 1812 г.

Нынѣ въ юбилейный годъ—6 декабря нашъ городъ былъ свидѣтелемъ еще болѣе радостнаго торжества—открытія и освященія сооруженнаго памятника, каковое событіе явилось для Витебска завершеніемъ юбилейныхъ торжествъ истекшаго года.

Это свѣтлое и радостное для русскаго сердца торжество началось еще наканунѣ, 5 декабря.

Въ этотъ день въ каѳедральномъ соборѣ отслужена была заупокойная литургія, а по окончаніи ея преосвященнымъ Никодимомъ, епископомъ Полоцкимъ и Витебскимъ, въ сослуженіи всего городского духовенства была торжественно совершена панихида о вѣчномъ упокоеніи Императора Александра I и всѣхъ воиновъ на полѣ брани въ 1812 г. за вѣру, царя и отечество животъ свой положившихъ. На панихидѣ присутствовала вся администрація г. Витебска во главѣ съ начальникомъ губерніи Камергеромъ Высочайшаго Двора д. с. с. М. В. Арцимовичемъ, а равно и прибывшія на торжество депутаціи.

Въ этотъ же день, въ 9 час. вечера, въ залѣ Алексѣевской женской гимназіи, состоялось многолюдное торжественное собраніе Витебской Ученой Архивной Комиссіи, посвященное событіямъ, разыгравшимся подъ Витебскомъ 13, 14, 15 іюля и 26 октября 1812 г.

На собраніи присутствовали: Начальникъ губерніи въ званіи Камергера Высочайшаго Двора, д. с. с. М. В. Арцимовичъ, командиръ 3-го армейскаго корпуса генералъ-адъютантъ фонъ-Ренненкампфъ, начальникъ 27 пѣхотной дивизіи ген.-лейтен. Флейшеръ, Губернскій предводитель дворянетва П. А. Ренгартенъ, Вице-Губернаторъ, въ званіи Камергера Высочайшаго Двора баронъ А. Ѳ. фонъ-Розенъ, командиръ Островскаго полка полковникъ П. Н. Махаевъ, командиръ обознаго баталіона полковникъ Г. С. Всеволожскій, членъ Государственной Думы В. А. Кадыгробовъ, депутація 3 Елисаветградскаго гусарскаго полка, во главѣ съ командиромъ полковникомъ Мартыновымъ, офицерство Витебскаго гарнизона въ полномъ составѣ, члены Ученой Архивной Комиссіи съ предсѣдателемъ К. И. Тихомировымъ и много приглашенныхъ гостей.

Послѣ открытія засѣданія непремѣннымъ попечителемъ Архивной Комиссіи М. В. Арцимовичемъ, членъ Совѣта Комиссіи Е. П. Николаевъ, много потрудившійся надъ изученіемъ эпохи 1812 года, сдѣлалъ обстоятельный докладъ о битвахъ, происходившихъ подъ Витебскомъ 13, 14, 15 іюля и 26 октября 1812 года [1]).

Свой интересный докладъ Е. П. Николаевъ закончилъ слѣдующими словами по отношенію къ торжеству открытія памятника:

„Пусть же сооруженный гранитный монументъ, какъ наглядный символъ мощи Россіи свидѣтельствуетъ нынѣшнему и грядущимъ поколѣніямъ о доблести и подвигахъ защитниковъ земли Витебской, перенесшихъ всѣ ужасы нашествія враговъ и отстоявшихъ цѣною своей крови честь и независимость родины“,

Собраніе наградило докладчика дружными аплодисментами.

Вторымъ докладчикомъ послѣ небольшого перерыва выступилъ протоіерей о. А. М. Матюшенскій, предложившій вниманію слушателей рефератъ приготовленнаго имъ къ печати труда: „Православное и уніатское духовенство Витебской губерніи въ войну 1812 года по архивнымъ даннымъ“.

Почтенный докладчикъ, на основаніи архивныхъ данныхъ, почерпнутыхъ имъ изъ архивовъ Св. Синода и Полоцкой духовной

---

[1]) Докладъ Е. П. Николаева печатается въ этой же книгѣ „Пол.-Вит. Стар.“.

Консисторіи, охарактеризовалъ доблестное служеніе православнаго и уніатскаго духовенства въ тяжелую годину 1812 года. Что дѣйствительно тяжела была та година для Полоцко-Витебскаго духовенства, свидѣтельствуетъ уже то обстоятельство, что 207 церквей Полоцкой епархіи подверглись разграбленію и разоренію мародеровъ. Между прочимъ церкви г. Витебска были обращены французами во время ихъ пребыванія въ городѣ подъ военныя надобности, напр., подъ конюшни, арсеналы и проч., такъ что духовенству поневолѣ пришлось оставить г. Витебскъ. Стоявшій въ то время во главѣ Полоцкой епархіи архіеп. Іоаннъ Крассовскій обратился съ особымъ воззваніемъ къ духовенству, призывая его на служеніе отечеству. И духовенство свято исполнило свой долгъ. Такъ, напр., Полоцкое духовенство оставалось совершать богослуженія и молитвы о побѣдахъ даже во время занятія г. Полоцка французами. Второй же священникъ Полоцкаго собора о. Кириллъ Дорошкевичъ захватилъ 300 французовъ и доставилъ ихъ военному начальству. За такую проявленную имъ храбрость о. Кириллъ получилъ одобрительный отзывъ.

Собраніе съ большимъ интересомъ выслушало докладъ о. А. М. Матюшенскаго [1]).

Послѣ этого къ собранію обратился съ рѣчью членъ Государственной Думы В. А. Кадыгробовъ, какъ предсѣдатель соединенной комиссіи по сооруженію въ г. Витебскѣ памятника Отечественной войны, вложившій въ это дѣло немало труда и энергіи. Онъ прежде всего познакомилъ собраніе съ исторіей возникновенія мысли о сооруженіи въ г. Витебскѣ монумента героямъ Отечественной войны.

Какъ извѣстно, иниціатива въ этомъ дѣлѣ всецѣло принадлежитъ нашей молодой Ученой Архивной Комиссіи и ея бывшему предсѣдателю В. А. Кадыгробову [2]).

---

[1]) Трудъ протоіерея о. А. М. Матюшенскаго будетъ напечатанъ въ слѣдующей книгѣ „Полоцко-Витеб. Старины“.

[2]) Вопросъ о сооруженіи въ г. Витебскѣ памятника Отечественной войны впервые былъ поднятъ еще въ 1836 г., когда по Высочайшему повелѣнію Импер. Николая I предположено было соорудить на территоріи Витебской губ. четыре монумента въ память этой войны: въ г.г. Полоцкѣ, Витебскѣ, при селеніи Клястицахъ и мѣст. Чашникахъ. Но Высочайшее повелѣніе, какъ извѣстно получило осуще-

Но мысль о сооруженіи памятника скоро нашла сочувственный откликъ во всѣхъ слояхъ. Первымъ фондомъ на сооруженіе памятника былъ сборъ съ лекціи капитана 164 Закатальскаго полка В. И. Глыбовскаго о военныхъ дѣйствіяхъ 1812 г. въ предѣлахъ Витебской губерніи, который выразился въ небольшой, правда, суммѣ 12 р. съ копейками. Это было милое начало большого дѣла.

Далѣе, фондъ успѣшно пополнялся сборами съ лекцій (напр. авіатора Піотровскаго), отъ устройства вечеровъ, концертовъ и спектаклей. Но особенно усиленный притокъ средствъ начался послѣ того, когда Архивная Комиссія въ лицѣ своего предсѣдателя В. А. Кадыгробова обратилась съ горячими призывами къ различнаго рода общественнымъ организаціямъ. Такъ, Витебское городское самоуправленіе ассигновало на это патріотическое дѣло свыше 7000 р., дворянство Витебской губерніи—2000 р., земство—5000 р., православное духовенство—1000 р., а равно пришли на помощь посильными пожертвованіями войска Витебскаго гарнизона и отдѣльные города и волости губерніи. Такимъ образомъ въ сооруженіи памятника приняло участіе все населеніе Витебской губерніи.

Но собранныхъ такимъ путемъ средствъ оказалось все же далеко недостаточно, такъ какъ проектированный архитекторомъ И. А. Фоминымъ памятникъ оцѣнивался не менѣе 30 тыс. руб.

Здѣсь на помощь соединенной комиссіи по устройству памятника, образованной изъ представителей Ученой Архивной Комиссіи, Городского Управленія, дворянства Витебской губ., губернскаго земства и войсковыхъ частей, расположенныхъ въ г. Витебскѣ, пришло на помощь правительство: благодаря энергичнымъ хлопотамъ предсѣдателя комиссіи В. А. Кадыгробова, и вновь назначеннаго тогда Витебскаго Губернатора почетнаго предсѣдателя строительной комис-

---

ствленіе только въ двухъ мѣстахъ: Полоцкѣ и Клястицахъ. Такимъ образомъ наша Ученая Архивная Комиссія въ дѣлѣ сооруженія въ Витебскѣ памятника явилась какъ-бы исполнителемъ воли Имп. Николая I.

(Подлинное дѣло о сооруженіи въ 1836 г. монументовъ въ Витебской губ. въ память 1812 г. хранится въ архивѣ нашей Комиссіи, оно было полностью напечатано въ 1 кн. „Полоцко-Витебской Старины“, а извлеченіе изъ этого дѣло помѣщено нами въ „Витебскомъ Вѣстникѣ“ № 2 отъ 3 іюля 1912 г.).

сіи, въ званіи Камергера Высочайшаго Двора д. с. с. В. И. Арцимовича, изъ средствъ казны было отпущено 18,600 р. Такимъ образомъ собранныхъ средствъ оказалось не только достаточнымъ, но еще оказался небольшой излишекъ, который пойдетъ на дополнительныя сооруженія вокругъ памятника.

Въ заключеніе В. А. Кадыгробовъ, указавъ на громадное значеніе открываемаго памятника, благодарилъ отъ имени Ученой Архивной Комиссіи всѣхъ лицъ и учрежденія, оказавшихъ и матеріальную и моральную поддержку этому дорогому начинанію.

Рѣчь В. А. была покрыта дружными апплодисментами присутствующихъ.

Затѣмъ Предсѣдатель Комиссіи К. И. Тихомировъ доложилъ собранію о поступившихъ пожертвованіяхъ въ музей Комиссіи, а именно: генералъ-майоръ М. Д. Загоскинъ принесъ въ даръ Комиссіи портретъ своего покойнаго дѣда извѣстнаго писателя М. Н. Загоскина, участника войны 1812 г., раненаго подъ Полоцкомъ 6 октября, и подполковникъ А. В. Григорьевъ пожертвовалъ подлинную жалованную грамоту Императрицы Елизаветы Петровны лейбъ - компанейцу Сѣченому. Собраніе, по предложенію К. И. Тихомирова, выразили жертвователямъ благодарность дружными апплодисментами.

Собраніе закончилось троекратнымъ исполненіемъ народнаго гимна оркестромъ военной музыки, каждый разъ покрываемымъ единодушнымъ „ура“ присутствующихъ.

Въ тотъ-же вечеръ въ городскомъ театрѣ, въ 8 ч. вечера, состоялось для народа чтеніе объ Отечественной войнѣ 1812 г. съ туманными картинами, проведенное учителями И. И. Бирилко и Е. С. Ивацикомъ. В перерывахъ между чтеніемъ хоръ воспитанниковъ Учительскаго Института прекрасно исполнилъ нѣсколько пьесъ патріотическаго содержанія.

Въ самый день торжественнаго открытія памятника, 6 декабря, городъ, по случаю высокоторжественнаго дня тезоименитства Государя Императора Николая Александровича убранный флагами и зеленью, принялъ особенно праздничный видъ.

Въ 10 час. утра въ каѳедральномъ соборѣ началась литургія,

которую совершалъ Преосвященный Никодимъ въ сослуженіи ректора Семинаріи архимандрита Ѳеофана и городского духовенства.

Во время литургіи настоятель каѳедральнаго собора протоіерей о. А. М. Матюшенскій сказалъ приличествующее случаю слово, въ которомъ выяснилъ глубокое значеніе настоящаго торжества.

Между тѣмъ на площадь къ собору начали стягиваться войска со знаменами и оркестрами музыки, учащіеся мѣстныхъ учебныхъ заведеній, крестные ходы отъ всѣхъ церквей города и отъ мѣстной старообрядческой общины.

Въ соборъ прибыли высшіе гражданскіе и военные чины города, депутаціи войсковыхъ частей, участвовавшихъ въ сраженіяхъ 1812 г., почетные гости, получившіе приглашенія на торжества открытія памятника и георгіевскіе кавалеры. Соборъ былъ переполненъ молящимися, среди нихъ были: Начальникъ губерніи Шталмейстеръ Двора Его Величества д. с. с. М. В. Арцимовичъ, Вице-Губернаторъ Камергеръ Двора Его Величества Баронъ фонъ А. Ѳ. Розенъ, Членъ Государ. Совѣта д. с. с. Я. Н. Офросимовъ, Губернскій Предводитель Дворянства д. с. с. П. А. Ренгартенъ, Предсѣдатель Витебскаго Окружнаго Суда т. с. В. О. Губертъ, Начальникъ Витебскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія генералъ-майоръ М. Д. Загоскинъ, прибывшій на торжества предсѣдатель комитета по сооруженію памятника и членъ Госуд. Думы В. А. Кадыгробовъ, предсѣдатель ученой архивной комиссіи К. И. Тихомировъ съ членами комиссіи, предсѣдатель губернской земской управы д. с. с. М. Л. Карташевъ, прокуроръ Витебскаго Окружнаго Суда С. М. Константиновичъ, городской голова В. Е. Литевскій и др.

Военное вѣдомство было представлено прибывшимъ на торжество открытія памятника ген.-адьют. генер. отъ кавалеріи фонъ-Ренненкампфомъ, начальникомъ 27 пѣхотной дивизіи ген.-лейт. Флейшеромъ, командиромъ 100 Островскаго полка полк. П. Н. Махаевымъ полк. Г. С. Всеволожскимъ и другими офицерскими чинами квартирующихъ въ городѣ войскъ. Кромѣ того въ соборъ прибыли депутаціи отъ 3-го Елисаветградскаго гусарскаго полка и 190 пѣхотнаго Волжскаго полка.

По окончаніи богослуженія въ 1 часъ дня, изъ собора двину-

лась торжественная процессія къ мѣсту освященія памятника. По всему пути слѣдованія крестнаго хода разставлены были шпалерами войска мѣстнаго гарнизона, а военный оркестръ игралъ гимнъ «Коль славенъ». Всѣ улицы по пути шествія были запружены народомъ.

По прибытіи процессіи къ памятнику, преосвященный Никодимъ, епископъ Полоцкій и Витебскій, отслужилъ торжественное молебствіе съ провозглашеніемъ царскаго многолѣтія и вѣчной памяти Императору Александру I и всѣмъ воинамъ на полѣ брани животъ свой положившимъ.

Во время пѣнія „Спаси Господи люди твоя“, памятникъ былъ освобожденъ отъ пелены, и Владыко Никодимъ окропилъ его святою водою. Минута была торжественная. Войсками и народомъ былъ трижды исполненъ гимнъ „Боже Царя храни“, покрытый могучимъ русскимъ „ура“.

Затѣмъ депутаціи начали возлагать у подножія памятника вѣнки. Витебское дворянство возложило серебрянную золоченную пальмовую вѣтвь, далѣе возложены вѣнки: отъ г. Витебска, крестьянскихъ учрежденій, Островскаго полка, обознаго батальона, Елисаветградскаго гусарскаго полка, Волжскаго пѣхотнаго полка, отъ городовъ Полоцка и Двинска, ученой архивной комиссіи, Витебскаго земства и пожарнаго общества.

Послѣ этого войска участвовавшія въ торжествѣ начали проходить церемоніальнымъ маршемъ предъ памятникомъ, при чемъ генералъ-адьютантъ Ренненкампфъ первый прошелъ и салютовалъ памятнику.

Въ парадѣ приняли также участіе вольно-пожарная дружина города, стражники въ пѣшемъ строю и потѣшные.

По окончаніи чина освященія и парада народъ долго еще толпился у памятника, разсматривая памятникъ и возложенныя вѣнки.

Памятникъ сооруженъ изъ финляндскаго гранита красно-бураго цвѣта и представляетъ собою колонну—обелискъ, увѣнчанную двуглавымъ орломъ временъ Императора Александра I. На лицевой стороны памятника надпись: „Безсмертной доблести героевъ — Отече-

ственной войны—участниковъ сраженія подъ г. Витебскомъ 13, 14 и 15 іюля и 26 октября 1812 года".

Памятникъ сооруженъ въ скверѣ противъ губернаторскаго дома, гдѣ въ 1812 году императоромъ Наполеономъ расчищена была обширная площадь для смотра французскихъ войскъ.

Въ 3 ч. дня, въ залѣ гражданскаго клуба, состоялся обѣдъ, на которомъ присутствовали представители мѣстнаго общества и почетные гости.

Отъ имени населенія Витебской губерніи и собравшихся представителей власти Государю Императору была послана телеграмма съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ, слѣдующаго содержанія:

„Сто лѣтъ тому назадъ Благословенный Августѣйшій Прадѣдъ Вашего Императорскаго Величества своимъ вдохновеннымъ могучимъ призывомъ всколыхнулъ всю Русь святую и вмѣстѣ со своимъ великимъ народомъ не только побѣдилъ величайшаго полководца міра и съ нимъ двадесять языковъ, но и даровалъ миръ всей Европѣ.

Увѣковѣчивъ нынѣ въ назиданіе потомкамъ безсмертную доблесть героевъ Отечественной войны, участниковъ сраженій, происходившихъ подъ Витебскомъ въ Іюлѣ и Октябрѣ 1812 года, сооруженіемъ въ г. Витебскѣ памятника—обелиска и торжественно освятивъ его сегодня въ высокорадостный день Тезоименитства Вашего Императорскаго Величества, населеніе города Витебска и Витебской губерніи, войска Витебскаго гарнизона и представители частей войскъ, потомковъ участниковъ боевъ подъ Витебскомъ, вознеся къ Престолу Всевышняго горячія мольбы о здравіи и благоденствіи Вашего Величества, повергаютъ къ стопамъ Вашимъ, Возлюбленный Монархъ, одушевляющія ихъ чувства вѣрноподданнической любви, непоколебимой преданности и беззавѣтной готовности, подобно доблестнымъ предкамъ, ринуться на врага по первому слову своего Самодержца".

Подписали: Витебскій Губернаторъ Двора Вашего Императорскаго Величества Шталмейстеръ М. В. Арцимовичъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи Ренненкампфъ.

Въ отвѣтъ на эту телеграмму 7-го декабря получилась отъ Государя Императора телеграмма слѣдующаго содержанія:

«Передайте населенію Витебска и губерніи Мою благодарность за выраженныя Мнѣ вѣрноподданническія чувства и молитвы.

НИКОЛАЙ».

Вечеромъ, въ домѣ Начальника Губерніи, состоялся для приглашенныхъ гостей раутъ, а въ 11 часовъ того-же вечера балъ, устроенный въ гражданскомъ клубѣ 100 Островскимъ полкомъ. Для народа же, принявшаго горячее участіе въ торжествѣ, днемъ и вечеромъ въ городскомъ театрѣ были даны безплатные спектакли, при чемъ была поставлена пьеса Смолодовскаго: «Въ годъ славы» (Отечественная война), а въ кинематографахъ безплатные сеансы картинъ изъ эпохи 1812 года.

Вечеромъ, зданіе Губернаторскаго дома, городской думы и памятникъ были красиво иллюминованы, а въ 9 час. былъ сожженъ блестящій фейерверкъ.

Празднично настроенныя толпы народа гуляли по улицамъ до поздней ночи.

С. Сахаровъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА